РОДРИК БРЕЙТВЕЙТ
ДЖЕК МЭТЛОК
СТРОУБ ТЭЛБОТТ

ГОРБИ

КРАХ СОВЕТСКОЙ ИМПЕРИИ

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Двое из авторов этой книги работали в Советском Союзе в период горбачевской «перестройки»: Родрик Брейтвейт был послом Великобритании в СССР, Джек Мэтлок – послом США. Они хорошо знали Михаила Горбачева, много раз встречались с ним, а кроме того, знали его соратников и врагов. Третий из авторов, Строуб Тэлботт, был советником и заместителем Государственного секретаря США, имел влияние на внешнюю политику Соединенных Штатов, в том числе в отношении СССР. В своих воспоминаниях они пишут о том, как Горбачев проводил «перестройку», о его переговорах и секретных договоренностях с Р. Рейганом и Дж. Бушем, с М. Тэтчер. Помимо этого, подробно рассказывается о таких видных фигурах эпохи перестройки, как Б. Ельцин, А. Яковлев, Э. Шеварднадзе, Ю. Афанасьев; о В. Крючкове, Д. Язове, Е. Лигачеве; о ГКЧП и его провале; о «демократической революции» и развале СССР. В формате PDF A4 сохранен издательский макет книги.

- Родрик Брейтвейт, Джек Мэтлок, Строуб Тэлботт
  - ○
  - ○ Вместо предисловия
  - ○ С. Тэлботт
    - ■ Приход Горбачева к власти
    - ■ Переговоры Киссинджера в Москве
    - ■ Реформы в Восточной Европе
    - ■ Ельцин в Вашингтоне
    - ■ Визит Шеварднадзе в США
    - ■ Берлинская стена рушится…
    - ■ Переговоры Буша и Горбачева на Мальте
    - ■ Литва объявляет о независимости
    - ■ Переговоры Горбачева и Буша в Вашингтоне
    - ■ Отставка Шеварднадзе
    - ■ События в Вильнюсе. Демарш послов
    - ■ Александр Бессмертных в Вашингтоне
    - ■ Горбачев или Ельцин?
    - ■ События нарастают…
    - ■ Визит Буша в Москву и Киев
    - ■ Августовский путч
    - ■ Советский Союз перестал существовать
  - ○ Дж. Мэтлок
    - ■ Дряхлеющее руководство СССР
    - ■ Новый вождь

- Состав команды
- «Справа» «налево»
- Команда распадается
- «Правые» делают выпад
- Парламент нового типа
- Оппозиционная партия в зародыше
- Прибалты выходят вперед
- Гласность торжествует
- Российские выборы
- Суверенная Россия
- Горбачев в осаде
- Шеварднадзе бьет в набат
- Уловка с «внешним подстрекателем»
- Нелепое назначение
- Оппозиция заостряет критику
- Бумеранг референдума
- Ельцин на подъеме
- Ельцин избран президентом
- Предупреждение о путче
- Провалившийся переворот
- Двойная игра Горбачева
- Россия занимает главное место
- Союз независимых государств?
- Беловежское соглашение
- Было ли это законно?
- Будущее Горбачева

○ Р. Брейтвейт
- Госпожа Тэтчер и Россия
- Горбачев
- Реформы Горбачева
- Возрождение русской церкви
- Наша маленькая победа
- Консерваторы и реформаторы
- Ельцин
- Демократы. Сахаров, Собчак и другие
- Референдум о сохранении Советского Союза
- Массовые демонстрации протеста
- Пуго, Янаев, Павлов
- «Штурмовые сигналы»
- Дневник путча
- Последние усилия горбачева
- Ликвидация КГБ
- Финал Горбачева
- Вместо послесловия

- Приложение
  - Послание имама Хомейни М. С. Горбачеву
  - Саддам Хусейн о Горбачеве
  - Письмо Муаммара Каддафи в поддержку ГКЧП

Родрик Брейтвейт, Джек Мэтлок, Строуб Тэлботт
Горби. Крах советской империи

© Перевод с английского Т. Кудрявцевой, Н. Изосимовой, В. Исакович, В. Мисюченко, М. Немцова, 2021
© ООО «Издательство Родина», 2021

Вместо предисловия

ИЗ ДОКЛАДА МАРГАРЕТ ТЭТЧЕР О РАЗВАЛЕ СССР
(США, Хьюстон, ноябрь 1991 г.)

В ноябре 1991 года состоялась поездка советских специалистов по нефтепереработке и нефтехимии в США, в Хьюстон (Техас). Центральным было участие в заседании Американского Нефтяного Института (АПИ). На заседание АПИ была приглашена в качестве почетного гостя Маргарет Тэтчер, – химик по образованию, – которая к ноябрю 1991 года уже была экс-премьером Англии.

М. Тэтчер произнесла политическую речь, которую можно было бы озаглавить «Как мы разрушали Советский Союз». До официальной ликвидации Советского Союза в результате Беловежского соглашения оставалось меньше месяца…

«Советский Союз – это страна, представлявшая серьезную угрозу для западного мира. Я говорю не о военной угрозе. Ее, в сущности, не было. Наши страны достаточно хорошо вооружены, в том числе ядерным оружием.

Я имею в виду угрозу экономическую. Благодаря плановой политике и своеобразному сочетанию моральных и материальных стимулов Советскому Союзу удалось достигнуть высоких экономических показателей. Процент прироста валового национального продукта у него был примерно в два раза выше, чем в наших странах. Если при этом учесть огромные природные ресурсы СССР, то при рациональном ведении хозяйства у Советского Союза были вполне реальные возможности вытеснить нас с мировых рынков.

Поэтому мы всегда предпринимали действия, направленные на ослабление экономики Советского Союза и создание у него внутренних трудностей.

Основным было навязывание гонки вооружений. Мы знали, что советское правительство придерживалось доктрины равенства вооружений СССР и его оппонентов по НАТО. В результате этого СССР тратил на вооружение около 15 % бюджета, в то время как наши страны – около 5 %. Безусловно, это негативно сказывалось на экономике Советского Союза. Советскому Союзу приходилось экономить на вложениях в сферу производства так называемых товаров народного потребления.

Мы рассчитывали вызвать в СССР массовое недовольство населения. Одним из наших приемов была якобы «утечка» информации о количестве вооружения у нас гораздо большем, чем в действительности, с целью вызвать дополнительные вложения СССР в эту экономически невыгодную сферу.

Важное место в нашей политике занимал учет несовершенства конституции СССР. Формально она допускала немедленный выход из СССР любой пожелавшей этого союзной республики (причем, практически путем решения простым большинством ее Верховного Совета). Правда, реализация этого права была в то время практически невозможна из-за цементирующей роли компартии и силовых структур. И все-таки в этой конституционной особенности были потенциальные возможности для нашей политики.

К сожалению, несмотря на наши усилия, политическая обстановка в СССР долгое время оставалась весьма стабильной. Серьезное место в формировании нашей политики (в основном, политики США) занимал вопрос о создании системы противоракетной защиты (СОИ). Должна признаться, что большинство экспертов было против создания СОИ, т. к. считали, что эта система будет чрезвычайно дорогой и недостаточно надежной, а именно щит СОИ может быть пробит при дополнительном вложении Советским Союзом гораздо меньших (в 5 – 10 раз) средств в «наступательные» вооружения.

Тем не менее, решение о развитии СОИ было принято в надежде, что СССР займется созданием аналогичной дорогостоящей системы. К нашему большому сожалению, советское правительство такого решения не приняло, а ограничилось политическими декларациями протеста.

Сложилась весьма трудная для нас ситуация. Однако вскоре поступила информация о ближайшей смерти советского лидера и возможности прихода к власти с нашей помощью человека, благодаря которому мы сможем реализовать наши намерения. Это была оценка моих экспертов (а я всегда формировала очень квалифицированную группу экспертов по Советскому Союзу и по мере необходимости способствовала дополнительной эмиграции из СССР нужных специалистов).

Этим человеком был М. Горбачев, который характеризовался экспертами, как человек неосторожный, внушаемый и весьма честолюбивый.

Определенные усилия были направлены на создание «Народного фронта»; они не потребовали больших средств: в основном это были расходы на множительную технику и финансовую поддержку функционеров…

Большие споры среди экспертов вызвал вопрос о выдвижении Б. Ельцина в качестве лидера «Народного фронта» с перспективой последующего избрания его в Верховный Совет Российской республики и далее руководителем Российской республики (в противовес лидеру СССР М. Горбачеву). Большинство экспертов

были против кандидатуры Б. Ельцина, учитывая его прошлое и особенности личности.

Однако состоялись соответствующие контакты и договоренности, и решение о «проталкивании» Б. Ельцина было принято. С большим трудом Ельцин был избран Председателем Верховного Совета России, и сразу же была принята декларация о суверенитете России. Вопрос от кого, если Советский Союз был в свое время сформирован вокруг России? Это было действительно началом распада СССР.

Б. Ельцину была оказана существенная помощь и во время недавних событий августа 1991 года, когда руководящая верхушка СССР, блокировав Горбачева, попыталась восстановить систему, обеспечивающую целостность СССР. Сторонники Ельцина удержались, причем он обрел значительную (хотя и не полную) реальную власть над силовыми структурами.

Все союзные республики, воспользовавшись ситуацией, объявили о своем суверенитете (правда, многие сделали это в своеобразной форме, не исключавшей их членства в Союзе).

Таким образом, сейчас де-факто произошел распад Советского Союза, однако де-юре Советский Союз существует. Я уверяю вас, что в течение ближайшего месяца вы услышите о юридическом оформлении распада Советского Союза…»

По материалам С.Ю. Павлова

ИЗ ВЫСТУПЛЕНИЯ БИЛЛА КЛИНТОНА НА ЗАКРЫТОМ СОВЕЩАНИИ ОБЪЕДИНЕННОГО КОМИТЕТА НАЧАЛЬНИКОВ ШТАБОВ

(25 октября 1995 г.)

…Последние 10 лет политика в отношении СССР и его союзников убедительно доказала правильность курса на устранение одной из сильнейших держав мира, а также сильнейшего военного блока. Используя промахи советской дипломатии, чрезвычайную самонадеянность Горбачева и его окружения, в том числе и тех, кто занял откровенно проамериканскую позицию, мы добились того, что собирался сделать президент Трумэн с Советским Союзом посредством атомной бомбы.

Правда, с одним существенным отличием – мы получили сырьевой придаток, не разрушенное атомом государство, которое было бы нелегко создавать.

Да, мы затратили на это многие миллиарды долларов, но они уже сейчас близки к тому, что у русских называется самоокупаемостью. За четыре года мы и наши союзники получили различного стратегического сырья на 15 млрд. долларов, сотни

тонн золота, драгоценных камней и т. д.

Под несуществующие проекты нам переданы за ничтожно малые суммы свыше 20 тыс. тонн меди, почти 50 тыс. тонн алюминия, 2 тыс. тонн цезия, бериллия, стронция и т. д.

В годы так называемой перестройки в СССР многие наши военные и бизнесмены не верили в успех предстоящих операций. И напрасно. Расшатав идеологические основы СССР, мы сумели бескровно вывести из войны за мировое господство государство, составляющее основную конкуренцию Америке…

Из архива В.И. Илюхина

С. Тэлботт

США и «перестройка». Взгляд из государственного департамента

(из книги С. Тэлботта, М. Бешлосса «На самом высоком уровне. Закулисная история окончания «холодной войны»)

Приход Горбачева к власти

…Когда в марте 1985 года умер Константин Черненко, по пути в Москву вице-президент Буш узнал, что новым руководителем будет Горбачев. Роберт Блэкуэлл, встретивший вице-президента в Москве, напомнил, что ЦРУ многие месяцы предсказывало приход Горбачева к власти: Горбачев ведь уже был вторым человеком в советской коммунистической партии; начальником его был Андропов.

Американцы, сопровождавшие Буша, шутили, что они теперь уже досконально знают церемонию похорон: сначала надо пройти перед гробом, затем будет военный парад на Красной площади, затем прием в Георгиевском зале и, наконец, ужин со спагетти в Спасо-хаус, приготовленный превосходным итальянским поваром.

Вице-президент и Блэкуэлл были потрясены тем, что москвичи, казалось, с радостью избавлялись от своих «немощных старцев». Они видели, как всего через полчаса после похоронной процессии рабочие срывали портреты Черненко и бросали их. Буш заметил, что их хозяева, похоже, едва могли дождаться захоронения старика, чтобы скорее вручить судьбу своей страны новому, пятидесятичетырехлетнему лидеру.

Горбачев принял Буша и госсекретаря Шульца в Екатерининском зале. В своем сорокапятиминутном монологе он сказал, что Советский Союз не заинтересован в конфронтации с Соединенными Штатами. Он выразил надежду, что Вашингтон будет вести с Советским Союзом серьезные переговоры в Женеве по поводу ядерных вооружений. После этой встречи Блэкуэлл предсказал Бушу, что Горбачев будет действовать быстро. На это указывала, в частности, его самоуверенность, а кроме того, военные стали реже, чем прежде, появляться на советском телевидении. Вице-президент согласился, что они имеют тут дело с «чем-то другим». В противоположность Брежневу, Андропову и Черненко Горбачев – «очень обходителен»…

В октябре 1986 года Рейган встретился с Горбачевым в Рейкьявике, где советский лидер, к всеобщему удивлению, внес предложение о существенном сокращении атомных арсеналов обеими странами. В декабре 1987 года Горбачев прибыл с визитом в Вашингтон, где они с Рейганом подписали договор о ликвидации ядерных ракет среднего радиуса действия. В один из трех дней, в течение которых проходила встреча в верхах, Буш прибыл в советское посольство на Шестнадцатой улице – на завтрак с блинами и икрой. На завтрак Буша сопровождали его сторонники по предстоящей кампании по выборам президента, в

том числе Джон Сунуну, боевой, крайне антисоветски настроенный губернатор Нью-Гемпшира, регулярно отмечавший День венгерских борцов за свободу и День освобождения Литвы – в 1987 году отмечать это еще было чудаковатым донкихотством. Стремясь избежать полемики, Сунуну восхвалял перед Горбачевым научные достижения американцев и русских.

После встречи Горбачев предложил Бушу подвезти его в Белый дом на своем лимузине.

«Располагайтесь в моем танке!» – сказал он, когда они сели. Тогда вице-президент сказал: «Как жаль, что вы не можете остановиться и зайти в один из магазинов, – я думаю, американский народ тепло встретил бы вас».

Они только проехали мимо толпы на углу Коннектикут-авеню, как Горбачев сказал шоферу: «Останови машину». Он вышел из лимузина и воскликнул по-русски: «Я хочу поприветствовать вас!» В толпе многие от изумления раскрыли рот, а Горбачев стал пожимать людям руки. Тут и Буш вышел из машины, чтобы сняться с ним, но камеры – да и толпа – были нацелены только на Горбачева.

Они поехали дальше, к Белому дому, и Буш, явно находясь под впечатлением от общения гостя с народом, спросил: «Вы часто этим занимаетесь?» Горбачев ответил: «Я поступаю так в Москве и поступаю так всякий раз, как выезжаю на периферию… Руководители не должны отрываться от народа».

Во время посещения Рейганом Москвы в июне 1988 года произошел знаменитый случай, когда Горбачев на Красной площади взял на руки маленького мальчика и велел ему «поздороваться за руку с дедушкой Рейганом». Один из журналистов спросил потом Рейгана, считает ли он Советский Союз по-прежнему «империей зла». Президент ответил: «Нет, я имел в виду другое время, другую эпоху».

* * *

В декабре 1988 года, после выборов, Рейган в последний раз встретился с Горбачевым в качестве президента за завтраком на станции береговой охраны США на Губернаторском острове, в гавани Нью-Йорка. Буш согласился присутствовать, но на вторых ролях.

Утром Горбачев выступил в ООН со своей важнейшей речью. Он заявил, что «применение силы или угроза ее применения» не может больше быть «инструментом внешней политики». Он объявил о своем намерении сделать военную доктрину СССР

чисто оборонительной и убрать из Восточной Европы полмиллиона советских солдат, а также большое количество танков, артиллерии и военных самолетов.

Перед завтраком репортеры попросили Рейгана высказаться по поводу инициативы Горбачева, и Рейган сказал: «От души одобряю». Буш продолжал держаться той же линии, что и предшествующие восемь лет, только на сей раз с оттенком высокомерной иронии. «Я поддерживаю то, что сказал президент», – заявил он. А Горбачев, стремясь добиться расположения только что избранного президента, с широкой улыбкой заметил: «Это один из лучших ответов, какие я слышал в этом году!»

В ответ на замечание Рейгана, что, по данным последнего опроса, 85 процентов американцев поддерживают новый характер отношений, установившихся с Москвой, Горбачев вновь обратился к Бушу и сказал: «Мне приятно это слышать.

Игру эту следует назвать «Продолжение следует». В ходе беседы вице-президент вдруг не выдержал: «Какие вы можете дать мне заверения, что перестройка и гласность будут успешны, чтобы я мог сообщить об этом американским бизнесменам, желающим вложить средства в Советском Союзе?»

Горбачев гневно посмотрел на него и отрезал: «Вы достаточно скоро убедитесь, что я ничего не делаю напоказ, и если что-то делаю, то не с целью подорвать ваши позиции, поразить вас или использовать.

Я занимаюсь реальной политикой. Я так поступаю, потому что это необходимо. Я так поступаю, потому что в моей стране происходит революция. И я ее начал. И все аплодировали мне, когда я ее начал в 1986 году, а теперь не всем это так уж нравится. Тем не менее революция произойдет…».

Переговоры Киссинджера в Москве

В воскресенье, 18 декабря 1988 года, Генри Киссинджер вошел в Малый кабинет вице-президента в Западном крыле для спокойного разговора с избранным президентом Бушем, Бейкером и Скоукрофтом. Киссинджер сказал Бушу, что он может стать «первым президентом, обладающим реальной возможностью положить конец «холодной войне».

– Почему бы нам исподволь не начать переговоры о сделке? – предложил Киссинджер. – Пусть Горбачев пообещает не использовать силу для подавления реформ и либерализации в Восточной Европе, а Запад в обмен пообещает не использовать экономические и политические перемены, которые там произойдут, в ущерб интересам безопасности Советского Союза.

Например, – сказал Киссинджер, – Запад может взять на себя обязательство не использовать Восточную Европу в качестве базы для ведения тайных разведывательных операций против Советского Союза. Он может заявить, что отказывается от дальнейших попыток выманить восточноевропейские страны из Варшавского пакта. А Горбачев, не имея возможности применить военную силу, вероятнее всего даст Восточной Европе возможность глотнуть политической свободы, что ей необходимо для воссоединения с Западом.

Предложение было классически киссинджеровское: с помощью тайной дипломатии на высоком уровне достичь договоренности, основанной на равновесии сил. Киссинджер дал понять, что не возражает отправиться с такой миссией к Горбачеву – это позволило бы ему вновь очутиться в центре американо-советских отношений, особенно при том, что Скоукрофт, его давний друг и протеже при администрации Никсона и Форда, сидит в Совете национальной безопасности, а в Госдепартаменте внешней политикой занимается неофит Бейкер.

Буша заинтересовала идея Киссинджера, и он поручил ему отвезти в Москву письмо Горбачеву за своей подписью. Бывший госсекретарь был в восторге. В январе, за неделю до вступления президента в должность, Киссинджер вылетел в советскую столицу.

* * *

В среду, 18 января, Горбачев пригласил Киссинджера в свой парадный кабинет в Кремле. С советской стороны присутствовали

лишь переводчик и Анатолий Добрынин, бывший в течение двадцати трех лет послом в США и тесно сотрудничавший с Киссинджером, когда оба находились на командных постах в Вашингтоне. Теперь Добрынин был советником Горбачева.

Киссинджер вручил Горбачеву письмо от Буша, в котором тот заверял Горбачева, что прогресс в советско-американских отношениях, начатый при Рейгане, будет продолжаться… но не сразу. Избранный президент писал, что он надеется, Горбачев поймет: новой администрации необходимо какое-то время, чтобы разобраться в советско-американских отношениях, все взвесить и рассмотреть варианты направления политики.

Киссинджер изложил свое предложение достичь договоренности по Восточной Европе. Заинтересована ли советская сторона в таком соглашении? Горбачев пригнулся к столу и, приподняв бровь, слегка усмехнулся. «Я просматриваю за этим вопросом другой вопрос», – сказал он. Он-де подозревал, что Буш через Киссинджера пытается заставить его открыть, в какой мере он намерен отказаться от советского контроля в Восточной Европе.

Киссинджер ответил, что у него «нет никакой тайной повестки дня», это его собственная идея, правда, она заинтересовала избранного президента, и он разрешил Киссинджеру попытаться выяснить реакцию Горбачева. Получив такое заверение, Горбачев сказал, что эту идею, пожалуй, стоит рассмотреть и, если потребуется обратная связь, Киссинджеру следует иметь дело с его старым другом Добрыниным. Киссинджер преисполнился надежды, что его план может сработать.

После ухода Киссинджера Горбачев перечитал письмо Буша. Пришел Анатолий Черняев, главный помощник Горбачева по иностранным делам, старый партийный аппаратчик, работавший главным образом в международном отделе ЦК; Горбачев знал его с пятидесятых годов. Черняев был из тех чиновников, кто не высовывается. Он никогда не отличался выступлениями в защиту реформ, хотя люди, знавшие его еще во времена Хрущева, помнят, что он высказывал в частных беседах довольно либеральные взгляды и дружил с некоторыми политическими диссидентами.

Черняев сказал, что в письме Буша есть «определенное противоречие»: Буш обещает следовать курсу Рейгана, однако намекает, что может внести изменения в американскую политику. Тем не менее Горбачев был весьма доволен тем, что Буш, не теряя времени, связался с ним: какой еще только что избранный американский президент писал советскому лидеру прежде, чем в

его распоряжении появилась бумага со штампом Белого дома? И Горбачев написал ответ Бушу, предлагая работать вместе ради «мира во всем мире».

* * *

В конце января 1989 года Буш, беседуя со Скоукрофтом в Овальном кабинете, сказал, что ему хотелось бы получить ответ на вопрос о том, «каким должен быть мир в будущем столетии и что мы должны сделать, чтобы этого достичь. Я хочу совершить что-то важное, но продвигаться я хочу осторожно. Я не хочу делать глупости». Он выразил желание «посидеть с нашими лучшими экспертами по Советскому Союзу и послушать, что они думают, – выяснить их мнение о Горбачеве».

Скоукрофт поручил устроить такой семинар своему тридцатичетырехлетнему эксперту по Советскому Союзу Кондолизе Райс, профессору-политологу из Стэнфорда. Она родилась в Бирмингеме, штат Алабама, известном своей сегрегацией, и училась вместе с одной из четырех девочек, погибших при взрыве бомбы в церкви для черных в 1963 году. Ребенком Кондолиза ездила со своими родителями в Вашингтон и помнит, как их не пускали во многие мотели и рестораны по пути. В Вашингтоне отец сфотографировал ее на фоне Белого дома. И она сказала: «Когда-нибудь я там буду».

Вначале Райс хотела стать концертирующей пианисткой, но потом поступила в университет Денвера, переключилась на политические науки и получила докторскую степень, написав диссертацию о вооруженных силах Чехословакии; затем стала специализироваться по секретной деятельности Генерального штаба Советского Союза. Выступая с лекциями в Советском Союзе, она поражала слушателей своей осведомленностью: эта черная американка рассказывала русским об их собственном военном командовании то, чего они не знали сами, – причем на превосходном русском языке.

Итак, Райс составила список ученых – экспертов по советским делам и наметила семинар на март. В пятницу, 10 февраля, Буш прилетел в Кеннебанкпорт, штат Мэн, из Оттавы после своего первого визита за границу в качестве президента и, решив не откладывать семинар надолго, попросил Скоукрофта назначить его на конец недели.

В воскресенье, 12 февраля, Буш в бейсбольном кепи, свитере, поношенных бумажных брюках и туфлях для бега провел шестерых специалистов по Советскому Союзу в свою спальню –

одну из немногих комнат в доме, которая отапливалась зимой. Помимо Райс, здесь были Адам Улам из Гарварда, Маршалл Голдмен из Уэлсли и Центра русских исследований Гарварда, Стивен Мейер из Массачусетского технологического института, Роберт Пфальцграфф из университета Тафта и Эд Хьюэтт, работавший тогда в институте Брукингса. Поскольку большинство ученых преподавали в университетах, расположенных в Кембридже, штат Массачусетс, и вокруг него, им нетрудно было быстро приехать в Мэн.

Эксперты согласились, что Горбачев взялся за проведение коренных реформ; он начал процесс более значительный, чем он сам, – такой процесс, который сторонникам жесткой линии трудно будет повернуть вспять. Критикуя культ личности Сталина, он создал свой собственный «культ власти», сделав себя олицетворением перестройки, и теперь, пользуясь той силой, какую дает ему этот культ, он урезает власть партии и московского аппарата. Райс сказала: «Любому, кто придет на смену Горбачеву, трудно будет спрятать джинна назад в бутылку».

«Никогда не говорите «никогда»!» – с легкой усмешкой посоветовал Скоукрофт. Ученые согласились с тем, что перестройка может дать рикошет – государственный переворот, осуществленный против Горбачева сторонниками жесткой линии в партии, армии и КГБ. Вполне может оказаться, что советская система не поддастся реформации.

Райс сказала, что экономические эксперименты и прочие формы независимости, которые Горбачев поощряет в Восточной Европе, могут подогреть антикоммунистические и антисоветские настроения до такой степени, что страны-сателлиты выйдут из-под его контроля.

Буш спросил, могут ли Советы в какой-то момент использовать войска для утверждения своего контроля в Восточной Европе. Несколько экспертов ответили, что в плане политическом Горбачеву придется тогда заплатить «астрономическую» цену. Голдмен сказал, что, даже если не произойдет полного раскола, но перемены в Восточной Европе произойдут слишком быстро, это может «отозваться» в Советском Союзе. Советские республики могут потребовать либерализации и автономии.

А могут ли Соединенные Штаты использовать свои рычаги, чтобы добиться уступок по правам человека, спросил президент? Голдмен и Хьюэтт предупредили против каких-либо явных попыток эксплуатировать слабость Советского Союза: это может явиться подарком сторонникам жесткой линии в СССР.

Они привели в качестве примера поправку Джексона – Вэника. Эта мера, принятая конгрессом в середине семидесятых годов и все еще действующая, ставит предоставление СССР в экономике режима «наибольшего благоприятствования» в зависимость от ослабления Кремлем ограничений на эмиграцию советских евреев. Разъярившись на этот «шантаж» со стороны США, Леонид Брежнев в ответ резко сократил выезд евреев.

Хьюэтт заявил, что, поскольку советские евреи снова выезжают сейчас в больших количествах, Соединенные Штаты должны вознаградить Советский Союз за это движение в направлении реформ, прекратив действие поправки Джексона – Вэника. И добавил: «Мы не должны привязывать нашу политику к Горбачеву-человеку. Это может разжечь надежды общественности на Западе, и, если у Горбачева произойдет остановка сердца, США окажутся в сложном положении». Скоукрофт согласился с этим.

* * *

Между тем, в отношениях между Советами и Соединенными Штатами видную роль играл еще один человек. В начале шестидесятых годов премьер-министр Гарольд Макмиллан пытался – но тщетно – сделать Великобританию посредником между СССР и США. По иронии судьбы преуспела в этом энергичная Тэтчер. Она была откровенна с Рейганом, Шульцем и другими американцами в своих рекомендациях, как вести себя с Советами. В феврале 1989 года она сказала Бейкеру: «Не тяните. Не давайте посевам оставаться под паром».

Бейкер покачал головой и сказал: «Слишком высоки ставки, слишком сложны проблемы, чтобы мы вышли неподготовленными. К тому же у нас есть время. Если то, что происходит в Советском Союзе, так важно, как вы полагаете, этот процесс не кончится в следующий вторник». Он утверждал, что реформы, проводимые Горбачевым, с каждым днем приближаются к черте, после которой нет возврата. Положительная реакция на действия Горбачева вовсе не требует того, чтобы пройти полпути ему навстречу: «Он идет в нашу сторону. Вот и пусть идет».

Тэтчер была первой из западных руководителей, публично заявивших, что Горбачев – советский лидер совсем другого типа. Осенью 1984 года, когда стало ясно, что Черненко уже не жилец на этом свете, она пригласила в Лондон двух человек, которые рассматривались в качестве главных претендентов на освобождающееся место: Михаила Горбачева и Григория Романова. Горбачев принял приглашение, и британцы сочли это

признаком того, что скорее всего именно он получит этот пост.

Во время первого разговора с Горбачевым в декабре 1984 года в Чекере, официальной загородной резиденции Тэтчер, она прочла предполагаемому будущему советскому лидеру лекцию о том, как, с точки зрения тори, следует править в современном обществе: «Господин Горбачев, вы должны децентрализовать власть. Не позволяйте экономическим министрам править всем!»

Горбачев внимательно ее слушал, отмахиваясь от помощников, напоминавших о том, что он опаздывает на следующую встречу. После беседы с Горбачевым премьер-министр, выступая по телевидению, произнесла всего девять слов, тщательно подобранных ее помощником по иностранным делам Чарлзом Пауэллом: «Мне нравится господин Горбачев. С ним можно делать дела». Такая оценка из уст «железной леди капитализма», как ее называли в советской прессе, успокоила западных лидеров, которых волновала смена руководства в СССР.

После того как Горбачев пришел к власти, его отношения с Тэтчер подогревались не только ее готовностью ручаться за него перед всем светом, но и той откровенностью, с какой они беседовали о политике, идеологии, экономике и международных отношениях. Тэтчер говорила Горбачеву о том, «какая страшная вещь» – коммунизм. Советский Союз, утверждала она, повинен во многих бедах XX века…

В конце марта 1989 года во время закрытого обеда в Белом доме Бейкер сказал президенту, что необходимо активнее развивать отношения с Горбачевым. Он охарактеризовал недавние выборы съезда народных депутатов как очередное подтверждение тому, что Горбачев «всерьез посягнул на существующую систему. Каждым новым шагом он доказывает, что назад пути нет».

* * *

18 августа 1989 года ближайший советник Горбачева Александр Яковлев выступал на пресс-конференции по вопросу о трех Прибалтийских республиках. Яковлев «безоговорочно» осудил пакт, заключенный между Гитлером и Сталиным в 1939 году, приведший к аннексии Латвии, Литвы и Эстонии Советским Союзом.

Через четыре дня после заявления Яковлева парламент Литвы объявил советскую аннексию «противозаконной». Чувствуя послабление со стороны Кремля, Прибалтийские республики решили поднажать и побыстрее добиться возможно большей

независимости. Организации, выступающие за отделение, заявляли о «праве» прибалтов не зависеть от Москвы. Миллион людей составил цепь в четыре сотни миль длиной, которая связала три прибалтийские столицы – Таллин, Ригу и Вильнюс. Прибалтика и Кремль вступили на путь конфронтации.

Перед Бушем и Бейкером возникла дилемма – как строить теперь политику США. В течение пятидесяти лет Соединенные Штаты отказывались официально признать государства Балтики частью Советского Союза. Эмигранты-антикоммунисты из трех республик имели миссии в Вашингтоне и Нью-Йорке. Американские официальные лица избегали посещать Прибалтику, так как для подобных поездок требовалось разрешение Москвы.

Такова была общественная позиция Америки, однако частные мнения были иными. Американские официальные лица от президента и ниже опасались, как бы этот неожиданный всплеск сепаратизма не привел к разгулу насилия, а возможно, даже и к гражданской войне, в результате чего Советский Союз может расколоться на части и ядерное оружие окажется под контролем неизвестно кого.

Буш, Бейкер и Скоукрофт – все надеялись, что руководители Прибалтики не станут слишком уж нажимать на Горбачева, требуя независимости, – по крайней мере сейчас.

Реформы в Восточной Европе

4 июня 1989 года поляки избирали новый парламент. В результате выборов в парламент прошли кандидаты от «Солидарности», в то время как коммунисты потерпели полное поражение. Это было самое отрадное известие, поступившее из Восточной Европы за последние полвека.

Горбачев должен был решить, мог ли генерал Ярузельский рассчитывать на советскую армию, которая поможет сохранить коммунистический режим. Ярузельский понимал – ответ будет отрицательным. Именно по этой причине президент Польши и вступил в переговоры с «Солидарностью» и католической церковью о новой политической системе страны.

Через два дня после выборов Ярузельский предложил «Солидарности» войти в коалицию с коммунистами. Лех Валенса отказался. Вместо этого состоялись другие переговоры, в результате которых были назначены довыборы – на те места в парламенте, что все еще продолжали пустовать. Мало кто сомневался, что «Солидарность» и на этот раз одержит решительную победу, которая приведет ее к власти. Приверженцы тоталитарного режима уже не просто шли на компромисс со своими демократическими оппонентами, они капитулировали.

В пятницу, 7 июля, Горбачев выступил с речью перед главами государств – членов Варшавского договора в Бухаресте, где иносказательно одобрил реформы в Польше и Венгрии. Он призывал «братские» страны проявить «терпимость» и «самостоятельно решать национальные проблемы».

Хозяин встречи, Николае Чаушеску, открыто жаловался на «отсутствие единства» между союзниками. Второй сторонник жесткой линии, все еще остававшийся у власти семидесятилетний Эрих Хонеккер из Восточной Германии, потерял сознание и вынужден был вернуться домой. Врачи предполагали, что приступ был вызван болезнью почек или желчного пузыря, но поляки и венгры шутили – мол, Хонеккер упал в обморок от слов Горбачева.

В Польше в результате дополнительных выборов «Солидарность» получила девяносто девять из ста мест в верхней палате и все места – 161, – предназначенные для антикоммунистической оппозиции в нижней палате. К всеобщему удивлению, Ярузельский заявил, что не будет выставлять свою кандидатуру на национальных президентских выборах, назначенных на более поздний срок в том же году.

* * *

В воскресенье, 11 июля, Буш отправился в Европу. Во время перелета в Париж, президент, Скоукрофт и Фицуотер прошли в хвост самолета, где сидели журналисты. Буш сказал, что темп реформ в Восточной Европе его «совершенно поразил». Он подчеркнул, что это стало возможно благодаря «руководству Советского Союза и руководителям самих этих стран».

Вернувшись, он сказал помощникам:

– Если бы не Горбачев, ничего того, что мы видели в Польше и Венгрии, не произошло бы.

В свойственной ему манере давать определения важным событиям на своем полужаргоне он заключил:

– Игра там идет по-крупному, ставки будь здоров какие…

Город Света праздновал двухсотую годовщину Французской революции. Некоторое время тому назад Франсуа Миттеран предложил главам семи крупнейших индустриальных демократических стран – так называемой «семерке» – назначать ежегодное экономическое совещание на время национального празднества.

В перерыве между заседаниями Буш вернулся в резиденцию посла США на Вандомской площади и, облачившись в спортивную майку и шорты, отправился бегать трусцой по живописнейшему парку. Затем присоединился к Бейкеру и Скоукрофту, сидевшим на веранде.

Опустив преамбулу, госсекретарь сказал своему другу – вот уже на протяжении тридцати двух лет, – что ему пора предложить Горбачеву встретиться один на один. Бейкер больше не сомневался, что Горбачев и Шеварднадзе – «вполне реальные фигуры».

Буш согласился с тем, что пришло время «заняться с Горбачевым».

– Не вижу никакого смысла увиливать. – И отметив, с какой скоростью в Восточной Европе происходят перемены, он заключил: – Не думаю, что следует дожидаться следующей встречи в верхах для разговора с русскими обо всем этом. То, что происходит, потрясающе, и, возможно, неформальная встреча с Горбачевым будет весьма кстати… Я хочу посмотреть на него вблизи, почувствовать его, убедиться, что он меня адекватно воспринимает.

Скоукрофт предостерег президента, что отождествлять личность Горбачева с политикой перестройки опасно. Буш с раздражением бросил:

– Слушай, этот парень и есть перестройка!

Ельцин в Вашингтоне

Во вторник, 12 сентября 1989 года Борис Ельцин подъехал на своем лимузине к Западному крылу Белого дома с получасовым опозданием. Группа наиболее активных членов съезда народных депутатов впервые приехала в Соединенные Штаты на восемь дней и должна была выступать в Нью-Йорке, Балтиморе, Вашингтоне, Чикаго, Филадельфии, Миннеаполисе, Индианаполисе, Сан-Франциско и Лос-Анджелесе.

Финансировали эту поездку калифорнийский институт Эсален и советский фонд по изучению и лечению СПИДа. Ельцин получал за свои выступления по 25 000 долларов.

Буш не очень стремился принимать Ельцина. Буш считал Ельцина – при его репутации человека пьющего, несдержанного и неуместно вспыльчивого – чем-то вроде незакрепленной пушки на скользкой, покачивающейся палубе советской политики. Что, если он устроит на этой встрече спектакль, который потом поставит в ложное положение и Буша и Горбачева?

Роберт Гейтс, никак не разделявший то, что он называл «горбоцентризмом» в политике США, попросил президента все-таки встретиться с Ельциным. Фриц Эрмарт, председатель Национального совета по разведке, поддержал это предложение. Эрмарт не считал, что Горбачев долго продержится в политике; к тому же на него произвело впечатление возвращение Ельцина на политическую арену. Он сказал Кондолизе Райс, что Ельцин, возможно, эксцентричен и самоуверен, но он выказывает большее мужество, – куда большее, чем Горбачев, выступая по тем же позициям, какие должны поддерживать и Соединенные Штаты…

Райс встречала Ельцина у бокового входа, и Ельцин бросил ей: «Когда гости приезжают к президенту, они входят не здесь». Она сказала: «У вас встреча с генералом Скоукрофтом». Ельцин скрестил на груди руки и высокомерно объявил: «Я не сдвинусь с места, пока не получу заверения, что встречусь с президентом!» Райс, говорившая по-русски, попыталась убедить Ельцина войти в здание, но он продолжал неподвижно стоять.

Наконец она сказала: «К сожалению, генерал Скоукрофт – человек очень занятой, и если мы не собираемся к нему идти, надо об этом сообщить». Ельцин сдался: «Ну хорошо, пошли», – сказал он.

Райс провела его в кабинет Скоукрофта с большими окнами до полу, выходящими на старое серое здание аппарата президента и северную часть участка, окружающего Белый дом. Буш зашел минут на пятнадцать и постарался подчеркнуть «свои

очень позитивные отношения» с Горбачевым: американский народ, сказал он, разделяет надежды советского лидера на «успех реформ в Советском Союзе». Ельцин вел себя безупречно. Впоследствии Буш сказал своим помощникам, что гость показался ему «славным малым».

Когда Буш ушел, Скоукрофт задал Ельцину один-единственный вопрос: «Каковы цели вашей поездки?» Ответ Ельцина продолжался почти час: он изложил свои мысли о реформе цен, о конвертируемости рубля, о возможности совместного американо-советского полета на Марс. Нехватку жилья в Москве он намерен решить, «пригласив» западных специалистов, чтобы они построили миллион квартир. Он намерен поощрять приток западных капиталов, передав в частную собственность пятнадцать процентов советской экономики.

На середине этого монолога Скоукрофт заснул. А Ельцин, казалось, и не заметил. За десять минут до конца встречи зашел Куэйл. Намекая на не слишком благоприятные для него самого и для Ельцина статьи в американской прессе, Куэйл сказал: «Я читал про вас в печати. А вы читали про меня?». Ельцин лишь рассмеялся в ответ.

Скоукрофт так организовал эту встречу, чтобы у репортеров не было возможности говорить, что Буш имел серьезную беседу с наиболее видным критиком Горбачева. А Ельцин, выйдя из Западного крыла, сообщил собравшимся журналистам, что он представил Бушу и Куэйлу «план из десяти пунктов» для «спасения перестройки». Скоукрофт, сидя в своем кабинете, возмутился: Ельцин – «ловкач» и «гонится за двухгрошовой рекламой в газетах».

* * *

Следующей остановкой Ельцина был Госдепартамент. Скоукрофт сообщил Бейкеру о тактике парового катка, примененной Ельциным в Белом доме. Госсекретарь устроил чрезвычайно изощренное представление: он то и дело прерывал Ельцина, оспаривая наивность его представлений об экономике и предлагая собственные решения по части реформы цен и конвертируемости рубля.

После встречи Бейкер, обращаясь к своим помощникам, воскликнул: «Ну и щелкопер! Горбачев на его фоне отлично выглядит, верно? К тому же Горбачеву можно посочувствовать, если ему приходится иметь дело с таким человеком». Росс же заметил, что Ельцин показался ему совсем не таким ужасным,

каким представил его Скоукрофт. А Бейкер ответил: «Это правда, но он, безусловно, ничего не понимает в рыночной экономике. По сравнению с ним Горбачев просто эксперт!»

Вслед за президентом и высокопоставленные американцы в частных разговорах не раз противопоставляли простецкие манеры Ельцина и его тягу к выпивке «западному» стилю поведения Горбачева. Кто-то даже пошутил, что самым важным американцем, с которым Ельцин встретился в ходе этой поездки, был, похоже, «Джек Дэниэл».

Визит Шеварднадзе в США

В четверг, 21 сентября, Шеварднадзе впервые прибыл в Белый дом с тех пор, как Буш стал президентом. В последний раз они виделись ровно за год до того, на завтраке в резиденции вице-президента. В Овальном кабинете президент указал Шеварднадзе на одно из белых кресел у камина, а в другое сел сам. Бейкер, американские и советские помощники сидели на двух белых диванчиках.

После того как телевизионщики и фотографы покинули помещение, Шеварднадзе просил президента не обращать внимания на сообщения о том, что Горбачев сталкивается со сложностями в стране: советский президент твердо держит в руках бразды правления и исполнен решимости продолжать реформы. Буш ответил, намекая на Ельцина, что другой советский гость, который недавно был у него, дал положению дел противоположную оценку. Шеварднадзе улыбнулся одними губами и сказал: «Ну, не всему надо верить, что слышишь».

Министр иностранных дел не отрицал, что проблемы, со всех сторон окружающие Горбачева, с каждой неделей становятся все более грозными. Шеварднадзе сослался на «болезненные» национальные проблемы: «Мы со своей стороны полностью отдаем себе отчет в том, в какой мере улучшение отношений между государствами зависит от внутренней стабильности».

Анализируя со Скоукрофтом встречу с Шеварднадзе, Буш не скрывал того, как он дорожит сохранением статус-кво в Восточной Европе… Он сказал Скоукрофту, что Соединенным Штатам было бы «крайне глупо» делать заявление или вести политику, направленную на поощрение центробежных сил, которые могли бы разорвать на части Советский Союз.

Скоукрофт в основном согласился с этим: «В наших интересах умерить националистические высказывания. Пожалуй, лучше, если возникнет что-то вроде федерации, а не такое положение, когда все эти республики взбрыкнут и каждая пойдет своим путем».

Буш заметил: «Так хочется сказать: «Правда, было бы здорово, если бы Советская империя распалась?» Но это и непрактично и неумно, верно?»

Скоукрофт предупредил, что, если Соединенные Штаты станут поощрять сторонников отделения, это может породить «серьезный обвал» и «изменить характер центрального правительства», сделав его гораздо более милитаристским и авторитарным. Пусть даже некоторые советские республики

отделятся, – все равно Соединенным Штатам по-прежнему придется иметь дело с Россией, глубоко враждебной Западу, имеющей на вооружении 25 тысяч ядерных ракет и способной вызвать в мире немало смуты.

Буш повторил: надо выжидать, чтобы «ситуация там немного застопорилась и поулеглась». Ему хотелось бы дать Горбачеву и Шеварднадзе «время взять все под контроль и двинуться в правильном направлении».

* * *

Вечером Шеварднадзе и Бейкер отправились на военно-воздушную базу Эндрюс и полетели в Джэксон-Хол. По просьбе госсекретаря его помощники устроили американскому и советскому министрам иностранных дел встречу в самой непринужденной обстановке, какая когда-либо бывала в истории взаимоотношений между двумя странами.

В ходе четырехчасового полета в Вайоминг Бейкер спросил Шеварднадзе и о том, как Горбачев предполагает разрешить проблему отделения республик от Советского Союза. Бейкер знал, что в последние месяцы советский президент при решении вопросов, связанных с движениями за независимость в Грузии, Прибалтике и других местах, опирался на опыт своего министра иностранных дел.

Шеварднадзе ответил: «Если нам придется подавлять внутреннее диссидентство силой, это будет означать конец перестройки. Так что это не выход из положения».

И продолжал: «Мы должны разрешать эту проблему, не прибегая к насилию. Мы должны воспринять уроки прошлого и по возможности избегать создания такой ситуации, которая неизбежно приведет к эскалации. Принимая те или иные меры, мы не должны превращать протесты в бунты, а бунты – в кровопролития».

Бейкер в ответ сказал: «Тогда почему вы не разрешите провести референдум по вопросу об отделении от СССР? Отпустите прибалтов! Право же, вам будет лучше иметь рядом три маленькие Финляндии».

К Бейкеру и Шеварднадзе, сидевшим в переднем отсеке самолета, присоединился Николай Шмелев, экономист, сотрудник Института США и Канады в Москве, член Верховного Совета, рьяно выступавший за быстрые и всеобъемлющие экономические реформы.

Шмелев был за введение в Советском Союзе свободного

рынка не только для товаров и услуг, но и для валюты. Он выступал за то, чтобы рубль получил естественное соотношение с валютами Запада, то есть за меру, которая приведет к массированной девальвации. Бейкер обнаружил, что Шмелев одержим идеей конвертируемости рубля, считая это панацеей от всех болезней советской экономики. Так или иначе, включение в группу Шеварднадзе такого человека со стороны и такого упорного в своих убеждениях, как Шмелев, было умной тактикой.

Бейкер уже не один месяц подчеркивал, что Советский Союз должен произвести фундаментальные изменения в своей экономике. И вот он увидел в свите советского министра иностранных дел экономиста, который был с ним согласен. Шеварднадзе рассчитывал, что присутствие Шмелева будет расценено Бейкером как признак того, что Москва с уважением относится к самым радикальным предложениям. Именно так Бейкер это и понял.

Самолет приземлился в Джэксон-Холе после заката солнца. Два дипломата вышли в вечернюю прохладу и пошли по темно-красному ковру, привезенному отцами города за пять сотен миль. Губернатор Вайоминга Майкл Салливан преподнес Бейкеру и Шеварднадзе стетсонские ковбойские шляпы. Помощники Салливана тщетно пытались выяснить в советском посольстве размер головы министра иностранных дел и узнали наконец с помощью ЦРУ.

* * *

В последующие два дня оба министра гуляли по тропам среди мачтовых сосен, в рощах желтых осин и тополей. Шеварднадзе был в восторге. Он говорил, что пейзажи – просто «дивной красоты».

В уединении дома, затерянного в горах, два дипломата наконец взялись за дело – решение старой проблемы о контроле над ядерными вооружениями. Они обсуждали главный пункт повестки дня – СНВ, почти готовый договор об ограничении стратегических вооружений, который Буш унаследовал от Рейгана.

Шеварднадзе привез письмо от Горбачева на девяти страницах, в котором говорилось, что Советы готовы пойти на новые уступки. Уступки касались главным образом СОИ. С 1985 года Советы отказывались подписывать договор по СНВ до тех пор, пока Соединенные Штаты не подтвердят своей приверженности договору ОСВ-1 по противоракетной обороне,

который, с точки зрения Советов, исключал СОИ. Но летом 1989 года ситуация изменилась: Советы втихую дебатировали, следует ли Кремлю настаивать на увязке СНВ с подтверждением приверженности ОСВ-1, что означало бы отказ от СОИ? Или же Советам следует заслужить благосклонность США, отступив и не настаивая на этом все еще горячем вопросе, и поверить, что Буш не даст им повода сожалеть об этом и не станет двигать вперед СОИ?

Шеварднадзе усиленно нажимал на то, чтобы идти этим путем. Его аппарат провел несколько закрытых семинаров, на которых ведущие советские ученые выступали за то, чтобы «отвязать» СНВ от СОИ. В числе этих ученых были физик-ядерщик Евгений Велихов и давний руководитель советской космической науки Роальд Сагдеев – обоих Горбачев высоко ценил. В столь специальном вопросе, как противоракетная оборона, этим ученым, стоявшим скорее на либеральных позициях, было несложно взять в дискуссии верх над сторонниками жесткой линии из партийной и военной среды.

В письме, которое Шеварднадзе привез Бушу в сентябре 1989 года, Горбачев писал: «Давайте на время отложим наши концептуальные споры о том, укрепит ли размещение оружия в космосе… стратегическую стабильность или будет иметь противоположный эффект. Не надо этой проблемой осложнять и без того нелегкие переговоры».

В Овальном кабинете Шеварднадзе сказал также Бушу, что Кремль мог бы демонтировать большую радарную станцию близ Красноярска, в Сибири, которая, по мнению американских экспертов, была создана в нарушение договора по ОСВ-1. Американские ястребы заявляли, что эта радарная станция указывает на постоянное и наглое мошенничество со стороны Советов, нарушающих договора по контролю над вооружениями. Заявление Шеварднадзе о закрытии этой станции равнялось признанию Советами своей вины и являлось, как сказал министр иностранных дел Бушу, «политическим решением».

Из слов Шеварднадзе явствовало, что Горбачев одержал верх над возражениями военных, хотя на самом деле именно Шеварднадзе добился этих уступок в Москве. Во время напряженных переговоров с администрацией Рейгана по контролю над вооружениями министр иностранных дел испытывал все возрастающее чувство огорчения и безысходности, наталкиваясь на чисто рефлекторную реакцию Министерства обороны и Генерального штаба блокировать почти любое изменение в позиции Советов на переговорах. И Шеварднадзе решил, что может превысить свою власть и ускорить процесс

принятия решения в Москве в обход генералов.

Шеварднадзе видоизменил существовавшую практику и поручал теперь собственным экспертам по контролю над вооружениями разрабатывать новые инициативы, которые он затем предлагал американцам. После того как американцы принимали его предложения, он представлял достигнутые результаты на одобрение Горбачеву и только уже потом знакомил с ними военных. Поскольку этот гамбит срабатывал часто и успешно, Шеварднадзе терпеть не могли советские военные в высших эшелонах власти.

Вот так же смело, основываясь на своих дружеских отношениях с Горбачевым, Шеварднадзе решил – как он в частной беседе сказал своим помощникам – «проколоть нарыв» радаром в Красноярске. Убежденный в том, что военные никогда не признают вину Советов в этом вопросе, он сделал это по собственной инициативе.

* * *

В последующие три недели Бейкер дважды публично протягивал руку Горбачеву. Выступая в среду, 4 октября, перед сенатской финансовой комиссией, он сказал, что советские реформы выглядят «многообещающе». На той же неделе его помощник Роберт Зеллик полетел вместе с председателем Федеральной резервной системы США Аланом Гринспэном на пять дней в Москву, где они провели встречи с экономическими экспертами Горбачева, давая рекомендации, как построить финансовую систему, ориентированную на свободный рынок.

Выступая в Нью-Йорке в понедельник вечером, 16 октября, перед Ассоциацией внешней политики, Бейкер сказал: «Было бы ошибкой заключить, что проблемы слишком обескураживающи или что препятствия к успеху слишком велики. Пока что Горбачев приобрел за эти годы большую власть и всячески выказывает свое намерение «держаться избранного курса».

О выступлении Бейкера в сенате и его речи в Нью-Йорке можно сказать, что это была самая восторженная официальная поддержка, какую Горбачев и его политика получали до сих пор. Бейкер подчеркивал, что общим знаменателем по сути всей политики Горбачева является свобода. Он отмечал, что Кремль дал отдельному гражданину беспрецедентную свободу слова, равно как и свободу выбора делегатов на съезд народных депутатов. Перестройка постепенно продвигается к свободному рынку. Распространяя «новое мышление» на Восточную Европу,

советские руководители, похоже, даже готовы дать волю своим сателлитам.

Бейкер особо стремился доказать несостоятельность утверждений пророков из администрации Буша, предрекавших падение Горбачева. Услышав, как Бейкер упомянул, что есть люди, которые считают проблемы «слишком обескураживающими», Роберт Гейтс сразу понял, кого госсекретарь имел в виду.

В то же время Бейкер старался не порождать надежд на размеры экономической помощи Соединенных Штатов или Запада Горбачеву. Он стремился сделать позицию США соответствующей заявлениям самого Кремля о том, что успех перестройки зависит от советских людей, а не от помощи извне.

А в Москве Шеварднадзе впервые публично заявил, что советское вторжение в Афганистан в 1979 году было нарушением общечеловеческих ценностей. Шеварднадзе тщательно провел разграничительную линию между теми, кто виноват, и кто не виноват. Он отметил, что в декабре 1979 года, когда режим Брежнева начал вторжение, «М. С. Горбачев и я были кандидатами в члены Политбюро. Я узнал о том, что произошло, по радио и из газет. Решение, имевшее очень серьезные последствия для нашей страны, было принято за спиной партии и народа. Нас поставили перед свершившимся фактом».

Берлинская стена рушится…

В четверг, 9 ноября, восточногерманское правительство объявило, что граждане ГДР могут выезжать из страны без специального разрешения. И вот после наступления темноты десятки тысяч перебрались через внезапно рухнувшую Берлинскую стену, многие – впервые. Джаз-оркестры играли в свете прожекторов, установленных когда-то для поимки беглецов. Восточные и западные берлинцы прыгали на уродливой стене, разделявшей их двадцать восемь лет; они чокались шампанским и пивом, пели, плясали, вырубали камни из стены и плакали от счастья.

Наблюдая за всем этим по телевизору, установленному в Малом кабинете, примыкающем к Овальному, Буш понимал, что это означает. Он сказал своим помощникам: «Если Советы допустят падение коммунистов в Восточной Германии, значит, они действительно серьезно взялись за дело – куда серьезнее, чем я предполагал».

Революция, начавшаяся в 1989 году в Польше и Венгрии, перекинулась к августу в Восточную Германию – тогда 130 восточных немцев укрылись в западногерманской миссии в Восточном Берлине. На следующий месяц 5500 нашли убежище в миссии в Праге. Когда Венгрия открыла свои границы, тысяча восточногерманских туристов бежала в Австрию.

Лидер восточногерманских коммунистов Эрих Хонеккер тогда только что вышел на работу после операции на желчном пузыре, пораженном, как теперь стало известно, раком. Он потребовал остановить исход, но его призыв услышан не был. Венгерское правительство заранее получило молчаливое согласие Кремля. Как хитро пояснил представитель советского Министерства иностранных дел Геннадий Герасимов, действия Венгрии были «крайне неожиданны, но они впрямую нас не затрагивают». По всей Восточной Германии начались демонстрации. В Дрездене десять тысяч человек пытались остановить поезд, шедший на Запад, и сесть в него. Вячеслав Кочемасов, советский посол в Восточном Берлине, сторонник жесткой линии, по просьбе Хонеккера бомбардировал Кремль телеграммами, умоляя «спасти» Хонеккера от потопления, но Горбачев сказал своим помощникам, что ему «противно» видеть, как «бестолково» ведет себя Хонеккер.

* * *

В первую неделю октября Горбачев вылетел в Восточный Берлин на церемонию, посвященную сорокалетию коммунистического режима. Для подготовки этого визита Александр Бессмертных посетил летом Хонеккера в его загородном доме под Берлином. Хонеккер восторгался до небес «захватывающим» экономическим прогрессом Восточной Германии и показал Бессмертных последние цифры в подтверждение того, что все идет хорошо.

После встречи восточногерманский чиновник, сопровождавший Бессмертных, сказал ему, что цифры Хонеккера «раздуты», это все «фантазия». Бессмертных доложил Горбачеву и Шеварднадзе, что Хонеккер живет в выдуманном мире. Более того, происходит резкое падение дисциплины, коль скоро чиновник средней руки считает возможным опровергать высказывания Хонеккера за его спиной гостю из Москвы.

И теперь во время личной встречи с Хонеккером в Восточном Берлине Горбачев сказал старику, что есть способ остановить демонстрации по всей стране, введя немецкий вариант перестройки: таким путем еще можно вернуть людей на сторону руководства.

Хонеккер презрительно фыркнул и сказал, что во время своего последнего посещения Советского Союза он заглянул в несколько магазинов и был потрясен пустыми прилавками. В советской экономике – полная разруха, тогда как восточные немцы процветают больше всех в социалистическом мире. Да как смеет Горбачев указывать ему, как править страной?

Во время торжественной церемонии, посвященной юбилею, Горбачев выступил с речью, призывая восточных немцев стать на путь советских реформ. И как бы желая подчеркнуть, кто должен нести ответственность за будущее, добавил, что политика Восточной Германии должна делаться «не в Москве, а в Берлине». Хонеккер стоял рядом, и вид у него был сильно обеспокоенный.

Горбачев же по возвращении в Москву сказал приватно своим помощникам, что Хонеккеру надо уходить – и как можно скорее: «Руководство (восточногерманское) не может оставаться у руля». Он приказал Генеральному штабу проследить за тем, чтобы советские войска, размещенные в Восточной Германии, не оказались втянутыми в заваруху, которая, безусловно, охватит страну.

Во время уик-энда, 7 октября, восточногерманская полиция – по приказу Хонеккера – применила огонь и слезоточивый газ для разгона демонстраций в нескольких городах. Не имея заверений в том, что Кремль поддержит силовое решение, глава тайной полиции Хонеккера оппортунист Эгон Кренц выступил против

решения Хонеккера. И дал пятидесятитысячному маршу протеста пройти по Лейпцигу.

Другие члены правительства Хонеккера тоже понимали, в какую сторону дует ветер. Выбросив новый лозунг – «Перемены и возрождение», – они быстро заменили своего старого лидера Кренцем и выпустили сотни демонстрантов из тюрем. На пятьдесят девятой минуте одиннадцатого часа Кренц попытался стать восточногерманским Горбачевым.

В среду, 25 октября, во время визита в Хельсинки Горбачев публично заявил, что у Советского Союза «нет ни морального, ни политического права» вмешиваться в события в Восточной Европе, и добавил: «Мы исходим из того, что и другие не будут вмешиваться». Он подчеркнуто поставил в пример Финляндию, нейтральную страну, сумевшую вырваться из оков русского и советского экспансионизма, как образец стабильности и независимости.

* * *

Когда Берлинская стена начала рассыпаться, Марлин Фицуотер пригласил журналистов и телевизионщиков в Овальный кабинет. Буш сидел за столом, вертя в руках перо.

Один из журналистов спросил, означает ли это, что «железному занавесу» пришел конец. Президент не очень уверенно произнес: «Ну, я не думаю, что какое-то одно событие может положить конец такому явлению, как «железный занавес», но это явно указывает на то, что наиболее жесткий период «железного занавеса» остался позади – далеко позади». А предполагал ли он такое развитие? «Нет, этого я не предвидел». А представлял ли себе? «Да».

Когда Бушу сказали, что в его словах не чувствуется радости, он, обороняясь, ответил: «Я не из эмоциональной породы… я очень доволен. И я очень доволен многими другими событиями… Так что, если я не захлебываюсь от восторга… это, возможно, потому, что дело подходит к вечеру, но на самом деле я очень счастлив»…

Лишь только стена рухнула, обе Германии расцветились транспарантами, требовавшими объединения. Буш – по крайней мере внешне – относился к такой перспективе спокойно. На торжественном обеде в честь президента Филиппин Корасон Акино в день, когда пала стена, Буш сказал одному из гостей за столом: «Немцы не представляют для нас никакой угрозы. Это теперь совсем другая страна, чем когда-то».

Переговоры Буша и Горбачева на Мальте

К концу октября 1989 года лишь с десяток людей в американском правительстве знали, что Буш три месяца тому назад втайне предложил Горбачеву встретиться, чтобы познакомиться поближе. Большинство американских президентов любило преподносить сюрпризы публике ради дипломатических и политических выгод.

Тайные переговоры между Москвой и Вашингтоном по поводу того, что все называли по-разному: «предварительная встреча в верхах», «мини-встреча в верхах», «несаммит» или «неофициальная промежуточная встреча» протекали нелегко. Буш и Горбачев четырежды обменивались телеграммами. Шеварднадзе торговался с Мэтлоком в Москве, а Дубинин со Скоукрофтом в Вашингтоне. В августе Александр Бессмертных, заместитель Шеварднадзе, прилетел в Вашингтон под предлогом подготовки вайомингской встречи между Бейкером и Шеварднадзе, а на самом деле большую часть времени занимался встречей Буша с Горбачевым.

По указанию президента американская сторона предложила Советам провести встречу на Мальте, и те тут же согласились: остров уже долгое время являлся членом Движения неприсоединения и был близко расположен к Италии, а следовательно, удобен для Горбачева, который в начале декабря должен был посетить Рим и Милан. Президент предложил провести встречу на советском и американском судах в бухте Марсашлокк. Он сказал своим помощникам, что таким образом его беседы с Горбачевым можно будет проводить «вдали от прессы… и я хочу, чтобы на борту была атмосфера Кэмп-Дэвида».

Горбачев одобрил встречу на судах, вспомнив, что он жил на советском судне во время встречи с Рейганом в Рейкьявике в 1986 году. Секретная служба США была в восторге от этого решения, рассудив, что Буша легче будет охранять на борту корабля, чем на острове, опасно близком к Ливии Муамара Каддафи.

* * *

30 ноября, когда Буш и Горбачев прибыли на Мальту, там поднялся ветер ураганной силы. Он сорвал советский и американский флаги с флагштоков и обрушил помост, сооруженный для комментаторов телевидения. Мальтийские официальные лица говорили, что такого шторма они не видели

уже пять лет.

К утру буря усилилась. Советская сторона перенесла первую встречу со «Славы» – корабль качало, как поплавок, – на более тяжелое морское судно «Максим Горький», пришвартованное у пристани, где Горбачев провел ночь. В 10 утра к «Горькому» подплыл небольшой катер. Держась за поручни, чтобы не потерять равновесие, Буш, Бейкер, Скоукрофт, Сунуну, Фицуотер и Зеллик взошли на борт советского судна. У госсекретаря за ухом был наклеен кусочек пластыря от морской болезни. Фицуотер уверил репортеров, что рвоты у Бейкера не было.

На верхней палубе Горбачев нервно мерил шагами наспех подготовленную к встрече кают-компанию. Здесь же находились Эдуард Шеварднадзе, Александр Яковлев, Анатолий Добрынин и другие помощники. По одной стене стояли книжные стеллажи, на другой – висел строгий портрет тезки корабля, пролетарского писателя начала XX века.

Широко улыбаясь, Буш вошел в кают-компанию и пожал Горбачеву руку. Пока репортеры строчили в блокнотах, а фотографы щелкали фотоаппаратами, президент изображал из себя бывалого моряка, утверждая, что ночная качка ничуть не тревожила его сон на американском корабле «Белнапе»:

– Это сущие пустяки!

Горбачев пошутил, что ненастье входило в секретные планы Советского Союза – разоружить 6-й флот США. Буша эта реплика, казалось, озадачила – уж не собирается ли Горбачев сбивать его с толку, чтобы подмять под себя? Улыбка исчезла с лица Буша. Он отметил, что буря как будто стихает, а это «хороший знак». Надев свои очки пилота, Буш произнес:

– Давайте приступим к работе.

Журналистов попросили покинуть кают-компанию.

За длинным узким столом Горбачев сказал сидящим напротив американцам:

– Не знаю, кому начинать. На моем судне вы гость. С другой стороны, это вы пригласили меня на встречу.

Кое-кто из американцев поморщился, усмотрев в этих словах типично горбачевский прием перекладывать груз на чужие плечи: Горбачев вынуждал Буша объяснить, чего ради тот пригласил его на Мальту.

Буш принял вызов. Немного нервничая, он заговорил пронзительным, высоким голосом: у него есть «некая модель» о необходимости использования возможностей, возникших вследствие существенных перемен в мире. Горбачев кивнул и что-то записал в маленьком оранжевом блокноте – Павел Палащенко синхронно переводил ему на ухо.

Буш продолжал:

– Вы имеете дело с администрацией, которая желает вам удачи в ваших начинаниях. В случае успеха перестройки мир станет лучше. – Взглянув на две страницы текста – список инициатив, он сказал: – Вот кое-какие идеи.

Он предложил отказаться от поправки Джэксона – Вэника. Он также «проработает возможность» приостановления конгрессом поправки Стивенсона, препятствующей предоставлению кредитов Советскому Союзу Экспортно-импортным банком США. Он будет содействовать «диалогу» между Москвой и Организацией экономического сотрудничества и развития.

Буш обещал, что будет настаивать на предоставлении Советскому Союзу статуса наблюдателя по контролю за соблюдением Генерального соглашения о тарифах и торговле (ГААТ).

– Деятельность в рамках ГААТ, – заметил он, – пойдет на благо перестройке. – И выразил надежду, что Горбачев в скором времени примется за реконструкцию советской экономики, и в первую очередь системы ценообразования.

Он вручил Горбачеву перечень возможных областей «технического сотрудничества» (эвфемизм слова «помощь») с Соединенными Штатами, что способствовало бы созданию в Советском Союзе банковской системы, фондовой биржи и прочих институтов свободного рынка.

– Проглядите это, – сказал он. – Мы приветствуем совместную деятельность в любом из перечисленных аспектов.

Подавшись вперед, Горбачев кивнул.

Гейтс заранее проинформировал Буша, что больше всего Горбачев хочет, чтобы на Мальте были достигнуты договоренности о заключении в 1990 году соглашений по стратегическим наступательным и обычным вооружениям в Европе.

– Давайте этим всерьез и займемся, – сказал Буш.

Он предложил ряд конкретных пунктов по СНВ, которые Бейкер и Шеварднадзе могли начать разрабатывать в январе. Он признал, что в предложениях США есть «белые пятна», так как его собственное правительство еще не пришло на этот счет к полному единодушию, однако наверняка к моменту встречи Бейкера и Шеварднадзе «мы полностью проясним свою позицию».

Повторив слова Бейкера, обращенные к советскому руководителю в мае, Буш призвал Горбачева распространить гласность и на советских военных путем обмена информацией с Вашингтоном по военным расходам и производствам. Он придвинул к Горбачеву стопку пентагоновских документов,

сказав:

– Это первый шаг на пути к такого рода обмену, хотя как бывший директор ЦРУ, я буду крайне разочарован, если КГБ не предоставит вам аналогичных материалов.

* * *

Буш не ограничился семнадцатью инициативами, привезенными на Мальту. Предварительно смягчив Горбачева, он занял твердую позицию в отношении Центральной Америки: советско-кубинский авантюризм в Западном полушарии остается «единственным и самым серьезным камнем преткновения» в советско-американских отношениях – «гигантским шипом в подошве, который мешает мерно идти вперед».

Буш сказал, что просто не понимает, почему советское руководство допускает помощь сандинистов сальвадорским повстанцам, которые вбивают клин между Соединенными Штатами и Советским Союзом. Президент Коста-Рики Оскар Ариас, немало сделавший для установления мира, особо подчеркнул, что Буш должен убедить Горбачева прекратить поддержку Кастро.

– Кастро ставит вас в ложное положение, – серьезно заметил Буш. – Подрывает ваш авторитет, разрушая все, за что вы боретесь. Вам надлежит понять: американцы не могут одобрить вашу поддержку Гаваны и Манагуа.

Горбачеву не стоит недооценивать, предостерег президент, резкое отношение его самого, конгресса и американского народа к этой проблеме. Последовав совету Бейкера, он предупредил, что Соединенные Штаты не снимут поправку Джэксона – Вэника и не станут предпринимать никаких шагов по оказанию помощи советской экономике до тех пор, пока Кремль не прекратит чинить безобразия в Центральной Америке. Учитывая лояльность Советского Союза в отношении столь значительных перемен в Восточной Европе, как может Горбачев мириться с тем, что в Центральной Америке его имя связывается с «представителями старого мышления»?

Горбачев ответил, что пытался убедить Кастро начать перестройку в какой-либо ее форме.

– Я сказал Кастро, что он идет не в ногу с нами и что ему стоило бы последовать примеру стран Восточной Европы. Но он не согласился.

Что касается Никарагуа, то советское правительство потребовало у Манагуа объяснений насчет самолета с

огнестрельным оружием и ракетами, но сандинисты отрицают» свою причастность к этому делу.

– Что ж, – сказал Буш, – они вам лгут.

Горбачев прикусил губу.

Наряду с прочими предложениями Буш выдвинул идею проведения Олимпийских игр 2004 года в Берлине. Горбачев тут же понял, что Буш таким образом его провоцирует косвенно согласиться с тем, что к тому времени Берлин станет столицей единой Германии.

Горбачев сказал Бушу:

– Мы получили две Германии в наследство от истории. История создала эту проблему, истории ее и решать. – И, ввернув любимое словечко Буша, добавил: – Там, где дело касается Германии, я веду благоразумную и осторожную политику.

Во время своего часового монолога Горбачев выразил готовность в решении некоторых вопросов пойти гораздо дальше:

– Инспекция по контролю над вооружениями на местах? – У вас может быть столько инспекторов, сколько хотите. Резкое сокращение численности советских войск в Восточной Европе? – Мы и сами знаем, что они там отнюдь не желанные гости.

Следуя практике своих предшественников, Буш протянул Горбачеву список более чем двадцати советских граждан, желающих выехать из СССР.

– Сообщите нам, – сказал Горбачев, – сколько иммигрантов вы хотите заполучить, и мы вам их вышлем!

– Давайте поставим перед собой задачу, – ответил Буш, – избавиться от подобных списков к нашей встрече в следующем году.

В этой фразе президента был скрыт глубокий смысл: чем больше будет делаться в СССР в идеологическом и гуманитарном направлениях, тем большую поддержку окажут ему США на экономическом поприще.

* * *

За обедом Горбачев сконцентрировал внимание на внутренних экономических трудностях у себя в стране. Пока облаченные в ливреи официанты обносили присутствующих серебряными вазочками с икрой, Горбачев жаловался на проблемы бюджета:

– У нас и раньше был большой дефицит, а сейчас еще эти удары судьбы.

Он рассказал о колоссальных расходах на восстановление

после чернобыльской ядерной катастрофы и землетрясения в Армении. В довершение ко всему низкие мировые цены на нефть пагубно отражаются на валютных доходах Советского Союза.

«Главное испытание» его политики, сказал он, заключается в том, сумеет ли он преодолеть нехватку потребительских товаров у себя в стране. Для этого ему придется не только вылечить больные структуры советской экономики, но и изменить отношение народа к труду.

Приняв свой обычный самоуверенный вид, Горбачев объяснил, что в Советском Союзе государственную собственность на предприятия постепенно вытесняет «коллективная». По мнению Горбачева, всякое коллективное владение – где больше одного хозяина – можно исключить из категории частной собственности.

– Мы оба знаем, что в Соединенных Штатах почти нет частной собственности… Ведь некоторые из ваших фирм насчитывают более двадцати тысяч акционеров!

Буш из вежливости воздержался от замечаний по поводу неожиданно проявившегося невежества Горбачева в области западной экономики. Вместо этого он поведал о своем опыте рискованного поиска нефти в Мексиканском заливе: когда он и его партнеры потеряли там нефтяную вышку, то полностью потеряли все вложенные деньги.

– Но американскому налогоплательщику это не стоило ни единого пенни, кроме, пожалуй, расходов на списание налога.

Палащенко с трудом сумел перевести термин «списание налога». Когда наконец он справился, Горбачев, казалось, был озадачен более, чем когда-либо. Он пожаловался на своих экономистов, которые дают ему бестолковые советы.

– Я тоже через это прошел! – засмеялся Буш.

Дабы упредить вопрос Горбачева о непосредственной финансовой помощи – просьба, в которой он вынужден был бы отказать, – Буш одобрительно отозвался о недавнем публичном высказывании Шеварднадзе о том, что советское руководство «не собирается просить милостыню», так как имеет «гордость».

– Я понимаю, что вы горды, – заключил Буш, – и мы тоже.

* * *

После обеда Буш должен был вернуться на «Белнап» на три часа – «личное время», – а затем, в 16.30, вновь прибыть на «Горький» для следующей встречи с Горбачевым. Оба руководителя собирались завершить день рабочим ужином на

«Белнапе».

Штормило так, что Горбачев предложил Бушу остаться на «Горьком» во избежание срыва переговоров. Буш не согласился. Президентский катер швыряло из стороны в сторону;

лишь после многочисленных попыток ему удалось пришвартоваться к «Белнапу». Когда Буш с сопровождавшими его лицами поднялись на борт, его советники и подразделение секретной службы настояли на том, чтобы президент оставался на судне до тех пор, пока не улучшится погода.

Всю вторую половину дня президент Соединенных Штатов провел в адмиральской каюте в окружении фотографий 6-го флота, хмуро глядя в иллюминатор на дождь и туман. Лишь однажды они со Скоукрофтом вышли на палубу «Белнапа», чтобы посмотреть в сторону «Горького», где – всего лишь на расстоянии тысячи ярдов – Горбачев и остальные праздновали 66-летие Яковлева.

В тот вечер Буш и те из его помощников, кто был в состоянии, пили белое вино за ужином, который президент назвал «превосходным». Очень жаль, сказал он стюардам, что Горбачев так и не узнал, «как кормят на американском флоте».

На рассвете в воскресенье буря начала стихать. Утреннее заседание планировалось провести на борту «Белнапа», но обе стороны решили перенести его на более устойчивое советское судно. Когда катер приблизился к «Максиму Горькому», за ухом у президента тоже был наклеен пластырь от морской болезни.

На вопрос репортера, не помешала ли непогода встрече, Буш воскликнул:

– Нет, черт побери! Нет! Встреча идет прекрасно, спасибо.

С такой же наигранной веселостью он взбежал по трапу на советский корабль и протянул хозяину руку с приветствием:

– Доброе утро!

Сияющий Горбачев ответил старательно заученной английской фразой:

– Долгое время не видеть!

Накануне, желая установить контакт с Бушем, Горбачев, сдерживая стремление к превосходству, не стал обсуждать свои сомнения относительно того, что происходит с советской властью и коммунизмом советского образца в мире. Сейчас он сказал Бушу, что хочет снять камень «с души».

Он сетовал на то, что определенные аспекты риторики и политики США носят «односторонний характер» и «не способствуют осуществлению моих планов». Зачем Буш беспрестанно повторяет, что события в Восточной Европе – это «торжество ценностей Запада»?

– А почему вас это тревожит? – спросил Буш. – На мой взгляд, гласность – ценность Запада, открытость – ценность Запада, представительное правительство – ценность Запада, плюрализм – ценность Запада.

– Но ведь и у нас есть эти ценности, – возразил Горбачев. – Почему бы вам не назвать их ценностями Востока?

Бейкер, как бывший юрист, тут же подоспел на помощь, подсказав взаимоприемлемый термин:

– А как насчет того, чтобы назвать их демократическими ценностями?

– Замечательно! – воскликнул Горбачев. – Демократические ценности! Прекрасно!

Горбачев признал даже то, что Америка могла бы стать посредником в мирных преобразованиях в Восточной Европе.

– Мы больше не считаем вас своим врагом, – сказал Горбачев Бушу. – Многое изменилось. Мы хотим вашего присутствия в Европе. Вы должны остаться в Европе. Ваше нахождение там важно для будущего этого континента. Так что не думайте, будто мы добиваемся вашего ухода.

Бейкер счел это заявление Горбачева самым важным и обнадеживающим из всего произнесенного им за этот уик-энд.

Позднее он сказал своим помощникам, что Горбачев наконец-то «перестал играть в самоутверждение».

* * *

Отпустив помощников, Буш и Горбачев перешли к самому щекотливому, а возможно, и самому взрывоопасному вопросу повестки дня: судьбе Прибалтийских республик. Буш заметил, что на пресс-конференции по окончании встречи эта тема обязательно будет затронута.

Горбачев сказал, что готов ответить на любые вопросы, связанные с Прибалтикой. Повторяя то, что Шеварднадзе говорил Бейкеру несколько месяцев назад, он заверил Буша в «твердом намерении» Кремля избежать каких бы то ни было репрессий. Применение силы «будет означать конец перестройки».

Буш напомнил Горбачеву, что за сорок девять лет Соединенные Штаты так и не признали аннексию Прибалтики Советским Союзом. И по-прежнему хотят, чтобы Прибалтийские республики получили независимость. Если центральные советские власти, продолжал Буш, вызовут взрыв насилия в Прибалтике, то в Соединенных Штатах «вспыхнет пожар» антисоветских настроений…

По окончании переговоров Буш и Горбачев появились перед журналистами в танцевальном салоне на «Горьком» – это была первая в истории встреч на самом высоком уровне совместная пресс-конференция. Единственным источником резких разногласий оставалась Центральная Америка – тяжелое наследство печального прошлого. Не вызывало сомнений, что в течение ближайших нескольких месяцев будут разработаны – и в 1990 году подписаны – договоры по ограничению стратегических наступательных и обычных вооружений в Европе.

Оба руководителя сумели даже найти положительные стороны в капризах погоды.

– Этот инцидент доказывает, что мы способны хорошо приноравливаться к меняющимся обстоятельствам, – сказал Горбачев.

В Москве представитель Министерства иностранных дел Геннадий Герасимов, как всегда, не удержался от красного словца:

– Мы похоронили «холодную войну» на дне теплого Средиземного моря, – сказал он.

А два года спустя Бессмертных вспоминал:

– Если бы не Мальта, Советскому Союзу никогда бы не удалось так плавно выпустить из-под контроля Восточную Европу и Прибалтику.

Литва объявляет о независимости

Во вторник, 27 февраля 1990 года, Верховный Совет рассмотрел законопроект о предоставлении Горбачеву широких президентских полномочий, которых он потребовал. Он обвинил противников законопроекта в «дешевой демагогии». Законопроект был принят большинством голосов – 306 против 65.

В воскресенье, 4 марта, советские граждане опустили бюллетени на первых проводившихся на альтернативной основе выборах в местные советы и парламенты Российской Федерации, Украины и Белоруссии. Самым популярным кандидатом был Борис Ельцин, который обошел одиннадцать конкурентов из своего родного Свердловска, набрав более 70 процентов голосов в российский парламент.

В своей предвыборной платформе Ельцин призывал к развитию свободного рынка и либерализации законов о частной собственности. Ельцин рассчитывал убедить своих коллег избрать его президентом Российской Федерации вместо назначенного сверху Виталия Воротникова – коммуниста брежневского образца. На этом посту он мог бы возглавить левую оппозицию Горбачеву и советскому руководству.

В понедельник, 12 марта, литовский парламент единодушно проголосовал за официальное восстановление независимости, утраченной 50 лет назад. Новым президентом страны был избран Ландсбергис, который заявил:

– Мы ни у кого не спрашиваем разрешения на этот шаг.

Вступив в должность первого президента Советского Союза, Горбачев предложил «диалог на основе взаимного уважения» с Вильнюсом:

– Моя идея состоит в том, чтобы сохранить Союз на основе различных подходов к каждой республике, на основе нового Союзного договора.

Горбачев назначил 19 марта 1990 года крайним сроком для урегулирования ситуации в Литве. А пока кремлевским министерствам было приказано усилить «защиту» советских учреждений в республике-ренегате и не вести «никаких переговоров» с Вильнюсом. Литву, а также Эстонию предупредили, что они не должны выпускать собственную валюту, устанавливать независимые отношения во внешней торговле или пытаться захватить советскую собственность, находящуюся на их территории.

* * *

Во вторник, 20 марта, Бейкер встретился с Шеварднадзе в Виндхуке, в Намибии, где оба присутствовали на церемонии, посвященной независимости этой страны. Во время частной беседы с Шеварднадзе Бейкер спросил: что Советы намерены делать в Литве?

Шеварднадзе ответил:

– Чтобы полностью осветить этот вопрос, мне пришлось бы говорить до завтрашнего утра. Мы не собираемся применять силу против Литвы. Мы вступим в диалог с литовскими лидерами. Но они должны серьезнее отнестись к реальностям ситуации. Я убежден, что мы выработаем какой-то выход из положения…

Бейкер повторил свое неизменное предупреждение о том, что на советско-американских отношениях, безусловно, отразится то, что произойдет в Литве:

– Если вы примените силу или принуждение, последствия могут быть самые разные. И мы не сможем их контролировать.

– Мы учли все оттенки в ваших публичных выступлениях, и мы благодарны за них, – ответил Шеварднадзе.

– Мы не можем до бесконечности держаться этих оттенков. Если вы раскрутите это дело, мы не сможем сохранять такую позицию.

Шеварднадзе заметил на это, что советские военные держатся необычайно жесткой линии в отношении Литвы. Более того, будучи отстранены от принятия решений по Германии и Восточной Европе, КГБ, генералы и многие партийные руководители «чрезвычайно рьяно» требуют не делать никаких уступок прибалтам…

По мере того как кризис в Прибалтике набирал силу, американская печать и конгресс, все больше давили на Буша, требуя, чтобы он не пасовал перед Горбачевым. «Мы переживаем один из величайших в моральном плане моментов современной истории», – писал Уильям Сэфайр в «Нью-Йорк таймсе». Сенаторы и конгрессмены требовали немедленного дипломатического признания Литвы. Даже сенатор Нэнси Кассенбаум, умеренная канзасская республиканка, «била в барабаны, требуя независимости для Литвы».

В четверг, 22 марта, выступая на пресс-конференции, Буш повторил, что Соединенные Штаты никогда не признавали советской аннексии Литвы. «Однако, – добавил он, – существуют определенные жизненные реальности, и литовцы прекрасно о них знают, и им следует договариваться – что они и делают – с советскими официальными лицами, чтобы примирить

разногласия.

Мы не имеем права, сидя здесь, – продолжал Буш, – подсказывать литовцам, кто из них и с кем должен говорить в Москве. Это было бы слишком самонадеянно и нахально для любого президента!.. У литовцев есть избранные лидеры, и у Советов явно есть сильный лидер. Они все могут просчитать без подсказки со стороны Соединенных Штатов».

На другой день советские десантники заняли здание ЦК коммунистической партии в Вильнюсе. Командующий советскими наземными войсками генерал Валентин Варенников заверил Ландсбергиса по телефону, что его солдаты не станут захватывать этой ночью здание литовского парламента. Это было его единственным обещанием.

В субботу, 24 марта, вереница советских танков и бронетранспортеров с солдатами проследовала мимо парламента к гарнизону на окраине столицы.

А в Кремле Горбачев принял 26 марта, в понедельник, сенатора Эдварда Кеннеди от штата Массачусетс. Кеннеди, имевший личную беседу с Бушем перед отъездом в Москву, спросил Горбачева, при каких условиях Советский Союз употребит силу против Литвы. В своем ответе Горбачев попытался успокоить американского гостя, одновременно не ослабляя давления на литовцев: сила «будет применена лишь в том случае, если насилие будет угрожать жизни людей».

Кеннеди предупредил Горбачева, что советско-американским отношениям грозит «большая опасность», «если в Вильнюсе повторится Тяньаньмэнь». Горбачев ответил, что он привержен мирному решению конфликта, но добавил: «Вы понятия не имеете, под каким я нахожусь давлением. Многие в нашем руководстве хотят, чтобы мы уже сейчас применили силу».

* * *

Во вторник, 27 марта, выступая перед республиканскими лидерами, Буш заявил, что намерен заставить Горбачева сдержать слово и не применять силу в Литве. Он отметил, что советский лидер разрабатывает новый закон, устанавливающий для отделения срок в пять лет, после того как по всей республике будет проведен плебисцит о независимости. «Дадим ситуации возможность мирно разрешиться», – сказал Буш.

В то же время в частных беседах Скоукрофт говорил Бушу то, чего не мог сказать публично: американцы могут лишь пожелать прибалтам успеха, поскольку с точки зрения национальных

интересов США «на чашу весов положено слишком много».

Буш был всецело с этим согласен. Во время встречи со Скоукрофтом и другими своими помощниками он сказал: «Я не хочу, чтобы через двадцать или сорок лет люди, оглядываясь назад, говорили: «Вот когда все сошло с рельсов. Вот когда остановился прогресс».

Возникал вполне очевидный вопрос: как использовать американское влияние, чтобы сдержать Горбачева. В четверг вечером, 29 марта, после того как Кеннеди лично доложил Бушу о своей встрече с Горбачевым, президент направил советскому руководителю личное письмо – это был их первый прямой контакт с начала кризиса в Прибалтике. Буш подчеркивал, что старается не осложнять для Горбачева решение дилеммы: он воздерживается от каких-либо пропагандистских выступлений против Советов и публично не грозит им пальцем. Теперь дело за Горбачевым – он должен разрядить ситуацию, которая с каждым днем выглядит все более взрывоопасной.

В этот момент посол США в СССР Джек Мэтлок летел в Вашингтон. Бейкер велел ему немедленно вернуться в Москву и «лично проследить за последствиями» письма президента Горбачеву. В частности, Мэтлок должен поддерживать точку зрения, что Советы могли бы разрешить проблему Прибалтики, согласившись с результатами плебисцита о независимости.

Теперь администрация Буша уже недвусмысленно выступала посредником между Москвой и Вильнюсом. Во многих отношениях это была странная для нее роль. Прежде всего потому, что Кремль, все еще считавший Литву частью СССР, разрешал другой стране помогать в выяснении отношений со своей, с его точки зрения, беспокойной провинцией. После того как многие десятилетия Кремль с возмущением отвергал любые американские действия, попахивавшие «вмешательством во внутренние дела» советского государства, теперь он молча приветствовал вмешательство Америки по дипломатическим каналам.

Во вторник, 1 мая, сенат в 73 голоса против 24 решил лишить Москву режима наибольшего благоприятствования в торговле до тех пор, пока не начнутся переговоры с Вильнюсом.

* * *

В пятницу, 4 мая, Бейкер встретился с Шеварднадзе в Бонне, где начались переговоры министров иностранных дел «два плюс четыре» по Германии. Отметая град вопросов по Литве,

Шеварднадзе сказал журналистам: «Холодная война» окончена. Наша планета, мир, вся Европа вступают теперь на новый путь. Это будет мирный период».

Шеварднадзе сообщил пяти другим делегациям в Бонне, что Советский Союз готов согласиться на скорое объединение Германии, если Великобритания, Франция и Соединенные Штаты отложат на несколько лет решение о том, какими будут ее военные связи. Коль отклонил это предложение, назвав его «блефом в переговорах».

Бейкер спросил Шеварднадзе, достоверны ли слухи о том, что в Москве на завтра намечен еврейский погром. «Это нас очень беспокоит», – сказал он.

Когда Бейкер впервые задал такой вопрос в феврале, Шеварднадзе отмел подобное утверждение, теперь же, казалось, серьезно отнесся к угрозе погрома: «Мы делаем все, что в наших силах. Силы безопасности и МВД приведены в состояние повышенной готовности. Мы держим в поле зрения тех, кто может на такое пойти. Многих из них мы вызывали. И хотя мы делаем все, что можем, мы не в состоянии гарантировать, что отдельных инцидентов не будет». Он добавил, что во время первомайской демонстрации особенно выделялась «Память», члены которой всячески поносили стоявших на мавзолее Горбачева и его коллег. Шеварднадзе явно опасался, что с ростом правых настроений в советском обществе что угодно может произойти.

Обратившись к проблеме Литвы, Шеварднадзе сказал: «Только благодаря сложившимся у нас отношениям мы готовы обсуждать эту проблему. В другое время и с другими странами мы сказали бы, что это наше внутреннее дело. С вами мы ведем себя иначе».

Министр иностранных дел сказал, что как у администрации Буша есть свои внутренние заботы, так и у него с Горбачевым есть свои проблемы, ибо на них оказывается серьезное давление: «Нам нужно немного больше времени, чтобы разобраться с Литвой. Мы будем проявлять терпение. Мы не станем использовать силу. Мы найдем политическое решение».

Бейкер заметил, что Шеварднадзе, казалось, был менее встревожен ситуацией с Литвой, чем прежде. Он подумал – возможно, это объясняется тем, что его советский коллега слишком упрощает проблему.

– Мы слышали, вы говорили о диалоге, но пока не видим никаких признаков его, – сказал он.

– Первый шаг должны сделать литовцы, – ответил Шеварднадзе.

Бейкер сказал:

– Ваша проблема состоит в том, что они не верят, сделаете ли вы тоже шаг. В ваших интересах заставить их поверить. Почему так трудно подписать соглашение с Вильнюсом?

– Дело движется в верном направлении. Но мы хотим дождаться от литовцев больших свидетельств серьезности их намерений, – повторил Шеварднадзе.

Когда Бейкер снова встретился в тот день с Шеварднадзе, он предупредил министра иностранных дел, что из-за продолжающейся конфронтации между Москвой и Вильнюсом будет «крайне трудно» подписать торговое соглашение на встрече в верхах в Вашингтоне. Они с Бушем не устанавливают никакой «официальной связи», но протащить торговый договор через конгресс будет «тяжело, а то и невозможно».

* * *

Во вторник, 15 мая, Бейкер встретился с Шеварднадзе в Москве, в мрачном, похожем на замок, особняке на Спиридоновке, бывшем некогда официальной московской резиденцией сталинского министра иностранных дел Вячеслава Молотова. Бейкер и его помощники гадали, будет ли Шеварднадзе человеком, по-прежнему готовым к сотрудничеству, или же мрачным брюзгой апреля и начала мая.

Прибалтийский кризис снова тучей нависал над их переговорами. 11 апреля парламент Эстонии отменил призыв эстонских граждан в советскую армию. 4 мая парламент Латвии объявил о независимости и отделении от Советского Союза.

Бейкер сказал Шеварднадзе:

– Я хочу напомнить вам то, что говорил в Бонне, а именно: будет трудно подписать торговое соглашение, если не произойдет позитивных перемен в Прибалтике.

Шеварднадзе признал, что с развитием событий в Эстонии и Латвии «ситуация со времени нашего последнего разговора изменилась». И добавил:

– Спросите об этом у Горбачева.

Информируя Бейкера о том, как трудно Горбачеву осуществлять перестройку, Шеварднадзе снова оживился:

– Поворота назад не будет! – поклялся он. – Горбачев привержен своей линии. Тем не менее переход к регулируемой рыночной экономике будет действительно очень трудным.

Бейкер и его помощники отметили новый термин – «регулируемая рыночная экономика». Они решили, что это, видимо, горбачевская выдумка, нечто вроде гибрида между

настоящей рыночной экономикой и социалистической экономикой – это позволит Горбачеву утверждать, что он не отказался от коммунизма. Как сказал позднее Бейкер, главная проблема Горбачева состояла в неспособности «выудить или насадить на крючок экономическую реформу».

Шеварднадзе далее сказал, что продолжению перестройки будут сопутствовать дезинтеграция и тяжелые испытания. Советскому Союзу потребуется 20 миллиардов долларов кредита и прочая помощь Запада, чтобы смягчить этот шок для советского общества. Запад, продолжал он, должен показать, что готов помочь перестройке «в тот момент, когда это требуется».

Бейкер постарался по возможности преуменьшить надежды Шеварднадзе на большие размеры помощи со стороны Запада, – в данный момент США могут помогать лишь своими знаниями и техническим сотрудничеством. «Довольно трудно дать вам заем в такое время, когда Советский Союз посылает миллиарды долларов на Кубу и другим нарушителям спокойствия», – сказал он.

* * *

В пятницу утром, 18 мая, Бейкер встретился с Горбачевым в Кремле. Советский лидер, как и Шеварднадзе, казалось, позитивнее относился к урегулированию вопроса о Прибалтике, чем в прошлом. Бейкер напомнил Горбачеву, что у него и у Буша «нет большого пространства для маневра»: до тех пор, пока Кремль будет применять тактику силы в Прибалтике, торговое соглашение США с Советами будет находиться под угрозой.

Горбачев сказал, что он хочет «изменить климат». Но предстоит решить «трудные проблемы»: «Мы создадим комитеты по экономике и безопасности. На это потребуется время, но мы это сделаем… Мы выработаем совместно с литовцами тот статус, какой они хотят».

Он перечислил и другие сложности. Несколько советских республик имеют претензии к Литве, да и его собственные граждане оказывают на него давление, чтобы он не разрешал отделения и защитил русских в Прибалтике.

Бейкер упомянул, что в среду вечером встречался с пятнадцатью советскими евреями, которым отказано в выездной визе. Горбачев сказал, что даже умеренные арабские государства настаивают, чтобы он сократил эмиграцию советских евреев в Израиль, поскольку их расселяют на оккупированных территориях Западного берега и сектора Газа. Его коллеги в

Кремле жалуются, что он выбрасывает на помойку годы советской дипломатии на Ближнем Востоке. «Меня атакуют», – сказал он.

Возвращаясь в Вашингтон, Бейкер сказал журналистам, сидевшим в хвосте самолета, что Горбачев по-прежнему «держит в руках ситуацию». В душе же он был более чем когда-либо встревожен тем, что на Горбачева оказывается давление справа.

Переговоры Горбачева и Буша в Вашингтоне

В мае 1990 года Горбачев прилетел в Вашингтон. По пути он узнал, что новым президентом России будет Борис Ельцин. «Что ж, – сказал он помощникам, – придется иметь с ним дело. Я на него не держу зла». Но по прибытии в Оттаву он заявил журналистам: «Если Ельцин решил поиграть в политику, нам предстоят тяжелые времена».

За время остановки советского лидера в Оттаве премьер-министр Канады Брайан Малруни трижды звонил Бушу и предупреждал его, что Горбачев настроен «саркастически и ворчливо». Малруни посоветовал президенту не начинать официальных переговоров, как только Горбачев приедет в Белый дом, а лучше сначала «погулять с ним по саду» и дать ему немного расслабиться.

30 мая 1990 года, в среду, в 18.50 белый с голубым самолет Горбачева приземлился на военно-воздушной базе Эндрюс. Горбачев вышел с весьма раздраженным видом из передней двери самолета со своей женой Раисой, державшейся за его правый локоть. Они спустились с трапа и обменялись рукопожатием с Бейкером. В сопровождении мотоциклистов они прибыли в столицу, где их ждали демонстранты с разными плакатами: «ПОДДЕРЖИВАЕМ ГОРБАЧЕВА»… «УЙДИТЕ ИЗ ЛИТВЫ»… «ПЕРЕСТАНЬТЕ НАПАДАТЬ НА АРМЯН».

Эти противоречивые призывы напоминали о том, что в американском обществе существуют противоборствующие силы по отношению к СССР: широко распространенное одобрение Горбачева и его политики соседствовало с более критическим отношением различных этнических групп, таких, как американские прибалты и армяне, которые видели в советское лидере душителя своих сородичей, все еще живших в «тюрьме народов».

В четверг утром бронированный лимузин Горбачева подкатил к Южному входу в Белый дом. При 90-градусной жаре по Фаренгейту советского президента встретили залпом гаубиц, военными маршами, завыванием дудок и грохотом барабанов, в которые били музыканты в костюмах колониальных времен.

Буш готовился к этой встрече в верхах с помощью консультантов, подготовивших для него справки о внутренней советской политике, советской экономике и проблеме национальностей. В День поминовения погибших Роберт Гейтс прилетел в Кеннебанкпорт и привез президенту на уик-энд два толстых фолианта справок. Кризис в Прибалтике уже давно

похоронил идею выступления Горбачева на совместном заседании конгресса.

Фицуотер предсказывал, что Буш будет держаться с Горбачевым с «крутой любовью». Этот термин он заимствовал у одной американской организации, которая призывала относиться к трудным детям с любовью и требовательностью строгой дисциплины.

В своем приветственном слове Буш призывал Горбачева и дальше способствовать «процессу создания новой Европы, такой, где будет обеспечена безопасность каждой нации и ни одна из наций не будет находиться под угрозой… И, как я уже неоднократно говорил, мы хотим видеть успех перестройки».

* * *

Следуя совету Малруни, Буш не спеша повел Горбачева в Овальный кабинет, где между ними состоялась беседа наедине. Их первая беседа была философской и напряженной – где мы сейчас находимся, куда мы движемся. Буш посмотрел на свои часы лишь через двадцать минут после того, как беседа должна была закончиться.

Горбачев сказал, что их страны вступили в «новую эру», «во многом неясную, но и многообещающую». Они «двинулись вперед, оставив позади статус врага». Он в мрачных красках обрисовал кризис в советской экономике: помощь Запада «действительно необходима». И выразил надежду, что Буш говорил «серьезно», выражая желание видеть успех перестройки.

Советский руководитель сказал, что он понимает: торговое соглашение практически даст советскому народу лишь незначительное облегчение, но считает, оно было бы важным символом, указывающим на то, что его политика сотрудничества с Западом начинает приносить плоды. И признался: «Мне это нужно».

Согласно официальной позиции США, нормализация экономических отношений с Москвой – включая режим наибольшего благоприятствования для нации – была давно уже привязана к принятию нового советского закона, разрешающего гражданам свободно эмигрировать. Солидаризируясь с конгрессом, Буш и Бейкер связали подписание торгового соглашения со снятием Советами санкций против Литвы.

Кремль обещал Вашингтону принять закон об эмиграции в конце мая, но сторонники жесткой линии заупрямились, спрашивая, почему следует премировать Соединенные Штаты за

улучшение торговых отношений, когда такое улучшение бесспорно в интересах обеих стран. Были и такие люди в Москве, которые начинали понимать, к каким результатам может привести принятие такого закона: они без труда представили себе, какая произойдет «утечка мозгов», в итоге которой Советский Союз лишится своих наиболее образованных граждан.

Однако в Овальном кабинете Буш сказал Горбачеву, что в отношении торгового соглашения руки у него будут связаны до тех пор, пока Советский Союз не примет закона об эмиграции. Даже и в этом случае ему будет «чрезвычайно трудно» убедить сенат одобрить соглашение, если Кремль не смягчит своих санкций против Литвы.

Горбачев сказал, что «пока» он этого сделать не может: это подстегнуло бы поборников отделения и привело бы в ярость сторонников жесткой линии у него на родине. Но придерживаясь обязательства, данного на Мальте, повторил, что не намерен использовать силу против Прибалтийских республик: по-прежнему надеется разрешить кризис с помощью диалога.

Тем временем Бейкер встречался отдельно с Шеварднадзе. Когда госсекретарь перечислил соглашения, которые, как он считал, можно будет подписать до окончания встречи в верхах, Шеварднадзе сказал: «Я не вижу здесь торгового соглашения». Бейкер ответил: «Как я уже говорил и в Бонне и в Москве, нам будет трудно представить его конгрессу, если вы не измените ситуацию в Литве».

Шеварднадзе держался так же спокойно, как и в Бонне и в Москве. Чуть ли не просительным тоном он произнес: «Не могу не сказать вам, как нам важно заключить это соглашение на этой встрече в верхах. Иначе чем мы объясним это нашим людям в Москве, когда вернемся?»

Бейкер никогда еще не видел министра иностранных дел таким расстроенным. Придерживаясь позиции силы, он сухо произнес: «Не знаю, почему вы не можете просто привести тот довод, что в свете событий в Литве США не могут заключать такого соглашения».

Шеварднадзе признался тогда, что Горбачеву необходимо доказать дома, какое положение он занимает на Западе: «Я редко говорю так с вами, но сейчас крайне важно, чтобы это было сделано».

Никогда еще трудности дома не побуждали Горбачева так отчаянно добиваться выгоды от добрых отношений с Соединенными Штатами. Никогда прежде Шеварднадзе не давал еще Бейкеру так ясно понять, в какой мере Горбачев зависит от благосклонности и поддержки Буша.

* * *

По официальной программе Буш должен был показать Горбачеву свою площадку для метания подков под окнами Овального кабинета и даже, возможно, сделать с ним несколько бросков. Но утреннее заседание затянулось на сорок минут, и Горбачев вынужден был, извинившись, помчаться в свое посольство, где он давал завтрак в Бальном зале в стиле рококо для шестидесяти американских «представителей интеллигенции и лидеров общественного мнения».

Аппарату посольства было сказано, что Раиса Горбачева хочет встретиться с кинозвездами и прочими знаменитостями. Поэтому среди гостей на завтраке были: Джейн Фонда, Тед Тэрнер, Айзек Азимов, Ван Клайберн, Дуглас Фернбэнкс-младший, Памела Гарриман, Диззи Гиллеспи, Арманд Хаммер, Джесси Джэксон и Эндрю Вайет. Фрэнк Синатра и Роберт Редфорд прислали извинения, что не смогут приехать. Джон Кеннет Гэлбрейт сказал Горбачеву, что он как экономист представляет «профессию, которая наверняка причинила миру больше страданий, чем любая другая». Хозяин рассмеялся. И шутливо заметил, кивнув на Генри Киссинджера: это «мой старый друг-спорщик».

А Киссинджер, общаясь с присутствующими, был немало удивлен тем, что помощники Горбачева плохо говорят о своем шефе чуть ли не ему в лицо. Когда он спросил Примакова, понимали ли Советы, к каким последствиям приведет уничтожение Берлинской стены, тот ответил, что они «понятия об этом не имели», добавив, что это было вовсе не «наше» решение. И указал на Горбачева: «Это было его решение!»

Горбачев произнес не очень связную, раздраженную речь, заявив, что никто не должен пытаться оказывать давление ни на него, ни на Советский Союз, исходя из неверного убеждения, что он «ослаблен». Всякие разговоры о слабости «просто несерьезны». Он сказал, что для американцев «все очень просто. У вас все механизмы и институты уже есть». А в Москве – «ох, как нам приходится ворочать мозгами!»

Днем Горбачев встретился с Бушем и его советниками в комнате для совещаний правительства. Буш и Бейкер вручили Горбачеву и Шеварднадзе список «гарантий», которые сделали бы членство объединенной Германии в НАТО приемлемым для Советов.

Горбачев в ответ пустился в туманные, витиеватые высказывания насчет Германии, а в заключение сказал: «Не следует ли германскому народу самому решать, быть или не быть в НАТО»? Подобно тому, как вопрос об объединенной Германии

должен решаться «согласно принципу, что народу принадлежит право выбирать, с кем ему быть», так и вопрос о «внешних связях» германского народа «решать надлежит немцам».

Буш спросил советского президента, как конкретно он представляет себе проведение такого референдума, но вразумительного ответа не получил. Он приветствовал утверждение Горбачева, что объединенная Германия должна сама решать, с кем в союзе ей быть. И, не желая упускать возможности, спросил Горбачева, готов ли он повторить только что сказанное публично.

Горбачев кивнул. Несколько членов советской делегации, присутствовавшие при этом обмене мнениями, были явно потрясены, – особенно Валентин Фалин, долгое время бывший главным экспертом Кремля по Германии. Шеварднадзе отвел своего шефа в сторонку и стал тихо, напряженно что-то ему говорить, в то время как Фалин явно пытался устроить обструкцию.

* * *

Когда Горбачев снова выступил с советской стороны, он уже несколько отступил от того, что говорил раньше. Роберт Гейтс сделал из этого вывод, что ранее Горбачев «вышел за пределы того, что было ему подготовлено» в памятной записке. Стремясь переложить на другого проблему, по которой у него возникли сложности со своими коллегами, Горбачев трижды просил Шеварднадзе проработать с Бейкером германскую проблему.

Сначала Шеварднадзе наотрез отказывался, говоря: «Этот вопрос должны решать главы правительств… Тут требуется политическая ориентация». Но под конец все же сдался.

Американцы были удивлены. Никогда прежде советский министр иностранных дел так открыто не противился воле главы своего государства в их присутствии. Американцы решили, что Горбачев пытается заставить Шеварднадзе взять на себя ответственность за все, что произойдет в Германии, а министр иностранных дел не хочет на это соглашаться.

Идя даже дальше, чем на Мальте, Горбачев особо подчеркнул свою надежду на то, что американские военные еще долго будут оставаться в Европе. Он сказал Бушу: «Я хочу, чтобы вы знали: я считаю, это и в ваших интересах, и в наших. И об этом я готов сказать публично».

Многие американцы, слушая Горбачева, пришли к выводу, что по крайней мере на данный момент он утратил свою обычную

способность делать вид, будто знает ответы на все вопросы. Роберт Блэкуилл заметил, что Горбачев в меньшей мере владеет собой, менее требователен и меньше командует, чем на Мальте.

Буш поднял вопрос об «открытом небе» – своем предложении о том, чтобы допустить полеты самолетов с инспекторами над военными базами – которое лежало под спудом вместе с другими вопросами по контролю над вооружениями: «Я просто ошарашен тем, что вы его не подписали. Мы не понимаем. Если проблема в технике, мы продадим вам нужную технику». Горбачев сказал: «Это, похоже, весьма близко к нашей позиции. Верно, маршал Ахромеев?»

Маршал затряс головой и решительно заявил: «Нет, мы не можем открыть все районы Советского Союза – разве что нам будет предоставлено право летать над американскими базами на Филиппинах и в других районах земного шара!» Американцев снова поразило это неподчинение приказу и новый намек на то, что Горбачев теряет контроль над своими военными.

По пути назад, в посольство, Горбачев велел остановить свой лимузин и вышел на углу Пятнадцатой улицы и Пенсильвания-авеню. Ему хотелось воссоздать магию декабря 1987 года, менее сложного и более благополучного периода в его жизни. Горбачев буквально упивался своим успехом, когда толпа начала приветствовать его и аплодировать. Через переводчика он воскликнул: «Я, право, чувствую себя здесь как дома!» Это была странная, но много говорящая фраза: так как на родине его собственный народ не устроил бы ему такой встречи.

Вечером Буши дали Горбачевым официальный обед, после которого был концерт, где пела меццо-сопрано Фредерика фон Штаде. В противоположность американцам, которые были в смокингах и вечерних платьях, Горбачев приехал в обычном костюме для деловых встреч и пытался даже во время обеда заниматься делами, уговаривая своих хозяев не тянуть и подписать советско-американское соглашение о торговле.

У Горбачева столь велика была жажда ощущать расположение общественности и видеть доказательства своего значения на Западе, что и на следующий день он выделил четыре часа своего времени и принял поочередно пять наград от различных организаций. Это были: премия мира Альберта Эйнштейна, медаль борцу за свободу имени Франклина Делано Рузвельта, премия ненасильственного мира имени Мартина Лютера Кинга-мл., награда человеку, вошедшему в историю, и международная премия мира имени Мартина Лютера Кинга-мл.

Горбачев, широко улыбаясь, встречал представителей каждой организации, торжественно входивших в пышный зал приемов

советского посольства; они вешали на стену свою эмблему и перед камерами советского и американского телевидения превозносили Горбачева до небес.

* * *

На протяжении всего дня экономические советники Буша уговаривали его как можно скорее нормализовать торговые отношения с Москвой – это послужит стимулом как для внутренних реформ в Советском Союзе, так и для торговли между Востоком и Западом. А его политические помощники предупреждали против каких-либо шагов, которые могут быть интерпретированы как услуга или награда Горбачеву в такое время, когда он все еще удерживает в подчинении прибалтов.

Под влиянием эмоционального заявления Шеварднадзе накануне Бейкер в телефонном разговоре с президентом в середине дня рекомендовал подписать торговый договор. Буш согласился – при условии, что Горбачев подтвердит свое обещание урегулировать прибалтийский кризис путем мирного диалога, а не с помощью силы. Президент так поздно принял решение, что никто не подумал принести соответствующие документы в Белый дом – пришлось посылать за ними курьера в министерство торговли.

В шесть часов американская и советская делегации, конгрессмены, сенаторы и все остальные собрались в Восточном зале. Прежде чем проследовать туда за Бушем, Горбачев спросил: «Мы будем подписывать торговое соглашение?» Буш ответил: «Да». Горбачев широко улыбнулся и сказал: «Это для меня действительно важно».

Буш предупредил его, что не пошлет договора в конгресс и не поставит вопроса о предоставлении СССР режима наибольшего благоприятствования в торговле, пока Советы не примут закона об эмиграции и не будет решена проблема Литвы. Он сказал, что намерен специально упомянуть о связи между этими двумя проблемами в своем публичном заявлении.

Горбачев попросил Буша не связывать подписание торгового договора с проблемой Литвы, так как он будет выглядеть тогда в глазах сторонников жесткой линии у себя дома слабым, поддающимся давлению извне. Буш с неохотой согласился выполнить его просьбу.

Затем два лидера вошли в Восточный зал и сели за изысканный, резного дерева стол, за которым был подписан не один договор, начиная с пакта Келлога – Бриана 1928 года,

попытки обязать великие державы не прибегать к войне для урегулирования своих разногласий. Большая часть присутствующих все еще не знала, подпишет ли Буш торговый договор.

Буш раскрыл карты в одной-единственной фразе в конце своего вступительного слова: «Президент Горбачев и я подпишем также торговое соглашение и ожидаем принятия советского закона об эмиграции».

Это был классический пример того, как Буш предпочитал вести дела с Горбачевым, и хорошая иллюстрация эффективности такого метода. Буш давал Советам то, в чем они отчаянно нуждались, и услугу эту ставил в зависимость от серьезной уступки с их стороны. Тем не менее, решая этот вопрос без шумихи, чуть ли не мимоходом и не тыкая Горбачева носом в необходимость уступок, – Буш сумел увязать американо-советскую торговлю с политикой Кремля в отношении собственных граждан, против чего предшествующие советские лидеры не только возражали, но и считали это неприемлемым.

В тот вечер мотоколонна с Бушем под вой сирен, с развевающимися флажками примчалась к советскому посольству, где Горбачевы давали ответный обед. На этот раз все мужчины были в деловых костюмах. Бушей провели по парадной лестнице на второй этаж, где их встречали хозяева.

В своем тосте Горбачев сказал:

– То, что произошло сегодня, стало возможным лишь в атмосфере, созданной нашей встречей с президентом Бушем на Мальте.

Буш в ответ сказал:

– Вчера мы снова встречали Горбачевых в Вашингтоне, все еще памятуя о том, что нас объединяло на Мальте, – о дружбе, сотрудничестве и таблетках от морской болезни! – Выждав, когда стихнет смех, он уже серьезно продолжал: – Господин президент, я узнал, что ваше родное село на Северном Кавказе называется Привольное, что значит «просторное» или «свободное».

– Спасибо за то, что вы об этом упомянули, – ответил Горбачев.

– Так вот, – продолжал Буш, – это наводит меня на мысль о новом ветре, новом духе свободы, которым, как мы видим, повеяло в Европе и вокруг всего земного шара.

Зная, что их руководитель не любит пустых разговоров, советская сторона отклонила приглашение Буша поехать под Вашингтон и переночевать там. Самое большее, на что они согласились, – это съездить в субботу на восемь часов в Кэмп Дэвид.

* * *

В субботу утром Буш обнаружил, что Горбачева смущает полет на вертолете, – ему пришлось несколько минут уговаривать гостя не ехать пятьдесят пять миль на автомобиле с мотоциклистами. В обшитом деревянными панелями «сикорском», рядом с двумя лидерами, летел майор авиации. К кисти его руки был пристегнут ремнем «футбольный мяч» – чемоданчик судного дня, который позволяет Президенту Соединенных Штатов дать команду о запуске ядерных ракет. В той же кабине сидел один из помощников Горбачева с советским эквивалентом – таким же чемоданчиком.

Глядя вниз, на пригороды Вашингтона, Горбачев видел дома с плавательными бассейнами и теннисными кортами. Буш рассказал, как американцы покупают дом. Горбачев спросил, сколько такие дома могут стоить и кто в них живет. Он был поражен высоким уровнем состоятельности «среднего» американца.

После того как они приземлились, Буш повез Горбачева на автокаре для игроков в гольф в Осиновый домик. Две первые дамы, взявшись под руки, отправились гулять по дубовому и каштановому лесу, а Буш, Горбачев, Бейкер, Шеварднадзе, Скоукрофт и Ахромеев сели за стол со стеклянной крышкой, поставленный возле дома, откуда открывался вид на бассейн, поле для гольфа и зеленый газон. Буш предложил всем снять галстуки и пиджаки и наслаждаться хорошим днем. Помощники Горбачева считали великим достижением то, что им удалось уговорить своего шефа снять галстук и надеть серый пуловер с вырезом.

За вторым завтраком, когда был подан горячий суп из щавеля, двое лидеров обсуждали, как сказал Горбачев, «планету и ее горячие точки». Переходя от региона к региону, Буш спрашивал: «Какие вы видите тут проблемы?» и «Что мы могли бы тут предпринять?» В нескольких случаях Буш спрашивал: «Что мы можем сделать, чтобы помочь вам решить ваши проблемы?»

Они обсудили Афганистан, Камбоджу, Южную Африку, Никарагуа, Кипр, Корею и Кубу. Буш выразил Горбачеву протест по поводу того, что он продолжает ежегодно давать Кастро 5 миллиардов долларов, на что Горбачев не слишком складно ответил: «Да в общем-то мы им помощи не оказываем. Мы даем им большие субсидии – продаем нефть по ценам ниже рыночных. И по вздутым ценам покупаем у них сахар. Но в ближайший год мы намерены нормализовать наши отношения».

Буш высоко оценил усилия Горбачева, позволившего

эмигрировать куда большему числу советских евреев, чем при его предшественниках: «То, что вы делаете, – это замечательно: вы позволяете людям уехать. Пусть это продолжается в том же духе». И тут же подал Горбачеву список на несколько десятков советских евреев, которым все еще отказывается в выездной визе.

Горбачев сказал, что на него оказывают большое давление даже умеренные арабы, требуя прекратить выезды евреев. Сторонники жесткой линии у него в стране поднимают шум, когда он делает что-то, вроде бы благоприятствующее евреям: «Мне приходится взвешивать, осуждая антисемитизм, не вызову ли я к жизни русский национализм».

Буш поднял вопрос о Борисе Ельцине – какую роль он будет играть в советской политике? Горбачев пылко ответил, что Ельцин – «человек несерьезный», это скорее «оппортунист», и добавил: «Ельцин мог бы быть с нами, но он стал разрушителем».

* * *

Во время пребывания в Кэмп Дэвиде Горбачев сел за руль автокара для игроков в гольф и повозил Буша. Когда они проезжали мимо дома Джона Сунуну, советский лидер снял руки с руля и помахал. Автокар резко крутануло влево, и он съехал с асфальта, но Буш и Горбачев оба вовремя схватились за руль, и каретка не перевернулась, а то они могли бы покалечиться. Переводчик Горбачева Павел Палащенко сострил: «Видите, как лидеры двух великих держав сотрудничают, чтобы избежать беды и держаться нужного курса!»

Буш заметил, что тут есть «прелестные дорожки, по которым, если мы надумаем, можно будет погулять». Горбачев сказал, что они с Раисой «часто совершают большие прогулки по лесу». Буш повел Горбачева пройтись, и они закончили прогулку на площадке для метания подков; Горбачев сделал три броска и с первой же попытки насадил подкову на колышек.

Вечером американская и советская делегации ели лососину на ужин в Лавровом домике за большим, поставленным буквой Е столом. Буш произнес тост: «Эти встречи не были сплошь приятными и светлыми. Для меня имеет большое значение успех в спорте. Я люблю выигрывать. Так что можете себе представить, что я почувствовал, когда мой гость, который впервые в жизни бросил подкову, сразу же наколол ее на штырь!» Он нагнулся и извлек из-под стола подставку, где была срочно смонтирована подкова, с помощью которой Горбачев выиграл состязание.

Тронутый этим жестом, Горбачев в ответном слове сказал,

что у него в стране подковы вешают над дверью – на счастье. Подняв в воздух подставку, он сказал: «Пусть такая подкова будет висеть над дверью вашего дома и моего дома, и над дверями всех американцев и принесет нам удачу». Во время их телефонных разговоров в течение следующих полутора лет Буш, стремясь воссоздать дружескую атмосферу, царившую во время встречи в Кэмп Дэвиде, часто вспоминал о том, с какой ловкостью Горбачев бросил тогда подкову.

В предшествующий вечер, после подписания соглашений, Скоукрофт спросил Ахромеева, как он расценивает встречу в верхах. Маршал холодно ответил: «Все прошло хорошо. Ничего особенного». Но атмосфера в Кэмп Дэвиде улучшила настроение даже у сварливого старого солдата. За ужином он сказал американцам: «Это особый день в истории наших отношений. Ничто уже не будет больше прежним». Как заметил потом Роберт Блэкуилл: «Атмосфера была бы куда холоднее, если бы торговый договор не был подписан».

В воскресенье, в десять утра, Буш и Горбачев должны были провести совместную пресс-конференцию в Восточном зале Белого дома. Накануне – согласно установившимся между США и СССР более тесным отношениям – Блэкуилл дал Бессмертных текст вступительного слова Буша с тем, чтобы Горбачев мог подготовить свое выступление, зная, что скажет Буш.

Блэкуилл сказал Бессмертных: «Мы не предлагаем вам одобрить это заявление, но мы обычно показываем такого рода вещи нашим друзьям». В текст была вставлена фраза о том, что Буш и Горбачев «полностью согласны» с тем, что вопрос о членстве в НАТО «должны решать немцы».

В субботу Кондолиза Райс допоздна сидела у телефона, ожидая, когда позвонят из советской делегации и потребуют, чтобы эта фраза была вычеркнута. В час ночи она позвонила Блэкуиллу и сказала: «Я до сих пор ничего от них не слышала».

Наконец Бессмертных позвонил и сказал, что у него нет возражений против высказываний Буша. Каков бы ни был раскол в советских рядах по этому вопросу, руководство СССР молча приняло то, что Германия после объединения останется в НАТО.

* * *

На пресс-конференции в воскресенье утром Горбачеву задали вопрос об арабо-израильском конфликте и его значении для политики Кремля. Горбачев ответил, что, если советским евреям не запретят расселяться на оккупированных территориях,

Советскому Союзу, возможно, придется «повременить с выдачей выездных виз». Эта угроза поразила американцев: они решили, что Горбачев подыгрывает консерваторам у себя дома.

Затем Буши стали провожать Горбачевых; обе супруги расцеловались и обнялись. Когда гости сели в свой лимузин, Буш крикнул им вслед: «До свидания! Удачи вам!» И машины помчали Горбачевых и остальных советских гостей к залитому солнцем памятнику Вашингтону, возле которого ожидали вертолеты, чтобы отвезти их на военно-воздушную базу Эндрюс. Играл оркестр, из гаубиц был дан салют.

Перекрывая грохот орудий, Бейкер пригнулся к Шеварднадзе и сказал: «По-моему, это были хорошие встречи». Шеварднадзе изобразил удивление: «А вы сомневаетесь?» Буш же, вернувшись в Белый дом, сказал своим помощникам: «По-моему, я улучшил личные отношения с Горбачевым, но мне не хотелось бы пережимать!»

Эта оценка говорила о многом. Буш знал, что в предстоящие месяцы его возможность повлиять на Горбачева может иметь решающее значение – особенно возможность удержать Горбачева от того, чтобы дать волю сторонникам жесткой линии в вопросе о Прибалтике. В то же время в ходе встречи в верхах было несколько моментов, наглядно показывавших, что Горбачев, похоже, теряет власть даже среди своих ближайших помощников. А коль скоро контроль Горбачева над событиями уменьшался, то и влияние Буша на него теряло свою политическую ценность. Следовательно, лучше не «пережимать» в отношениях и не слишком рассчитывать на это как на инструмент американской политики.

Перелетая на Западное побережье, Горбачев остановился в Миннеаполисе и посетил «Контрол дейта», фирму, которая в 1968 году продала Советскому Союзу первые большие американские компьютеры. Горбачев встретился с рядом руководителей корпораций, включая Ли Якокку из «Крайслера», Джеймса Робинсона из «Американ экспресс» и Дональда Кендалла из «Пепсико», и совершил поездку на «типичную миннесотскую семейную ферму». Он встретился также с английским магнатом-мошенником Робертом Максвеллом и объявил вместе с ним о создании Фонда Горбачева – Максвелла, в который Максвелл обязался вложить миллионы долларов.

В Сан-Франциско Горбачевы пригласили Рональда и Нэнси Рейган на кофе. Стремясь загладить ходившие в свое время россказни о вражде между двумя супругами, они теперь обнялись у всех на глазах.

Затем Горбачевых повезли в Стэнфордский университет, где

их встретил Джордж Шульц, который теперь там преподавал. Обозревая великолепный студенческий городок, Горбачев сказал Шульцу: «Ну, Джордж, я вижу, вы теперь живете как в раю… Вы все должны платить налог за такую погоду». Студенты кричали: «Горби! Горби!» Горбачев произнес речь, в которой звучала знакомая нота. «Холодная война» осталась позади, – сказал он, – и нет смысла пререкаться, кто победил».

Вернувшись в Сан-Франциско из Пало-Альто, Горбачев присутствовал на завтраке со 150 лидерами делового и административного мира, а затем у него состоялась беспрецедентная встреча с президентом Южной Кореи Ро Дэ У. В значительной степени из уважения к своим северокорейским товарищам советские чиновники долгое время отказывались иметь дело с Южной Кореей. И соглашаясь встретиться с Ро, Горбачев нарушил это табу. Он хотел со всей очевидностью показать миру, что советская внешняя политика больше не будет руководствоваться или ограничиваться идеологическими императивами «холодной войны». Горбачев также надеялся, что нормализация отношений с Сеулом привлечет в страну южнокорейские капиталы и финансовую помощь.

Встреча между Горбачевым и Ро была устроена на советской территории главным образом Анатолием Добрыниным, который тогда все еще был советником у Горбачева. Добрынин напрямую докладывал Кремлю в обход советского Министерства иностранных дел. И он, и несколько других помощников Горбачева были озабочены тем, что как арабисты в министерстве осложняют сотрудничество СССР с Соединенными Штатами на Ближнем Востоке, так и профессиональные дипломаты, занимающиеся Азией, будут сопротивляться – а возможно, даже и саботировать – драматическому переключению советской политики с Северной на Южную Корею.

Шеварднадзе был возмущен, узнав о встрече в Сан-Франциско, – не потому, что не был согласен с такой политикой, а потому, что считал себя лично оскорбленным тем, что Горбачев и Добрынин не сочли возможным включить его в столь важное дипломатическое событие.

Перед тем как Горбачевы сели в самолет, чтобы лететь домой, хор в казачьих костюмах исполнил прямо на асфальте на русском языке песню «Я оставил сердце в Сан-Франциско». Раиса Горбачева поистине наслаждалась этим последним знаком восхищения ее мужем на Западе: она знала, что дома его ждут только неприятности и критика. И стоя рядом с Джеком Мэтлоком, она пробормотала: «Новации рано или поздно поворачиваются обратной стороной и уничтожают новаторов».

Отставка Шеварднадзе

Позднее Шеварнднадзе вспоминал: «1990 год был равен нескольким десятилетиям. Мы жили, не имея возможности перевести дыхание, в тисках многочисленных внешних проблем и постоянного давления изнутри».

За последние несколько месяцев у Шеварднадзе появилось «сильное предчувствие, что события скоро сотрут наши достижения, которые стали возможны главным образом благодаря личному доверию со стороны моих зарубежных партнеров… В то время мне было трудно смотреть им в глаза. Я не мог объяснить им… внезапных осложнений и отыгрываний назад, явно кем-то срежиссированных, для того чтобы поставить под угрозу уже достигнутые нами договоренности».

Шеварднадзе знал: Горбачев пришел к выводу, что как министр иностранных дел Шеварднадзе больше не угоден – он тащил за собой слишком тяжелый груз, чтобы оставаться на этом посту.

В кулуарах советский руководитель уже предложил ему занять новый пост вице-президента Советского Союза. Слишком хорошо зная макиавеллиевские наклонности Горбачева, Шеварднадзе сразу увидел ловушку. На него как на вице-президента ляжет основная ответственность за внутреннюю политику. В нынешней раскаленной атмосфере в Москве он превратится в мальчика для битья, что приведет к неизбежной в скором расправе.

Положение Шеварднадзе усугублялось еще и тем, что он был грузином, а его родная республика была в числе самых мятежных. Представители других национальностей станут ждать от него сочувствия своим сепаратистским устремлениям, а русские не будут ему доверять по этой же самой причине.

Еще затемно министр иностранных дел встал с постели и набросал тезисы речи о своей отставке. Он поделился этим секретом с женой, дочерью, Тарасенко и еще с одним помощником, но не с Горбачевым. Советский руководитель отговаривал его от ухода в отставку уже много раз. Так, например, в декабре 1989 года Шеварднадзе пригрозил отставкой, когда военный прокурор попытался замолчать вопрос о соучастии Кремля в апрельской бойне в Тбилиси. Только благодаря дару убеждения Горбачева и отказу от замалчивания на экстренном заседании Политбюро Шеварднадзе не оставил свой пост.

Теперь Шеварднадзе не даст Горбачеву такой возможности.

Он принял решение…

В четверг утром, 13 декабря 1990 года, Шеварднадзе сказал на съезде народных депутатов, что, сегодня, может быть, «самое короткое и самое тяжелое выступление в моей жизни». Он вспомнил, что на июльском съезде партии 800 делегатов выразили ему недоверие.

– Проводимая министром иностранных дел политика не устраивает или его личность? – спросил он. – Товарищи, идет настоящая травля… Прямо скажу: товарищи демократы в самом широком смысле этого слова разбежались, реформаторы ушли в кусты.

Намекая на требования Горбачева о новых полномочиях, он сказал:

– Наступает диктатура… Никто не знает, какая это будет диктатура и какой диктатор придет, какие будут порядки. – Затем раздался взрыв: – Хочу сделать следующее заявление: я ухожу в отставку.

В зале раздался общий вздох.

– Пусть это будет, – продолжал Шеварднадзе, – если хотите, моим протестом против наступления диктатуры. Выражаю глубокую благодарность Михаилу Сергеевичу Горбачеву. Я его друг и единомышленник… Но считаю, что это мой долг как человека, как гражданина, как коммуниста. Я не могу примириться с теми событиями, которые происходят в нашей стране, и с теми испытаниями, которые ждут наш народ. Я все же верю, что диктатура не пройдет, что будущее за демократией и свободой.

* * *

В 5.30 утра по вашингтонскому времени Росс позвонил Бейкеру домой, на Фоксхолл-Роуз, разбудив его сногсшибательным сообщением. Сообразив, о чем идет речь, Бейкер вспомнил, что во время последней встречи Шеварднадзе отвел его в сторону и, понизив голос, произнес:

– У нас полный кризис. Вскоре в нашей стране может установиться диктатура.

Бейкер позвонил в Москву, но ему сказали, что Шеварднадзе, утомленный сегодняшними событиями, не может подойти к телефону. Позднее министр иностранных дел поделился с Бейкером:

– Я хотел сказать вам об этом накануне моей отставки. Мне было так тяжело. Но не смог. Я пришел к этому решению давно,

но каждый раз меня отговаривали.

Он согласился остаться в роли временно исполняющего обязанности министра иностранных дел до окончания февральской встречи Буша с Горбачевым.

Когда Бейкер приехал в Госдепартамент, там его ждали журналисты. С унылым видом он сказал им:

– С нашей стороны было бы совершеннейшей глупостью не принять всерьез предостережение, которое несет в себе заявление министра Шеварднадзе об отставке.

У себя в кабинете госсекретарь и его помощники мрачно рассуждали о том, удастся ли стать новым министром иностранных дел Примакову.

– Ясно, что Примаков та лошадка, на которую ставят сторонники жесткой линии против политики Шеварднадзе в Персидском заливе, – сказал Росс. – А поскольку Примаков всегда принадлежал к новому мышлению, то, с точки зрения Горбачева, он может угодить и реформаторам. Но Горбачев должен понимать, что назначение Примакова будет означать для нас скверный сигнал в отношении Персидского залива.

В советском посольстве на Шестнадцатой улице Александр Бессмертных от руки написал записку Шеварднадзе: «Дорогой Эдуард Амвросиевич, я прошу Вас отказаться от отставки. Так было бы лучше для нашей внешней политики и для общей международной обстановки. Я в этом убежден. Не покидайте свой пост. Саша».

Не оставляя ни у кого сомнений относительно предсказаний Шеварднадзе о грядущей диктатуре, 22 декабря Крючков, выйдя на трибуну, предупредил, что «если сегодня пойти на решительные действия по наведению порядка, то надо заведомо согласиться с тем, что (в республиках) прольется кровь». Он обвинил западные спецслужбы в попытках «воздействовать» на распад Советского Союза.

Советский Союз и в самом деле расползался по швам. Республика Молдавия, расположенная на границе с Румынией, была на грани восстания. 23 декабря Горбачев потребовал, чтобы молдаване отказались от планов создания собственной армии.

Съезд народных депутатов предоставил Горбачеву большую часть тех полномочий, о которых он просил, но наотрез отказал в создании нового всесоюзного органа для проведения в жизнь его декретов. На должность вице-президента Горбачев решил выбрать Геннадия Янаева, который заверил съезд в своей первой речи:

– По своим убеждениям я коммунист до глубины души.

* * *

В Белом доме Буш и Скоукрофт были потрясены событиями в Москве за последние две недели. Скоукрофт сетовал Бушу на то, что Горбачев «по-прежнему пытается нащупать точки соприкосновения между реформаторами и реакционерами, хотя таковых и не существует». Он напомнил президенту, что политика Советов в Персидском заливе «несет на себе отпечатки пальцев Шеварднадзе»; с уходом Шеварднадзе Горбачев может отказаться от сотрудничества в Персидском заливе.

В последнюю неделю декабря, накануне рождения своего сына, Бессмертных явился в Белый дом, чтобы передать Бушу новогодние поздравления Горбачева. Президент сказал Бессмертных, что он обеспокоен продолжающимся кризисом в Прибалтике, но, стремясь сохранить Советы на своей стороне перед лицом возможной войны в Персидском заливе, он воздержался от критики в адрес Горбачева за его уход вправо во внутренней политике.

В четверг, 27 декабря, перед тем как вылететь вертолетом в Кэмп Дэвид на новогодний уик-энд, Буш заявил журналистам:

– Всякий переход от тоталитарного, полностью контролируемого государства к государству открытому сопровождается проблемами… Однако же я далек от того, чтобы подстраиваться под те трудности, которые они там у себя испытывают.

События в Вильнюсе. Демарш послов

В среду, 2 января 1991 года, «черные береты» – войска советского Министерства внутренних дел по борьбе с бунтовщиками – захватили помещение ЦК компартии Литвы, а также редакцию и типографию главной газеты в Латвии. Предлогом послужило то, что эти здания являются собственностью центральных советских властей.

В четверг, 3 января, посол Мэтлок встретился с Владимиром Крючковым. Он выразил «озабоченность Соединенных Штатов тем, что и так напряженная ситуация в Прибалтийских республиках может быть усугублена действиями, отнюдь не ведущими к мирному исходу». Глава КГБ отмел это предупреждение.

Мэтлок упрекнул также Крючкова за его речь, произнесенную двумя неделями ранее, в которой он обвинил ЦРУ в проведении тайных операций с целью дестабилизации положения в Советском Союзе.

– Вернитесь к этим фактам и перепроверьте их, – сказал посол. – Мы вовсе не пытаемся подорвать вашу систему.

– Мы не говорим нашим послам все, что мы делаем, и я уверен, ваши люди тоже не все вам говорят.

– Я знаю, что делает мое правительство в стране, где я аккредитован.

На другой день Мэтлок посетил советника Горбачева по иностранным делам Анатолия Черняева, который был более общителен и менее воинственно настроен, чем Крючков. Мэтлоку показалось, что Черняев был глубоко обеспокоен тем, в каком направлении развивалась внутренняя политика Советского Союза.

В понедельник, 7 января, новое донесение весьма зловещего характера поступило в операционный центр Госдепартамента. Советский командующий войсками в Прибалтике сообщил руководителям трех республик, что Москва посылает элитные части десантников, чтобы они помогли проведению в жизнь закона о воинской повинности и выловили уклоняющихся от нее, а также дезертиров, число которых достигало 32 тысяч человек.

Узнав об этом, Роберт Гейтс и Кондолиза Райс бросились в кабинет Скоукрофта, предлагая выступить от имени Белого дома с жестким заявлением. Скоукрофт заколебался. Подобно президенту, он знал, что сейчас больше, чем когда-либо, США нужна поддержка Советов в ООН для создания коалиции в Персидском заливе, что подкрепило бы достоверность заявления США, грозивших применить против Саддама Хусейна силу.

В Овальном кабинете Скоукрофт признался Бушу и Бейкеру, что очень четко представляет себе, как кризис в Прибалтике может «вырвать Советы из коалиции». А президент опасался, что молчание Америки по поводу новых шагов кремлевских военных в отношении Прибалтики может быть рассмотрено там как согласие с такой политикой. Скоукрофт сказал, что даст указание своим помощникам подготовить публичное заявление с выражением «озабоченности».

После встречи с Бушем Бейкер велел послать телеграмму в Москву и Ленинград с указаниями американским дипломатам «начать задавать вопросы» советским официальным лицам о значении приказа послать войска для облавы на уклоняющихся от призыва и дезертиров.

* * *

Рано утром в воскресенье, 13 января, советские войска в Вильнюсе возобновили атаку на башню телевидения, которое каждый час передавало сообщения о возрастающем давлении со стороны советских войск.

У башни несколько сотен литовцев встретили два советских танка и бронетранспортер. Один танк развернул свою пушку над головами демонстрантов и выбил стекла из окон стоявшего там автобуса. Другой выстрелил холостым зарядом, но от взрыва вылетели стекла в соседних домах.

Какой-то юноша залез на один из танков и сел на ствол орудия – танк начал маневрировать взад-вперед, раскачивая пушку и стараясь сбросить его. Другой юноша встал перед вторым танком, жестом показывая – стреляйте, мол, в голову; команда танка это и сделала. Многим из очевидцев это напомнило события на площади Тяньаньмэнь. Ко времени, когда атака захлебнулась, несколько сотен литовцев были ранены, пятнадцать человек погибли.

Все это происходило, когда в Соединенных Штатах был еще субботний вечер. О случившемся в Вашингтоне узнали по телефону и по любительскому радио. Джордж Колт, начальник Бюро ЦРУ по анализу событий в СССР, находился в гостях и не взял с собой радиотелефона. Когда он вернулся к себе, в доме бешено звонил телефон.

Услышав о случившемся, Кэртис Камман, помощник заместителя госсекретаря по Европе, в половине одиннадцатого примчался к себе в кабинет, чтобы создать рабочую группу, которая подготовила бы документ об официальной реакции США.

Кондолиза Райс всю ночь и утро провела у телефона, разговаривая с Госдепартаментом и ЦРУ.

В ночь на воскресенье, в половине второго. Пол Гобл, эксперт Госдепартамента по советским нацменьшинствам, встретился с Эндалом Липпмаа, министром эстонского правительства, который в тот момент был старшим официальным лицом из Прибалтики в Соединенных Штатах. Липпмаа сказал, что он убежден: Москва намерена восстановить свой контроль во всех трех прибалтийских столицах: «На будущей неделе это будет Рига, на следующей – Таллин».

В три часа утра Райс позвонил Деннис Росс, находившийся с Бейкером в Турции. Росс сказал, что госсекретарю очень не хочется отвлекать внимание общественности от предстоящей схватки с Саддамом Хусейном, но он считает, что у Соединенных Штатов нет выбора – нужно заявлять публичный протест по поводу убитых в Литве.

А в Москве Сергей Станкевич, реформатор, заместитель мэра города, назвал события в Вильнюсе «самым серьезным ударом по перестройке со времени ее начала». Это «крах всего, чего мы добились за последние пять лет» и доказательство того, что, как и предупреждал Шеварднадзе, Горбачев устанавливает «диктатуру системы».

Сторонники реформ и демократии, члены российского и советского парламентов прошли по Красной площади. На митинге тысячи москвичей обвиняли Горбачева в том, что он допустил убийства в Вильнюсе, и Буша в том, что он продолжает решительно поддерживать его.

* * *

В воскресенье днем Мэтлок, а также послы Великобритании, Франции, Германии и Финляндии были приглашены в Министерство иностранных дел. Поскольку из-за снегопада машины еле ползли, Мэтлок проделал короткое расстояние от Спасо-хауса до Смоленской площади пешком.

Послов принял Анатолий Ковалев, первый заместитель министра иностранных дел, только что встречавшийся с Горбачевым. Он хочет, чтобы собравшиеся знали, сказал Ковалев, что Горбачев не приказывал прибегать к силе в Вильнюсе. Политика советского руководителя остается неизменной: он «держится прежней линии» и будет делать все, что в его силах, чтобы избежать кровопролития.

Выступая от своего имени и от имени своих коллег, Мэтлок

заявил, что они «потрясены и обескуражены», – они могут лишь надеяться, что в свете сказанного Ковалевым о позиции Горбачева Москва вскоре выступит с недвусмысленным заявлением о противозаконности происшедшего в Вильнюсе и даст заверения, что ответственные за случившееся будут наказаны.

Ролан Дюма в Париже и Ганс-Дитрих Геншер в Бонне опубликовали аналогичные заявления с требованием, чтобы Советы прекратили применять силу. Министр иностранных дел Великобритании Дуглас Хэрд и министр иностранных дел Бельгии Марк Эйскенс предупредили Кремль, что Европейское сообщество может приостановить предоставление миллиарда долларов, обещанного в качестве помощи Советскому Союзу.

А в Вильнюсе, еще прежде чем этот долгий день перешел в ночь, Ландсбергис уже назвал его Кровавым воскресеньем. Это как бы служило напоминанием о событии, имевшем место в истории первой русской революции.

Знаменитое «Кровавое воскресенье» – 9 января 1905 года – является одной из памятных дат двадцатого столетия. Рабочие пошли к Зимнему дворцу в Санкт-Петербурге, чтобы подать царю Николаю II петицию с изложением своих жалоб. Солдаты открыли по толпе огонь, убив сорок человек. Стычки, произошедшие в других местах города, унесли еще сотни жизней.

Одним из последствий этого побоища явился непоправимый урон, нанесенный образу Николая II, – он уже больше не считался «добрым царем». В современной Москве так часто называли и Михаила Горбачева – одни с иронией, другие с восхищением.

В это время Борис Ельцин полетел в Таллинн, где подписал «пакт о взаимной поддержке» с Прибалтийскими республиками и выступил с обращением к «солдатам, сержантам и офицерам, нашим соотечественникам, призванным в армию на территории Российской Федерации и находящимся сейчас в Прибалтийских республиках».

Он предупредил войска, что им скоро могут «дать приказ выступить против законно созданных государственных органов, против мирного гражданского населения, защищающего свои демократические завоевания». Процитировав статью из новой Российской Конституции, принятой всего месяц назад, Ельцин сказал, что любой такой приказ будет «противозаконным».

Узнав о том, что некто неизвестный пригрозил взорвать его самолет в полете между Таллином и Москвой, Ельцин отправился в Ленинград и уже оттуда полетел домой. Опасаясь того же, несколько коллег Ельцина в российском правительстве увеличили свою охрану. Некоторые российские чиновники стали носить оружие и отправили свои семьи на дачи – как будто это помогло

бы им спастись, если бы КГБ решило их арестовать.

* * *

В воскресенье утром Буш прилетел из Кэмп Дэвида на вертолете на Южную площадку Белого дома. Там его ждали Фицуотер и Райс. Буш осведомился насчет ситуации в Вильнюсе:

– Насколько там все плохо?

– Ужасно, – сказала Райс. – Танк переехал тринадцатилетнюю девочку.

Буш спросил:

– Известно, кто отдал приказ об атаке?

– Нет, – сказала она, – но напряжение уже какое-то время нарастало. Нет оснований полагать, что военные действовали по собственному почину.

Райс подготовила заявление для президента; он изучил его, затем вышел и зачитал перед камерами. В заявлении говорилось, что переход к насилию в Литве «грозит отбросить назад или, пожалуй, даже обратить вспять процесс реформ» в Советском Союзе, «которые так важны для всего мира и для создания нового международного порядка». Затем уже от себя Буш добавил: «Я разговаривал с президентом Горбачевым несколько часов назад с целью поощрить мирное решение проблемы, а не применение силы».

Скоукрофт и Гейтс всерьез подумывали о том, чтобы послать Горбачеву письмо за подписью президента, аннулирующее пакет программ по экономической помощи и сотрудничеству, о чем было сообщено после декабрьской встречи Буша с Шеварднадзе. Но Буш предпочитал немного выждать и дать Горбачеву возможность выправить ущерб, нанесенный в Вильнюсе.

Попытки Горбачева защитить свою позицию в Москве граничили с буффонадой. В весьма бессвязных выступлениях перед журналистами и в Верховном Совете он отрицал свою ответственность за кровопролитие, хотя по-прежнему настаивал на необходимости ударить кулаком. Настоящими виновниками происшедшего, сказал он, являются Ландсбергис и литовские националисты, которые устроили «ночью конституционный переворот». Мирное разрешение кризиса, сказал он, трудно осуществимо, «когда республикой руководят такие люди».

Советский президент продолжал, рискуя поколебать доверие даже самых надежных своих сторонников: «Весть о трагедии явилась неожиданностью для всех нас. Я узнал о ней, лишь когда меня разбудили и все уже произошло». Однако если Горбачев

говорит правду и он действительно не давал добро на ввод войск, это его заявление означало, что он больше не контролирует силы, которые, казалось бы, должны находиться в его подчинении, то есть происходит как раз то, на что Бессмертных намекнул Иглбергеру в частной беседе.

В Вашингтоне Кондолиза Райс была возмущена, услышав о поразительном заявлении Горбачева. Она мрачно пошутила в разговоре с Гомпертом: «Как вам это нравится? Горбачева, видите ли, не разбудили – зато разбудили нас».

В ЦРУ был подготовлен «Репортаж с места событий» для «Ежедневной информации президенту» – секретной сводки самых последних разведданных, в которой говорилось, что Горбачев, должно быть, все же одобрил переброску десантников в этот район, даже если не отдавал и не одобрял приказа стрелять. Он направил развитие событий в такое русло, что ожесточенная конфронтация получалась почти неизбежной. Таким образом Горбачев «стратегически, если не тактически, несет ответственность за то, что произошло в Литве».

А в Москве Вадим Бакатин, бывший до Бориса Пуго министром внутренних дел, публично спросил, почему Горбачев не заявит, что не имеет никакого отношения к вильнюсскому «путчу». Елена Боннэр, вдова Андрея Сахарова, потребовала, чтобы фамилия ее мужа была вычеркнута из списка Нобелевских лауреатов, в котором стоит Горбачев.

* * *

Горбачев пришел в смятение, услышав о выступлении Буша, заявившего, что события в Вильнюсе подорвали не только предоставление экономической помощи Западом, но и положение Горбачева в сообществе мировых лидеров.

На другой день в Москве Горбачев принял в своем кремлевском кабинете группу важных иностранных гостей. Он держался без обычной уверенности в себе и поразил присутствовавших глубокой обеспокоенностью тем, что происходит со страной и с его репутацией в глазах окружающего мира.

Явно желая заверить своих посетителей в том, что его советником по-прежнему является один из тех, с кем он начинал реформы, Горбачев посадил справа от себя Яковлева. Но на протяжении встречи Яковлев мало говорил и выглядел мрачным.

Горбачев заявил, что он по-прежнему ставит своей целью превратить Советский Союз в государство, «основанное на

законе». Он призвал своих гостей к «пониманию» и попытался увязать поставленную им цель с «политическими реальностями». Он сравнил себя с путешественником, «потерявшим из вида землю» и заболевшим «морской болезнью».

Александр Бессмертных в Вашингтоне

В субботу, 26 января 1991 года, новый советский министр иностранных дел Бессмертных сел в подмосковном аэропорту Внуково-2 на специальный самолет Аэрофлота и вылетел в Вашингтон со своим первым визитом. В его представлении решение США о приостановке помощи Советскому Союзу было равносильно введению санкций против Москвы.

Подобный шаг, по мнению Бессмертных, ослабит позиции Горбачева, чей престиж за границей был одним из немногих остававшихся у него капиталов. Усиление давления со стороны Запада вызывает также раздражение у сторонников жесткой линии, считающих, что Соединенные Штаты пытаются диктовать им, как вести свои внутренние дела.

В связи с Прибалтикой Бессмертных в Вашингтоне сказал Бейкеру: «Я чувствую, вы на грани принятия санкций, Джим. Если вы решитесь на такое, то пережмете. Вы вызовете последствия, какие вам вовсе не желательны. Запомните: наш народ всегда считал, что ваша страна поддерживает Горбачева. Я знаю, США не могут сидеть и ничего не предпринимать в отношении Вильнюса, но все, что вы станете делать, должно быть хорошо взвешено – не следует пережимать».

Новый министр иностранных дел привез письмо Горбачева Бушу. Бейкер отметил, что в нем не было конкретных заверений в том, что Кремль прекратит жестокие репрессии в Прибалтике. «Вы должны понять, Саша, насколько серьезна ситуация, – сказал Бейкер. – Мы обязаны что-то предпринять».

В подтверждение своих слов он привел результаты голосования в конгрессе по резолюциям, поддерживающим независимость Прибалтики, и пояснил: «Вы должны что-то сделать, чтобы люди не думали, что ситуация обречена лишь на ухудшение». Кремль может избежать прекращения американской экономической помощи, сказал он Бессмертных, только если «наполнит содержанием свои утверждения о том, что он ищет решения проблемы», и продолжил: «Наша способность держаться определенной линии, не поддаваясь давлению, зависит от вашей способности указать на что-то конкретное, вроде механизма переговоров».

Бессмертных ответил, что Кремлю должны поставить в заслугу уже хотя бы то, что он принял закон, гарантирующий республикам право выйти из Союза, если они того пожелают.

Бейкер возразил: «В своей нынешней форме ваш закон об отделении является уловкой, препятствующей отделению. Люди

должны поверить, что установленная вами процедура делает возможным отделение». Нельзя ли изменить ваш закон, чтобы он вызвал большее доверие как в Советском Союзе, так и за границей?

Бессмертных не исключил возможности изменения закона: «Все возможно – если это укладывается в рамки конституции». Он попросил потерпеть до 17 марта, до референдума по вопросу о том, должен ли остаться Советский Союз в виде «обновленного союза» с сильным центром, но большей автономией для республик.

Он попытался убедить Бейкера в том, что планируемый плебисцит является существенным доказательством приверженности Горбачева демократии: широкие массы советских граждан впервые в истории смогут сказать свое слово о характере своего государства и условиях обсуждения его будущего. Бессмертных сказал: «Если люди станут голосовать, они привыкнут к тому, что надо действовать сообразно порядку и закону».

Но до 17 марта оставалось еще семь недель, и Бейкер понимал: нет уверенности в том, что голосование действительно приведет к изменениям в законе об отделении. Более того, центральные власти могут тем временем усилить свой контроль над Прибалтикой.

Бейкер повторил Бессмертных, что внешний мир должен увидеть «немедленные и ощутимые» доказательства того, что силовые удары в Вильнюсе и Риге не являются провозвестниками обновленной старой политики Кремля в отношении нацменьшинств.

Бессмертных сказал: «Я понимаю». Он пообещал выяснить у Москвы, не может ли она что-то добавить к тому, что сказано в письме Горбачева. Выйдя из Госдепартамента, он послал Горбачеву телеграмму с возражениями Бейкера и рекомендовал Кремлю разрешить ему дать американцам конкретные заверения в том, что Москва отступает от края обрыва в Прибалтике.

В ответ на эту телеграмму Горбачев направил своему министру иностранных дел новые инструкции: он-де может сказать американцам, что Кремль «предпринимает конкретные шаги для рассасывания ситуации» в Прибалтике. Десантники, направленные в этот район в начале месяца, уже отозваны и в течение нескольких дней оттуда будут выведены две трети войск Министерства внутренних дел.

* * *

Встретившись с Бейкером в понедельник утром, 28 января, Бессмертных сообщил, что советское руководство согласилось с «принципом мирного разрешения всех проблем», а также с тем, что «использование вооруженных сил в политической борьбе недопустимо». Насилие, развязанное против граждан Вильнюса и Риги, «не является политикой президента», заявил он. Это было все, на что мог пойти Горбачев в порицании жестокостей, допущенных силами безопасности и военными в двух прибалтийских столицах.

Бейкер, на которого это произвело впечатление, спросил: «А может это быть сказано публично?» Бессмертных заверил, что может.

Бейкер помчался в Белый дом, чтобы проинформировать Буша: «По-моему, мы получили кое-что, над чем можно работать. Я думаю, Советы готовы уйти оттуда и, возможно, даже воздадут нам должное за то, что мы заставили их это сделать. Нам станет немного легче, а то слишком сильно мы ударили по ним из-за того, что они наделали».

Буш тоже немного перевел дух. Он больше всего опасался, что обстоятельства вынудят его отдалиться от Горбачева – даже при том, что Горбачев в значительной мере повинен в происшедшем.

Днем Бессмертных явился в Овальный кабинет, где они с президентом сели в кресла у потрескивающего в камине огня. Подали кофе, и Буш сказал, что он «в восторге» от того, что новый министр иностранных дел так хорошо знает Соединенные Штаты. Он согласился с формулировкой, которую разработали Бейкер и Бессмертных для объяснения отсрочки встречи в верхах, и в то же время подчеркнул, что по-прежнему «очень хочет» поехать в Москву.

Сверяясь с записями, Бессмертных пересказал содержание последнего письма Горбачева по Прибалтике, прежде чем вручить его Бушу. Он сказал, что его президент «исполнен решимости» не дать заглохнуть ни перестройке, ни новой эре в советской внешней политике. Внутренние реформы в Советском Союзе являются «ключевым фактором», делающим возможным международное сотрудничество, утверждал он: «Это подвело нас к черте доверия».

Советский Союз и Соединенные Штаты, сказал он, уже многого добились и еще больше могут сделать в будущем. Ничто не должно препятствовать такому сотрудничеству. Способность Советского Союза держаться «позиции сотрудничества», продемонстрированная в решении вопросов Восточной Европы, объединения Германии и войны в Персидском заливе, «будет

зависеть от того, как Соединенные Штаты отреагируют» на беспорядки в Прибалтике.

На первый взгляд, Бессмертных, казалось, взывал к терпению и пониманию. Однако по существу смысл сказанного сводился к тому, что американцы должны перестать осложнять жизнь Кремлю в Прибалтике, иначе Горбачев сумеет затруднить войну против Саддама Хусейна.

Не давая своим слушателям вспылить и отреагировать на завуалированную угрозу, Бессмертных легко и быстро перешел к следующему. Он повторил основную, «принципиальную», позицию Кремля: прибалты при упорстве могут получить независимость, но только действуя в рамках «конституционного процесса». Он добавил, что помимо соображений, изложенных в письме, есть несколько моментов, которые Горбачев хочет довести до сведения Буша. И Бессмертных повторил то, что уже говорил Бейкеру про вывод из Прибалтики десантников и войск Министерства внутренних дел.

* * *

Буш сказал Бессмертных, что он не сомневается: Горбачев «искренне» считает, что распутывает прибалтийский кризис самым правильным образом. Но советское руководство должно понимать, что «и у нас есть политические факторы».

Он напомнил, что Горбачев лично заверял его, что будет решать проблему Прибалтики мирным путем. А теперь произошло насилие, развязанное войсками, действующими от имени Москвы. Естественно, должна была последовать «реакция» со стороны Соединенных Штатов, в особенности конгресса. Бессмертных, безусловно, провел достаточно времени в Вашингтоне, чтобы понимать, «как здесь все работает».

Бессмертных снова попросил администрацию потерпеть до 17 марта. «Давайте посмотрим, что произойдет, – сказал он. – Референдум, по крайней мере, улучшит атмосферу в целом».

Буш сказал в ответ: «Этого все мы, безусловно, хотим».

Бессмертных заметил, что у Буша на коленях лежат карточки с отпечатанными на них вопросами, которые следует обговорить, но он не сверялся с ними, а лишь время от времени перебирал. Из этого Бессмертных заключил, что не привези он из Москвы новых заверений, президент вел бы беседу по карточкам и значительно более жестко.

Горбачев или Ельцин?

В последние месяцы 1990 года Белый дом открыл двери гостям из республик и представителям, демократических движений в Советском Союзе. В январе 1991 года Мэтлок телеграфировал Бейкеру, что к этой череде посетителей хотел бы присоединиться Борис Ельцин. Но на сей раз Ельцин требовал предварительных гарантий того, что президент Буш «примет его должным образом». Мэтлок одобрял эту идею, однако советовал Бушу не приглашать Ельцина лично – дабы не вызвать недовольства Горбачева, – а направить ему приглашение от имени конгресса или Национальной конференции губернаторов.

Мэтлок уделял много времени и внимания налаживанию отношений с президентом России. Он не раз ужинал с Ельциным и его женой в Спасо-хаус, резиденции посла в Москве. В свою очередь, Ельцин часто приглашал Мэтлока на приемы и концерты. По телефону и в телеграммах, направляемых в Вашингтон, посол постоянно подчеркивал, что соотношение сил Горбачев-Ельцин – отнюдь «не игра с нулевым счетом»; администрация может и должна искать дружбы с обоими лидерами.

Что правда, то правда – они не любят друг друга, но в то же время нуждаются друг в друге. По мнению Мэтлока, можно было не сомневаться, что Ельцин снискал народную поддержку для проведения политической и экономической реформ, в то время как Горбачев защищал перестройку от ударов и нападок консерваторов. В Вашингтоне не должны думать, что приглашение Ельцина посетить Белый дом – «предательство» по отношению к Горбачеву.

Однако Мэтлока проинформировали телеграммой, что администрация «не уверена в правильности выбранного момента» для визита Ельцина. Советский отдел Госдепартамента хотел добавить, что если Ельцин прибудет в Вашингтон один, то он может рассчитывать на прием «на высшем уровне» – то есть у Буша, однако в Белом доме сняли эту фразу, заменив ее обещанием, что Ельцин может «надеяться» лишь на ряд встреч с «высшими должностными лицами».

Мэтлок жаловался своим помощникам:

– Ведь принимать национальных лидеров оппозиции – абсолютно стандартная президентская практика. Почему же надо иначе относиться к Ельцину?

В то время как Ельцин вновь затаил обиду на администрацию Буша, его министр иностранных дел Андрей Козырев в начале

февраля прибыл в Вашингтон. Светский, мягкий, бегло говоривший по-английски, Козырев был опытным дипломатом и протеже Шеварднадзе, когда в 1990 году совершал исход из центрального советского правительства в правительство Российской Федерации.

Во время встречи с Бейкером Козырев предупредил, что в случае «эффективности репрессий и успеха консервативных элементов» в советской внутренней политике произойдет «возврат к агрессивному курсу на международной арене». Он сказал Бейкеру, что поддержка Ельцина и Российской Республики – не столько в борьбе лично с Горбачевым (Козырев знал, что для Вашингтона это не аргумент), сколько в борьбе с реакционерами, набиравшими силу в тени Горбачева, – в интересах американцев.

Козырев убеждал администрацию Буша в необходимости способствовать укреплению новой левоцентристской коалиции Горбачева и Ельцина. Для Бейкера эти слова были музыкой. Они с Россом пришли к окончательному выводу, что Горбачев может одержать верх над реакционерами, только объединившись с Ельциным.

Однако две недели спустя Ельцин в своем выступлении по телевидению разнес Горбачева, из чего явствовало, что он не собирается иметь с ним общее дело. Он обвинил Горбачева в том, что тот предал им же начатую реформу и теперь проводит «антинародную политику».

Ельцин требовал, чтобы Горбачев вышел в отставку и передал свои полномочия Совету Федерации – межреспубликанскому органу, в котором Ельцин благодаря своей популярности и огромной территории Российской Республики являлся наиболее влиятельной фигурой. Горбачев нанес ответный удар, обвинив Ельцина в «объявлении войны» руководству Советского Союза.

Во время совещания со своими помощниками в Овальном кабинете Буш заметил:

– Этот парень Ельцин – настоящий дикарь, не так ли?..

* * *

В ЦРУ Джордж Колт, возглавлявший Бюро анализа событий в СССР, и Фриц Эрмарт, председатель Национального совета по разведке, предложили совершенно иную интерпретацию. Они считали, что Ельцин привержен идее «Союза, создаваемого снизу», – более свободной, демократичной и, в конечном счете, более прочной конфедерации. Горбачев же, напротив, упорно, если не неуклонно, пытался сохранить «Союз, где доминирует

центр», чем способствовал нагнетанию напряженности между Москвой и республиками.

С точки зрения Эрмарта, Советский Союз переживал американский 1776 год – революционную борьбу за независимость, которая приведет к новой конституции и новому типу федерации. Скоукрофт предпочитал другую историческую аналогию. Он считал, что Советский Союз можно сравнить с Соединенными Штатами 1861 года, когда они стояли на пороге гражданской войны, призванной решить проблемы самостоятельности и стабильности. Если Эрмарт рассматривал Ельцина как русского Джорджа Вашингтона, Скоукрофт относился к Горбачеву как к советскому Абрахаму Линкольну.

Скоукрофт поддел директора ЦРУ Уильяма Уэбстера:

– Почему бы Джорджу Колту просто-напросто не перейти на работу к Ельцину?

Уэбстер отрицал, будто ЦРУ «проталкивает Ельцина». Управление лишь выполняет свою работу.

– Не плюйте в колодец, – сказал он.

Когда Эрмарту стало известно, что в Белом доме его самого и его коллег прозвали «почитателями Ельцина», он возразил:

– Я наблюдаю за Ельциным. Только и всего. Уж если на то пошло, мы попали в эту передрягу благодаря чрезмерным личным привязанностям. Все наши нынешние разговоры есть не что иное, как борьба взглядов на будущее Советского Союза. И в Ельцине больше толку.

Скоукрофт никак не мог забыть поведение Ельцина во время его появления в Белом доме полтора года назад. В марте 1991 года он предупредил Буша, что как бы ни было обставлено новое приглашение, Ельцин все равно будет хвастаться всему миру, что явился в Овальный кабинет в качестве личного гостя Буша.

Согласившись с ним, президент добавил:

– Если сложится впечатление, будто это мы пригласили сюда Ельцина. Горбачев сойдет с ума.

Скоукрофт рассмеялся.

– По крайней мере, это одна из причин, почему Ельцин так этого хочет.

– Зато по той же причине этого не хочу я, – ответил Буш.

После этого разговора Скоукрофт сказал своим помощникам:

– Ельцин может к нам приехать, но мы не желаем, чтобы на его визите были видны отпечатки пальцев Белого дома… Мы не собираемся предпринимать ничего такого, что бы могло сойти за наше объединение с Ельциным против Горбачева. Членам клуба болельщиков Ельцина следует это запомнить.

* * *

Дальнейшая стратегия Горбачева, направленная на сохранение целостности Советского Союза, зависела от референдума, назначенного на 17 марта. Горбачев ждал, что народ одобрит его предложение сохранить Советский Союз «как обновленную федерацию равноправных суверенных республик, в которой будут в полной мере гарантироваться права и свободы человека любой национальности».

Эстония, Латвия, Литва, Молдавия, Армения и Грузия объявили о своем намерении бойкотировать референдум, поскольку, для того чтобы идти собственным путем, им не нужно разрешение Москвы. Эти шесть республик составляли лишь десять процентов от общего населения Советского Союза, однако имели могущественную поддержку в лице Ельцина.

Сам российский руководитель воздерживался от публичных высказываний о том, что он будет голосовать против резолюции Горбачева, однако его сторонники в левом лагере громогласно заявляли: «Нет» в бюллетенях отрезвит Кремль».

Когда в середине марта – накануне референдума – Бейкер приехал в Москву на встречу с Горбачевым, он был преисполнен решимости показать, что американо-советское сотрудничество способно поднять акции Горбачева в мире и привлечь крупную внешнюю помощь для экономики его страны. Советский руководитель утверждал, что «неизменно предан делу перестройки».

Бейкер был настроен скептически. Он сослался на новую, контролирующую, роль КГБ в области частного предпринимательства: увольнение советников Горбачева, выступавших за свободный рынок; возросшее влияние советских военных и заявление нового премьер-министра, сторонника жесткой линии, Валентина Павлова о тайном сговоре иностранных банков саботировать советскую экономику. Все это, сказал он, оказывает «замораживающий эффект» на американо-советские отношения и заставляет задаться вопросом: куда же Горбачев ведет свою страну?

Поначалу Горбачев, казалось, был раздражен и раздосадован тем, что ему перечили. Затем вдруг резко изменил свою манеру поведения. Совершенно успокоившись, он взглянул на Бейкера и улыбнулся. Да, он осознает, что правительство США, вероятно, недовольно тем, какие шаги и с какой скоростью он предпринимает в интересах «сохранения равновесия». Он не пытался прямо ответить на конкретные вопросы Бейкера, однако сказал, что «конечное направление» не подлежит сомнению. Он

не допустит «отклонений от генерального курса» советской политики: «возврата назад» не будет.

Бейкер попытался выжать из него что-нибудь насчет движения за отделение республик. Его интересовало, собирается ли Горбачев использовать результаты референдума, назначенного на 17 марта, для «налаживания позитивных связей с республиками» – в первую очередь с теми шестью, что бойкотировали референдум.

– Поможет ли ваша победа на референдуме проведению положительных сдвигов в отношениях с республиками и началу делового сотрудничества с ними на гораздо более свободных условиях? – спросил он.

Горбачев ушел от ответа, начав разглагольствовать о последнем проекте нового Союзного договора. Он надеялся, что договор поддержат многие республики; это будет «началом» решения национальной проблемы, «а также помощью экономике».

Вспомнив о том, что он все-таки бывший министр финансов, Бейкер сказал, что оздоровление экономики зависит от политических отношений между республиками, которые должны быть добровольными и стабильными. Старая система была слишком закостенелой, новая ситуация – слишком неопределенной.

Он объяснил, что многие потенциальные западные инвесторы не внедряются на советский рынок из страха перед хаосом и гражданской войной.

– Если вы хотите привлечь инвестиции, хотите, чтобы люди рискнули капиталом, надо, чтобы они знали, где находится центр принятия экономических решений. До тех пор, пока этот вопрос не будет полностью решен, иностранные правительства и бизнесмены будут оставаться в стороне.

Проблема экономической реформы «отягощена психологическим, историческим и идеологическим грузом».

– Она также осложнена сугубо местническими интересами, – перебил его Горбачев, имея в виду советский военно-промышленный комплекс.

Поскольку у него за спиной маячило это чудовище, он или не хотел, или не мог предпринять более радикальные меры по реформе экономической и политической систем.

* * *

Действуя в соответствии со своими намерениями – наладить связи с другими лидерами, помимо Горбачева, – Бейкер, будучи в

Москве, постарался встретиться с представителями как можно большего числа политических направлений. В Спасо-хаус он устроил ужин в честь мэров Москвы и Ленинграда Попова и Собчака; Станислава Шаталина, автора отвергнутой экономической программы «500 дней»; Звияда Гамсахурдиа, лидера Грузии, исповедовавшего крайне антироссийские взгляды; премьер-министров Киргизии и Армении; президента Казахстана Нурсултана Назарбаева.

Здесь также присутствовали два русских интеллектуала, представлявших левое крыло фракции Горбачева, – Александр Яковлев, когда-то ближайший соратник Горбачева, ныне отошедший в сторону, и Федор Бурлацкий, прогорбачевский редактор «Литературной газеты». Их присутствие должно было олицетворять собой питаемую американцами надежду на то, что между российским демократическим движением, республиками и центром по-прежнему существуют точки соприкосновения. За кофе Шаталин выразил глубокий пессимизм в отношении будущего, а также свое презрение к Горбачеву. Попов высказался более умеренно:

– С Горбачевым все же можно иметь дело.

Тот факт, что эта компетентная оценка, данная советскому руководителю, – отдаленное эхо того, что говорила о нем в 1984 году Маргарет Тэтчер, – исходила от одного из сограждан Горбачева, свидетельствовал о том, как далеко вперед продвинулись Советы в своем политическом развитии.

Единственным пылким защитником Горбачева в тот вечер был Назарбаев, который утверждал, что «в душе» советский президент остается реформатором: просто, будучи маховым колесом между правыми и левыми, центробежными и центростремительными силами, он должен как-то выживать.

Бейкер с ним согласился. В конце вечера он сказал своим помощникам, что, с его точки зрения, из всех гостей Назарбаев самая разумная и яркая личность.

Ельцин заранее предупредил Бейкера, что хотел бы отдельно встретиться с ним в Москве. Ему надо было заставить администрацию Буша признать свой статус – наиболее значительного республиканского лидера и главного поборника советской демократии – теперь, когда Горбачев переметнулся к правым. Он пригласил Бейкера в штаб-квартиру Российской республики – белый мраморный небоскреб на берегу Москвы-реки, который москвичи называют Белым домом.

Не желая обидеть Горбачева, Бейкер известил Ельцина, что предпочитает встретиться с ним за ужином в Спасо-хаус, полагая, что, возможно, тот приедет раньше или задержится после ужина

для частной беседы. Как сказал Росс:

– Он может явиться на коктейль или кофе при условии, что отсидит весь ужин.

Ельцин отказался. Он бойкотировал ужин, послав вместо себя Владимира Лукина, своего близкого соратника и председателя комитета Верховного Совета по международным делам. Лукин отвел Росса в сторонку и сказал, что нежелание Бейкера нанести визит российскому президенту усилит и без того явственное впечатление, что администрация Буша отдает предпочтение Горбачеву.

– Мы бы не хотели во все это встревать, – ответил Росс Лукину. – Надежда на демократическую реформу – в коалиции реформаторов с центром.

– Для того чтобы мы могли сформировать подобную коалицию, – ответил Лукин, – мы должны видеть больше признаков вашей поддержки. Мы не можем взяться за это, находясь в положении слабых…

17 марта Горбачев с трудом набрал большинство голосов «за» на своем референдуме. Учитывая расплывчатость формулировок и усилия центрального правительства, направленные на то, чтобы обеспечить победу, ему не так-то легко было претендовать на всеобщее одобрение своей политики.

* * *

Той весной Советы, наверное, подумывали, не установить ли им вращающиеся входные двери в зале для высокопоставленных лиц в аэропорту Шереметьево. Приезжало и уезжало столько почетных гостей, что странно еще, как Горбачев и другие официальные лица вообще находили время на собственные проблемы.

Не успел улететь Бейкер, как прилетел Ричард Никсон. Его помнили в Москве не столько как американского президента, с позором ушедшего в отставку, сколько как автора разрядки и мастера силовой политики. Он всегда мог рассчитывать на прием на высшем уровне.

Его первая важная встреча в Москве состоялась 21 марта – с Евгением Примаковым, который был известен на Западе прежде всего как посланник Горбачева к Саддаму Хусейну во время войны в Персидском заливе. Примаков был членом недавно созданного в Кремле Совета безопасности, призванного консультировать Горбачева по всем вопросам, начиная с оборонных и кончая вопросами экономической реформы.

Кое-кто надеялся, что Горбачев приблизит этот новый орган к реформистской линии, тем самым уравновесив превосходство сторонников жесткой линии в системе советской иерархии, но в конечном счете состав совета стал отражением растущего влияния консерваторов. Помимо Примакова и Бессмертных сюда входили: министр обороны Язов, председатель КГБ Крючков, министр внутренних дел Пуго, премьер-министр Павлов и вице-президент Янаев. Один из немногих членов Совета, кого можно было со всей очевидностью причислить к либералам, был предшественник Пуго Вадим Бакатин.

Примаков пытался уверить Никсона, что они с Горбачевым твердые реформаторы.

– Если бы я думал, что Горбачев отказывается от реформ, я бы не задержался здесь ни на один день, – заявил он.

Затем он высказал свое недовольство по поводу новой политики администрации Буша – налаживания связей с республиками и демократами, – которая вызывает страхи, подозрения и обиду в «некоторых московских кругах». По-видимому, в Вашингтоне появился «соблазн» «воспользоваться нашими трудностями» и «вести игру с республиками». Этот новый элемент политики США «нас настораживает», заявил Примаков, поскольку граничит с «вмешательством в наши внутренние дела». Он предупредил, что «дестабилизация Советского Союза не в интересах США».

Когда Никсон спросил, что конкретно он имеет в виду, Примаков сослался на почести, оказываемые в Вашингтоне лидерам движения за отделение республик, а также лидерам оппозиции. Кроме того, он осудил Бейкера за то, что тот «решил превратить свой визит сюда в семинар для самых разномастных критиков центрального правительства».

Никсон встретился также с председателем КГБ Владимиром Крючковым. В отличие от Примакова Крючков не притворялся реформатором.

– Я по горло сыт демократизацией, – сказал он и добавил, что основные интересы Соединенных Штатов и Советского Союза все еще находятся в «глубоком конфликте».

Говоря о согласии Советов на объединение Германии, Крючков сокрушался по поводу «нашего пристрастия к кратчайшим историческим путям» и предостерегал, что «демократия не заменяет закон и порядок». Он признался, что у них с Горбачевым появилась привычка «слишком часто спорить», и подозревал, что в один прекрасный день советский президент уволит его, чем раз и навсегда положит конец их спорам.

* * *

Никсон также встретился с Борисом Ельциным и был немало удивлен, узнав, что российский президент выступает за ряд быстрых, радикальных и всесторонних мер по внедрению экономики свободного рынка. Ельцин сознавал, что прекращение субсидий и высвобождение цен вызовет инфляцию, а закрытие убыточных предприятий приведет к массовой безработице. Однако он не сомневался, что граждане готовы мириться с этими трудностями.

По его мнению, «ключом» к подобным реформам могли стать демократические выборы президента России, которые он намеревался провести и выиграть в июне.

– Люди должны понимать, что, выбирая своих лидеров, сами участвуют в процессе, ведущем к трудным, но необходимым мерам, – сказал он.

Вице-президент Геннадий Янаев сообщил Никсону – правда, без особого энтузиазма, – что следующим этапом в советской политической драме будет союз Горбачева с Ельциным.

– Горбачев может сделать шаг навстречу Ельцину. Фактически у него нет другого выбора.

Он добавил, что лично беседовал с ельцинскими депутатами «о том, как оба наших лидера могли бы объединиться».

В Кремле, в той же комнате, где когда-то он вел переговоры с Леонидом Брежневым, Никсон встретился с Горбачевым. Он был потрясен переменой, происшедшей с советским руководителем за минувшие пять лет со дня их первой встречи. Тогда Горбачев излучал уверенность, сейчас выглядел подавленным, затравленным, изможденным.

Горбачев пустился в длинный монолог о том, что слишком быстрый процесс реформ в Восточной Европе лишил людей социальной защищенности, не дав взамен преимуществ рыночной экономики. Никсон сменил тему, спросив, постоянной ли будет новая линия Горбачева, направленная на примирение с консерваторами?

– Нет, – ответил Горбачев, – мы свернули на окольную дорогу… но она обязательно выведет нас на главный путь.

Проводя очевидную аналогию с модными когда-то в Соединенных Штатах рассуждениями о старом и новом Никсоне, советский руководитель заявил, что он остался «старым Горбачевым». Он признался в своей готовности сотрудничать с Ельциным, но оговорился, что с российским президентом «трудно иметь дело».

Накануне отъезда Никсона из Москвы члену его делегации

Дмитрию Симесу позвонил Юрий Зимин – высшее должностное лицо КГБ, – отвечавший за связь с группой Никсона. Симес – гражданин США, родившийся в Советском Союзе, – был кремленологом в Фонде Карнеги за мир между народами. Они договорились встретиться в гостиничном номере Симеса.

Войдя в номер, Зимин сказал, что у него есть сообщение для Ричарда Никсона от Крючкова. Сообщение состояло в том, что Горбачев, возможно, скоро будет свергнут парламентом Верховного Совета – под председательством старого друга Горбачева Анатолия Лукьянова, – которому надоели бесконечные пререкания между Горбачевым и Ельциным, и он решил взять власть в свои руки. Никсону следует знать, что в этой борьбе за власть Лукьянова поддержат военные и КГБ.

Если это сообщение и в самом деле было от Крючкова, то шеф КГБ, вероятно, пытался через Никсона предостеречь Буша: свержение Горбачева сторонниками жесткой линии неизбежно, и Соединенным Штатам лучше примириться с этой реальностью. По возвращении Никсон все рассказал Бушу и Бейкеру, но ни президент, ни госсекретарь не придали этому особого значения.

* * *

Между тем, в Белом доме Бушу советовали сблизиться с Ельциным. Эд Хьюэтт полагал, что Соединенные Штаты вели себя слишком «реактивно» по отношению к изменчивой ситуации в Советском Союзе; настало время, говорил он, для политики большего «угла наклона» в сторону республик, включая Россию.

В апреле, прибыв в Овальный кабинет, Мэтлок развернул кампанию по выбиванию приглашения для Ельцина в Вашингтон. Он сказал Бушу, что если Кремль твердо привержен внешнеполитическому курсу, отвечающему интересам США, то республики – не все, но некоторые, в частности Россия, – проводят такую внутреннюю политику, которую Соединенным Штатам также следовало бы поощрять.

Мэтлок отметил, что процесс демократизации в республиках идет интенсивнее, чем в Советском Союзе в целом. Выражая волю народов, республиканские правительства «оказывают давление на военно-промышленный комплекс». Если Соединенные Штаты будут и впредь носиться с центральным правительством, игнорируя республики, это в конечном счете будет играть на руку реакционным силам. Сейчас более чем когда-либо, продолжал Мэтлок, Горбачев и Ельцин нуждаются друг в друге. Несмотря на всю вражду между ними, они союзники поневоле.

– Ни один не может выжить без другого. Их судьбы сплетены. Он вновь попросил разрешения передать Ельцину, что Буш его примет. Президент не возражал, но от каких-либо обещаний воздержался.

В понедельник, 22 апреля, Ричард Никсон обедал с Бушем в Белом доме. Бывший президент знал, что его последователь не хочет расставаться с Горбачевым. В кулуарах Никсон говорил:

– Как истинный джентльмен Джордж Буш не бросает старых друзей.

А потому он постарался облечь свою мысль в слова, которые бы не оттолкнули от него Буша. Как и Мэтлок, Никсон утверждал, что Ельцина следует рассматривать не как альтернативу советскому руководителю, а как его важного союзника: в руках Горбачева по-прежнему находятся рычаги традиционной власти, зато Ельцин, вне всякого сомнения, пользуется поддержкой народа. И хотя многие американцы считают его своеобразным и даже «неприятным» человеком, он «сумел найти ключ к сердцам русских». В конце концов, пошутил Никсон, выпивка и женщины никогда не являлись помехой для русских политиков.

Он добавил, что, каковы бы ни были мотивы для сдержанного отношения Буша к характеру и программе Ельцина, «народ принимает этого человека всерьез. И готов следовать за ним. Чем серьезнее отнесемся к Ельцину мы, тем серьезнее придется отнестись к нему Горбачеву».

Расставшись с Никсоном, Буш сказал:

– Думаю, в том, что касается Ельцина, он прав.

События нарастают…

В среду, 12 июня 1991 года, Борис Ельцин был избран президентом России 57 процентами голосов восьмидесяти миллионов избирателей. Впервые за всю свою историю Россия имела демократически избранного лидера.

Ельцин объявил, что посетит Соединенные Штаты в конце июня. Министерство иностранных дел СССР выступило с заявлением, в котором говорилось, что «нет оснований» толковать поездку Ельцина в США как вызов правительству Горбачева – скорее, она должна укрепить связи между США и СССР.

20 июня Ельцин прилетел в Вашингтон. В три часа дня автомашина привезла его к Белому дому. Два года назад Кондолиза Райс встречала Ельцина у бокового входа и провела его через подвал; на этот раз Буш приветствовал российского президента на церемонии в Розовом саду. Несмотря на то, что случилось за предыдущие шесть месяцев в результате шараханья Горбачева вправо, несмотря на сильное новое свидетельство того, что Ельцин стал поборником демократических идеалов и свободного рынка, Буш все еще держался за Горбачева.

В своем приветствии российского лидера Буш упоминал имя Горбачева гораздо чаще и в более благоприятном духе, чем имя самого Ельцина. Он сказал, что никто не должен забывать, как именно «отважная политика гласности и перестройки» Горбачева позволила положить конец «холодной войне». «Я хочу совершенно ясно об этом сказать, – заявил в заключение Буш, – Соединенные Штаты будут продолжать поддерживать возможно более тесные официальные отношения с советским правительством Горбачева».

Проведя Ельцина в Овальный кабинет, Буш сказал ему о предупреждении, которое в это время получил в Москве Мэтлок. Мэр Москвы Попов предупредил его о возможности консервативного переворота. Ельцин не был слишком напуган, но предложил позвонить Горбачеву и предупредить о грозящей опасности.

Это предложение понравилось Бушу, поскольку оно освобождало его от неудобной обязанности действовать в качестве посредника. Он заказал разговор по телефону с Кремлем, но в Москве было уже слишком поздно, и Горбачева на месте не было.

Попрощавшись с Бушем, Ельцин едко сказал помощнику: «Он, видимо, очень рвется поговорить по телефону со своим другом». Затем заметил, что Буш все еще, кажется, находится «под впечатлением», будто все зависит от его личных

взаимоотношений с Горбачевым. Он сравнил Буша с одним из многих доверчивых религиозных верующих в России, попавших под влияние знаменитого и популярного телевизионного врачевателя Анатолия Кашпировского.

У Западного крыла Ельцин заговорил с репортерами. Признав, что «у себя дома мы все еще имеем силы, которые хотят вернуться к эпохе застоя», он поклялся, что Россия «не допустит изменения хода истории». В своих замечаниях не для печати Ельцин на приеме в советском посольстве объявил о «конце марксистского эксперимента в России».

* * *

На следующий день, в пятницу, 21 июня, Горбачев был в хорошей форме. Отсутствовав в начале недели на заседаниях Верховного Совета, он теперь размашистой походкой вошел в зал и дал словесный залп по всем своим критикам. Парламент отверг «конституционный путч» Павлова большинством: 262 голоса против 24.

После этого в разговоре с репортерами Горбачев постарался, чтобы его окружали Язов, Крючков и Пуго, которые угрюмо хранили молчание. Широко улыбаясь, советский руководитель объявил свой приговор неделе: «Путч закончен».

В тот день Буш наконец связался с Горбачевым по телефону, чтобы сообщить ему о своей встрече с Ельциным. Он начал разговор с того, что надеется, теперь все нормализовалось после «беспокойства», очевидно, причиненного Горбачеву некоторыми из его коллег. Буш так стремился показать свою искренность и доверие, которые так отличали его отношение к Горбачеву, что случайно проговорился, назвав источник предупреждения – Попова.

Горбачев жаждал поскорее отделаться от всего этого «путча» с тем, чтобы подобный эпизод как-то не повлиял на мнение Буша о перспективах самого Горбачева. Он поблагодарил Буша за проявленную озабоченность и злорадно заявил, что задал своим противникам «хорошую трепку». Затем он обратился к тому, что вызывало у него более острую озабоченность: как прошла встреча Буша с Ельциным?

В действительности в этот визит Ельцин произвел на Буша благоприятное впечатление своей серьезностью и решимостью бороться за демократию в России. Но в разговоре по телефону с Горбачевым Буш проявил осторожность, чтобы не показаться слишком уж восторженным.

На следующий день, в субботу, 22 июня, Бессмертных возвратился из Берлина в Москву и встретился с Горбачевым во время церемонии у могилы Неизвестного солдата. Он попросил уделить ему несколько минут наедине, чтобы «сообщить о своей поездке в Берлин».

Они вместе возвратились в кабинет Горбачева, но ограничились лишь обменом любезностями, так как рядом шел Павлов. Однако, как только закрылась дверь кабинета, Горбачев сказал Бессмертных, что ценит то, как Буш отреагировал на слухи: президент США был «внимателен и отзывчив».

Тем не менее Горбачев надеется, что Буш будет «очень осторожен» и не позволит Ельцину использовать доступ в Овальный кабинет в своих маневрах против Кремля.

Горбачев заметил, что Буш упомянул о Попове как об источнике предупреждения. Тайный доступ Попова через американцев к Ельцину, кажется, обеспокоил Горбачева, как и возможность того, что премьер-министр Павлов устраивал заговор против него. Спустя несколько недель Горбачев встретил Попова на приеме; он отвел его в сторону и потребовал ответа: «Для чего вы обращались к Бушу?»

Попов ответил: «Я не обращался к нему! Вас неправильно информировали».

Это была истинная правда, поскольку Попов передал предупреждение Мэтлоку, а не Бушу непосредственно. Но Попов был взбешен тем, что американцы назвали Горбачеву его как источник этого сообщения. Попов пришел к заключению, что, отдавая предпочтение своей дружбе с Горбачевым, Буш тем самым подверг опасности подлинных советских реформаторов, пытавшихся предотвратить политическую катастрофу.

* * *

Другим испытанием для Буша как государственного деятеля был его отклик на перемены, происходящие в пятнадцати республиках СССР. В течение многих месяцев официальные лица США спорили о том, должен ли Буш посетить столицу какой-нибудь из этих республик.

Сам Буш относился со смешанным чувством к этой идее. В частной беседе он высказал свое прежнее убеждение, что «полный и внезапный развал» Советского Союза ни в чьих интересах. Он мог бы понять и даже одобрить дальнейшее перераспределение ответственности и власти из Москвы в республики, но он надеялся, что «какой-то тип Союза» выживет. Наилучшей формой,

думает он, была бы свободная федеральная структура, которую Горбачев, кажется, обязался установить согласно его новому договору о Союзе.

В то же самое время, больше всего из-за сдержанности, проявленной им в одобрении независимости Прибалтийских государств в начале этого года, Буш подвергся внутри страны политическим нападкам за то, что оказался на стороне Горбачева и центра против сил самоопределения. Только пять месяцев оставалось до начала года президентских выборов, и его советники хотели, чтобы Буш притупил остроту этого обвинения, сделав «жест» в сторону республик.

Как столица крупнейшей нерусской республики Киев был самым очевидным кандидатом для остановки в нем после намечавшегося визита в Москву. В мае 1972 года, после своего первого визита в Москву в качестве президента, Ричард Никсон заехал в Киев на один день. Но Украина тогда была послушной провинцией советской империи; теперь, спустя 19 лет, она далеко пошла по пути к отделению.

Когда чиновники из Государственного департамента известили Советы о желании Буша посетить Киев, они сделали это в мягкой форме, сравнив эту поездку с краткими остановками, которые Горбачев делал в Миннеаполисе и Сан-Франциско в 1990 году. Министерство иностранных дел сообщило Мэтлоку, что такой визит не вызовет никаких проблем.

Затем в Вашингтоне в пятницу, 19 июля, Сергей Четвериков, из советского посольства, позвонил Эду Хьюэтту, чтобы передать «срочное послание» из Москвы: поскольку Буш хотел провести день вне Москвы, может быть, он согласился бы поехать в Ставрополь и провести некоторое время на прекрасном горном курорте, как это сделал Коль прошлым летом, или, может быть, оба президента с супругами могли бы отдохнуть – в стиле Кэмп Дэвида, в неофициальной обстановке – на даче Горбачева.

Четвериков знал о том, что «на рабочем уровне» американцы думали о поездке на Украину. Но это была, как он признался, «не очень хорошая идея»: в настоящий момент между республиками существует повышенная напряженность, и визит Буша в Киев был бы «вряд ли практически возможен». Позже Четвериков принес в Белый дом текст этого послания, отпечатанный на телетайпной ленте.

Точные источники происхождения этого обращения к Бушу в последнюю минуту, чтобы он исключил из своего расписания заезд в Киев, не установлены. Послание не было прямо адресовано Бушу и не подписано Горбачевым. Все же Четвериков сказал Хьюэтту, что он должен считать его «президентским

посланием».

Хьюэтт передал послание Скоукрофту, который в это время летел вместе с Бушем в Турцию. Он вместе с президентом выработал ответ, в котором было сказано, что они не хотят обострять растущую напряженность между Кремлем и Украиной. Если советское правительства настаивает, Буш откажется от визита в Киев.

Но в американском ответе было дополнительно сказано, что, поскольку украинцам уже было сообщено, что Буш приезжает, советскому правительству придется взять на себя вину за отмену визита. Ответом в таком изложении Скоукрофт и Хьюэтт надеялись заставить Советы отступить и снять свои возражения против визита в Киев.

Когда Мэтлоку рассказали о том, что происходит, он умышленно позвонил в Госдепартамент по линии связи, которую, как он знал, прослушивает КГБ, и сказал: «Знают ли эти парни в советском правительстве, что они делают? Они только ухудшат отношения с украинцами и будут изрядно потрепаны общественным мнением всюду, включая и США!»

По просьбе Бейкера, Мэтлок передал подобное предупреждение Бессмертных в Министерство иностранных дел. «Саша, все это очень загадочно, – пожаловался он. – У вас здесь назревает катастрофа в отношениях с общественностью. Отмена остановки в Киеве станет историей, связанной с совещанием в верхах».

Бессмертных выразил полное удивление: «Джек, признаюсь, что я ничего не знаю об этом. Дайте мне подумать, что я могу сделать».

Когда Мэтлок ушел, министр иностранных дел позвонил Горбачеву, чтобы получить указания. Советский президент не хотел рисковать и ставить себя в трудное положение: лично просить Буша не ездить на Украину и получить отказ. В раздражении он сказал Бессмертных: «Да забудьте об этом. Скажите американцам, пусть не беспокоятся и действуют в соответствии со своими планами. Если президент хочет поехать в Киев, я уверен, его там радушно примут». В его голосе заметна была некоторая горечь: конечно, Буш будет тепло принят в Киеве, несравненно теплее, чем в Москве, поскольку украинцы определенно используют его присутствие как поддержку за отделение.

Визит Буша в Москву и Киев

В понедельник вечером, 29 июля 1991 года, на бетонной дорожке летного поля Шереметьевского аэропорта в окрестностях Москвы стояли вице-президент Геннадий Янаев и небольшой почетный караул, выстроившийся, чтобы приветствовать Джорджа и Барбару Бушей, выходивших из самолета № 1.

На следующее утро Буш встретился с Горбачевым, который не мог скрыть того, что он продолжает терять власть. На небольшой неофициальный завтрак в Кремле с Бушем он пригласил Бориса Ельцина, президента Казахстана Нурсултана Назарбаева и несколько официальных лиц из центрального правительства: Павлова, Бессмертных, Моисеева, Черняева и Болдина, заведующего его канцелярией. Горбачев надеялся, что это удовлетворит желание его гостя встретиться с Ельциным, даже если и понизит статус соперника до уровня всего лишь руководителя одной из пятнадцати республик.

Но в последнюю минуту Ельцин отказался приехать, объявив, что не будет участником «безликой массовой аудиенции». Поскольку Россия ведет собственную внешнюю политику в отношении Соединенных Штатов, все дела с Бушем он обсудит на отдельном заседании с американским президентом.

После завтрака Буш прошел в новый кабинет Ельцина, предоставленный ему в здании Верховного Совета в Кремле. Ельцин заставил его ждать семь минут. Скоукрофт пробормотал: «Так себя не ведут. Сколько же мы должны ждать его высочество?»

Встреча Буша один на один с Ельциным должна была по расписанию длиться лишь пятнадцать минут, но Ельцин растянул ее на сорок. Он сказал Бушу, что, как только новый Союзный договор будет подписан, Российская республика и Соединенные Штаты должны расширить экономическое «сотрудничество» в ряде областей. Он подразумевал под этим, что Соединенные Штаты должны увеличить оказание прямой помощи России.

После этого в комнату вошли Бейкер, Сунуну, Мэтлок, Хьюэтт, Росс и Николас Бэрнс из аппарата Совета национальной безопасности, а также помощники Ельцина. Ельцин повторил многое из того, что уже сказал Бушу приватно. Это дало повод американцам думать, не была ли эта встреча один на один задумана Ельциным для того, чтобы поднять свою значимость в их глазах и уязвить Горбачева.

Хотя обе стороны согласились заранее, что после беседы пресс-конференции не будет, однако, когда Ельцин и Буш вышли

из кабинета, сияющий президент России сказал группе поджидавших их журналистов и фотокорреспондентов, что у него есть основание питать большие надежды на «нормализацию» американо-российских связей. И добавил, что Буш «согласился» на экономическое сотрудничество с ним.

В тот вечер Горбачев давал официальный обед для Бушей во Владимирском зале Большого Кремлевского дворца. Ельцин ждал до последней минуты, чтобы сделать свой вход более заметным; затем он попытался пристроиться к Барбаре Буш и идти с ней к столу. Первая леди с ледяной улыбкой сделала вид, что стремится следовать протоколу и, пока шла к столу, держалась между Ельциным и Раисой Горбачевой.

В конце вечера Буш буркнул, обращаясь к своим помощникам, что Ельцин оказался «сущей болячкой» в своем стремлении использовать его, чтобы «переплюнуть Горбачева». Скоукрофт добавил: «Этому парню надо сказать, что мы не позволим использовать нас в своих мелких играх!»

Хьюэтт отвел Мэтлока в сторону и попросил его переговорить с министром иностранных дел Ельцина Андреем Козыревым: «Скажите ему, что существуют определенные установленные нормы джентльменского поведения. Давайте не создавать привычки удивлять друг друга».

* * *

В среду утром, 31 июля, Буш, Бейкер, Скоукрофт и Гейтс поехали на дачу к Горбачеву в Ново-Огарево, где в течение почти пяти часов они напряженно беседовали с советским президентом, Бессмертных и Черняевым. Советские представители были все без галстуков и в свитерах.

Буш был готов к тому, что Горбачев может поднять давно беспокоивший Советы вопрос о программе противоракетной обороны США. Но сейчас советский лидер, видимо, не хотел испытывать добрую волю США, обсуждая эту и другие проблемы традиционного раздора, такие, как Куба или размер советского оборонного бюджета.

Вместо этого Горбачев повел себя так, как вел себя Шеварднадзе во время встреч с Бейкером, и излил перед Бушем душу, рассказав, что происходит в Советском Союзе. При этом он мрачно сослался на гражданскую войну, которая уже многие недели бушевала в Югославии. Поскольку Бушу очень хотелось посетить Киев, Горбачев попросил его учесть возможность того, что выход Украины из Союза может привести к гражданской

войне югославского типа, только эта война может охватить одиннадцать временных зон и территорию, усеянную ядерным оружием.

Тут неожиданно пришла весть, напомнившая о том, насколько реальны в Советском Союзе силы насилия. Николас Бэрнс, сотрудник Совета национальной безопасности, прикомандированный к передвижному штабу Белого дома, разместившемуся в новой, белой с хромом, гостинице «Пента», принадлежащей немцам, узнал от представителей Прибалтийских государств в Москве, что неизвестная группа вооруженных лиц совершила налет на литовский таможенный пост, заставила шесть охранников лечь на пол и убила всех выстрелом в голову.

Первоначально возникло предположение, что это было делом рук черноберетников, которые принимали участие в январских убийствах в Прибалтике. Бэрнс позвонил Хьюэтту в Ново-Огарево, где они вместе с Сунуну и Россом сидели на даче поблизости от дачи Горбачева.

Сунуну настоял на том, чтобы Буш сам передал записку об убийствах президенту. Когда Горбачев спросил, из-за чего произошел перерыв в работе, Буш зачитал ему записку.

Разгневанный тем, что встреча в верхах омрачена таким происшествием, и оскорбленный тем, что именно Буш сообщил ему о насилии, совершенном на все еще советской, по его мнению, территории, Горбачев заявил: «Я впервые об этом слышу», и послал Черняева выяснить, что же произошло.

Позднее Горбачев сказал Бушу, что ведется расследование инцидента, и пообещал, что его правительство сделает все возможное, чтобы «избежать таких эксцессов» в будущем.

Некоторым американским участникам пришло в голову: уж не приверженцы ли жесткой линии, потерпевшие неудачу с «конституционным путчем» в июне, устроили этот последний инцидент для того, чтобы поставить в сложное положение Горбачева во время его встреч с Бушем. Несколько помощников самого Горбачева также разделяли это подозрение.

Во второй половине того же дня Буш и Горбачев возвратились в Кремль для подписания в мраморном с позолотой Владимирском зале договора по СНВ. Оба руководителя подписали договор – в 47 страниц и 700 страниц протоколов – вечными перьями, сделанными из того же металла, что и ракеты, запрещенные договором о ракетах среднего радиуса действия.

Буш объявил, что они обращают вспять продолжавшееся «в течение полувека неуклонное движение к наращиванию стратегических арсеналов». Горбачев сказал в ответ: «Слава богу, как говорится по-русски, что мы прекратили это».

В конце церемонии Павел Палащенко, советник-переводчик Горбачева, прошептал своему коллеге: «Вот если б можно было так же аккуратно расправиться с конфликтами и напряженностью в нашей стране, как мы это сделали с теми, которые существовали у нас с внешним миром».

* * *

В четверг утром, 1 августа, когда Буш и его свита поднимались на борт самолета № 1, чтобы лететь в Киев, к ним присоединились вице-президент Янаев, чиновник протокольного отдела Кремля, полковник КГБ и Виктор Комплектов, советский посол в Соединенных Штатах. Смирившись с этой однодневной поездкой, Советы попросили Буша взять с собой небольшое число сопровождающих от центрального правительства – по всей вероятности, для того, чтобы подчеркнуть: Украина все еще является частью владений Москвы.

Поскольку Янаев был старшим в группе, Буш попытался завязать с ним разговор. Однако вскоре стало ясно, что Янаев не склонен говорить о делах, поэтому Буш повел его осматривать президентский командный пункт в воздухе, оснащенный по последнему слову техники, показал ему свою спальню с автоматически опускающимися жалюзи и даже президентский туалет. Янаев лишь повторял, что все «очень мило» и «очень интересно».

Оставив советских представителей снова одних, Буш сказал своим помощникам, что Янаев, кажется, «довольно дружелюбный малый», но безусловно, не из тех, «кто способен уложить противника». Он добавил, что Янаев соответствует той оценке, которую дала ему разведка США еще до поездки: это старорежимный аппаратчик, который едва ли будет играть существенную или независимую роль в политической жизни своей страны.

Подобно большинству американцев, Буш привык называть республику, которую он собирался посетить, – the Ukraine. Сами украинцы, однако, уже некоторое время вели кампанию за то, чтобы опустить из названия артикль на том основании, что он указывает на колониальный статус, например: Ливан – the Lebanon или Гамбия – the Gambia. Разозлившись на подстрекателей-националистов из Советского Союза, Скоукрофт однажды взорвался: «Но ведь Голландия – тоже the Netherlands! Или, например, Соединенные Штаты – the United States?».

Но Мэтлок знал, как остро реагируют украинцы на все это. Во

время полета в Киев он предупредил Хьюэтта, что если Буш произнесет «the Ukraine», Белый дом «будет засыпан письмами возмущенных американцев украинского происхождения». Хьюэтт сказал президенту: «Я знаю, это звучит смешно, но артикль много значит для этих людей». Не желая оскорблять ни своих хозяев в Киеве, ни примерно 750 тысяч американцев украинского происхождения в Соединенных Штатах, многие из которых голосовали за республиканцев, Буш обещал выполнить эту просьбу.

* * *

Самолет приземлился в окрестностях Киева, и президент со своей свитой поехал в город в сопровождении вереницы машин. Вдоль улиц стояли тысячи людей, желавших ему добра, женщины держали букеты цветов, караваи хлеба с солью – традиционный знак приветствия. Буш выглядел так, как будто вел предвыборную кампанию в Питсбурге, Кливленде, Детройте или Чикаго, что в какой-то мере соответствовало действительности, поскольку в этих городах жило много американцев украинского происхождения. Приветливо улыбаясь им в ответ, Буш воскликнул: «Эй, да это же великолепно!»

Как и опасался Горбачев, этот прием резко отличался от того, который был только что оказан президенту США в Москве, где большинство народа смотрело на него как на еще одну важную иностранную персону, прибывшую выразить уважение самому популярному человеку в Советском Союзе.

А толпы в Киеве хотели убедить Буша поддержать их против Горбачева, люди размахивали желто-голубыми флагами независимого украинского государства и держали плакаты с такими надписями на украинском и английском языках: «У МОСКВЫ 15 КОЛОНИЙ»… «ИМПЕРИЯ ЗЛА ЖИВА»… «53 МИЛЛИОНА УКРАИНЦЕВ ТРЕБУЮТ НЕЗАВИСИМОСТИ»… «ЕСЛИ БЫТЬ ЧАСТЬЮ ИМПЕРИИ ТАК ХОРОШО, ПОЧЕМУ ЖЕ АМЕРИКА ВЫШЛА ИЗ НЕЕ?»

Когда вереница автомобилей достигла центра Киева, Буш вышел из своей машины и встретился с Леонидом Кравчуком, председателем украинского парламента.

Коммунист с большим стажем, креатура Москвы, он недавно, точно рассчитав время, развернулся на 180 градусов и стал поборником националистических чаяний.

Встреча двух лидеров продолжалась менее часа, и после нее не было никакой пресс-конференции: американские официальные

лица не хотели повторения того, что произошло у президента с Ельциным в Москве. В ходе встречи большую часть времени Кравчук затратил на рассказ о положении с урожаем: даже в таком богатом сельскохозяйственном крае, как Украина, из-за потерь при сборе урожая, коррупции и скверной системы перевозок около 30 процентов собранного зерна не доходит до рынка.

Как ни старались американцы, чтобы поездка в Киев не была оскорбительной для Горбачева, украинцы воспользовались присутствием Янаева, чтобы показать нос Кремлю. Хьюэтт заметил, что с советским вице-президентом обходились, скорее как с «председателем Всесоюзной ассоциации прокаженных». На завтраке, устроенном для делегаций США и Украины, языками общения были английский и украинский. Поскольку Янаев не знал ни того, ни другого, вид у него был то озадаченный, то скучающий, то раздраженный.

Текст обращения Буша к украинскому парламенту находился в работе несколько недель. Президент объяснил своим помощникам, что хочет использовать свою речь для поощрения переговоров между Москвой и республиками, но без одобрения движений за отделение, так как Горбачев этого не потерпел бы.

Буш ни разу открыто не порицал отделения Украины как такового, но неоднократно намекал на то, что его эта идея не вдохновляет. Давая понять, что Украина и другие республики поступили бы мудро, оставшись в Советской Федерации, он сказал: «Мы сами являемся Федерацией, и мы хотим хороших отношений, хотим улучшения отношений с республиками».

Буш далее сказал: «Свобода не то же самое, что независимость. Американцы не будут поддерживать тех, кто добивается независимости, чтобы тиранию из центра заменить местным деспотизмом. Они не будут помогать тем, кто поощряет самоубийственный национализм, основанный на этнической ненависти».

Украинцы, потрясенные этой последней фразой, конечно, не знали, что президент США всего лишь воспроизвел то, что Бейкер приватно высказал Шеварднадзе в июле 1989 года. Буш повторял это теперь в качестве особого предупреждения вновь избранному президенту Грузии Звиаду Гамсахурдиа, который вел себя как диктатор и преследовал многие нацменьшинства. Но Буш также знал, что подобные этнические страсти существуют и на Украине, и его предупреждение тем самым относилось и к слушателям в Киеве.

Раздосадованный Иван Драч, лидер движения за независимость Украины, пожаловался репортерам: «Буш прибыл

сюда как посланец Горбачева. Он высказался об украинской независимости менее радикально, чем наши собственные политические деятели-коммунисты. Но им-то надо получить место здесь, на Украине, а ему не надо!»

Августовский путч

Новый Союзный договор Горбачева должен был подписываться Ельциным и Назарбаевым в Москве в четверг, 20 августа. Советский президент надеялся, что руководители других республик поставят свои подписи позже.

Опубликованный за пять дней до даты подписания, этот договор передавал столь много прерогатив власти республикам, что ставил тем самым конец исторически централизованному Советскому Союзу. Он включал также некоторые уступки, которые Кремль делал республикам по налогообложению, природным ресурсам и контролю над аппаратом государственной безопасности. Все это для приверженцев жесткой линии в Москве оказалось неприятным сюрпризом.

Накануне подписания Союзного договора западные дипломаты и политические деятели гадали, сможет ли Горбачев пережить еще одну такую огромную перемену.

Многие месяцы ходили разговоры о государственном перевороте. Один переворот предсказывал Шеварднадзе, уходя в отставку в декабре. В июне мэр Попов предупредил Мэтлока, что сторонники жесткой линии готовятся выступить против Горбачева.

Но с каждой ложной тревогой, после каждого грозившего, но не состоявшегося путча Горбачев, казалось, становился более уверенным в своей непобедимости и потому менее склонным принимать слухи и предупреждения всерьез.

В воскресенье, 18 августа, приближался конец отпуска, который он проводил с женой, дочерью, зятем и внучками в своем роскошном убежище в Форосе, на крутом берегу Черного моря. Во второй половине дня Горбачев работал над речью, которую собирался произнести через два дня в Москве при подписании Союзного договора.

Внезапно появился его главный охранник с известием, что к нему прибыла делегация из Москвы. Тотчас что-то заподозрив, Горбачев поднял трубку телефона, чтобы вызвать подкрепление. Телефон не работал, как и все другие, по которым он пробовал звонить.

К этому времени приехавшие ворвались к нему в кабинет. В числе их был заведующий его канцелярией Валерий Болдин, которому Горбачев вполне доверял, и Олег Бакланов, секретарь ЦК КПСС и главный трибун военно-промышленного комплекса.

Объявив Горбачеву, что они представляют Государственный комитет по чрезвычайному положению, приехавшие потребовали,

чтобы он подписал указ, передающий президентскую власть Янаеву. Горбачев отказался – и его посадили под домашний арест.

* * *

Буш был в это время в штате Мэн, где планировал провести, как он это называл, «отдохновенно» месяц. Однако, прочитав 18–19 августа бюллетени разведслужбы, он увидел в них несколько сигналов о том, что в Советском Союзе, похоже, происходит что-то очень плохое.

«Ежедневная информация для президента» за субботу, 17 августа, начиналась с сообщения о том, что сторонники жесткой линии в СССР, видимо, готовятся в последнюю минуту устроить обструкцию новому Союзному договору. Далее в сообщении отмечалось, что в пятницу Александр Яковлев предупредил: «влиятельная группа сталинистов» планирует «партийный и государственный переворот». В заключение в «Ежедневной информации» говорилось: «Возрастает опасность того, что традиционалисты захотят создать такую ситуацию, которая оправдала бы применение силы для восстановления порядка». Заговорщики «будут стараться вовлечь Горбачева в созданную ими ситуацию, но на этот раз он может повернуться против них и присоединиться к демократам».

Позднее в другом разведбюллетене, основанном на сведениях из весьма секретных источников, включая спутниковый шпионаж, был поднят тревожный вопрос: почему Горбачев не вылетел из Крыма в Москву в воскресенье на церемонию подписания Союзного договора?

А в Кеннебанкпорте в воскресенье вечером местные ловцы омаров и агенты секретной службы устанавливали барьеры против урагана «Боб», бушевавшего у середины Атлантического побережья страны. В доме под серой черепицей Буш, готовясь отойти ко сну, слышал, как по крыше барабанит дождь. Он намеревался встать на заре, чтобы вместе со Скоукрофтом и Роджером Клеменсом, звездой бейсбола из бостонской команды «Ред соке», отправиться в клуб графства на Кэйп-Арундел поиграть там в гольф. Президент едва закрыл глаза, как на деревянном ночном столике зазвонил белый телефон. Было 23.45.

Звонил Скоукрофт из своего номера в гостинице «Нонантум». В половине двенадцатого, уже лежа в постели, он смотрел программу Си-эн-эн и услышал сообщение, основанное на заявлении ТАСС, о том, что из-за «плохого здоровья» Горбачева

вице-президент Янаев вынужден сменить его на посту. Скоукрофт решил тогда не беспокоить президента, пока не получит подтверждения этого известия и не узнает подробностей.

Теперь же он сказал Бушу, что Си-эн-эн передала второе сообщение ТАСС о том, что Янаев и остальная хунта, включающая Павлова, Крючкова, Язова, Пуго и Бакланова, ввели в Советском Союзе «чрезвычайное положение» на шесть месяцев!

– Боже мой! – воскликнул Буш.

Исходя из предположения, что сообщение верно, Скоукрофт посоветовал президенту, конечно же, ни в коем случае не одобрять новое руководство в Москве. Но Буш должен также понять и то, что, если путч поддерживают столько могущественных фигур, он скорее всего закончится успешно. Западу, возможно, придется иметь дело с этими людьми, поэтому «не следует сжигать мосты, соединяющие их с нами».

Буш не знал, как же охарактеризовать путч в публичном заявлении администрации. Скоукрофт заметил, что такие слова, как «незаконный», «противозаконный», «неконституционный», были бы слишком провокационными; наконец они с президентом сошлись на более нейтрально звучащем слове «внеконституционный».

Скоукрофт позвонил своему пресс-секретарю Роману Попадюку и велел использовать это слово в разговоре с журналистами, которые ломились к нему, пытаясь выяснить официальную оценку США потрясающих новостей из Москвы.

Попадюк предупредил Скоукрофта, что утром президенту придется что-то сказать самому: «Не может же он поехать играть в гольф и реагировать на самое важное событие нашего времени, находясь на площадке для игры в гольф». Скоукрофт ответил: «В любом случае утром может пойти дождь».

* * *

В своем доме в штате Вайоминг Бейкер с женой были уже в постели, когда позвонили из оперативного центра Госдепартамента и сообщили новости. Бейкеру трудно было поверить, что этот кризис будет затяжным. Во время своих недавних визитов в Москву он был поражен тем, насколько глубокими и широкими были перемены, происшедшие за последние несколько лет; интуиция подсказывала ему, что консерваторы давно уже потеряли контроль над положением и что их попытка захватить власть запоздала.

Вспомнив, что Шеварднадзе предсказывал путч сторонников

жесткой линии, Бейкеру захотелось позвонить ему и сказать: «Вы нам это говорили». Но он отказался от этой мысли: пока новый режим у власти, его звонок по открытой линии связи окажет Шеварднадзе дурную услугу.

Не в состоянии заснуть, Бейкер добивался от оперативного центра последних сведений о развитии событий. Он позвонил Деннису Россу, проводившему отпуск в Нью-Гэмпшире, и Роберту Зеллику, путешествовавшему по Шотландии.

Росс напомнил своему боссу, что советские военные уже не составляют монолита: не следует предполагать, что все они участвуют в путче и даже готовы поддержать хунту. Как и во всем советском обществе в целом, сказал Росс, среди военных сейчас произошло глубокое разделение по этническим и другим признакам, и это может удержать их на нейтральной позиции в конфликте, затрагивающем центральное правительство. Если все пойдет именно так, то путч, вероятно, провалится.

Зеллик заметил, что администрации следует воздерживаться от публичных высказываний, которые могут способствовать узакониванию заговорщиков. «Мы ничего не потеряем, взяв вначале жесткую линию, – утверждал он. – Если они укрепятся, им потом понадобится помощь извне и признание, поэтому они проглотят все, что мы скажем вначале».

Генерал Колин Пауэлл спал в своем доме в форте Мак-Нейри в Вашингтоне, когда ему позвонил дежурный офицер из Национального центра военного командования в Пентагоне и сказал: «Это путч!»

За время войны в Персидском заливе Пауэлл привык к таким ночным тревогам. Положив трубку телефона, он выждал, проверяя, вполне ли проснулся и четко ли мыслит. Прежде всего его тревожила угроза внезапного нападения: ни одно официальное лицо в США не могло знать, у кого теперь находится «чемоданчик» с кодами, который мог бы позволить Янаеву или Язову запустить против Северной Америки межконтинентальные баллистические ракеты.

Пауэлл запросил самые последние «на текущий момент» разведданные о диспозиции всех советских ракет, бомбардировщиков и подводных лодок: «Есть ли какие-либо изменения в положении готовности любых вооруженных сил?» Пентагон заверил его, что таких изменений нет. Сверхсекретные источники американской разведки обнаружили, что некоторые полки советских стратегических ракетных войск были заняты необычной деятельностью, связанной с размещением мобильных межконтинентальных баллистических ракет. При наихудшем предположении это могло сначала показаться поводом для

тревоги, но эксперты Пентагона пришли к заключению, что в действительности командующие соединениями принимали меры к тому, чтобы их поведение не могло показаться угрожающим, а также, чтобы быть абсолютно уверенными в том, что ракеты находятся под контролем.

В ЦРУ Джордж Колт создал специальную группу для обработки и анализа телеграмм, которые теперь шли потоком с сообщениями о советском путче. В управлении уже многие месяцы слышали, что Горбачев страдает от эмоционального и психического перенапряжения, поэтому первое заявление ТАСС о путче, прозвучавшее в половине двенадцатого, навело Колта на мысль, не заболел ли советский лидер на самом деле. Но второе заявление не оставило у Колта никаких сомнений в том, что недомогание Горбачева было не медицинского, а политического происхождения.

В понедельник, днем, в 12.45, Колт сказал Дэвиду Гомперту из аппарата Совета национальной безопасности: «Мы называем это путчем». Осуществится ли он, будет зависеть от способности Ельцина и других демократов оказать сопротивление, а также от реакции советских военных и Запада.

Позже ЦРУ подверглось критике за то, что оно не смогло «предсказать» захват власти. В последние месяцы эксперты управления действительно высказывали предположения о «слабой вероятности» путча сторонников жесткой линии, но это объяснялось тем, что они не верили в успешность такого путча.

* * *

В понедельник, приехав в Ленгли около часа ночи, Фриц Эрмарт сел за пульт своего компьютера, подключенного к банку данных управления. Он просмотрел все, что было за последние дни выявлено шпионскими спутниками США и перехватами средств связи о передвижениях Советской Армии и войск КГБ.

Эрмарт был поражен: не было свидетельств о каких-либо перемещениях, которые бы надо было ожидать перед путчем. Заговорщики не провели серьезной подготовки: не было ни массированных передвижений войск и танков, ни перерыва в работе средств связи, ни глушения западных радиопередач, ни облавы на популярных руководителей реформ.

В два часа ночи Эрмарт воскликнул, обращаясь к своим коллегам: «Эй, ребята, а ведь собаки-то не лают!» Колт произнес в ответ: «Да, мы это тоже заметили». Эрмарт сказал: «Казалось бы, эти парни могли совершить нечто подобное куда искуснее. Ведь

они же практиковались в этом с января». Они вспомнили о предупреждении Попова еще в июне месяце и пожалели, что не восприняли это достаточно серьезно в то время.

Эрмарт составил для президента «Репортаж с места событий». В нем отмечалось, что путч был плохо подготовлен и носил беспорядочный, сиюминутный характер. Эрмарт прикинул его последствия: 10 процентов он отдавал тому, что Кремль вернется к режиму в стиле Андропова, 45 процентов – тому, что путч может привести к патовому положению как для заговорщиков, так и для реформаторов, и 45 процентов – тому, что путч «быстро выдохнется».

А в Белом доме Гомперт и Хьюэтт пили кофе и вышагивали вокруг лишенной окон Оперативной комнаты. Гомперт, бывший офицер с миноносца, предложил, чтобы они с Хьюэттом установили сменные «вахты по правому и левому борту» на все время кризиса.

Хьюэтт не считал, что кризис продлится долго: «Эта группа никак не продержится дольше одного-двух месяцев. Их прикончит экономика. Они не смогут откупиться от рабочих обещаниями о повышении зарплаты и пособий. А экономическая разруха будет усиливаться».

К утру в Москве войска, включая сотни танков, заняли позиции на главных улицах, крупных перекрестках и мостах. Лидеры путча издали указы, запрещающие большие сборища, ввели комендантский час, запретили политическую активность оппозиции и установили ограничения для прессы.

В понедельник в пять часов утра Скоукрофт позвонил президенту в Кеннебанкпорт и сказал: «Вам надо что-то сказать прессе и лучше сделать это не на площадке для игры в гольф». Президент согласился. Все равно шел дождь. Попадюк наметил президентскую пресс-конференцию на утро.

В половине седьмого Скоукрофт сел в арендованный им «олдс-мобил», подъехал к дому президента и повесил свой дождевик в шкаф в прихожей рядом с пиджаками, пальто и сувенирными шапками от каждой прошлой кампании Буша. Президент встретил его в гостиной в темно-синем пиджаке с металлическими пуговицами и галстуке с золотыми президентскими печатями.

Буш разговаривал по телефону с Джеймсом Коллинзом, видным американским дипломатом, оставшимся в Москве после ухода Мэтлока в отставку с дипломатической службы. Назначенный на замену Мэтлока Роберт Страус, динамичный адвокат и бывший председатель демократической партии, еще не был приведен к присяге.

Коллинз информировал Буша, что он только что был в «Белом доме» – российском парламенте, где Борис Ельцин и несколько его главных помощников провели всю ночь. В понедельник рано утром Ельцин осудил путч, заклеймив его лидеров и назвав их предателями. Белый дом, расположенный через улицу от нового комплекса посольства США, был окружен военными машинами, но Коллинз сообщил, что смог пройти сквозь них в парламент и встретиться с Ельциным и Козыревым. Он добавил, что никто из американцев, находящихся в советской столице, судя по всему, не пострадал.

– Большое спасибо, – сказал Буш. – Я рад, что вы там.

* * *

В течение всего понедельника Ельцин продолжал оказывать открытое неповиновение путчу и организовывать себе поддержку. Пренебрегая опасностью попасть под огонь армейских снайперов, он вышел из здания парламента и обратился с речью к десяткам тысяч москвичей, стоявших среди танков и бронетранспортеров. Ельцин повторил, что Янаев и другие захватили власть незаконно; он также призвал к всеобщей забастовке против установления чрезвычайного положения. Эдуард Шеварднадзе и другие видные демократы пришли к зданию, чтобы продемонстрировать свою солидарность.

Павлов, сославшись на болезнь, внезапно подал в отставку с поста премьер-министра и члена Комитета по чрезвычайному положению. Иностранные корреспонденты в Москве в шутку стали говорить, что началась «путчевая инфлюэнца».

А Буш по возвращении в Вашингтон сел на телефон. Прежде всего он переговорил со своими главными европейскими союзниками – Джоном Мейджором, Франсуа Миттераном и Гельмутом Колем, а потом – с Лехом Валенсой в Польше, Вацлавом Гавелом в Чехословакии, Тургутом Озалом в Турции, Рюдом Любберсом в Нидерландах, Йожефом Анталлом в Венгрии, Брайаном Малруни в Канаде, Джулио Андреотти в Италии, Тосики Кайфу в Японии и Фелипе Гонсалесом Маркесом в Испании.

Валенса, Гавел и Анталл были озабочены тем, что сторонники жесткой линии в Москве найдут способ спровоцировать подобные перевороты в их странах. Буш убеждал их не принимать никаких предварительных мер, которые могут показаться провокационными, но в то же время обещал дать ясно понять в своих заявлениях, что, какие бы события ни произошли в

Советском Союзе, процесс демократизации в Восточной Европе необратим.

Мейджор предсказал, что новый режим в Москве будет свергнут через несколько месяцев, если не раньше, а Миттеран заметил, что «это, пожалуй, будет впервые, когда путч провалится» в советском блоке. Буш вспомнил о своем контакте с Янаевым в Киеве три недели назад и заметил, что вице-президент Куэйл встречался со своим коллегой на похоронах короля Норвегии Улафа V в январе и премьер-министра Индии Раджива Ганди в мае. Куэйл сказал, что Янаев «не брызжет энергией», но человек «сносный».

Буш сказал Мейджору и Миттерану, что, согласно наблюдениям его и Куэйла, Янаев «не такой уж плохой парень, но крайне легковесен». Миттеран согласился с этим, добавив, что Янаев, «вероятно, всего лишь марионетка» в руках остальных семи членов Комитета по чрезвычайному положению.

Премьер-министр Испании Гонсалес уговаривал Буша попытаться связаться напрямую с Горбачевым, хотя бы для того, чтобы стало известно об этой попытке, и она показала бы, что Соединенные Штаты не отказались от смещенного лидера.

Из всех руководителей, с которыми говорил Буш, Коль был расстроен больше всех. Канцлер знал, как ненавистно советским сторонникам жесткой линии объединение Германии в рамках НАТО, и опасался, не захотят ли они использовать советские войска, все еще находившиеся в Восточной Германии, для возбуждения беспорядков. Он настоятельно просил Буша потребовать, чтобы новые советские лидеры придерживались своих международных обязательств и уважали права человека. Коль просил также американского президента подчеркивать, сколь важное место занимает Горбачев в истории мира.

* * *

В начале дня Буш готов был к самому худшему. Он старался никого не оскорбить и особенно Геннадия Янаева, который теперь стал номинальным лидером Советского Союза. Скоукрофт поддерживал склонность президента убирать паруса, пока не прояснится ситуация.

В гостиной Бушей в Кеннебанкпорте Скоукрофт сообщил, что из Москвы поступают противоречивые сообщения. Бронетранспортеры на улицах были замечены из посольства США всего несколько часов тому назад, что было добрым знаком, поскольку по обычному сценарию военного переворота танки

выкатываются, как только сделано первое объявление о путче.

Скоукрофт передал мнение ЦРУ, что заговорщики так и «не выстроили своих уток в ряд», но от себя добавил: «Все это в данный момент предположения, к которым, несомненно, примешивается стремление выдать желаемое за действительное». Янаев и соучастники заговора вполне могут оказаться будущим правительством Советского Союза, и Скоукрофт напомнил Бушу: «Вы должны быть осторожным. Возможно, нам придется иметь дело с этими парнями».

Бейкер позвонил Бушу из Вайоминга и вспомнил, что сидел рядом с Янаевым во время московской встречи в верхах: «Он не выглядит как главарь банды», – заметил Бейкер.

Зная о том, что пресса непременно спросит его о Янаеве, Буш сказал: «Может, нужно полегче обойтись с ним вначале».

Незадолго до восьми утра угрюмый Буш появился перед репортерами и теле– и кинокамерами в коттедже, который обычно занимали агенты секретной службы. Следуя совету Коля, Буш сказал, что, как он ожидает, «Советский Союз будет полностью выполнять свои международные обязательства», и назвал Горбачева «исторической фигурой, человеком, который привел Советский Союз к экономической реформе, что позволило ему играть конструктивную роль в деле сотрудничества на международной арене».

Буш не стал открыто осуждать тех, кто пришел теперь к руководству в Кремле. Используя формулу Скоукрофта, он назвал захват власти «внеконституционным». Он с надеждой отметил, что Комитет по чрезвычайному положению обещал продолжить реформу, но признал: «Я не знаю, верить этому или нет. Я думаю, что в данный момент нам надо просто наблюдать за развитием ситуации и повторять снова и снова наши принципы, – посмотрим, как будут развиваться события. Все еще только разворачивается».

Один из журналистов спросил, что думает президент о Янаеве. Буш ответил: «Ну, инстинкт подсказывает мне, что у него есть определенное обязательство продолжать реформу… Но, думаю, не он определяет цели… Я уже говорил неоднократно, что мы не хотим видеть путч, поддерживаемый КГБ и военными».

Затем он добавил: «Я думаю, важно знать, что путчи могут и проваливаться. Вначале путчисты могут захватить власть, а затем они наталкиваются на волю народа».

А как насчет требования Ельцина объявить всеобщую забастовку? «Ну, посмотрим, что из этого получится… Я надеюсь, что люди услышат его призыв». Вернется ли президент в Вашингтон? Буш вспылил: «Я не интересуюсь разыгрыванием

спектаклей. Не стараюсь делать вид, будто занят работой». Он заметил, что в Кеннебанкпорте есть прекрасный комплекс связи.

Пытался ли он разговаривать с кем-либо из советского руководства по «горячей линии» связи? Президент рассердился еще больше: «Мы не собираемся излишне волновать американский народ или мир. Поэтому мы будем проводить нашу дипломатию благоразумно – без эксцессов и без крайностей». Буш добавил, что люди связывают использование «горячей линии» с возникновением «какой-то военной проблемы между Советским Союзом и Соединенными Штатами. Неужели вы считаете, что я должен навести на эту мысль американский народ и народы в Европе? Отнюдь нет!» Он резко оборвал пресс-конференцию, сказав: «Хорошо, вы свое получили. Не говорите теперь, что мы здесь не сообщаем вам никаких новостей».

* * *

В это время граждане Москвы выходили на улицы, чтобы защитить штаб-квартиру Ельцина от войск, окруживших парламент. Комитет по чрезвычайному положению только что провел свою пресс-конференцию, которая лишь усилила мнение, что это банда, не умеющая стрелять в цель. Когда Янаев зачитывал заявление, руки его дрожали, и журналисты в аудитории заподозрили, что он и несколько других членов комитета были пьяны.

А Колин Пауэлл в своем кабинете в Пентагоне одним глазом смотрел передачи Си-эн-эн, а другим просматривал по-прежнему поступавшие потоком разведывательные донесения. Оба источника говорили ему, что танки и бронетранспортеры с пехотой на улицах Москвы не проявляли признаков боевой готовности к захвату политической власти. Он воскликнул: «Этих парней послали в Москву без поручения!»

Пауэлл позвонил Чейни на борт самолета: «В последней строке говорится, что это половинчатый путч. Что-то происходит, но происходит не по учебнику». В ЦРУ Эрмарт пришел к выводу: «Проводит все это банда неудачников. Они потерпят провал».

В первые часы после путча советское Министерство иностранных дел разослало телеграммы своим представительствам за границей с текстом декларации Государственного комитета по чрезвычайному положению. Виктору Комплектову, советскому послу в Вашингтоне, вменялось вручить Бушу письмо Янаева, выражавшее желание Комитета поддерживать добрые отношения с Соединенными Штатами и

содержавшее обязательство продолжать процесс реформ, а также заверения, что Горбачев находится в безопасности.

Комплектов в полдень посетил Иглбергера в Госдепартаменте, а затем Гейтса в Совете национальной безопасности. Он выполнял свое поручение с удовольствием, что побудило его коллег по посольству, а также официальных лиц США прийти к заключению, что он приветствовал путч.

Комплектов сказал Иглбергеру и Гейтсу, что он «ценит» то «понимание», с каким президент Буш относился до сих пор к сложившейся ситуации. Это был комплимент, который американцы рады были бы не слышать, поскольку он подразумевал, что Комплектов и путчисты в Москве и в самом деле восприняли мягкое заявление Буша в понедельник утром как выражение готовности признать путч.

Иглбергер вручил послу письменное послание от имени администрации, настаивавшее на том, чтобы ГКЧП придерживался международных обязательств, взятых на себя СССР, и продолжал политические и экономические реформы. Но даже при выполнении этих условий, сказал Иглбергер, руководителям путча не следует ожидать, что Соединенные Штаты вскоре признают их законным правительством Советского Союза.

* * *

В понедельник, в пять часов дня, в Рузвельтовской комнате Белого дома Буш председательствовал на совещании заместителей руководителей главных ведомств. Он приказал временно приостановить все программы американо-советских обменов, но так, чтобы их можно было легко восстановить. Если путч провалится, он хотел иметь возможность быстро восстановить нормальные отношения между двумя странами.

Заместитель директора ЦРУ Ричард Керр перечислил признаки того, что в Москве еще не все потеряно: линии связи с Западом продолжали действовать; Ельцин, бросая вызов путчистам, сидел в Белом доме; на улицах солдаты вылезали из танков и пытались успокоить возмущенных москвичей.

Керр сказал: «Короче говоря, господин президент, это не похоже на традиционный путч. Он осуществляется не очень профессионально. Они пытаются постепенно, один за другим, захватывать контроль над крупными силовыми центрами, а нельзя победить в путче, если действовать по этапам».

Задетый за живое публичной критикой за то, что он вроде бы

проявил слишком большую терпимость к путчу, президент стремился ужесточить свою позицию. Просмотрев проект заявления, которое он должен был зачитать, Буш вспомнил о тревоге Валенсы, Гавела и Анталла в связи с тем, что сторонники жесткой линии могут попытаться вновь захватить контроль в их странах. Он сказал: «Я тут не вижу ничего о Восточной Европе».

В комнате совещаний Белого дома Буш теперь произнес то, от чего утром всего лишь отмахивался: он сказал: «неконституционный» и «незаконный». Он поддержал призыв Ельцина к восстановлению на своем посту Горбачева и изложил свои требования: лидеры путча должны продолжать продвижение Советского Союза к демократии; уважать избранных на основе конституции руководителей и не нарушать прав человека; соблюдать все договоры и воздерживаться от применения силы против республик или других «демократически избранных правительств», что являлось ссылкой на Восточную Европу.

Он «не заинтересован в новой «холодной войне», сказал Буш, но будет «избегать всеми возможными путями» действий, которые могут придать путчистскому Комитету какую-либо «законность или оказать поддержку».

Министр иностранных дел России Андрей Козырев, которого Ельцин отправил в Западную Европу, позвонил Аллену Уайнстейну из Центра за демократию, существующего в Вашингтоне на частные средства и поддерживающего в последнее время отношения с окружением Ельцина. Козырев продиктовал заявление, в котором назвал первоначальную реакцию Запада на путч «двусмысленной и даже разочаровывающей», и подчеркнул, что сейчас «не время для умиротворения». Уклончивое утреннее заявление Буша, сказал Козырев, сыграло на руку заговорщикам-путчистам, которые «некоторое время верили, что их усилия обманули Запад». Козырев, однако, добавил: «Более поздние заявления… исправили это неправильное представление».

В своем письме Бушу, полученном им утром в понедельник, Ельцин попросил президента установить «оперативный контакт» с ним на время кризиса. Это была прямая открытая просьба, чтобы Буш позвонил ему в русский Белый дом. Но Буш и его советники из Совета национальной безопасности не хотели этого делать. Они считали, что должны попытаться связаться вначале с Горбачевым, иначе может показаться, что администрация списала со счета шансы советского лидера на возвращение к власти.

Телефонный оператор Белого дома послал вызов Горбачеву через Кремль в надежде, что вызов будет передан в Крым: «Президент Буш вызывает президента Горбачева». Голос на другом конце линии сказал: «Один момент, пожалуйста». После

паузы оператор в Москве вернулся на линию и вежливо сказал: «Извините, но его сейчас нет». Белый дом пытался в течение дня несколько раз связаться с Горбачевым, но тщетно.

В понедельник вечером Хьюэтт сказал Скоукрофту: «Брент, мы потратили столько усилий, пытаясь добиться связи с Горбачевым. Теперь пришло время позвонить Ельцину. Он явно является ключом к решению этого дела, и мы должны зарегистрировать нашу поддержку прямо у него».

* * *

На рассвете во вторник в Москве войска, окружавшие парламент, пришли в столкновение с сотнями граждан; некоторые из них бросали «коктейли Молотова» в бронемашины. Трое из протестовавших были убиты и еще несколько человек ранены, прежде чем войска отступили.

В Вашингтоне Буш начал этот день рано. В своем укромном кабинете, примыкающем к Овальному кабинету, Буш отпечатал памятку для себя: «Держи связь с Борисом Ельциным». Вскоре он связался с российским президентом по телефону. «Борис, друг мой!» – радостно вскричал Буш. Ельцин заорал: «Я чрезвычайно рад слышать вас». Он сказал, что советские войска окружают Белый дом. «Мы ожидаем нападения, но ваш звонок поможет нам». Толпа наших сторонников на улице около здания возросла до 100 тысяч человек.

– Мы очень хотим сделать все возможное, чтобы помочь. Есть у вас какие-либо предложения? – спросил Буш.

– Главное – это моральная поддержка. Нам нужно услышать заявления, которые обратили бы внимание мира на наше положение, – ответил Ельцин.

– Хорошо, мы это сделаем. Мы сделаем все, что сможем. Мы молимся за вас.

Напомнив о заявлении Буша в понедельник вечером, Ельцин сказал:

– Я слышал о том, что вы сказали вчера. Для нашего народа важно иметь такую поддержку.

Буш спросил Ельцина, что он думает о том, какие позиции занимают другие советские политические фигуры по отношению к путчу. Особенный интерес вызывали Бессмертных и Моисеев, роль которого была особенно важна, поскольку Язов, его непосредственный начальник, связал свою судьбу с заговорщиками.

Ельцин сообщил, что Бессмертных до сих пор был

«нейтрален»; он, видимо, ждет, кто возьмет верх. Моисеев тем временем проводит политику Министерства обороны. Другими словами, он, по меньшей мере, поддерживает путч.

После того как Буш услышал голос Ельцина, он начал верить, что в этой драме может появиться герой, который действительно победит злодеев, но это будет не Горбачев, а Ельцин. Как только стали поступать оживленные отклики на его более резкое заявление в понедельник вечером, президент сказал Скоукрофту, что он чувствует себя достаточно обнадеженным, чтобы возвратиться в Кеннебанкпорт: «Я думаю, мы возвратимся туда с чистой совестью», – сказал он.

При перелете на север находившийся на борту самолета № 1 сын президента Джордж, ревностный республиканец, ликовал. Младший Буш видел в советском кризисе напоминание о том, что мир все еще является предательским местом и что опыт его отца в области внешней политики все еще имеет значение. Повстречавшись с репортером в хвостовом отсеке самолета, он спросил его: «Неужели вы думаете, что американцы повернутся теперь к демократам?»

Во вторник вечером американцы пришли к заключению, что, если советские военные планируют нападение на штаб-квартиру Ельцина, оно начнется перед рассветом. Передав свою вахту Гомперту, Хьюэтт пришел домой и сказал жене: «Если мы сможем пережить ночь без нападения, то все это может действительно очень скоро кончиться».

В Оперативной комнате Гомперт использовал и передачи телекомпании Си-эн-эн, и разведывательные сообщения для того, чтобы вести наблюдения за передвижением войск, танков и военных самолетов. Все свидетельствовало о том, что применение силы угрожает Прибалтийским странам, а также Ельцину. Действуя зловеще знакомым образом, советские войска захватили радио– и телевизионные станции в Литве и Эстонии. Гомперт отпечатал резкое заявление для возможного опубликования, если случится самое худшее. В нем будет объявлено о немедленном разрыве всех экономических связей с Советским Союзом и будет звучать призыв к советским солдатам не подчиняться своим командирам.

* * *

Утром в среду в Москве все еще не произошло нападения. Скоукрофт, находясь в Кеннебанкпорте, работал вместе с Гейтсом и Хьюэттом, находившимися в Вашингтоне: они подготавливали

второй разговор Буша с Ельциным в 9 часов утра.

Все трое согласились с тем, что, пережив эту ночь, российский президент обрел огромное значение. Гейтс сказал: «Он теперь стал как никогда ключевой фигурой».

Однако, когда Буш переговорил с Ельциным, российский президент, кажется не был уверен, что кризис миновал. Русский Белый дом, сказал он, все еще окружен специальными войсками КГБ. По подсказке Скоукрофта, Буш снова спросил его о Моисееве и военных. Ельцин был настроен оптимистически, считая, что они все равно отступят.

Фактически путч превратился в фарс. В то утро Крючков и Язов примчались в аэропорт во Внуково за пределами Москвы, где к ним присоединился Анатолий Лукьянов, старый друг Горбачева, предавший его. Они захватили реактивный самолет Аэрофлота и вылетели в Крым, то ли чтобы вести переговоры с Горбачевым, то ли просить у него пощады, – это было не ясно. Как только они улетели, за ними последовала делегация во главе с вице-президентом Ельцина Александром Руцким. В Форосе Горбачев отказался принять первых посетителей. Когда из Москвы прибыла вторая группа, были арестованы шефы КГБ и Министерства обороны.

Возвратившись в Москву, сторонники Ельцина, сопровождаемые вооруженными людьми, устроили облаву на других заговорщиков. Они нашли Янаева в его кремлевском кабинете. Одним из тех, кто был послан с заданием арестовать Бориса Пуго, был Григорий Явлинский, который поспешил вернуться в Москву с Украины, чтобы помочь защитить русский Белый дом. Пуго, чтобы избежать ареста, застрелил жену, а затем застрелился сам.

Утром во вторник, после того как Роберт Страус был приведен к присяге как посол, он вылетел в Москву на борту небольшого военного реактивного самолета. В среду, в два часа дня по местному времени, Страус прибыл в аэропорт Шереметьево. На пути в центр города его бронированный «кадиллак» был остановлен почти на полчаса, чтобы пропустить колонну армейских грузовиков, выезжавших из города. В тот момент Страус понял, что путч закончился.

В это время новый комплекс зданий посольства США был почти недоступен, так как находился за баррикадами, возведенными для защиты находившегося поблизости русского Белого дома. Чтобы добраться до посольства, «кадиллак» Страуса должен был петлять по тротуарам и переулкам.

Когда новый посол прибыл в свой кабинет, ему сразу пришлось принимать первое политическое решение.

Правительство Ельцина выделило самолет иностранным послам для встречи с Горбачевым в Форосе, и Страус тоже был приглашен вылететь вместе с ними. После своего долгого путешествия Страусу меньше всего хотелось очутиться на борту другого самолета, и особенно самолета Аэрофлота, да еще в середине кризиса. Вместо себя он послал Джеймса Коллинза, которому по прибытии в аэропорт сообщили, что Горбачев вскоре возвращается в Москву.

Утром в четверг в Кеннебанкпорте Буш приказал своим помощникам попытаться снова дозвониться до Горбачева. На этот раз, к удивлению Скоукрофта, советская телефонистка сказала: «Мы переключим вас в Крым». Когда вызов был принят, Буш кружил в ревущем катере «Фиделити» по гавани. Вызванный на берег, Буш пробежал в свою спальню и поднял телефонную трубку. Барбара стояла рядом в костюме для бега. Когда Горбачев поздоровался, Буш сказал: «Слава богу! Я рад слышать ваш голос… Надеюсь, Раиса пережила все это и теперь чувствует себя хорошо… Барбара и я переживаем за вас обоих».

Горбачев хвастался отвагой, проявленной в воскресенье: «Они попросили меня подать в отставку, а я отказался!» Он сказал, что расстроен своей изоляцией. «Моя личная охрана осталась мне верна, но они ничего не могли сделать, поскольку выхода отсюда не было. Даже путь по морю был заблокирован судами».

Горбачев сказал, что он только теперь узнает, что произошло в Москве: его связь с внешним миром была восстановлена всего час назад. Он сказал Бушу, что уже говорил с Ельциным, Кравчуком и Назарбаевым, которые все сыграли «полезную» роль в предыдущие несколько дней.

Он поблагодарил Буша за то, что он занял «принципиальную позицию» против путча, но характерно, что наибольшую заслугу Горбачев, как всегда, приписал себе. Успех путча, сказал он, был предотвращен всем, что он сделал за последние несколько лет: из-за новых взаимоотношений, которые он установил между центром и республиками, «такие действия не могли иметь успеха».

Он был воодушевлен своим возвращением к командованию и жаждал возвратиться в Москву. «Предстоит много сделать… Я должен буду принять некоторые жесткие решения». Он только что отдал приказ Моисееву «все привести в порядок».

Последнее замечание поразило Буша и других американцев, прослушавших этот разговор. Разве Ельцин не сказал, что Моисеев в лучшем случае сыграл двусмысленную роль в путче? Когда Буш опустил трубку телефона, Скоукрофт сказал, что Горбачева, «возможно, ждут некоторые сюрпризы, когда он

приедет домой».

* * *

По возвращении в Москву Горбачев быстро превратил свой триумф в разгром. Он не побеспокоился сделать остановку в русском Белом доме и поблагодарить Ельцина за свое освобождение. Выступая перед представителями прессы, вместо того чтобы стать выразителем грандиозных перемен, только что происшедших в политической жизни Советского Союза, он всего лишь притворился, что последних девяноста шести часов вообще не было. Теперь, когда он вернулся на свой пост, он, кажется, подразумевал, что жизнь может вновь стать нормальной.

В то время, когда толпы на улицах размахивали российскими флагами и скандировали имя Ельцина, Горбачев заперся в Кремле и выступал с речами по телевидению. Он не понял, что граждане праздновали не его победу, а поражение путчистов, что он уже больше никогда не будет выступать как единственная фигура на политической платформе от демократов, которые сумели справиться с правыми силами.

«Поклонники Ельцина» в ЦРУ давали едко саркастическую оценку поведения Горбачева после его возвращения в Москву. В одном из комментариев утверждалось, что советский лидер проявил «наивность и эгоцентричность» и оказался «неспособным усвоить новости, идущие наперекор его амбициям».

На частном совещании с экспертами из правительства Фриц Эрмарт выступил с заявлением, чем-то напоминавшим протокол о вскрытии, касавшимся не только самого путча, но и всей горбачевской эры. Он предсказал, что события этой недели ускорят декоммунизацию Советского Союза, «развал» партии и КГБ и строительство российской государственности.

Что касается самого Горбачева, то его понимание своей роли советского президента больше не является реалистичным… Если ему посчастливится, сказал Эрмарт, «Ельцин позволит ему стать главой государства в роли королевы Елизаветы».

Буш и Скоукрофт, не прибегая к подобным выражениям, пришли к тому же заключению. 23 августа они вместе смотрели телепередачу в Кеннебанкпорте и видели Горбачева и Ельцина, стоявших рядом перед российским парламентом, видимо, демонстрирующих, что они наконец сотрудничают друг с другом.

Горбачев признал, что еще не читал список российских предложений, который держал в руке. Ельцин ткнул пальцем в сторону Горбачева и грубо потребовал: «Ну хорошо, тогда

прочтите их!»

Скоукрофт печально покачал головой, видя эту сцену, и задумчиво заметил: «Все кончено». Он сказал, что Горбачев «уже больше не является независимым актером. Ельцин говорит ему, что надо делать. Я не думаю, что Горбачев до конца понимает, что произошло».

Буш согласился с ним: «Боюсь, что он выдохся».

* * *

В субботу, 24 августа, маршал Ахромеев повесился в своем кремлевском кабинете. Он оставил записку, в которой говорилось: «Все, над чем я работал, разрушается». Позднее о смерти Ахромеева распространялись различные слухи, отчасти потому, что для советских генералов более обычным было стреляться. Правые оппозиционеры высказывали предположения, что либо он был убит, либо предупрежден, что если не покончит с собой, то пострадает его семья. Этот последний слух основывался на загадочной строчке в записке, адресованной его семье: «Я всегда ставил интересы государства выше ваших, но теперь я поступаю наоборот».

Позже, когда Бейкер сказал Шеварднадзе, что он был огорчен, услышав о самоубийстве, Шеварднадзе дал ясно понять, что не разделяет этого чувства. Он напомнил государственному секретарю, что поведение Ахромеева было одним из главных камней преткновения в достижении контроля над вооружениями: «Именно он был тем, кто так нам все затруднял».

Первым, кого Горбачев выбрал вместо Язова на пост министра обороны, был генерал Моисеев, но мнение Ельцина о том, что Моисеев присоединился к путчу, вскоре возобладало. Почти сразу же после своего назначения на этот пост Моисеев был уволен и заменен командующим военно-воздушными силами генералом Евгением Шапошниковым.

Бессмертных оставался на своем посту ненамного дольше. В воскресенье, в день путча, члены хунты отозвали его в Москву из отпуска и попросили войти в состав Комитета. Министр иностранных дел отказался, но не сумел высказаться публично против путча. Вместо этого он не появлялся в своем кабинете, ссылаясь на нездоровье, и поручил своему заместителю Юлию Квицинскому подписать телеграмму советским послам с указанием передать заявление Комитета правительствам. Ельцин и его советники списали Бессмертных как политического труса, который держит для себя открытой возможность выбора под

предлогом защиты ведомственных интересов министерства.

Когда Горбачев вернулся из Крыма, Бессмертных ждал в аэропорту, чтобы приветствовать его. На следующий день советский руководитель вызвал его в Кремль и сказал, чтобы Бессмертных оставался на своем посту. Но в пятницу Горбачев позвонил:

– У меня создалось впечатление, что вы вели себя несколько пассивно в течение этих трех дней.

Бессмертных запротестовал:

– Но это совершенно неверно, Михаил Сергеевич! Я не знаю, что вам сказали, но я был единственным из ваших близких коллег, который выдержал тяжелое испытание. Кругом никого не было. Все были в отпуске. А я был здесь и старался сделать как лучше, чтобы защитить нашу политику.

– У меня иная информация, – сказал Горбачев.

– Ну тогда, товарищ президент, если вы верите тому, что вам сказали, мне, очевидно, надо подавать в отставку.

Бессмертных объявил о своей отставке сотрудникам, а затем зашел в свой кабинет, чтобы дать ранее запланированное интервью Теду Коппелу из «Американ бродкастинг компани». Во время съемки интервью для телевидения Бессмертных позвонил Бейкеру в Вайоминг, когда там было четыре часа утра, и сказал: «Джим, это очень важно для меня, но думаю, что и для вас тоже. Я только что подал в отставку». Удивленный тем, что потерял еще одного советского дипломатического партнера, Бейкер ответил: «Мне очень жаль, Саша, что это случилось. Я думаю, мы хорошо начали совместно работать». Используя возможность обелить свое имя, Бессмертных далее продолжал заверять Бейкера, что вел себя «благородно» во время путча и навсегда останется «человеком перестройки» и «приверженцем нового мышления».

Бейкер не предполагал, что миллионы телезрителей вскоре будут слушать этот разговор.

Много месяцев спустя Бессмертных продолжал доказывать всем, кто хотел его выслушать, что во время путча он страдал не от какой-то «дипломатической болезни», а от вполне реального приступа камней в почках; он-де старался как можно лучше защитить Министерство иностранных дел от заговорщиков и КГБ. Бессмертных упрекал Примакова в своей отставке и снова обвинял его в интриганстве с целью добиться для себя поста министра иностранных дел.

Официальные лица США склонны были оправдывать Бессмертных за отсутствием улик и подозревать Примакова в худшем. Какова бы ни была правда, Горбачев поручил выполнять должность министра иностранных дел Борису Панкину,

относительно неизвестному дипломату, который был советским послом в Праге и главным мандатом которого было публичное осуждение путча, когда тот еще не провалился.

* * *

Буш и Скоукрофт в Кеннебанкпорте поняли, что Горбачев сильно, может быть, смертельно ранен, но им не нравилось, как Ельцин продвигался, казалось, к нанесению окончательного удара. В конце августа, когда премьер-министр Джон Мейджор прибыл с визитом, Буш сказал ему, что Ельцин «действует очень грубо, тыкая Горбачева носом в грязь». Скоукрофт согласился с такой оценкой. Он напомнил своим коллегам, что еще до путча «Ельцин близко подошел к тому, чтобы уничтожить Горбачева. Теперь присяжные заседатели совещаются и решают, сумеет ли Горбачев выздороветь. Парень борется за свою политическую жизнь».

Как и Буш, Скоукрофт признавал, что из-за путча большая часть власти Горбачева перешла к Ельцину. На публике он хвалил политическое мастерство и демократические убеждения Ельцина, но в частных встречах с британскими представителями он говорил о российском президенте как об эгоисте, демагоге, оппортунисте и большом позере, который никогда не упускал шанса использовать свои встречи и телефонные разговоры с Бушем, чтобы возвыситься над Горбачевым.

Советский Союз перестал существовать

Августовский путч и напугал и ободрил во всех республиках сторонников отделения от Кремля. Руководители движений за демократию и независимость увидели, что ожидало их, если бы сторонники жесткой линии вернулись к власти: в Прибалтийских государствах были найдены списки с сотней имен местных руководителей, которых коммунисты наметили к уничтожению.

Теперь, когда слабость Горбачева и центрального правительства была раскрыта, началось паническое бегство из Союза. Правительства в Таллине, Риге и Вильнюсе возобновили свою кампанию за международное признание, и несколько европейских стран быстро согласились установить дипломатические отношения с Прибалтийскими государствами.

В субботу, 24 августа 1991 года, украинский парламент одобрил свою собственную декларацию независимости. За Украиной последовали другие республики: Белоруссия, Молдавия, Азербайджан, Узбекистан, Киргизия и Таджикистан. Ельцинская Россия также подписала политические и экономические договоры с Украиной и Казахстаном.

В Вашингтоне Скоукрофт отметил, что центробежные силы, действующие теперь по всему Советскому Союзу, могут, вероятно, разорвать на части и Российскую республику, поскольку в ней приютились многочисленные анклавы с нерусским населением. Крупные скопления населения этнических русских, разбросанные по нерусским республикам, могли вызвать дополнительные затруднения. По своему опыту, полученному им в Югославии, Скоукрофт проводил новые сравнения между ситуацией в Югославии и в СССР.

Буш и Скоукрофт рассматривали Прибалтийские государства как некий особый прецедент. Советский Союз аннексировал их не так давно, как другие республики, и Соединенные Штаты никогда формально не признавали их воссоединения с Советским Союзом. В конце августа Буш написал Горбачеву письмо, настаивая на том, чтобы он как можно скорее признал Прибалтийские государства. Он сказал, что, как только Советский Союз это сделает, Соединенные Штаты последуют за ним.

Горбачев обещал Бушу, что признает независимость Прибалтики к пятнице, 30 августа, но затем попросил дать ему еще время. В субботу, 31 августа, Буш позвонил президенту Ландсбергису в Вильнюс и пообещал ему, что признание Литвы уже близко. Но и через два дня Горбачев так и не двинулся с места.

Буш уже не мог больше ждать и формально признал Прибалтийские государства в понедельник, 12 сентября. Он публично заявил: «Когда пишется история, никто не вспомнит, что для этого нам понадобилось выжидать на сорок восемь часов больше, чем Исландии или кому-нибудь еще».

Спустя четыре дня, в пятницу, 6 сентября, новый советский временный исполнительный орган, названный Государственным советом, признал Прибалтийские государства. Кэртис Камман из Государственного департамента США был в кабинете Ландсбергиса в Вильнюсе, когда его помощник вбежал и подал Ландсбергису сообщение ТАСС из Москвы.

– Господин президент, – сказал Камман, – видно, что вы получили хорошие новости.

– Да, – ответил, просияв, Ландсбергис, – действительно, хорошие.

* * *

В конце октября Буш и Горбачев встретились в Мадриде на переговорах о мирной конференции по Ближнему Востоку, инициаторами созыва которой Соединенные Штаты и Советский Союз согласились стать.

Мирная конференция символизировала новое американо-советское «партнерство», придавая подлинное значение слову, которое Горбачев неожиданно и к замешательству многих американцев ввел в лексикон взаимоотношений с ними в 1989 году.

Если бы сторонники жесткой линии не выступили против него в августе, Горбачев мог бы сейчас сослаться на встречу в Мадриде как на триумф в его сближении с Западом, как на один из многих дивидендов, которые невозможно было получить, когда Советский Союз вел «холодную войну» с Соединенными Штатами на Ближнем Востоке.

Вместо этого Горбачев прибыл в Мадрид лишь тенью прежнего Горбачева-лидера.

К октябрю советская казна настолько опустела, что Соединенным Штатам пришлось оплачивать многие расходы советской делегации в Мадриде. Даже состав делегации показывал, насколько ослабло влияние Горбачева. Она включала Владимира Лукина, союзника Ельцина, председателя комиссии по международным делам российского парламента, и Лакима Каюмова. министра иностранных дел Таджикистана.

Горбачев сконфуженно сказал американцам, что Каюмов,

говоривший по-персидски и по-арабски, «знает ту часть света, которую мы здесь обсуждаем». В действительности включение Каюмова в состав делегации было жестом Горбачева по отношению к одной из исчезающих составных частей Союза – среднеазиатским республикам.

Во время частных бесед с Бушем в Мадриде Горбачев вообще не проявлял никакого интереса к обсуждению положения на Ближнем Востоке. Вместо этого он навязчиво лепетал о «сложности» кризиса, с которым теперь столкнулся в своей стране. Он объявил, что было бы «глупо» и «гибельно» для руководителей республик продолжать идти по пути отделения, и настаивал, что ситуация в Советском Союзе «меняется в правильном направлении», – но, кажется, даже он сам больше в это не верил.

Буш позднее признался Скоукрофту «Казалось, что Горбачев как будто обращается ко мне за поддержкой, и в то же самое время отрабатывает на мне аргументы, которые ему нужно будет использовать, вернувшись домой».

После встречи Буш и Горбачев в последний раз вместе появились перед репортерами. Пытаясь ободрить своего старого друга, Буш сказал: «Вы все еще хозяин положения». Но в том контексте это его замечание было больше покровительственным, чем лестным. Возвратившись в Вашингтон, Скоукрофт сказал своим коллегам, что Горбачев теперь представляет собой не больше, чем «призрак центра».

* * *

Горбачев упорно добивался подписания Союзного договора, который спровоцировал августовский путч. Всем уже было ясно, что этот документ – мертворожденный: руководители республик считали, что он оставляет слишком много власти в руках центра. Начиная с августа Ельцин предпринял один за другим несколько односторонних шагов, которые нарушили бы горбачевский договор, если бы он уже вступил в силу. В ноябре он протолкнул через российский парламент законопроект по установлению контроля над экономикой и природными ресурсами республики.

Дважды в том месяце Горбачев встречался с Ельциным и руководителями других республик, пытаясь убедить их подписать Союзный договор. Когда они отказались, Горбачев стал упрекать их в том, что они «следуют своим собственным повесткам дня». И он был прав: в их повестке дня стояла – независимость.

1 декабря украинцы должны были проголосовать за

отделение от Советского Союза. Никто не сомневался в том, каким будет результат. В Белом доме во вторник, 27 ноября, Буш встречался со старшими советниками по внешней политике. Он решил «быстро» признать независимость Украины после референдума, не ожидая благословения Москвы как «предварительного условия». На следующий день президент объявил о своем намерении делегации американских украинцев, которые немедленно сообщили об этом прессе.

В воскресенье, 1 декабря, подавляющее большинство украинцев проголосовало за независимость и выбрало Леонида Кравчука своим первым президентом.

Ельцин определенно решил удержать Украину и Россию вместе как часть большого политического образования. Он опасался, что, если не будет действовать быстро, Украина порвет все связи с Москвой и предъявит претензии на те советские вооруженные силы и ядерные вооружения, которые находятся на ее территории.

В воскресенье, 7 декабря, Ельцин тайно встретился с Кравчуком в Минске, столице Беларуси, а также со Станиславом Шушкевичем, председателем Верховного Совета Беларуси. Трое руководителей решили объявить, что Советский Союз больше не существует. Вместо него будет Содружество Независимых Государств, столицей которого станет Минск.

До американских официальных лиц дошли слухи о том, что, когда Ельцин возвратился в Москву, через сутки после подписания соглашения о Содружестве, он был настолько пьян, что его вынуждены были вынести из самолета, и телохранители применили грубую силу, чтобы не позволить фотографам делать снимки.

* * *

После своего возвращения Ельцин позвонил Бушу и радостно сообщил о прогрессе в создании нового Содружества.

Буш вежливо выслушал его, но мало что сказал в ответ. После того как Буш положил трубку, он приказал своим сотрудникам вызвать Горбачева для разговора по телефону. Еще со времени августовского путча он взял себе за правило, что каждый раз, когда он услышит что-либо от одного из двух соперничающих руководителей, он будет вызывать по телефону другого: с тем, чтобы его не могли обвинить, что он принимает чью-либо сторону или позволяет какой-либо из сторон противопоставлять его другой.

К тому времени, когда телефонный звонок Буша застал Горбачева на даче, было 23.30 по московскому времени. Советский руководитель ответил сонным и ворчливым голосом: «Добрый день, Джордж, или по-настоящему, добрый вечер, потому что вы знаете, здесь сейчас вечер».

Буш сказал, что выслушал Ельцина, а теперь хотел бы услышать от самого Горбачева, как идут дела. Горбачев пустился в монолог, длившийся двадцать минут. Все еще желая принизить значение минского соглашения, он назвал его «лишь наброском, импровизацией. Многие вопросы остались без ответа».

– Новому Содружеству, – сказал он, – потребуется разработать систему законов, регулирующих общественный порядок, оборону, границы и международные обязательства.

Его участие в этом процессе, которое он с большой готовностью хотел предложить, было бы существенно необходимым, чтобы «придать правовой и законный характер процессу преобразования государства». Он сказал, что заявление трех руководителей в Минске о том, что Советский Союз прекратил существование, было «поспешным» и «запугивающим». Но затем признал, что его Союзный договор действительно почти мертв и что дальнейшее обсуждение его будущего сделалось «в сущности невозможным. Соглашения между мною и руководителями республик были отброшены».

Горбачев еще раз настаивал на том, что он «двигался в правильном направлении» до Минска; допускает, что было «какое-то затруднение» с Украиной, но он мог бы урегулировать это тоже, если бы только ему представилась такая возможность. Но объявление о том, что идет формирование Содружества за его спиной стало засадой, устроенной людьми, стоящими ниже его по своему политическому значению: «Все это похоже на работу любителей. Они отвергли мою роль!» Он однако был готов признать, что «даже если я не разделяю их подход, я понимаю создавшуюся ситуацию».

Сорвав свою злобу, Горбачев затем заверил Буша в том, что советские вооруженные и ядерные силы все еще находятся под контролем. Он и Ельцин сотрудничают только в этом направлении, но ни в чем другом.

Может быть, для того чтобы внушить мысль, что он намеревается оставаться у власти, Горбачев использовал этот разговор по телефону для новой просьбы об оказании Западом экономической помощи. Январь и февраль будут суровыми для советских людей, и он боится, что в магазинах не останется продуктов.

Буш ответил, что Бейкер находится на пути в Москву и

изучит сложившееся положение более детально.

Это упоминание имени Бейкера распалило Горбачева. Он поинтересовался, почему государственный секретарь уже пишет некролог на Советский Союз. Буш уклонился от разговора об этом.

В Белом доме после своего разговора с Горбачевым Буш сказал Скоукрофту:

– Это действительно конец, не правда ли?

– Да, Горбачев довольно жалкая фигура в данный момент.

* * *

В понедельник, 23 декабря, последний руководитель Советского Союза готовился к записи своей речи об отставке. Для такого события он даже подстригся. Затем неожиданно в Кремль приехал Ельцин на продолжавшиеся восемь часов изнурительные переговоры с Горбачевым по поводу процедур передачи власти и условий его ухода в отставку и на пенсию.

После этого Черняев с Палащенко сердито сказали Горбачеву, что Ельцин снова устроил «еще один путч». Горбачев возразил: «Вы не можете так говорить. Это происходит в соответствии с конституцией. Я решил обратиться напрямую по радио ко всему миру и объявить о своей отставке в первый день Рождества».

Во вторник, 24 декабря, Горбачев собрал всех старших сотрудников своего аппарата и убеждал их последовать его примеру: «Сдерживайте ваши чувства, насколько это возможно».

На следующий день Горбачев совершил краткую прогулку по территории Кремля к удивлению нескольких групп русских туристов, которые выкрикивали ему свои добрые пожелания. Прежде чем войти в свой кабинет, он принял Теда Коппела из Эйби-си, который был в советской столице для подготовки программы передач о последних днях Горбачева у власти.

Коппел спросил его, что он думает о Джордже Буше. Горбачев не захотел говорить о своих недавних обидах на Вашингтон; вместо этого он вспомнил о том, как вице-президент ездил с ним в лимузине по Вашингтону почти четыре года назад и как хорошо они, казалось, тогда поладили друг с другом.

Горбачев продолжал далее:

– Сегодня достигнута некая кульминация. Я чувствую себя абсолютно спокойным, абсолютно свободным… Только моя роль меняется. Я не оставляю ни политической, ни общественной деятельности. Это, вероятно, происходит здесь в первый раз. Даже в этом я оказался пионером. Это значит, что процесс, которому

мы следуем, является демократическим. Моя отставка с должности президента не означает политической смерти… Все идет нормально, потому что я сам принял решение. А вы знаете, что самый сильный психологический стресс вы испытываете до того, как примете решение.

В Белом доме Эд Хьюэтт и Николас Бэрнс работали над текстом краткого заявления об отставке Горбачева. Они превозносили «интеллект, видение и отвагу» советского руководителя.

Горбачев, говорилось в заявлении, был «ответствен за одно из наиболее важных событий в этом столетии – за революционное преобразование тоталитарной диктатуры и освобождение своего народа от ее удушающих объятий». Его политика создала прочную основу, на которой Соединенные Штаты и Запад смогут работать «в равной мере конструктивно и с его преемниками».

В Кэмп Дэвиде Буш просмотрел проект заявления, затем устроил совещание по телефону с Бейкером, Скоукрофтом, Фицуотером, новым начальником своего аппарата, Самьюэлом Скиннером и Робертом Титером, проводившим опросы населения.

Скоукрофт доказывал, что уход в отставку Горбачева «слишком важное событие, чтобы откликнуться на него всего лишь заявлением из кабинета Марлина», поэтому сам президент должен обратиться к стране с экрана телевидения.

Буш согласился с этим. Но что он должен сказать? Сославшись на подготовленный Хьюэттом и Бэрнсом проект заявления, Титер сказал: «Это заявление и есть ваша речь. Заставьте этих двух парней, написавших заявление, переделать его в речь». Скоукрофт позвонил Хьюэтту домой и сказал: «Веселого вам Рождества! Нам нужна речь завтра утром к девяти часам».

Хьюэтт и Бэрнс вернулись в Белый дом и работали в Оперативной комнате до 3 часов рождественского утра. Спустя шесть часов Буш из Кэмп Дэвида провел еще одно совещание по телефону с Бейкером и Скоукрофтом для окончательной доработки текста речи.

* * *

Во второй половине того дня в Москве за французскими окнами кабинета Горбачева уже было темно, когда советский лидер поднял трубку белого телефона и позвонил Бушу в Кэмп Дэвид. Когда телефонный звонок Горбачева был принят, в Кэмп Дэвиде было 10 часов утра. Горбачев подождал, чтобы дать семье

Буша время на то, чтобы раскрыть свои рождественские подарки.

Он только что послал Бушу частное прощальное письмо, в котором написал: «Сегодня, когда я завершаю исполнение своих обязанностей как президент СССР, я хотел бы поделиться с Вами некоторыми мыслями и чувствами. Скажу откровенно, что меня одолевают сегодня смешанные чувства. У меня серьезные опасения и озабоченность в отношении судьбы страны, единство которой я пытался сохранить, и будущего новых международных отношений, над установлением которых мы совместно столь усердно работали. Многое будет теперь зависеть от жизнеспособности Содружества.

Я очень хочу верить тому, что демократические достижения последних лет будут сохранены и что народы моей страны вместе пойдут вперед на основе содружества.

Много раз в прошлом, при встрече с трудными проблемами, Вы и я действовали с решительностью и ответственностью, чтобы удержать развитие событий на правильном пути. В будущем все еще возможны драматические перемены. Я рассчитываю на Вас, что Вы всегда будете принимать уравновешенные и мудрые решения.

Я буду помогать тем, кто теперь взвалил на себя бремя ответственности за дело реформ и демократических перемен. Но поддержку и помощь следует прежде всего оказывать России. Это потому, что экономическое положение там хуже, чем у всех остальных, и потому, что все будет зависеть от этой республики.

Я уверен в том, что партнерство между Соединенными Штатами и Россией и другими новыми государствами имеет будущее. Вы и я заложили прочный фундамент для развития отношений на основе доверия и сотрудничества, в осознании нашей большой ответственности за весь мир. Я надеюсь, что наша личная дружба, развившаяся в годы важной работы, проделанной нами, будет продолжаться. Раиса и я храним самые теплые воспоминания о наших встречах с Барбарой и питаем чувства искренней симпатии и уважения к ней. Пожалуйста, передайте ей наши самые лучшие пожелания. Мы будем рады увидеться вновь с вами обоими».

* * *

Теперь уже по телефону Горбачев сказал: «Мой дорогой Джордж, привет! Позвольте мне начать с чего-то радостного. Веселого Рождества! Тебе и Барбаре, и вашему семейству!» Обращаясь к Бушу, советский лидер несколько раз употребил

местоимение «ты», которое применяется в отношении друзей, членов семьи и близких коллег.

Горбачев сказал, что должен вскоре выступить с заключительным обращением к стране как президент.

– Я все еще убежден, – объяснил он, – что существование суверенных республик в рамках Союза позволило бы быстрее решить главные проблемы, стоящие перед нами. Но развитие событий пошло теперь по иному пути, чем тот, на который я надеялся и которого держался. Я сделаю все, что смогу, чтобы сделать Содружество Независимых Государств эффективным образованием. Главная проблема здесь в создании механизмов взаимодействия.

В дополнение к признанию республик как новых независимых государств, сказал Горбачев, Соединенные Штаты должны также поддерживать межгосударственные отношения и со всем Содружеством в целом. «Мы должны, скорее, поощрять сотрудничество, чем развал и разрушение. Это наша общая ответственность. Я подчеркиваю этот пункт». Он попросил оказать специальную экономическую помощь России, которой придется «нести основное бремя реформ».

Перейдя к теме, которая, как он знал, была прежде всего на уме у Буша, Горбачев сообщил, что позаботился об упорядоченном переходе темно-коричневого «чемоданчика», содержащего коды, разрешающие применение советских ядерных вооружений, в руки «президента Российской республики». Горбачев так и не смог произнести имя Ельцина.

– Я придаю большое значение тому факту, – продолжал Горбачев, – что эта сторона дела находится под эффективным контролем. Я подписал указ по этому вопросу, который вступит в силу сразу же после моего заключительного заявления. Поэтому вы можете спокойно праздновать Рождество и спокойно спать сегодня ночью. Что касается меня, то я не собираюсь сбегать и прятаться в тайге. Я останусь активным в политике и в общественных делах. Я хочу помогать процессам, происходящим в нашей стране, и поощрять «новое мышление» в мировой политике.

Отметив, что репортеры США спрашивали его об их взаимоотношениях, Горбачев сказал Бушу:

– Я хочу, чтобы вы знали, что я очень высоко ценю наше сотрудничество, партнерство и дружбу. Наши роли могут измениться. Фактически они определенно изменятся. Но взаимоотношения, которые мы развили, и то, что мы совместно совершили, останутся навечно.

Буш по телефону отвечал:

– Я хочу заверить вас, что мы не останемся безразличными к вашим делам. Мы будем делать все, что можем, чтобы помочь, особенно Российской республике, имея в виду проблемы, с которыми она теперь сталкивается и которые могут стать критическими в эту зиму. Я очень рад услышать, что вы не «спрячетесь в тайге» и будете продолжать активно участвовать в политике и общественных делах. Я уверен, что это принесет пользу новому Содружеству.

Президент сказал также, что написал письмо Горбачеву:

– В этом письме я выразил свое убеждение в том, что то, что вы сделали, войдет в историю, и будущие историки полностью воздадут вам должное за ваши достижения. Я рад отметить то, что вы сказали и о ядерных вооружениях. Этот вопрос имеет решающее международное значение. Я приветствую, как вы и руководители республик решили его. Я также отметил ваши слова о том, что переход власти к Ельцину происходит в соответствии с конституцией. Я хочу вас заверить, что мы будем продолжать очень тесно сотрудничать в этом важном деле.

Буш вспомнил тот летний день, который он и Горбачев провели в Кэмп Дэвиде.

– Площадка для метания подков, где вы столь удачно бросили подкову, все еще находится в хорошем состоянии! Я надеюсь, что наши пути вскоре вновь пересекутся. Мы будем рады вашему приезду, как только все уляжется, и радушно встретим вас, может быть, здесь, в Кэмп Дэвиде. Моя дружба с вами остается и останется независимо от развития событий. На этот счет не может быть никаких сомнений.

Буш сказал, что, «конечно», он будет относиться с уважением, открыто, положительно и прогрессивно к руководителям Российской республики и других республик.

– Мы будем продвигаться с полным уважением к признанию суверенитета каждой республики. Мы будем работать вместе с ними над целым рядом вопросов так же, как мы работали с вами. Но это никоим образом не повлияет на поддержание контакта с вами и выслушивание предложений, которые вы будете давать в вашем новом качестве, а также на продолжение нашей дружбы с вами и Раисой. Барбара и я очень ценим эту дружбу. И поэтому в этот особый день года на этом историческом перекрестке я приветствую вас и благодарю за все то, что вы сделали для всего мира. И благодарю вас за вашу дружбу.

Тронутый этой беседой, Буш был несколько ошеломлен, когда позже узнал, что Горбачев позволил Коппелу и его команде из радиокомпании Эй-би-си заснять в Кремле эту беседу на видеопленку. Президент покачал головой и усмехнулся: даже под

конец этот мастер устраивать спектакли не мог удержаться, чтобы не покрасоваться перед международной аудиторией.

* * *

Через два часа после разговора с Бушем Горбачев выступил с обращением к гражданам пятнадцати бывших советских республик и ко всему миру. Глядя в объектив телекамеры, Горбачев сказал:

– Дорогие сограждане, в связи со сложившимся положением в результате образования Содружества Независимых Государств… я прерываю свою деятельность на посту Президента Союза Советских Социалистических Республик. Я принимаю это решение из принципиальных соображений. Я твердо отстаивал независимость и самоопределение, суверенитет республик, но одновременно и сохранение советского государства и единство страны. События теперь пошли по иному пути. Возобладала политика расчленения этой страны и развала государства, а я не могу согласиться с этим.

Затем Горбачев защищался от обвинения в том, что он развязал силы беспорядка.

– Все эти половинчатые реформы, а их было много, провалились одна за другой. Эта страна никуда не двигалась, и мы не могли жить так, как мы жили. Мы должны были изменить все.

После длительной защиты своей политики он закончил обращение разглагольствованием, в котором звучали нотки огорчения своими соперниками и даже намеки на самокритику, а также нотки снисходительности и оптимизма:

– Я покидаю свой пост с опасением, но и с надеждой и верой в вас, вашу мудрость и силу духа. Мы наследники великой цивилизации, и ее возрождение к новой, современной и достойной жизни зависит теперь от каждого из нас. Я хочу от всего сердца поблагодарить всех тех, кто все эти годы вместе со мной отстаивал справедливое и доброе дело. Некоторых ошибок, конечно, можно было избежать. Многое можно было сделать лучше. Но я убежден, что рано или поздно наши общие усилия принесут плоды и наши народы будут жить вместе в процветающем и демократическом обществе…

Несколько минут спустя флаг Союза Советских Социалистических Республик, развевавшийся над Кремлем, был спущен навсегда.

Дж. Мэтлок

Хроника перестройки. Взгляд из американского посольства

(Из книги Дж. Мэтлока «Смерть империи: взгляд американского посла на распад Советского Союза»)

Дряхлеющее руководство СССР

Целых десять лет СССР созерцал дряхлеющее, самодовольное политическое руководство, лишенное какой бы то ни было оригинальности и решительно подавлявшее всякого обладателя новых идей.

Брежнев был неповоротливым олигархом-тугодумом даже в свои лучшие годы. Склонный к лести и роскоши, поклонник скоростных машин и молоденьких женщин, он правил, улещая партийную бюрократию раздачей по кусочкам власти и привилегий. В первом ряду за спиной коммунистических иерархов стояли вооруженные силы и военная промышленность, и каждая из заинтересованных властных групп получала свою долю. Сталинский террор и хрущевское торопливое экспериментирование сменились дурно пахнущей трясиной коррупции. Все решалось личными связями властителей.

Андропов, пятнадцать лет бывший в качестве главы КГБ высшим «силовиком» империи, использовал свои сведения о коррупции для того, чтобы ослабить брежневскую группировку и самому пробраться к власти. Но потом у него отказали почки, и он сошел со сцены всего через год с небольшим.

Андропов пестовал Михаила Горбачева как своего преемника, однако, когда он умер, брежневцы взяли реванш, оттеснив Горбачева и выдвинув закадычного друга Брежнева Черненко.

Черненко, у которого способности руководить оказались столь же незначительны, сколь уязвимым здоровье, вызвал ощущение неловкости: третий подряд, собственно, следом за затянувшейся немощью Леонида Брежнева и тяжкой болезнью Андропова, мучавшей его едва ли не в течение всего короткого правления.

С Черненко я впервые встретился в начале семидесятых годов. Я отвечал в государственном департаменте за советские дела, и дипломаты из советского посольства в Вашингтоне обратились ко мне с просьбой об особой услуге для ожидавшегося визитера. Поскольку сразу я не мог сообразить, кто такой Черненко, дипломаты объяснили мне, что он ведает канцелярией Центрального Комитета, каковое положение не представляло бы особой важности, если бы Черненко не был одним из близких друзей Брежнева. Гость желал взглянуть, как в государственном департаменте обрабатываются и рассылаются документы, поскольку он изыскивал способы улучшить подобную систему в Советском Союзе.

Я сомневался, что чиновники, отвечавшие в госдепартаменте

за безопасность, согласятся устроить советскому чиновнику экскурсию в шифровальную комнату, однако согласился испросить разрешения.

К моему удивлению, наши люди не усмотрели никаких проблем в таком посещении. На самом деле, они проявили максимум гостеприимства, прекратив на короткое время обработку секретной документации и организовав демонстрацию распространения, хранения и поиска на примере безобидного несекретного документа.

Черненко прибыл в точно условленное время. Широкая улыбка не сходила с его округлого лица, похожего на личико целлулоидного «пупсика». На нем был новый костюм, а ботинки так ярко блестели, что я подумал, уж не лаковые ли они. Наши специалисты по связи и я, будучи под бдительным оком ответственных за безопасность, ознакомили гостя с оборудованием государственного департамента. Гость слушал внимательно то, что ему рассказывали, задал несколько вопросов о том, как действуют система распространения и компьютеры, и отбыл, осыпав нас благодарностями за оказанную ему услугу.

Впоследствии я видел Черненко только на расстоянии. Во время публичных мероприятий, посещаемых Политбюро (таких как сессии Верховного Совета), он неизменно сидел сразу за Брежневым, время от времени отходя, чтобы получить какую-нибудь папку. Всякий раз он прежде всего передавал ее Брежневу, а потом кому-либо из других присутствующих членов Политбюро. Каждый визировал документ, после чего возвращал Черненко, а уж от него бумага попадала к следующему лицу. Черненко явно был хранителем документов и, очевидно, не более того. Вот почему так удивило решение Брежнева ввести Черненко в состав Политбюро: он просто-напросто не выглядел человеком, созданным для политики. Тем не менее, именно так делались дела при Брежневе. Личные отношения решали все.

Черненко был избран брежневской компанией, чтобы задержать перемены, которые, как им было известно, задумали Андропов и его протеже. Новый генсек, несомненно, был пассивной посредственностью на высшем руководящем посту. Однако, в отличие от ряда своих предшественников, Черненко не был злым человеком. И он отказал в поддержке тем в Политбюро, кто намеревался отложить рассмотрение кандидатуры Горбачева в качестве его преемника.

Мир о смерти Черненко наконец-то уведомили ближе к полудню 11 марта. А несколько часов спустя (во время, удобное для вечерних выпусков новостей по радио и телевидению) ТАСС сообщил, что Михаил Сергеевич Горбачев избран генеральным

секретарем Коммунистической партии Советского Союза. У всех на устах и на слуху было имя Горбачева, а не Черненко, и на следующее утро именно такой расклад был доведен до сведения читателей советских газет, которые прочли о Горбачеве на первой странице, а некролог Черненко – на четвертой.

Похороны 13 марта выглядели почти как запоздалая обязанность или, скорее, как возможность предстать пред объективами для мировых лидеров, которые воспользовались погребением как поводом поспешить в Москву на аудиенцию у нового генерального секретаря. Вице-президент Буш представлял Соединенные Штаты так же, как и на похоронах Брежнева и Андропова, зато премьер-министр Маргарет Тэтчер, германский канцлер Гельмут Коль и французский президент Франсуа Миттеран прибыли лично. После кратких официальных встреч все подтвердили ранее высказанное миссис Тэтчер суждение (она познакомилась с Горбачевым в Лондоне в декабре предыдущего года), что наконец-то появился человек, с которым можно делать дела.

Новый вождь

Ни один советский руководитель до Горбачева не занимал свой пост, упиваясь такими потоками доброй воли как у себя дома, так и за рубежом. Все уже устали наблюдать за тем, как барахтается советская империя под властью дряхлых неумех. Как отметил в то время американский журналист Даско Доудер: «Этот ходит, этот беседует, и костюм на нем по фигуре». И тем Горбачев прельстил весь свет.

Мы в Вашингтоне знали о нем несколько больше, чем о его предшественниках, когда те приходили к власти. Советской прессе давным-давно запрещалось делать достоянием общественности частную жизнь политических руководителей. Разведывательным организациям приходилось добывать такие секретные сведения, как количество детей у того или иного политического деятеля, их имена и род занятий. Когда умер Андропов, наш аппарат Белого дома провел нешуточные расследования, выясняя, есть ли вдова, которой следует направить соболезнования. Мы знали, что у Андропова есть сын, но не знали, жива ли все еще его жена.

Горбачев был известен лучше. Мы знали, что он окончил Московский университет, самое престижное учебное заведение в стране, и, следовательно, предположительно мог считаться более образованным, чем его предшественники (за спорным исключением Ленина). Выходец из сельской местности, карьеру свою он сделал в аппарате Коммунистической партии. Каким-то образом Горбачев ушел от политической ответственности за руководство советским сельским хозяйством. За границей он бывал чаще, чем его непосредственные предшественники до их избрания, что возымело свое значение, поскольку Горбачев пользовался репутацией прагматика. Его жена, Раиса, хорошо одетая, хорошо образованная и политически активная женщина, также составляла разительный контраст со своими предшественницами.

Тем не менее, многое в судьбе и личности Михаила Горбачева оставалось загадкой. Высокопоставленные деятели Коммунистической партии в дни, предшествовавшие гласности, обычно избегали контактов с иностранцами; так что мало кто мог похвастать своим хотя бы знакомством с ним, того меньше, что хорошо его знает.

В 1975 году, когда наш посол был в отъезде, а я временно руководил американским посольством в Москве, я посетил Ставрополь и выразил особое желание нанести визит местному

партийному руководителю, молодому (мы почти сверстники) деятелю с репутацией экспериментатора и политического «выдвиженца». Я надеялся, что он, в отличие от своих занудсоотечественников из других областей, решится отступить от заведенной практики и примет американского дипломата. Этого, однако, не произошло. Меня переадресовали главе местной исполнительной власти, тот организовал в высшей степени избирательную поездку по краю, в ходе которой большую часть времени я провел либо в машине, либо в застольях. Тогда Михаил Сергеевич, похоже, не очень-то отличался от своих коллег из других областей.

* * *

Я познакомился с Горбачевым в мае 1985 года, десять лет спустя после той первой, неудачной, попытки. Случай представился во время визита в Москву министра торговли США Малкольма Балдриджа, симпатичного бывшего ковбоя, который по-прежнему любил скачки на родео и который два года спустя трагически погиб, упав с лошади. Памятуя, что Горбачев тоже выходец из краев, где знают толк в лошадях, наш министр привез ему в подарок седло, в каких ездят на американском Западе. Горбачев любезно принял его, тактично воздержавшись от упоминания, что в молодые годы был трактористом, а не наездником.

Новый генеральный секретарь провел с нами более двух часов. Я имел возможность наблюдать вблизи нескольких из его предшественников. Горбачев, по контрасту, необычайно четко и охотно излагал свои мысли. Он сидел в конце того же длинного стола, которым пользовался и Брежнев, и папка, очевидно, с подготовленными текстами лежала раскрытой перед ним. Однако он ни разу не прибег к этим заготовкам. В течение всей беседы не возникло ни единой гнетущей паузы, столь характерных для Брежнева, внимательно вглядывавшегося в лежавший перед ним текст, пытавшегося вникнуть в смысл букв, которые, должно быть, расплывались у него перед глазами. Не было и никаких подсказок со стороны помощников, когда руководителю случалось оговориться.

Горбачев целиком овладел разговором; каждый вопрос, каждое замечание его гостя порождало целую лекцию. Тем не менее, он, похоже, умел слушать, а ответы его не всегда были такими, какие могли прозвучать из уст предыдущих советских руководителей.

Он не утверждал, например, что их система самая лучшая, страстно отстаивал необходимость улучшить управление экономикой. Однако в его замечаниях чувствовался оправдательный оттенок. Горбачев посетовал, что не так давно министр обороны США Каспар Уайнбергер высказался в том духе, будто Советский Союз больше не способен прокормить своих граждан.

Насколько помню его слова, он возражал весьма энергично. «Зачем вы постоянно нас унижаете? Разве обвиняете вы Британию или Германию в том, будто они не способны прокормить своих людей, на том только основании, что они импортируют продукты питания? Мы сполна кормим наш народ и мы, как и они, импортируем для этого некоторые продукты. Но ведь мы за это платим – чистоганом, деньги на бочку выкладываем, – и, насколько мне известно, ваши фермеры от этих денег не отказываются. Что в этом плохого? Если взять производство, то мы производим пшеницы больше вас, даже на душу населения. Беда наша в том, что мы слишком много ее теряем. Тут у нас большая проблема, и мы над ней работаем. Если мы ее решим, ваши фермеры потеряют важный рынок – только это уже будет ваша проблема и, возможно, нам больше не придется выслушивать унизительные насмешки, будто мы не в силах прокормить свой народ».

Это было типично для Горбачева: гордый, оправдывающий, умный в споре и не вовсе безразличный к фактам. Позже я сказал своим коллегам в Вашингтоне, что американо-советские встречи могут стать живыми и интересными: вероятно, на смену ужасающей тоске бесконечного выслушивания и вынужденного повторения одних и тех же старых аргументов теперь придут более живые и энергичные дискуссии.

* * *

От своих ближайших предшественников Михаил Горбачев отличался не только человеческими чертами характера. Ко всему прочему он был так же решительно настроен изменить систему, как брежневская клика тщилась ее увековечить.

Однако не в его силах было поразить страну ослепительным блеском стадией перемен: во-первых, потому что его политическое положение было непрочно и, во-вторых, потому что его программа была ограниченной, не затрагивала подлинных проблем, стоявших перед страной. Как сам Горбачев позже признал, в 1985 году он все еще верил, что систему можно

привести в порядок, просто подлатав ее.

Весной 1985 года остатки брежневской клики все еще находились на ответственных постах. Центральный Комитет партии, не избиравшийся с брежневских времен, был одиозно консервативен. Начни Горбачев двигаться слишком быстро, его дни на посту генерального секретаря были бы скоро сочтены.

Никита Хрущев, скажем, предпринял ряд реформистских инициатив. Но стоило им затронуть прерогативы и уютные привычки его коллег, как сам руководитель был бесцеремонно смещен. Его история прочно въелась в сознание всякого последующего реформатора. Урок состоял в том, что никакой реформы не удастся провести, если советский руководитель не сумеет обезопасить себя от снятия замшелыми тугодумами из партийного руководства.

Стороннему наблюдателю советские руководители после Сталина обычно казались более могущественными, чем были на деле. Сталин, сочетая коварство и крайнюю беспощадность, управлял системой единолично и безраздельно. Однако ни единому из его преемников добиться того же не удалось. Скованные страхом перед непредсказуемым тираном за свою личную безопасность, наследники Сталина с тех пор бдительно следили, чтобы любой руководитель находился под контролем коммунистических олигархов. Это не имело ничего общего с демократией, а скорее походило на пакт о взаимозащите между гангстерами.

Генеральный секретарь не имел ни определенного срока, ни четких формулировок своих властных полномочий. Размах власти генсека зависел от его способности убеждать, прельщать или принуждать большинство своих коллег. Как правило, «большинство» определялось не столько количественным перевесом голосов, сколько консенсусом, а это обычно понуждало к большей уступчивости, чем просто 50 процентов плюс один голос. В теории срок пребывания генсека на посту мог быть прекращен на любом пленуме Центрального Комитета партии, стоило только любому члену ЦК встать и предложить избрать другого генерального секретаря, а большинству за это предложение проголосовать. На практике такое могло бы произойти только при одобрительном согласии значительной части Политбюро, однако случай с Хрущевым в 1964 году доказал, что такое случиться может.

* * *

С учетом этих обстоятельств первые шаги Горбачева были направлены на достижение полного контроля над партийной верхушкой. Вести за собой он мог только тогда, когда сумел бы устранить своих основных противников – или, во всяком случае, достаточное их количество, дабы обрести надежное большинство, – и выдвинуть людей, готовых его поддержать.

Горбачев затеял кампанию по подчинению Политбюро своей воле сразу же после избрания генсеком, и год спустя его позиция была такой же прочной, как и у любого из его предшественников, за исключением Сталина на вершине власти. Не возьмись затем Горбачев переделывать систему, он мог бы продержаться у власти дольше, чем Брежнев.

Шесть недель спустя после избрания генеральным секретарем, в апреле 1985 года, Горбачев обеспечил рабочее большинство в Политбюро, добившись введения в его состав полноправными членами Егора Лигачева, Николая Рыжкова и председателя КГБ Виктора Чебрикова. Впоследствии Горбачев разошелся с каждым из этой троицы, но в то время мог рассчитывать на их поддержку.

К июлю генсек стал уже достаточно силен, чтобы убрать из Политбюро человека, который, как считалось, вероятнее всего мог бросить вызов Горбачеву: Григория Романова, партийного босса Ленинграда, известного своим высокомерием и самовластной грубостью. Ходили слухи, будто он весьма всерьез воспринимал собственную фамилию (ее носила последняя царская династия) и свободно распоряжался принадлежавшими царям коллекциями, собранными в музее Эрмитажа. Буйные гости на свадьбе его дочери, говорят, разбили кое-что из исторического фарфора, «занятого» у музея специально для свадебного застолья.

С удалением Романова были произведены важные повышения: Бориса Ельцина в Секретариат партии и Эдуарда Шеварднадзе в члены Политбюро.

Одновременно Горбачев дал понять, что отныне он лично займется внешней политикой. Андрей Громыко, кому двадцать восемь лет пребывания на посту министра иностранных дел позволили мертвой хваткой зажать как выработку внешней политики, так и осуществление ее, был «задвинут вверх» – на престижный, но лишенный всякой власти пост номинального главы государства. Эдуард Шеварднадзе, бывший партийный руководитель в Советской Грузии, кого Горбачев, длительное время обретавшийся в соседнем Ставропольском крае, хорошо знал, был назначен министром иностранных дел.

К осени Рыжков сменил одного из самых упорных противников Горбачева, семидесятилетнего Николая Тихонова, на

посту премьер-министра. К весне 1986 года все остававшиеся в высшем руководстве брежневцы были сняты, отправлены в отставку или оттеснены на политическую обочину. В феврале 1986 года, как намечалось, был проведен очередной съезд партии, внесший крупные изменения в состав Центрального Комитета партии. Более сорока процентов членов ЦК оказались впервые избранными: уровень замены куда более высокий, чем то было на предыдущих партийных съездах. На самом деле, однако, изменение оказалось не таким значительным, как можно предположить по цифрам. В большинстве случаев одна безличность заменялась другой, похожей на нее как две капли воды. Центральный Комитет в подавляющем большинстве своем остался консервативным.

Позднее реформаторы утверждали, что съезд партии прошел на год раньше, чем нужно. Горбачеву, казалось им, просто не хватило времени, чтобы «подготовить» съезд как следует и обеспечить, чтобы решающую роль на нем играли единомышленники из числа партийных деятелей. Похоже, более вероятно то, что у Горбачева не было ясного представления, какого рода реформы ему нужны, а потому и не в состоянии он был подобрать людей, которые могли бы оказать поддержку. И даже знай он, в каком направлении пойдут его реформы, ему было бы трудно заметить в верхних эшелонах партии тех, на чью помощь стоило рассчитывать. Назначенческие фильтры старой системы свое дело делали.

И все же консолидация Горбачевым личной власти в первый год правления была потрясающим политическим маневром. Даже самые рьяные его критики признавали это. Борис Ельцин, например, в 1990 году отмечал: «В тот все определяющий первый момент своих реформаторских усилий он действовал с поразительной точностью».

Состав команды

К концу 1985 года двумя важнейшими помощниками Горбачева во внутренней политике были Николай Рыжков и Егор Лигачев.

Рыжкову, бывшему всего на полтора года старше Горбачева, далеко перевалило за пятьдесят, когда он стал премьер-министром. В отличие от большинства своих коллег по высшему руководству, проделавших основную карьеру в аппарате партии, Рыжков поднялся как промышленный управленец, специалист в тяжелой и оборонной промышленности. В течение двадцати четырех лет он проработал на одном из крупнейших советских промышленных предприятий, которое в конце концов и возглавил, – гигантском Уральском машиностроительном заводе в Свердловске. В Москву Рыжков был переведен в 1975 году, в разгар эпохи Брежнева, на руководящую должность в министерстве, ответственным за тяжелое машиностроение, затем его перевели в Государственный комитет по планированию, где поручили надзирать за тяжелой промышленностью и производством оружия.

После того как Брежнев умер, Андропов перевел Рыжкова на работу в Коммунистической партии, назначив его в 1982 г. секретарем Центрального Комитета по экономическим вопросам. Десятилетие спустя в разговоре со мной Рыжков вспоминал, что он был удивлен переводом «на партийную работу», поскольку считал себя практиком-управленцем, а вовсе не типичным партийным бюрократом. Андропов тем не менее настоял на переводе, поскольку старался подобрать более прагматичную команду, такую, которая повысила бы эффективность управления хозяйством и взялась бы за борьбу с коррупцией.

Рыжков и Горбачев не работали вместе, пока Рыжков не пришел в Секретариат партии, где Горбачев с 1978 года отвечал за сельское хозяйство. Андропов вызвал обоих к себе в кабинет и поручил им совместно взять под личный контроль проведение специалистами серии исследований по актуальным проблемам советской экономики и возможностям совершенствования управления. Труд этот следовало проделать скрытно, без обсуждения на Политбюро, до его полного завершения.

Андропов умер прежде, чем проект принес плодотворные результаты, но к тому времени, когда Горбачев стал генеральным секретарем, он и Рыжков собрали в сейфах своих кабинетов данные около 120 исследований, проведенных под их патронажем. Они-то и составили основу программы

ограниченных реформ, явленную миру на Апрельском пленуме в 1985 году.

Впервые я встретился с Рыжковым в Стокгольме. Произошло это в марте 1986 года, он был руководителем советской делегации на похоронах шведского премьер-министра Улофа Пальме. Рыжков согласился встретиться с госсекретарем Джорджем Шульцем, когда оба они оказались в городе.

Красивый мужчина в хорошо пошитом костюме, со вкусом подобранном галстуке и голубой сорочке, Рыжков пришелся бы к месту в зале заседания правления любой из наших крупнейших корпораций. Он обладал располагающей вежливостью человека, искушенного в управлении крупными бюрократическими образованиями. Когда мы обращались к проблемам тенденциозным, он вел себя скорее как прагматик, нежели как идеолог. Продемонстрировав общее знакомство с советской позицией по ключевым международным проблемам, Рыжков однако ясно дал понять, что Шеварднадзе, а не он, будет заниматься ими на переговорах. Его же собственные интересы и ответственность лежат в сфере советской экономики и развитии внешней торговли. Он охотно готов был вести разговор о перспективах иностранных инвестиций в проекты развития хозяйства и уверял нас, что должен произойти сдвиг в сторону от военного производства, с тем чтобы можно было выделить большие мощности под производство гражданской продукции. Вместе с тем Рыжков ничем не намекнул, что он предвидит фундаментальные перемены в самой системе. Похоже, он считал, что замедление советской экономики может быть преодолено изменениями в стиле управления и постепенным сдвигом в инвестиционных приоритетах.

* * *

В то время как Рыжков был отряжен возглавить советскую правительственную бюрократию, Егор Лигачев занял де-факто второй по значению пост в Коммунистической партии. (В те времена еще не было официального поста заместителя генерального секретаря, однако Лигачев вел заседания Секретариата, что позволяло ему осуществлять прямой контроль за повседневной работой.)

Лигачев был десятью годами старше Горбачева, он, как и Рыжков, получил техническое образование, но карьеру свою сделал в Сибири, будучи партийным аппаратчиком. Румяный цвет его лица и копна седых волос служили напоминанием о времени,

проведенном им на свежем воздухе в условиях холодного климата. Андропов точно так же, как он выдвинул Рыжкова на высокий партийный пост, дабы привнести управленческий опыт в руководство, ввел Лигачева в Секретариат ответственным за персональные назначения, что являлось частью усилий обуздать коррупцию. Лигачев обладал чистой репутацией, и это привлекало Андропова. К тому же Лигачев верил, как верил и Андропов, что реформы должны осуществляться только Коммунистической партией. Когда впоследствии Горбачев потребовал реформировать самое партию, Лигачев перешел в оппозицию к нему.

Третий член изначальной команды Горбачева занимал на лестнице власти ступеньку ниже, чем Рыжков с Лигачевым, являясь кандидатом в члены, а не полноправным членом Политбюро, зато судьба ему уготовила быть важнейшим из трех. Борис Николаевич Ельцин, в недавнем прошлом правивший твердой рукой партийный босс Свердловска, в канун Рождества 1985 года был поставлен во главе Московской организации Коммунистической партии.

Эту организацию возглавлял пресловутый соперник Горбачева Гришин, секретарь московского горкома – самый важный местный партийный пост во всей стране, поскольку в Московскую организацию входил центральный бюрократический аппарат, правивший огромной империей. Назначение Ельцина имело целью очищение от коррупции, поднакопившейся в ключевой организации партии при Брежневе и Черненко. Ельцин взялся за осуществление этой цели с таким рвением, с таким тщанием и чуткостью к общественному вниманию, что в скором времени сделался героем простых москвичей и жаждущим власти, потенциально опасным соперником своих коллег по руководству.

«Справа» «налево»

Егор Лигачев, Горбачевский номер два в Коммунистической партии, вскоре сделался немезидой реформ в глазах советских интеллектуалов, торопивших скорые перемены. Нашлись критики, обвинившие его в неосталинизме.

Это было неверно. Лигачев никогда не был сталинистом в том смысле, что желал бы возврата к временам террора. От репрессий пострадала его собственная семья. Его тесть, генерал в штабе Михаила Тухачевского, был вкупе со многими уничтожен предшественником КГБ в 1937 году, и в начале своей карьеры сам Лигачев носил клеймо женатого на дочери «репрессированного».

Лигачев не сталинист, в определенном смысле он был даже реформатором: стремился добиться большей отдачи от экономики и избавить партию от коррупции, разросшейся во времена Брежнева, будто раковая опухоль. Он хотел иметь более эффективный пропагандистский аппарат для поддержки тех перемен, какие сам одобрял.

Лигачев, однако, верил, что действенную реформу может осуществить только Коммунистическая партия. Он приветствовал меры, в результате которых партия делалась более умелой и честной, но противился всему, что умалило бы власть партии над обществом и ее авторитет. Он настаивал, чтобы пресса придерживалась политики партии и избегала выставлять на всеобщее обозрение постыдные эпизоды прошлого.

В 1987 году Лигачев был, возможно, единственным из членов Политбюро, кто по-прежнему верил, что политика, внутренняя и внешняя, должна базироваться на принципе «классовой борьбы» Карла Маркса.

Личность яркая, напористая, он всегда энергично отстаивал свою точку зрения на частных партийных встречах и закрытых собраниях. Несмотря на то, что с 1987 года разногласия Лигачева с Горбачевым росли, Горбачев серьезно относился к его доводам. В конце концов, они выражали точку зрения, которая внедрялась в сознание Горбачева на протяжении всей его жизни.

Контакты Лигачева с иностранцами были редки. Тем не менее, весной 1987 года он был председателем Комитета по международным делам в марионеточном советском парламенте тех дней и в этом качестве принял делегацию США во главе со спикером Палаты представителей Джимом Райтом. Я, только-только прибывший в Москву в качестве посла, сопровождал конгрессменов на этой встрече.

Проходила она в зале заседаний здания на Старой площади

Москвы, где работал аппарат Центрального Комитета партии. Зал был явно приспособлен для ведения записей, поскольку каждое кресло в нем снабжено своего рода подставкой – почти как в школе, за партой.

Описание Лигачевым целей перестройки было неотличимо от Горбачевских речей того времени. Он отрицал, что в партийных верхах имеются какие-либо серьезные разногласия, и подчеркнул, что перестройка это объективная потребность, не зависящая от любой отдельной личности. Партийные работники, которые не сумеют приспособиться к переменам, убеждал он, будут заменены.

Было ясно, однако, что средоточием перестройки Лигачев считал управление реформой в рамках традиционного «социалистического» строя.

Слова Лигачева недвусмысленно убеждали: перестройку, какой ее видел он, возглавит очищенная и окрепшая Коммунистическая партия и осуществляться она будет без какого-либо существенного изменения официальной идеологии. В сущности, им излагалась «программа Андропова» без политических реформ, уже очерченных Горбачевым. Хотя посторонним Лигачев в том и не признался бы, но уже тогда он был противником политических мер, провозглашенных Горбачевым в январе 1987 года, и разрыв между двумя политиками увеличился, когда в том же году Горбачев выдвинул еще более радикальные предложения.

* * *

Среди сторонников Горбачева в 1987 году активностью всех намного превосходил глава партийной организации Москвы Борис Николаевич Ельцин. Цели политического реформирования он воспринял с энтузиазмом и выказывал склонность к общению с населением, что контрастом выделялось на фоне типичного для видных деятелей Коммунистической партии отрешенного, величественно пренебрежительного стиля поведения. Разъезжая (во всяком случае, время от времени) на метро, Ельцин ввел в обыкновение неожиданные, без предупреждения, наезды в магазины или на заводы. Случалось, прибыв туда, он включался в цепочку, помогая рабочим загрузить или разгрузить грузовик.

Меж тем, боже упаси несчастного директора магазина, чтобы Ельцин наткнулся на пустые прилавки в торговом зале и залежи продуктов в подсобке. Все прекрасно знали, что работники государственных магазинов готовы сплавлять товары на черный

рынок, где за них получить можно больше, чем от продажи по установленным розничным ценам. Директора могли уволить в одночасье, стоило Ельцину поймать его или ее на хранении припрятанных в закрома товаров.

По Москве мигом разлетелся слух про нового правителя городской парторганизации. Не чета любому из предшественников, этот, вроде, «из наших»: не важничает, на общественном транспорте не гнушается проехаться, и своими руками тяжести потаскать, знает про всем известных воров и собирается положить воровству конец. Он быстро сделался легендой, а для москвичей стал самым ощутимым доказательством, что перестройка не очередной обман.

Между прочим, популярность Ельцина слабо поддерживалась прессой. Его имя редко упоминалось за рамками сообщений о появлении на официальных церемониях, требовавших его присутствия. Это казалось странным, если учесть, что в 1986–1987 годах пресса сделалась более открытой.

Почему же столь притягательное для газетных репортеров поведение Ельцина по большей части замалчивалось?

Разумеется, такой вопрос мог задать лишь человек наивный, и, прозвучи он, обычный советский гражданин ответил бы не колеблясь: «Да потому что *им* не хочется, чтоб мы про него знали».

Кому им – в разъяснении не нуждалось. *Им* – это правителям, аппарату КПСС. Вся жизнь состояла в борьбе между *нами* и *ими.*

Посвященные, впрочем, могли и уточнить. Распоряжения держать сообщения о «чудачествах» Ельцина подальше от прессы спускались сверху, от самого Михаила Горбачева.

Уже через несколько месяцев после назначения Ельцина партийным вождем Москвы редактор «Правды» Виктор Афанасьев известил коллег, что получил лично от Горбачева указания придерживать публикации о Ельцине. Газете не следовало поощрять Ельцина и впредь «наживаться на популистских чувствах».

Затем пропагандистская структура Центрального Комитета, надзиравшая за прессой, получила задание. Михаил Полторанин, сторонник Ельцина, бывший редактором «Московской правды», собственного печатного органа организации Ельцина, рассказал мне позже, как его постоянно вызывали и отчитывали за чрезмерное внимание к Ельцину. Нажим был настолько силен, что в августе 1987 года полторанинская «Московская правда» опубликовала текст пространного доклада Ельцина, сделанного на конференции городской партийной организации, не назвав докладчика, Ельцина, по имени.

В 1986–1987 годах советские люди – с полным на то основанием – мало верили собственным средствам массовой информации. Бойкот прессы фактически помог улучшить образ Ельцина в глазах населения, поскольку сведения о его свершениях распространялись изустно, а потому обретали героические, «лучше чем в жизни» черты. Заметь люди, что официальная пресса нахваливает Ельцина, они, пожалуй, настроились бы более скептически.

* * *

Впервые побеседовать непосредственно с Ельциным мне довелось в августе 1987 года, когда в столицу прибыли сенаторы Дэниел Патрик Мойнихэн, Терри Сэнфорд и Пол Сарбэйнс. Ельцин оказался одним из немногих членов Политбюро, все еще остававшихся в Москве в этот традиционный месяц отпусков, и в качестве главного должностного лица был отряжен на встречу с делегацией. Два часа длилась беседа, и наше внимание постоянно привлекали его неортодоксальные замечания на самые различные темы.

Не дожидаясь расспросов и не заглядывая ни в какие заготовленные тексты, Ельцин перечислил сенаторам девять «негативных осложнений», требующих немедленного исправления. Более половины относились к политике: ограничения на свободу выражения мнений, нехватка демократии, «зазор» между партией и населением, утрата коллегиальных привычек (т. е. духа единой команды) в политическом руководстве и неповоротливость во внешней политике. Остальные имели отношение к экономике: препоны для новой техники и технологии, сосредоточенность на тяжелой промышленности вместо товаров широкого потребления, нехватка инициативы и терпимость к посредственности.

Ельцин в первую очередь уделял внимание делам внутренним, и в то же время показал, что осведомлен об основных проблемах переговоров с Соединенными Штатами по контролю за вооружением. Он горячо ратовал за продвижение вперед и заключение соглашений, по каким велись переговоры, и при этом заметил: «Такие соглашения необходимы, если хотим перестройку осуществить».

Тогда высказывания Ельцина меня поразили: Лигачев ни за что не упомянул бы о разрыве между партией и народом, как то сделал Ельцин, а Горбачев не стал бы говорить про нехватку коллегиальных начал. Хотя все сказанное Ельциным не выходило

за рамки того, чтобы обеспечить больший успех социализма в рамках однопартийной системы, возврат, как он выразился, к «подлинному ленинизму», упор он делал на вопросах, которых другие не затрагивали или (во всяком случае, у всех на виду и в беседах с иностранцами) наличие которых отрицали.

Горбачев, к примеру, несомненно, согласился бы, что договоры по контролю за вооружением с Соединенными Штатами необходимы для перестройки, но в тот момент он не был бы столь откровенен. Он вел свою линию: от сокращения вооружений выиграют обе страны, однако, если Соединенные Штаты не пожелают сотрудничать, Советский Союз в полной мере способен осуществить перестройку самостоятельно.

Команда распадается

В конце сентября 1987 года дипломатические представительства в Москве, в том числе и наше, получили уведомление, что послы приглашаются в Дом политического просвещения, находившийся в ведении городского комитета партии, на встречу с первым секретарем московской партийной организации. Современное здание в центре города, вблизи Бульварного кольца, было недосягаемо для зарубежных дипломатов (во всяком случае – из некоммунистических стран) со дня его открытия. Желание, воспользовавшись случаем, взглянуть на место, где КПСС обучала своих веропослушников, и еще раз побеседовать с Ельциным было неодолимо, и я приглашение принял.

Хотя формально повод для встречи обозначили как разъяснение планов предстоящего развития столицы, Ельцин предпочел обсудить курс страны в целом. И заявил, что страна вступила в «критическую фазу перестройки», заключающуюся в переходе от намерений к практическим мерам. Он чувствовал, как усиливается нажим со стороны общества, как нетерпеливы люди в ожидании результатов. Если экономические управленцы и политические руководители не в силах отвечать требованиям перестройки, они должны быть заменены, подчеркнул Ельцин и продолжил речь, перечисляя обширные перемены, уже осуществленные им в московской партийной организации.

По окончании выступления в ходе бесед в фойе я выяснил, что кое-кто из моих дипломатических коллег счел, что употребленные Ельциным выражения, вроде «критической фазы», свидетельствуют о его склонности к преувеличению. С их точки зрения, положение не настолько грозило опасностью, чтобы подобный язык был оправдан.

Мне же казалось, что тут имело место нечто большее, чем гипербола. Ведь Горбачев убеждал общественность, что перестройка уже набрала ход, что худшее позади и позитивные результаты начинают сказываться. Для Ельцина же, однако, точка кризиса еще только маячила впереди, поскольку к претворению политики в действительность едва-едва приступали. Ельцинский анализ представлялся мне более точным.

Никто из нас, присутствовавших в зале, – за исключением самого Ельцина – не знал, что месяцем раньше Ельцин написал личное письмо Горбачеву, отдыхавшему в то время на Черном море. Судя по тексту, позже опубликованному Ельциным в мемуарах, он разнес в пух и прах стиль работы Лигачева вообще и

его вмешательство в дела московской парторганизации в частности. Он также обращал внимание на противодействие реальным переменам со стороны других, неназванных, членов Политбюро и предсказывал, что все это приведет к возврату в состояние, очень схожее с брежневским «застоем», от которого старались излечиться. И завершил он письмо просьбой освободить его от обязанностей кандидата в члены Политбюро и первого секретаря московского комитета партии.

* * *

Случившееся вслед за этим толкуют по-разному. Горбачев впоследствии заявлял, что Ельцин согласился все обсудить с ним после празднования семидесятой годовщины большевистской революции 7 ноября. Ельцин написал в мемуарах, однако, что никакого согласия не было и Горбачев просто сказал ему, что все обсудит с ним «позже».

В любом случае, когда «позже» растянулось больше чем на месяц и в конце октября Центральный Комитет собрался на пленум, Ельцин, больше с Горбачевым не советуясь, решил вынести дело на обсуждение Центрального Комитета. Горбачев уже собирался закрыть заседание, когда Ельцин взял слово и повторил перед собравшимися обвинение: Секретариат партии не изменил стиль работы в соответствии с последними решениями и по этой причине люди начинают терять веру в перестройку. После чего повторил свою просьбу об освобождении от обязанностей кандидата в члены Политбюро.

Горбачев, относясь к нарушителю порядка с крайней враждебностью, кратко, в искаженном виде, изложил критические замечания Ельцина, обвинил его в необузданных амбициях и открыл обсуждение. Вслед за боссом, уловив намек, участники пленума вставали один задругам и бичевали Ельцина. Из двадцати семи выступивших всего один, Георгий Арбатов, директор Института США и Канады, хотя бы в мягкой форме высказался в пользу Ельцина.

Несмотря на то, что Ельцин вновь взял слово, еще и еще раз заявил о своей поддержке перестройки, отверг обвинения в желании внести раскол в Центральный Комитет и извинился за то, что вынес данный вопрос на обсуждение в неподходящее время, Горбачев нагнетал кампанию против него, упорно извращая сказанное Ельциным.

Когда, например, Ельцин заметил, что «некоторые члены Политбюро» неискренни в похвалах Горбачеву и перестройке,

Горбачев, перебив его, завил, что Ельцин политически безграмотен, раз обвиняет целиком все Политбюро в раздувании «культа личности» (кодовое наименование сталинизма). На самом деле в речи Ельцина не было никаких обвинений по адресу всего Политбюро, говорил он о том, что некоторые члены Политбюро нахваливают Горбачева в глаза, а за глаза открещиваются от его политики.

Горбачев продолжал отповедь, не позволяя Ельцину поправить неверно преподносимые факты, и, когда из зала донеслись крики, что Ельцин думает только о собственных амбициях, генсек подхватил тему и заявил:

«Я тоже так думаю. И члены Центрального Комитета вас раскусили. Для вашего «я» недостаточно, чтоб только Москва вращалась вокруг вашей личности. Вы что, считаете, что Центральный Комитет тоже должен только вами и заниматься? Вы этого хотите, так ведь?..

До какого же крайнего эгоизма надо дойти, чтобы поставить личные амбиции выше интересов партии, выше нашего общего дела!»

Пленум завершился резолюцией, в которой выступление Ельцина объявлялось «политически ошибочным», а Политбюро и московскому комитету партии предлагалось в свете имевшего место на пленуме принять меры по отставке Ельцина.

Об этой стычке прессу не уведомили из опасения, как бы не омрачить праздничную атмосферу 7 ноября, годовщины большевистской революции.

* * *

Когда на следующий день после пленума госсекретарь Шульц встретился с Горбачевым для обсуждения планов Горбачева в отношении поездки в Соединенные Штаты, генсек выглядел необычно подавленным и встреча закончилась без какого-либо соглашения по саммиту. Что-то, похоже, случилось, и Шульц, тонкий знаток людей, заметил мне, что Горбачев всегда напоминал ему задиристого и самоуверенного боксера, кого ни разу не сбивали на пол. Но в тот день было по-иному. В тот день Горбачев походил на человека, узнавшего, что значит рухнуть на настил ринга.

Шеварднадзе в спешном порядке возобновил обсуждение планов саммита, приехав в Вашингтон и договорившись по вопросам, которые Горбачев оставил открытыми на встрече с Шульцем в Москве. Меж тем пошли, как круги по воде, слухи о

стычке в Центральном Комитете. За несколько дней иностранная пресса выяснила суть дела, весть о чем затем вернулась в Советский Союз через зарубежные радиостанции.

Общественность Москвы была ошеломлена. Неужели правда, что Ельцина могут снять? Если да, то как это увязать с уверениями Горбачева в верности перестройке? На официальных праздничных мероприятиях Ельцин появился вместе с остальными руководителями, однако в их обычных разговорах участия не принимал.

На приеме для дипломатического корпуса в Кремле, где члены Политбюро и Секретариата партии собирались в одном конце зала, отдельно от остальных гостей, я пристально всматривался в эту группу, стараясь хоть что-то понять: в те годы и речи не могло идти о частной, неофициальной беседе с «руководством». Ельцин стоял несколько в стороне от коллег по Политбюро со сконфуженной улыбкой на лице и время от времени переминался с ноги на ногу – совсем как наказанный учителем школьник. Заметив меня, он демонстративно помахал рукой и расцвел ребячливой улыбкой, однако не сделал никакой попытки приблизиться и поговорить. Я его всецело понимал. Если он попал в такую беду, какую приписывали слухи, то меньше всего нуждался в приватном разговоре с американским послом.

Два дня спустя донесся слух, будто Ельцин серьезно болен (некоторые утверждали, что он перенес инфаркт), однако гласность еще не созрела до того, чтобы прессе позволялось сообщить о том, что произошло. Наконец, 13 ноября «Правда» официально подтвердила, что Ельцин освобожден от должности руководителя московского партийного комитета. Отчет о пленуме был составлен так, что все могли ознакомиться с обвинениями Горбачева наряду с почти бессвязными, но самобичующими ответами Ельцина.

Впоследствии Ельцин утверждал, что Горбачев, настаивая на участии в пленуме, вызвал его из больницы. Врачи Ельцина, ранее запрещавшие ему подниматься с больничной постели, по приказу Горбачева накачали его болеутоляющими лекарствами и отправили на заседание. В таком состоянии он едва соображал, о чем говорит.

По словам Ельцина, Горбачев безапелляционно заявил, что больше никогда не позволит ему играть активную роль в политике. Впрочем, в полное политическое небытие Горбачев Ельцина все же не отправил. Демонстраций или маршей протеста, положим, не было, и все же значительная часть общественности, особенно в Москве, сверяла реформы по Ельцину. Когда его вывели из руководства, в газеты хлынул поток протестующих

писем. Читателей не удостоили даже намека на это, зато Горбачеву доложили как положено. Сделайся Ельцин жертвой, было бы трудно убедить население в том, что Горбачев верит собственным словам о перестройке. Так что Ельцину был подыскан респектабельный, но не наделяющий никакой властью пост.

* * *

Мы сидели за обеденным столом в домашней студии известного грузинского художника Зураба Церетели, когда сообщили о назначении Ельцина. Едва прозвучали слова, что будет передано сообщение, как гости сгрудились у телевизора с тем же, видимо, чувством ожидания, с каким американцы бросили бы изысканное застолье, дабы посмотреть наиболее острые моменты финальных матчей седьмой серии на первенство мира.

Когда диктор зачитал официальное сообщение о назначении Бориса Ельцина первым заместителем председателя Государственного комитета по строительству в ранге министра, гости молча переглянулись, на лицах их отразилась странная смесь облегчения и разочарования: облегчения – Ельцин *хоть что-то* получил, разочарования – это не оказалось чем-то посущественнее. После паузы один из гостей, поморщившись, произнес: «Ранг министра. Полагаю, могло быть и хуже».

Да, могло бы быть хуже. Однако в сознании и моих сотрапезников в тот вечер, и множества советских людей по всей стране невысказанным засел вопрос: почему Ельцин выведен из высшего партийного руководства? Что плохого в том, что он делал, если руководство намеревалось, как оно заявляло, проводить политическую реформу?

«Правые» делают выпад

Обойдя в маневре Ельцина (не без помощи со стороны Ельцина), те, кто склонялся к свертыванию сущностных политических реформ, увидели для себя возможность взять верх. В марте 1988 года и Горбачев и Александр Яковлев запланировали поездки за рубеж: Горбачев в Югославию, Яковлев в Монголию. Лигачев временно оказался во главе Секретариата партии, по-прежнему отвечавшего за надзор над прессой. Неожиданно ежедневная газета «Советская Россия», одиозно известная своими тесными связями с «консервативными» элементами в партии, опубликовала статью, от которой у реформаторов кровь застыла в жилах.

Статья (по виду «письмо» от ленинградской преподавательницы Нины Андреевой) заняла целую газетную полосу и была напичкана всеми возможными обвинениями и инсинуациями, типичными для худших времен сталинизма.

Как только письмо было опубликовано, партийные организации в ряде городов и областей дали указание его «изучать». Особое рвение в этом отношении проявила ленинградская парторганизация.

Такая реакция выказывала все обычные признаки координации, и многие восприняли их как знак веропослушникам партии: им будет на кого положиться, если они пожелают отстаивать консервативные взгляды во время намеченной на лето партийной конференции.

Горбачев, Яковлев и вообще реформаторы считали, что статье отводится роль первого выстрела, открывающего кампанию, дабы загнать политическую реформу обратно в сосуд, где дух ее томился до 1987 года. Как вспоминал в 1992 году в частном разговоре со мной Горбачев, двигаться вперед быстрее у него не было возможности ни в 1988, ни в 1989 году. «Они противились каждому моему шагу на этом пути, – заметил он. – Мне удалось добиться формального согласия на частичные реформы в 1987 году. И что случилось? Не успел я повернуться, как они ударили мне в спину Ниной Андреевой!».

Уловка с Ниной Андреевой, кто бы за ней ни стоял, обернулась и против ее соавторов. Как только Горбачев вернулся из Югославии, он настоял на обсуждении статьи на Политбюро. Обсуждали два дня подряд. Судя по краткому отчету об этих заседаниях, опубликованному Горбачевым в 1993 году, он открыл обсуждение, заявив, что «статью следует рассматривать как антиперестроечную платформу», и выразив сомнение в том, что

Нина Андреева могла написать ее без посторонней помощи. И обеспокоило его, сказал Горбачев, не то, что письмо появилось, а то, что партийные работники представили его как не терпящую возражений директиву.

Опубликованный отчет свидетельствует, что лишь Яковлев и Шеварднадзе без обиняков отвергли статью Нины Андреевой. Громыко пытался даже защищать ее, называя письмо ответом на «наветы», появившиеся в прессе. Все выступившие, однако, сошлись на том, что Политбюро должно прежде всего действовать в единстве и согласии, и во имя единства согласились подготовить для партийной печати статью, которая содержала бы обоснованное опровержение. Судя по протоколу заседания, Лигачев либо отсутствовал, либо не выступал.

5 апреля «Правда» выполнила решение Политбюро, опубликовав неподписанную статью (фактически написанную Яковлевым), где отвергались положения письма Андреевой. Несколько дней спустя «Советская Россия» была вынуждена опубликовать извинение, что вообще напечатала это письмо.

Горбачев утвердил свое верховенство, однако со стороны не было уверенности, сумеет ли он контролировать предстоящую партийную конференцию. Партийные конференции не созывались с тех пор, как в 1941 году последнюю собрал Сталин. После смерти Сталина каждые пять лет проводились съезды партии, и, хотя партийный устав наделял Центральный Комитет правом созыва конференции в любое время, было неясно, какими станут властные полномочия такой конференции.

В мае 1988 года были опубликованы подготовленные под руководством Александра Яковлева (заменившего к тому времени Лигачева в качестве ответственного за идеологию) «тезисы» для обсуждения на конференции.

* * *

Я был в Хельсинки, где делал доклад Рональду Рейгану по поводу предстоявшего ему саммита в Москве, когда эти тезисы появились в печати. Русский текст был получен мной из Москвы по факсу, и я отправился к себе в гостиничный номер, облегченно вздохнув: текст передан не как секретный документ и его можно вынести из защищенного помещения. Я полагал, что для доклада президенту достаточно будет пробежать тезисы «по диагонали», поскольку не ждал от их содержания ничего достойного удивления. Скорее всего они сведутся к перечислению реформ, уже обсуждавшихся на пленумах Центрального Комитета и

упоминавшихся в выступлениях Горбачева.

Однако по мере того, как я читал, открывая для себя одно новое положение за другим, возбуждение мое росло. Никогда прежде не доводилось мне видеть в официальном документе коммунистической партии столь обширного раздела, посвященного защите прав граждан, или таких принципов, как разделение властей, судебной независимости и признания обвиняемого невиновным, пока вина его не будет доказана.

Кое-какие из «тезисов» казались списанными с Конституции США. Их мало что связывало с «Манифестом Коммунистической партии» или даже с «Капиталом», хотя слово «социализм» употреблялось. Именовавшееся «социализмом», выражаясь советским языком, выпадало из вида. Описываемое в «тезисах» как-то ближе было к европейской социал-демократии.

На следующее утро президент Рейган собрал небольшое совещание в комнате с акустической изоляцией, которую специалисты по безопасности собрали в гостинице и куда мы забирались, когда позволяли себе разговоры, которые нельзя было подслушать. В мою обязанность входил обзор состояния политической обстановки в Москве, и я начал с «тезисов» к партийной конференции. Кратко суммировав их содержание, я заметил президенту: если сказанное в тезисах окажется правдой, то Советский Союз уже никогда не будет таким, каким он был в прошлом. Хотя «тезисы» не дотягивали до демократии, в том как мы ее понимаем, они содержали семена освобождения страны. Если свобода слова, печати и собраний действительно будут гарантированы, если будут дозволены выборы со многими кандидатами и тайным голосованием, если принципы судебной независимости будут закреплены в законе, тогда – я не сомневался – вскоре придет конец монополии Коммунистической партии на власть.

Даже в усеченной форме, дозволенной Политбюро, «тезисы» безошибочно свидетельствовали, что Горбачев внутренне принял нашу программу: борьба за предоставление защиты прав человека, за открытость и демократизацию страны стала признанной составной частью перестройки.

Парламент нового типа

25 мая 1989 года в Кремлевском Дворце съездов начал работу Съезд народных депутатов, первый с 1918 года представительный орган власти в России, который – по крайней мере частично – избирался честным и тайным голосованием.

Иностранные послы получили приглашения быть свидетелями этого события. Обычно мой ежедневный распорядок был настолько плотно составлен, что я радовался, если удавалось проводить все встречи вовремя (о том, чтобы явиться куда-то пораньше, и говорить не приходилось), но в этот раз я попросил секретаря освободить мне весь день начиная с девяти часов утра. Я собирался приехать в Кремль пораньше, не только чтобы заполучить удобное место на дипломатической галерее, но и успеть встретиться, поговорить несколько минут с прибывающими депутатами, а также насладиться общей картиной.

Мой умеренно бронированный «кадиллак» с развевающимся звездно-полосатым флагом над правым крылом проследовал через Боровицкие ворота, миновал витиевато украшенный Большой Кремлевский Дворец и величественный ансамбль церквей XV века, окруживших Дворцовую площадь, свернул налево мимо зданий, где размещались кабинеты Горбачева и премьер-министра Рыжкова, и остановился перед выложенными из мрамора и стекла стенами Дворца съездов, откровенного порождения XX века.

В тот день, однако, в нем собирался не съезд Коммунистической партии, а, по сути, конституционное собрание, орган, призванный создать совершенно новую систему правления в Советском Союзе.

Я полагал, что дипломатов усадят вверху на балконе, куда их обычно помещали во время праздничных торжеств, но приятно удивился, когда был препровожден к ряду кресел на возвышении слева в зале, откуда прекрасно видны и сцена, где произносились официальные речи, и депутаты, сидевшие в той части зала, которая в американском театре звалась бы «партером».

* * *

Заседание открылось с десятым ударом часов, и Председатель Центральной избирательной комиссии по выборам народных депутатов СССР зачитал свой доклад. Он оказался длиннее, чем

нужно, и часть депутатов зашумела, выражая нетерпение заняться существом того, ради чего избирался съезд. Когда Председатель закончил, то в соответствии с повесткой дня должен был избираться Президиум съезда, однако на трибуну вышел депутат из Латвии и предложил почтить память погибших в мирной демонстрации в Тбилиси, разогнанной 9 апреля войсками. Затем депутат потребовал «сообщить во всеуслышание и сейчас, на Съезде народных депутатов СССР, кто отдал приказ об избиении мирных демонстрантов в городе Тбилиси 9 апреля и применении против них отравляющих веществ, а также сообщить название этих отравляющих веществ».

Такого, похоже, в первоначальном сценарии не было: неужели депутатам позволят действительно взять проведение заседания в свои руки? Ожидать такого было бы слишком. У Горбачева, несомненно, был свой план, и, допуская, возможно, отдельные отклонения, он, как и ожидалось, направил все в предопределенное русло.

Состав Президиума был утвержден без возражений, но перед голосованием за предложенную повестку дня я заметил, как к трибуне направляется знакомая высокая сутулая фигура – Андрей Сахаров. Этого организаторы тоже наверняка не планировали, подумал я.

Разумеется, меня интересовало, о чем будет говорить Сахаров, тем более, что основные обсуждения еще и не начинались. И все же мне казалось, что тот факт, что он стал депутатом, что ему позволено активно участвовать во всей этой процедуре, имеет большее значение, нежели то, что он скажет. Даже если бы этот первый Съезд народных депутатов не сделал ничего, кроме как узаконил роль Сахарова в советской политической жизни, он и тогда остался бы важной вехой в истории.

Вот он, Андрей Сахаров, на трибуне, полноправный участник величественного собрания, готовый обратиться к коллегам-депутатам. На лице Горбачева заметно некоторое раздражение, однако он смолчал.

Выступая от имени «группы московских депутатов», Сахаров внес два предложения по вопросам, которые группа считала принципиально важными: во-первых, право принятия законов СССР должно принадлежать исключительно Съезду Народных депутатов, а не меньшему по составу Верховному Совету, который съезду предстояло избрать, и, во-вторых, Председателя Верховного Совета следует избирать не в начале сессии, как планировалось, а в конце, после обсуждений по «всему кругу вопросов, определяющих судьбу страны», и рассмотрения всех

возможных кандидатур. Выдвигая это предложение, Сахаров недвусмысленно заявил, что поддержит на выборах кандидатуру Горбачева, но считает плохим прецедентом проводить выборы до обсуждений.

Пока Сахаров говорил, в зале нарастал шум, и в конце голос выступавшего был едва слышен. Горбачев вмешался, заявив что выступления следует ограничить пятью минутами и что Сахарову пора заканчивать. Позже, когда состоялось голосование, предложение Сахарова было отвергнуто абсолютным большинством голосов.

Наблюдая за этой сценой, я испытывал смешанные чувства. Не могло не внушать огромного удовлетворения, что Сахарову дали высказаться еще до того, как начались обсуждения по повестке дня. Однако враждебность зала навевала зловещие мысли: настрой депутатов не свидетельствовал об открытости их сознания.

В то же время я считал, что Сахаров и связанные с ним депутаты продемонстрировали недальновидность в вопросах, избранных ими для его первого выступления. Сколь бы ни был либерален Горбачев, ясно же, что число раз, когда Сахарову позволят обратиться к Съезду, будет ограничено. Я сомневался, что обозначенные два вопроса были самыми животрепещущими, и гадал про себя, отчего Сахаров не подождал и не воспользовался предоставленным ему временем, чтобы затронуть предметы более насущные и значимые.

Из 2250 мест на новом Съезде народных депутатов лишь 1500 принадлежала избранным в избирательных округах. Треть мест предназначалась представителям «общественных организаций», таким, как Коммунистическая партия и различные связанные с нею учреждения. Это явно было сделано для того, чтобы позволить ряду высших официальных лиц, как и самому Горбачеву, попасть в новый орган власти, минуя борьбу за голоса и без риска проиграть выборы. Теоретически Горбачев, используя аппарат Центрального Комитета, был бы в состоянии назначить всех 750 таких депутатов.

Жесткий контроль со стороны КПСС, однако, в ряде таких организаций уже дал сбой, что побудило другие организации попытаться стряхнуть к себя оковы партии с помощью выборной кампании.

Центральному Комитету Коммунистической партии было отведено 100 депутатских мест (самая большая квота для одной организации) – и уж они-то безусловно находились в распоряжении Горбачева. В этой квоте для придания ей целостности Горбачев свел концы с концами: наряду с

представителями высшего руководства КПСС, включая Лигачева и Яковлева, в группе мелкими порциями были представлены все слои общества – управленцы, военные, писатели, председатели колхозов и тому подобное. В совокупности группа включала в себя отдельных реформаторов и гораздо большее количество слегка перекрашенных аппаратчиков.

* * *

После первоначальных отклонений от объявленной программы первый Съезд народных депутатов продолжал работу, в целом, в рамках, определенных Горбачевым и его сторонниками. Обсуждения шли острые и зачастую затрагивали вопросы фундаментальные. Решающее голосование часто требовало значительного закулисного маневрирования – тактики, которой Горбачев владел превосходно.

Было несколько случаев, когда Съезд едва не дискредитировал себя. Была развязана организованная кампания разнузданной критики Сахарова. В словах выходивших один за другим ораторов, обвинявших его в оскорблении Советской Армии, слышался отзвук оголтелой сталинской травли. Возможно, не Горбачев был инициатором этих безобразных потуг, но он ничего не сделал, дабы сдержать их.

Второй случай связан с Ельциным. Одна из задач, стоявших перед Съездом, заключалась в избрании из своей среды Верховного Совета, становившегося постоянным парламентским органом и включавшим в себя около четверти депутатов Съезда, или 556 из 2250. Ельцин выдвинул свою кандидатуру, и, принимая во внимание полученное им подавляющее большинство голосов избирателей, невозможно было себе представить, чтобы он оказался за бортом, пожелай депутаты соблюсти видимость демократического органа. И все же именно это едва не произошло.

Ельцин был одним из кандидатов от России, и при тайном голосовании получил на несколько голосов меньше, чем требовалось, чтобы занять место в Верховном Совете. России было отведено одиннадцать мест в Совете Национальностей, Ельцин же по количеству голосов занял в списке двенадцатое место. Голосование подтвердило то, что и без того было ясно: большинство депутатов Съезда гораздо больше были склонны поддержать партийную структуру, чем такие реформы, которые могли бы ее ослабить. В данном случае, отвергнуть Ельцина значило дискредитировать новые образования, которые Горбачев

так долго и настойчиво претворял в жизнь.

Положение в тот день спас Алексей Казанник, дотоле безвестный сорокасемилетний профессор права из Омска, чью впечатляющую бороду, черную по щекам и седую на подбородке, уже привыкли узнавать миллионы телезрителей. Его включили в список кандидатов в члены Верховного Совета от России двенадцатым – и потому только, что Ельцин с другими настояли, чтобы число кандидатов превышало количество отведенных мест и у депутатов, таким образом, имелся бы выбор. Казанник заявил, что дома не сможет от стыда смотреть в глаза своим избирателям, если окажется, будто он виноват в том, что Ельцин не попал в Верховный Совет, а потому взял и уступил тому свое место.

Съезд избрал Горбачева Председателем Верховного Совета СССР – и, стало быть, главой государства – в ходе процедуры, напоминавшей о днях былых. Позволив такому случиться, Горбачев упустил две возможности создать прецеденты для демократической процедуры. Во-первых, он позволил Съезду отклонить предложение Сахарова провести до выборов обсуждения. Во-вторых, он позволил провести выборы без альтернативной кандидатуры.

Геннадий Бурбулис, преподаватель философии из Свердловска, который позже станет весьма заметной фигурой в Ельцинском правительстве России, выдвинул кандидатуру Ельцина, но Ельцин взял самоотвод. Впрочем, один депутат, Александр Оболенский, сорокапятилетний инженер Полярного геофизического института, расположенного близ Мурманска, возымел настолько сильное желание попасть в бюллетень по выборам Председателя Верховного Совета, что выдвинул себя сам.

Горбачев по этому поводу никак не высказался, и депутаты проголосовали против (в соотношении два к одному) включения Оболенского в бюллетень; результаты этого голосования могли бы быть иными, потребуй Горбачев состязательных выборов.

Другим партработникам Горбачев рекомендовал допускать состязательность при голосовании, и многие из них ожидали, что ему в свой черед следовало бы настаивать на втором кандидате. Очевидно, Горбачеву была невыносима мысль о том, что некоторые народные депутаты при тайном голосовании проголосуют за кого-то другого. Как оказалось, за него проголосовали 2123 депутата, против 87. Вероятнее всего, Оболенский получил бы не больше этих 87 голосов; соответственно, меньше 87 подали бы голоса против Горбачева, будь в бюллетене еще одна фамилия, поскольку какое-то

количество сказавших «нет», вероятно, выразили протест его избранию на безальтернативной основе.

* * *

Выдвижение кандидатуры Горбачева все же не во всем следовало традициям прошлого. Перед голосованием прошли обстоятельные и довольно свободные обсуждения.

Марью Лауристин из Эстонии, например, задала кандидату три вопроса: какие положения, гарантирующие суверенитет республик, должны быть включены в новую конституцию; допустимо ли в демократическом государстве использование войск против гражданских демонстрантов; кто в Политбюро заранее знал о кровавом подавлении демонстрации в Тбилиси в апреле. Один депутат спросил, использует ли Горбачев государственные деньги для строительства себе дачи в Крыму. Кто-то напомнил Горбачеву, что его популярность падает из-за того, что продвижение перестройки замедлилось. Несколько депутатов потребовали, чтобы он сложил с себя обязанности генерального секретаря КПСС, если ему предстоит стать председателем законодательного органа. Перед голосованием Горбачев ответил на большинство из этих вопросов, однако не дал ясных ответов на вопросы Лауристин.

Оппозиционная партия в зародыше

Реформаторы не делали погоду ни на Съезде народных депутатов, ни в его вспомогательном органе, Верховном Совете, но не были они и незначительным меньшинством. Они победили на выборах в столице, весомым было их представительство от других крупных городов, включая Ленинград и ельцинский Свердловск. Они составили большинство депутатов от прибалтийских государств и имели своих представителей от других регионов, таких, как Кавказ, Украина и Дальний Восток. К тому же многие общественные организации, объединявшие в основном ученых и интеллигенцию, избрали демократических активистов.

Эти избранники отличались ясностью мысли и речи, их в высшей степени вдохновляла определенная цель, а потому общественное воздействие, оказываемое ими, превосходило – благодаря телевидению – их долю в составе народных депутатов. Тем не менее, их было слишком мало, чтобы одерживать верх, если только их предложения не поддерживал Горбачев, обеспечивая тем самым голоса.

Реформаторы явно нуждались в организации, чтобы согласовывать политические действия, однако большинство из них все еще состояло в Коммунистической партии, а партийный устав запрещал фракционность. Вот почему реформаторы осторожно вели речь о «группах», а не о «фракциях» или – упаси господи – «партиях».

Инициативу взяли на себя депутаты от Москвы. Это от их имени выступал Сахаров при открытии Съезда, а в ходе его работы москвичи принялись за объединение реформаторски настроенных избранников, прибывших из других частей страны.

Хорошо известные московские интеллектуалы, такие, как Андрей Сахаров, Юрий Афанасьев, Татьяна Заславская и Гавриил Попов, объединились с молодыми депутатами, такими как Сергей Станкевич, Аркадий Мурашев, Галина Старовойтова и Илья Заславский. Отыскивая симпатизирующих депутатов из других регионов, таких как Собчак из Ленинграда и Гаер из Владивостока, они одновременно укрепляли союз с Борисом Ельциным.

Даже после внушительной победы Ельцина на выборах в Москве многие московские интеллигенты не верили в его приверженность реформам. Многим Ельцин, сам по себе отнюдь не интеллектуал, представлялся типичным партийным боссом, крушившим устои, исходя из личных амбиций, а не политических

устремлений. Обвинения, брошенные Горбачевым в 1987 году, оставили свой след, да и сам Ельцин с большей охотой действовал в массах, в толпе, чем в интеллектуальных салонах.

Тем не менее, реформаторы и Ельцин нуждались друг в друге. Настроенной на реформы интеллигенции, хотя она и неплохо проявляла себя в глазах общественного мнения, нужны были союзники с Ельцинской, уже проверенной, способностью привлекать голоса избирателей. Что касается Ельцина, то он со времени удаления из руководства в 1987 году превратился в своеобразного одиночку на политической сцене. Действовал он, опираясь на горстку помощников во главе со Львом Сухановым, с которым познакомился в Госкомитете по строительству, да нескольких политических союзников, таких как свердловский преподаватель Геннадий Бурбулис и московский журналист Михаил Полторанин, которые время от времени выступали в роли советников. Собственная платформа Ельцина все еще носила зачаточный характер, ее основу составляли противодействия махинациям Коммунистической партии да призывы ускорить перестройку. Если Ельцин собирался воздействовать на законодательный орган, ему в равной степени нужны были и политическая программа и организационная поддержка.

Какое-то время московские реформаторы проводили встречи в принадлежавшем партии Доме политического просвещения, а когда комиссии Верховного Совета временно разместились в гостинице «Москва», составление платформы и выработка позиций велись по большей части в номере, выделенном Ельцину как председателю Комиссии по строительству и жилищным вопросам. Иногородние депутаты жили в той же гостинице, что делало ее идеальным местом для создания коалиции. Тем же, кто по-прежнему видел свою задачу в возврате страны к подлинным принципам ленинизма, открывавшийся из гостиницы вид тоже внушал некоторое вдохновение, поскольку их окна выходили прямо на музей Ленина.

* * *

К лету желание сотрудничать с группой выразили более трехсот депутатов, и 19 июля Ельцин объявил Верховному Совету, что сформирован координационный орган для создания «Межрегиональной группы депутатов» и что учредительное собрание намечено провести в конце месяца. Цель Межрегиональной группы состояла в «ускорении процесса перестройки» и в осуществлении ее «более решительно и

последовательно». Ельцин, не употребляя самого слова, дал понять, что, будучи в меньшинстве, группа намерена действовать как оппозиция, предоставляя альтернативные предложения по вопросам законодательства.

Таким образом, первое значительное оппозиционное движение, имеющее более широкую поддержку, чем в одной республике, воспользовалось приемом, уже апробированным национальными фронтами в отдельных республиках: организация в поддержку перестройки.

Кроме того, основатели прибегли к тактике, доказавшей свою эффективность во время избирательной кампании, особенно в Москве, Ленинграде и прибалтийских республиках:

массовые демонстрации. Уступая численностью в самом парламенте, они были способны привлекать на массовые митинги десятки тысяч сторонников в одной только Москве и принялись делать это регулярно, особенно во время работы Верховного Совета. Поскольку главный «консервативный» довод против радикальных реформ состоял в том, что общество их не поддержит, способность реформаторов собрать более многочисленные толпы, чем-то удавалось их противникам, стало действенным оружием, к которому сторонники реформ все чаще и чаще станут прибегать грядущей зимой и весной.

Сторонники радикальных реформ, считая себя оппозицией большинству Верховного Совета, в то же время были весьма и весьма лояльной оппозицией по отношению к Горбачеву. На деле, многие из них по-прежнему причисляли себя к самым последовательным сторонникам Горбачева, стремились мобилизовать общественную поддержку реформам, чтобы Горбачев наконец-то смог избавиться от твердолобых из числа членов КПСС. Некоторые, не желавшие вступать в партию до того, как Горбачев пришел к власти, решились на это, дабы оказать ему поддержку. Собчак стал членом КПСС в 1987 году, Станкевич в 1988-м.

Даже Ельцин все еще говорил, что основная его цель в том, чтобы понуждать Горбачева к осуществлению правильных вещей, а не в том, чтобы бросить вызов или противодействовать ему. Однажды, спустя несколько недель после победы Ельцина на мартовских выборах, я спросил его, как он относится к Горбачеву. Он ответил, что у них состоялась почти часовая встреча с глазу на глаз и что он рассчитывает создать механизм постоянных контактов. «Думаю, он стал прислушиваться, – добавил Ельцин, – только все еще слишком держится за Лигачева и консерваторов. Может, выборы его чему-нибудь научат».

На тот случай, если Горбачев будет туго соображать, Ельцин

устроил, чтобы Геннадий Бурбулис выдвинул его в противовес Горбачеву на пост председателя Верховного Совета, хотя сам предполагал снять свою кандидатуру. Ельцин понимал, что проиграет при голосовании на Съезде, однако хотел обратить внимание Горбачева, что тому придется позже столкнуться с прямым вызовом, если он по-прежнему будет отлучать Ельцина от своей команды.

* * *

Через несколько дней после завершения работы первого Съезда к нам на обед пожаловали Ельцин и его очаровательная жена, Наина Иосифовна. Я поинтересовался, как он оценивает съезд.

«Неплохо, – ответил Ельцин. – Он сделал половину того, что должен был сделать». Затем, вспомнив вопросы, оставшиеся по-прежнему нерешенными, уточнил: «Ну, может, на самом деле не половину, но четверть – точно». Когда же я спросил, реалистично ли было ожидать большего, Ельцин подтвердил: нет, реалисту не стоит огорчаться.

Ельцин пребывал в оптимистическом настроении, поскольку чувствовал, что общественное мнение склоняется на его сторону. Он отметил, как в ходе второй недели работы настрой Съезда сделался менее враждебен к нему и к «московской группе» и связал это с потоком телеграмм в поддержку реформаторов, присланных избирателями своим избранникам. Пусть пока большинство депутатов следят, как голосует «их» первый секретарь, и тут же следуют его примеру (Ельцин живо изобразил человека, бросающего косые взгляды по сторонам и лишь потом поднимающего руку), в будущем, полагал он, такое будет случаться все реже и реже. Телепередачи со Съезда принесли обсуждения в дома простых людей по всей стране, и большинство из них не желало, чтобы их избранники попросту следовали партийной указке.

За весь вечер в разговоре ни разу не прозвучало ни малейшего намека на то, что Ельцин мнит себя соперником Горбачева. Он по-прежнему соперничал с теми, кто вынуждал Горбачева замедлять перестройку, цель, им провозглашенная, состояла в том, чтобы убедить Горбачева: тот может и должен ускорить процесс реформирования и опереться на Ельцина как на своего основного сподвижника. Вероятно, надолго это не удовлетворило бы честолюбия Ельцина, но в то время его слова звучали искренне. Причиной жгучей личной неприязни,

развившейся в последующие два года, стали неоднократные попытки Горбачева принизить Ельцина.

Вечер прошел без единого пренебрежительного замечания о личности Горбачева. Подобная сдержанность, увы, не относилась к другому члену семьи Горбачевых. При обсуждении возможной поездки Ельцина в Соединенные Штаты я убеждал его взять с собой Наину. Реакция его была выразительной: «Нет. Ни в коем случае! Я ей не дам вести себя, как Раиса Максимовна!»

Слова его были несправедливы по отношению к обеим дамам. Возможно, он так никогда и не переменил своего отношения к Раисе, зато ему предстояло постичь, что в Наине он нуждается больше, чем думает.

Прибалты выходят вперед

Сессия нового Верховного Совета СССР еще продолжалась, когда ко мне с просьбой о встрече обратилась группа депутатов из Литвы, представлявших «Саюдис», политическое движение, одержавшее верх на мартовских выборах в республике. В качестве посла в Советском Союзе я всегда отказывался от встреч с прибалтийскими официальными лицами, поскольку такие встречи могли создать впечатление, будто Соединенные Штаты признают насильственное присоединение прибалтийских государств Советским Союзом.

Это не означало, разумеется, что я отказывался отличных встреч с людьми из прибалтийских стран. На деле, мы с готовностью шли на них, стремясь показать свою заинтересованность в их судьбе и быть в курсе происходящих там событий. Встречи с частными гражданами не противоречили нашей политике непризнания, поскольку не были официальными встречами с лицами, занимавшими посты в той структуре, которую Советский Союз именовал своей союзной республикой.

«Саюдис» откровенно просил об *официальной* встрече, и, прежде чем согласиться, я взвесил все последствия. Несмотря на то, что члены группы были депутатами Верховного Совета СССР, они не просили о встрече с ними в данном качестве. Они собирались представлять «Саюдис», а я знал, что эта организация по-настоящему популярна в Литве. Еще существеннее было то, что мои будущие гости победили в ходе свободных выборов. Решение, стало быть, оказалось простым.

Встретившись с ними официально, я выражу поддержку демократическому процессу – и наше уважение к ним как к законным представителям оккупированного государства.

Я пригласил группу в свою резиденцию, Спасо-хауз, а не в посольский кабинет, ибо хотел, чтобы советские власти видели: мы встречаемся открыто. Ничто не должно было дать повода для подозрений в подрывной или тайной деятельности: это могло быть использовано против моих посетителей, стоило только ситуации измениться.

«Саюдис» не объявлял себя политической партией (все политические партии, кроме Коммунистической партии, все еще были запрещены), считаясь движением в поддержку перестройки, куда входили коммунисты и некоммунисты. Со времени его организации прошло менее года, и оно добилось убедительной победы на мартовских выборах, завоевав тридцать три из тридцати шести мест, и все, в основном, подавляющим

большинством голосов. Мне не терпелось увидеться с некоторыми из победителей и услышать, о чем они собирались поведать.

* * *

Шесть депутатов прибыли все вместе и были приглашены в гостиную Спасо-Хауз, которую мы называли «музыкальной комнатой». Выражения лиц у гостей, когда они представлялись, были серьезны, даже чуточку суровы. Профессор Вайдотас Антанайтис, узнаваемый по коротко стриженной бороде, был научным сотрудником, занимавшимся экологией лесов, и одним из основателей движения «зеленых» в Литве. Казимир Антанавичюс, немногим старше пятидесяти лет, но выглядевший моложе, имел докторскую степень по экономике и работал старшим научным сотрудником в Вильнюсском институте экономики. Профессор Бронисловас Гензялис, лысину которого окружали реденькие седые пряди, хотя ему не было и шестидесяти, преподавал философию в Литовском государственном университете. Казимир Мотека был единственным в группе юристом. Выпускник Литовского государственного университета, он вел адвокатскую практику в Вильнюсе. Ромуальдас Озолас, вице-президент «Саюдиса», выделялся шапкой темных волос и густыми черными усами. До своего избрания он работал редактором в вильнюсском издательстве. Виргилиус Чепайтис, генеральный секретарь «Саюдиса», замыкал группу.

Вперед выступил Озолас, объяснив, что президент «Саюдиса» Витаутас Ландсбергис обратился с просьбой о встрече, чтобы официально уведомить правительство США о планах организации. Однако ему пришлось отлучиться из города, и он попросил эту группу высказаться от его имени и от движения в целом.

После такого вступления прибывшие по очереди стали освещать разные аспекты текущей стратегии их организации, которая больше не ограничивалась обеспечением экономической автономии и защитой литовской культуры от русификации, но имела целью достижение полной независимости к середине 90-х годов.

У движения имелся поэтапный план, предполагавший одновременное продвижение в правовых, экономических и политических проблемах. Они намерены устранить правовую основу своего включения в Советский Союз, объявив секретные протоколы к нацистско-советскому пакту 1939 года утратившими

законную силу и отменив Акт о присоединении как насильственно навязанный под дулами пушек охвостью литовского парламента в 1940 году. Они намерены взять под свой контроль экономику, подчинив с 1 января 1990 года предприятия на территории Литвы правительству в Вильнюсе или местным властям. Они намерены также настаивать на выборах нового Литовского Верховного Совета по возможности до конца 1989 и в любом случае в начале 1990 года. Если «Саюдис» завоюет большинство – в чем, похоже, сомневаться не приходилось, – Верховный Совет предложит новую конституцию по образцу основного закона независимой Литвы и объявит о референдуме для ее утверждения не позднее июня 1990 года, после чего будет избран совершенно новый парламент – Сейм (такое название использовалось в двадцатые и тридцатые годы). Никакие выборы, проводившиеся под опекой Москвы, в независимом государстве не будут иметь силы.

* * *

Слушая этот смелый план, я подумал, насколько же быстро все переменилось. Я и представить себе не мог, что всего через год Литва станет свободной. Два, даже три года – и то были бы чудом.

Но дело заключалось не в том, реалистичны ли сроки, намеченные моими посетителями, а в том, что передо мной – серьезные, опытные люди, которые безо всяких традиций, безо всякого обучения провели успешную политическую кампанию, когда – впервые в их жизни – для этого представился случай. Они вполне настрадались под Советами, чтобы не питать никаких иллюзий в отношении строя, на который они замахнулись. И все же они явно рассчитывали победить.

Но не это навело меня на мысль о значительности перемен. Я давно знал, что большинство прибалтов хотят независимости. В этом никакой перемены не было. Новым было бесстрашие, с каким они говорили о своих намерениях. Еще три-четыре года назад тюремный лагерь или сумасшедший дом были бы уготованы всякому, кто призывал к отделению. Сорок лет назад за это полагалась пуля в затылок.

Ныне же лидеры организованной политической группы, не зависимой от Коммунистической партии, не только осмеливались говорить и писать о выходе из СССР, но во имя достижения этой цели рисковали своей карьерой, а может быть, и жизнью. Больше всего меня поражало то, что они пришли на беседу с послом

Соединенных Штатов, подвергаясь риску быть обвиненными в государственной измене за разглашение иностранной державе того, что было у них на уме.

То были поступки психологически свободных людей, и с того самого дня 1989 года я никогда не сомневался в том, что они одержат победу – не в каком-то очередном поколении следующего века, а еще до окончания века нынешнего.

Победу они одержат, но какой ценой? Не спровоцируют ли они неандертальцев из среды Коммунистической партии, КГБ и военщины расправиться с ними силой? Всего несколькими неделями раньше китайцы продемонстрировали, как эффективно, по крайней мере, на какое-то время действует кровавое побоище. Но, если будут предприняты попытки сокрушить Литву и другие прибалтийские государства, это скорее всего развяжет гражданскую войну и приведет к возобновлению холодной войны на международной арене. Это повышало риск для всех нас.

– Какой, по-вашему, будет реакция советских властей? – поинтересовался я.

– О, они все сделают, чтобы зажать нас. Но мы верим: если мы не поддадимся на провокацию, мы добьемся успеха. Им пришлось бы убить тысячи, возможно, десятки тысяч, чтобы остановить нас. Если же они это сделают, то конец перестройке, конец Горбачеву. Думаем, им это известно.

– Что вы имеете в виду, говоря «поддаться на провокацию»?

– Ответить силой на силу. Они попытаются подтолкнуть нас к насилию, а затем использовать нашу реакцию как предлог для ввода в действие войск. Тяжелейшая для нас задача – убедить наших людей, в особенности некоторых наших молодых людей, что победить мы сумеем только сохраняя мир и порядок. Претерпеть лишения, оскорбления и даже насилие потребует больше мужества, чем схватиться за оружие и пальнуть в ближайшего солдата.

– Значит, вы действительно думаете, что это получится?

– Да. При каждом шаге на этом пути Горбачев будет сталкиваться с выбором: либо позволить нам еще чуть-чуть продвинуться навстречу нашей цели, либо покончить со всей своей политикой, а вместе с нею, возможно, и с собственной властью. На сей раз инициатива у нас, и мы не намерены ее терять…

Гласность торжествует

В России к концу этого года реформаторам стало легче дышать. Реформистские редакторы руководили «Аргументами и фактами», «Московскими новостями», «Огоньком», «Известиями» и «Литературной газетой». Даже «Правда» сменила руководство: ее консервативный редактор, Виктор Афанасьев, в октябре был заменен философом Иваном Фроловым, личным другом Горбачева. Совместные усилия мужественных журналистов, редакторов и ученых позволили разоблачить множество ужасов и скандалов прошлого, которые в прежние времена сметались в Оруэллову «дыру памяти».

Так было в случае с массовым убийством НКВД польских офицеров в Катынских лесах под Смоленском. Десятилетиями советское правительство убеждало, что поляков убило гестапо после того, как немцы захватили эту территорию, и что утверждения о причастности НКВД это попросту антисоветская пропаганда, запущенная нацистами.

В 1989 году «Московские новости» опубликовали статью, содержавшую доказательства, безошибочно указывавшие на вину Сталина. Польский офицерский корпус, практически целиком плененный Советской армией вслед за разделом Польши, был уничтожен по его приказу, дабы не дать возродиться после войны «буржуазной» Польше. По большей части польские офицеры были не кадровыми профессионалами, а резервистами: юристами, врачами, бизнесменами. Лишенную своей «буржуазии» Польшу можно было бы, когда настанет время, обратить в «государство рабочих», послушное Советскому Союзу. Такой была «логика» марксистской классовой борьбы в искаженном сознании Сталина.

Статья в «Московских новостях» была явно нацелена на то, чтобы побудить власти признать то, что случилось. В конце концов, польские коммунисты уже сходили со сцены. Гораздо труднее пришлось бы при налаживании нормальных, дружественных отношений с Польшей, если бы Советский Союз продолжал отрицать очевидное.

Но советское правительство колебалось. Впрочем, к концу октября нами был получен сигнал, свидетельствовавший, что официальное признание случившегося не за горами. До своего прибытия в Москву Збигнев Бжезинский попросил разрешения побывать в Катыни, на месте, где совершались убийства. Неожиданно советский МИД ответил согласием и даже фактически организовал посещение. Бжезинский попросил меня сопровождать его в знак того, что правительство США

заинтересовано в полном раскрытии тайны. Я, разумеется, с готовностью согласился.

Когда мы прибыли к одному из захоронений, где стоял памятник, то стали свидетелями трогательной сцены.

На нескольких автобусах приехали поляки, многие из которых были родственниками убитых офицеров, чтобы почтить умерших в День всех усопших. Памятник был возведен Советским правительством, и на нем значилось, что он установлен на могиле польских офицеров, убитых гестапо в 1941 году. Кто-то закрыл «гестапо» и «1941» написанными от руки буквами и цифрами «НКВД» и «1940». Советские хранители не убрали эти поправки с памятника.

Католический священник призвал приехавших поляков к молитве, а мы склонили головы, эмоционально опустошенные чудовищностью преступления, содеянного на этом месте.

Когда мы отошли от могилы, к нам подошел русский тележурналист и попросил Бжезинского дать интервью. Тот согласился и сделал красноречивое заявление, призвав советское правительство признать зверское преступление. Политика Сталина принесла страдания и Советскому Союзу и Польше, сказал Бжезинский, и признание этого факта заложит основу для советско-польского примирения. Меня попросили высказаться, но я мог лишь повторить слова Бжезинского и добавить, что, лишь осознав собственное прошлое, советский народ окажется способен никогда не допустить повторения подобных ужасов.

* * *

В тот вечер в выпуске новостей по первому каналу, транслирующемуся по всему Советскому Союзу, был показан сюжет о приезде поляков в Катынь, с крупными планами поправок на памятнике, с интервью с Бжезинским и со мной. Несколько недель спустя советское правительство выступило с заявлением, где признавалось, что ответственность за зверское преступление несут Сталин и НКВД.

И все же не могу понять, отчего советским властям потребовалось так много времени, чтобы понять, что признание сталинских преступлений целиком в их интересах. Ясно, что могущественные силы внутри строя по-прежнему пытались скрыть правду. Ответ я получил в 1992 году. Я находился в Москве, чтобы побеседовать с официальными лицами в связи с этой книгой, и договорился о встрече с российским вице-президентом Александром Руцким. В назначенное время в

приемную вышел помощник и уведомил меня, что наша беседа начнется позже. У Руцкого на приеме находилась делегация поляков, родственников убитых офицеров, и их встреча затянулась сверх отведенного времени.

Через пятнадцать минут поляки вышли, и нас пригласили войти. Руцкой, сам профессиональный военный, казалось, был потрясен встречей.

– Эти родственники хотят очень простых и понятных вещей, – вырвалось у него, – и они вправе требовать их. Не знаю только, сможем ли мы сделать то, чего они хотят.

Я спросил, что, собственно, он имеет в виду. Руцкой ответил, что польские родственники хотят, чтобы останки извлекли, опознали по возможности, и нормально перезахоронили, – и это уже делается. Но еще они хотят, чтобы все факты о массовом убийстве были подтверждены документами из архивов КГБ. Как раз в том, что это возможно, и сомневался Руцкой. Я поинтересовался, в чем тут сложность.

– Сроков давности на военные преступления не существует, – объяснил он, – и до сих пор живы люди, принимавшие участие в расстреле. Президент Ельцин и я не раз пытались заполучить полную документацию. Думаю, что Горбачев тоже пытался. Да только «органы» не дают информацию – и все. Они хотят своих уберечь, что бы ни случилось. Мы еще попробуем, но я сомневаюсь, чтобы полная информация когда-нибудь увидела свет.

КГБ. Он остался государством в государстве, даже когда его бывших руководителей подвергли опале и сняли, а организацию преобразовали в российское Министерство безопасности. В 1989 году потребовался, должно быть, огромный нажим со стороны таких людей, как Шеварднадзе и Яковлев, при поддержке Горбачева, чтобы вырвать официальное признание очевидного.

* * *

Массовые убийства в Катынских лесах это всего одна из прошлых ошибок, которые предстояло официально признать. Накануне Рождества Съезд народных депутатов наконец одобрил резолюцию, объявившую секретный протокол между Гитлером и Сталиным не имеющим законной силы со времени его подписания. За этим последовало оглашение пространного доклада комиссии, возглавлявшейся Александром Яковлевым, где подтверждалась аутентичность текста соглашения, обнаруженного западными союзниками в Германии, несмотря на

то, что русский оригинал найти так и не удалось (по словам Ельцина, оригинал документа был найден после развала Советского Союза в бумагах, хранившихся лично у Горбачева как у генерального секретаря партии).

Не все из разоблаченных ошибок относились ко временам Сталина: Съезд народных депутатов расследовал также убийство демонстрантов в Тбилиси в апреле и в декабре принял резолюцию, осудившую применение силы и указавшую на необходимость принятия дальнейших мер. Однако многие сочли доклад менее чем удовлетворительным. Казалось, в особенности, что советская военщина скрывает информацию об ответственности за решение пустить в ход силу. Так что, хотя расследование законодателей и установило полезный прецедент, ясно было, что комиссия не обладает нужной властью для того, чтобы добыть факты у не желающей того бюрократии.

Разоблачения, касающиеся катастрофы на Чернобыльской атомной станции в 1986 году, оказали еще более значительное воздействие на облик работников Коммунистической партии в глазах общественности, поскольку выяснилось, что руководство КПСС, а также украинской и белорусской партий, участвовало в серьезнейшем сокрытии данных, что несло угрозу здоровью миллионов. Точная карта, обозначающая уровни радиации, впервые была выпущена в 1989 году, и выяснилось, что жители ряда наиболее пострадавших районов не были ни эвакуированы, ни даже предупреждены. На деле радиационные дозиметры, розданные для нужд системы гражданской обороны, были отобраны, чтобы лишить жителей возможности обнаружить повышение радиационных уровней.

Многие называют 1989 год поворотным пунктом в своем отношении к существующему строю. Большинство людей в общих чертах имели представление о серьезных нарушениях в прошлом, но конкретные свидетельства, увидевшие свет в тот год, вызвали ненависть к режиму по всей стране.

После того, как Украина провозгласила независимость, я спросил президента Леонида Кравчука, когда он перешел от веры в коммунизм к убеждению, что Украина должна стать независимой. Он ответил: «В 1989-м». А затем пояснил, что в общем зная о нарушениях и даже преступлениях в прошлом, он до того года не видел никаких конкретных доказательств. То, что Кравчук увидел и о чем узнал в 1989 году, убедило его: только независимость сможет спасти его страну от подобных ужасов в будущем.

В одном из своих суждений Егор Лигачев был совершенно прав. Кампания в средствах массовой информации, выставлявшая

напоказ темные стороны советской истории наряду с существующими в стране неурядицами, подрывала самые основы режима.

Российские выборы

Мартовские 1990 года выборы народных депутатов на Российский Съезд привели к созданию резко разделенного органа, где сторонники Ельцина оказались в меньшинстве.

Тем не менее в Москве, Ленинграде, Свердловске и ряде других крупных городов демократические реформаторы действовали исключительно хорошо, завоевав в этих городах большинство мест на Российском Съезде. На обширных же просторах России картина, однако, была иной. Хотя большинство «демократов» были непрочно связаны с движением «Демократическая Россия», у них не было развитой общенациональной организации и во многих избирательных округах они не могли даже выставить кандидатов. Из этих районов местные организации Коммунистической партии, взяв верх просто из-за отсутствия противников, направили на Съезд аппаратчиков и директоров государственных предприятий. Хотя партия уже не обладала законной монополией, она по-прежнему держала в своих руках рычаги власти на большей части территории страны.

До того, как Российский Съезд собрался в мае, я – как и другие наблюдатели – не мог предположить, каким окажется соотношение сил различных политических направлений. Партий, групп, коалиций было в изобилии, и союзы, заключавшиеся в одну неделю, распадались в следующую. Многие из вновь избранных депутатов были фигурами неведомых политических качеств, их взгляды предугадать было невозможно, но нам было достаточно известно о них, чтобы считать, что на сей раз реформаторы представлены лучше, чем на Съезде СССР, «избранном» в предыдущем году. Сторонники «Демократической России» составили меньшинство, но весьма значительное. Похоже, было сомнительно, что машина Коммунистической партии сумеет так же управлять этим собранием, как и Съездом СССР.

Сразу после открытия Российского Съезда я пригласил двоих новых депутатов на обед: Леонида Волкова, политолога, помогавшего основать Российскую социал-демократическую партию и представлявшего один из московских округов, и Валерия Киселева, бывшего шахтера из Кузбасса в Сибири. Оба были членами объединения «Демократическая Россия», но их подход к экономической реформе был различен: Волков понимал, что реформа повлечет за собой болезненную перестройку, а Киселев отчаянно противился любым мерам, способным

увеличить безработицу или вызвать скоротечную инфляцию. Впрочем, они были согласны в том, что касалось политической направленности Съезда: Демократическая Россия, считали они, обеспечит себе не больше 40 процентов голосов. Для того, чтобы политика движения восторжествовала, потребуется привлечь значительное число депутатов из более либерального крыла группы Коммунистической партии.

Я спросил, каковы шансы Ельцина стать председателем Российского Верховного Совета, и они ответили, что это возможно, но далеко не однозначно. У кандидата КПСС, Александра Власова, впрочем, шансов быть избранным еще меньше, чем у Ельцина, поскольку он считается слишком пассивным, чтобы осуществлять действенное руководство. Блеклая речь, произнесенная им при открытии Съезда, усугубила впечатление слабости. Хотя демократы извлекли уроки из своих прошлых разногласий и окажут твердую поддержку Ельцину, тот, полагали мои гости, сможет победить, если получит 10–20 процентов голосов депутатов-коммунистов. В противном случае председательское место вполне может достаться темной лошадке среди претендентов, каковым был Вадим Бакатин, министр внутренних дел СССР.

* * *

Выборы председателя, проходившие на следующей неделе, подтвердили первое из этих предсказаний. Несмотря на сильную поддержку Горбачева Власов не был избран в первом туре, где голосование шло по семи кандидатурам. Ельцин его обошел, тем не менее набрал далеко не большинство голосов. Во втором туре Власов и еще три депутата сняли свои кандидатуры, и основным соперником Ельцина стал консервативный партийный босс Иван Полозков, уже заявивший о себе как о противнике реформ. Ельцин снова одержал верх, но и на этот раз ему не хватило голосов – двадцати восьми. В то же время сторонники жесткой линии показали свою силу: Полозков получил почти столько же голосов, сколько и Ельцин.

Отправляясь из Москвы на саммит в Вашингтон, я считал, что Ельцин, вероятно, взял все голоса, какие мог, и что это открывало дорогу какому-нибудь новому кандидату, такому, как Бакатин. Однако Полозков выбыл из третьего тура, а Власов вновь бросил свой жребий в круг. Верная оценка впечатляющих результатов Полозкова и убежденность в том, что Власов для такого поста не годится, побудили немалое число центристов отдать голоса

Ельцину, что и позволило ему вырвать победу: он набрал всего на четыре голоса больше при свыше тысячи голосовавших.

Победа знаменательная, но хлипкая. Депутаты, отдавшие ему свои голоса, не составляли цельной группы, и Ельцин тут же заявил, что он не войдет ни в какую партию или фракцию, а станет представлять народ РСФСР в целом. Тем самым он отказался от всякой попытки установить контроль над только что созданной российской Коммунистической партией или образовать собственную партию. Тогда это решение выглядело тактически мудрым, однако оно создало прецедент, который впоследствии подорвет способность Ельцина эффективно взаимодействовать со своими законодателями.

Особо сильные сомнения вызывало то, что ему удастся собрать на Российском Съезде две трети голосов, чтобы внести изменения в Конституцию касательно введения президентства и прямых президентских выборов. Ельцин и его сторонники уже стали говорить о необходимости президентской системы в России, и было совершенно ясно, зачем они это делали.

Скорее всего на прямых президентских выборах Ельцин, представься такая возможность, победил бы с подавляющим преимуществом и тем поставил бы в неловкое положение Горбачева, который не решился выйти к избирателям при учреждении президентства СССР. Но летом и осенью 1990 года у Ельцина просто не было голосов на Съезде народных депутатов РСФСР для утверждения президентской системы правления.

Тем не менее, он напрямую противостоял Горбачеву на Российском Съезде и победил. Власть и авторитет Ельцина росли, а вот у Горбачева стали падать.

Суверенная Россия

Недели через две после избрания Ельцина председателем Российского Верховного Совета, этот орган власти провозгласил Российскую Социалистическую Федеративную Советскую Республику суверенной. Она не первой из пятнадцати советских республик сделала это: первыми были три прибалтийские республики и Азербайджан, – зато в политическом плане ее решение имело самое большое значение. Сделанное Россией вызвало цепь таких же решений в других республиках, и еще до конца года все пятнадцать приняли декларации о «суверенитете».

Более ранние декларации прибалтийских парламентов явно были шагом по пути выхода из Советского Союза. В случае же с Россией и большинством других республик данная процедура имела двойственный смысл. В строго законном плане, провозглашение суверенитета являлось излишним: Конституция СССР уже определяла союзные республики как «суверенные». Ее положение гласило: «Союзная республика – суверенное советское социалистическое государство, которое объединилось с другими союзными республиками в Союз Советских Социалистических Республик».

С развитием советской власти суверенность, закрепленная в Конституции, оказалась такой же иллюзорной, как и право на выход. Объявив о суверенитете или о восстановлении суверенитета, различные республики тем самым заявили о своем праве пересмотреть Союзный Договор на своих собственных, а не московских, условиях. Горбачев обещал создать «подлинную федерацию» на добровольной основе, но к лету 1990 года стало ясно, что переговорный процесс представлялся ему как ведущийся между центром и различными республиками, причем во всем, что касалось раздела власти, последнее слово было за центром. Все большее число руководителей республик считали, что выйдет у него наоборот: они стали соглашаться с Ельцинской логикой, по которой различные республики как суверенные образования должны между собой решить, какого рода союз им требуется, а потом навязать свою волю центру.

Горбачев, разумеется, не мог оспаривать принцип суверенитета союзных республик. Обращаясь к Съезду народных депутатов РСФСР 23 мая 1990 года, он похвалил их за постановку этого вопроса и объявил о своей полной поддержке «стремления укрепить суверенитет РСФСР». Затем он перечислил меры, которые считал желательными, такие, как укрепление власти избираемых органов (советов) на всех уровнях, предоставление

хозяйственных ресурсов в распоряжение республик и улучшение культурной жизни различных национальных групп. Ни одна из Горбачевских рекомендаций не была нацелена на укрепление автономии республики.

Этого он, разумеется, не допускал, хотя и утверждал, что различие между его и Ельцинской концепциями суверенитета кроется в отношении к социализму. Ельцин, доказывал Горбачев, стоял за то, чтобы отбросить социализм и даже советскую власть, и он указывал на то, что Ельцин предложил сменить название РСФСР на просто «Российскую Республику», выбросив из него сразу и «Социалистическая» и «Советская». Такое понимание суверенитета, подытоживал Горбачев, может привести только к краху Союза.

Это замечание, несомненно, рассматривавшееся в качестве неотразимого аргумента против предложения Ельцина, не было столь пророческим, каким казалось. Отказ от «социализма» и советской формы правления не приводил автоматически к краху Советского Союза. Не пройдет и года, как Горбачев сам предложит переименовать СССР в Союз Суверенных Государств, опустив оба определения, которые всего год назад считал столь необходимыми.

* * *

Избрание Бориса Ельцина председателем парламента РСФСР в сочетании с принятием поддержанной им декларации о суверенитете преобразило его политическую дуэль с Горбачевым. Он был уже не просто председателем какой-то относительно малозначимой законодательной комиссии в Верховном Совете СССР или мнимым лидером некоей оппозиции, все еще хилой и лишенной организации, а руководителем крупнейшей в СССР союзной республики. Прежде Ельцин стремился заставить Горбачева вернуть его в советское руководство и прислушаться к его советам. Теперь же у него была своя, не зависимая от Горбачева, основа власти. Сумей Ельцин взять под контроль свой собственный разобщенный законодательный орган, сумей сойтись ради общего дела с руководителями других республик, и он вынудил бы Горбачева поделиться большей частью своей власти, и – в случае неудачи – поставить под вопрос существование самого Союза. Политическая игра между ними приобрела куда больший, чем прежде, характер перетяжки каната, хотя Горбачев, похоже, относился к ней так еще с 1987 года.

Возможность добраться до Горбачева путем разрушения

Союза в 1990 году была еще не очевидной. На деле, Ельцин неоднократно – и, верю, искренне – утверждал, что Россия не должна понуждать союз к развалу. Того же мнения придерживались и большинство его сторонников. Они рассматривали победу Ельцина и российскую декларацию о суверенитете как средство подтолкнуть Горбачева к дальнейшей децентрализации процесса принятия хозяйственных решений и к экономической реформе в сотрудничестве с Ельциным.

Реформаторы, бывшие членами Межрегиональной группы на Съезде народных депутатов СССР и Демократической России на вновь избранном Съезде РСФСР, полагали, что прежде всего им необходимо способствовать сотрудничеству между Горбачевым и Ельциным. Их обеспокоенность возросла, когда Горбачев, похоже, обратился против реформаторов в партии, когда он подверг нападкам ad hominem критиков своего предложения о президентстве и одобрил циркуляр Центрального Комитета, призвавший их выйти из партии. Кое с кем из реформаторов я виделся почти ежедневно, и едва ли не в каждом разговоре не обходилось без ссылок на необходимость политического воссоединения Горбачева с Ельциным.

На деле, в обычных разговорах в Москве политика стала занимать такое же главенствующее положение, какое издавна занимала в Вашингтоне. Это особенно сильно поразило меня, когда в апреле я оказался за праздничным ужином на свадьбе Виктора и Оксаны Ярошенко. Член Межрегиональной группы депутатов, Виктор был избран на Съезд народных депутатов СССР от Московского округа, в котором находилось наше посольство, и мы шутливо называли его «нашим конгрессменом». Ельцин на свадьбе был шафером и сделался душой общества, перетанцевав со всеми дамами и беспрерывно предлагая поднять бокалы за новобрачных.

Впрочем, в промежутках между тостами разговоры неизменно переходили на серьезные темы. Гости со стороны Оксаны были сотрудниками музеев Кремля, где она работала, у Виктора же приятелями были политики. Несмотря на то, что «Демократическая Россия», к которой все они себя причисляли, вышла из мартовских выборов политической силой, уступавшей только Коммунистической партии, на душе у многих было смутно. Страна, похоже, разваливалась на куски, и соперничество между Горбачевым и Ельциным, если его не остановить, могло вылиться в хаос или гражданскую войну. Почти каждый гость говорил мне о необходимости отыскать способ, как склонить эту пару к сотрудничеству.

Генрих Игитян, депутат СССР, директор музея современного

искусства в Ереване, бывший на свадебном пиру тамадой, высказывался еще определенней. «Мы должны спасти Горбачева и спасти Литву, – кричал он мне в ухо сквозь гром музыки. – Те, кто заставит Литву остаться в Советском Союзе, вышвырнут Горбачева при первой возможности. Только союз с Ельциным может спасти его – и Литву». Трагедия, по мнению Игитяна и других присутствовавших на свадьбе политиков, состояла в том, что Горбачев этого еще не понимал.

Горбачев в осаде

Несмотря на то, что экономика СССР ветшала, этническая напряженность росла, а разгул преступности вырастал в проблему, в конце лета 1990 года многие советские интеллектуалы сохраняли редкое и необычно оптимистическое настроение. Горбачев, было похоже, отразил нападки ретроградов-партийцев и завершил расчистку площадки для великого торга с союзными республиками, «том числе и с ельцинской Россией.

Впрочем, время прекраснодушных ожиданий оказалось кратким. Стали множиться слухи, будто предстоит заговор с переворотом и Горбачева уберут. Всегда неопределенные насчет того, кто собирается сместить президента, сплетни утверждали, что заговорщики из консервативных деятелей Коммунистической партии, а также военных и офицеров милиции скорее всего воспользуются политическим разбродом в стране и растущей в народе неприязнью к Горбачеву. Кое-кто из циников подозревал самого Горбачева в потакании этим слухам с целью оправдать дополнительные властные полномочия для президента.

Вначале Горбачев попробовал расширить свою власть, получив от Верховного Совета право издавать указы по экономическим вопросам и создавать структуры для «ускорения формирования всесоюзного рынка». Предложение вызвало ожесточенные споры в Верховном Совете, но тем не менее было одобрено. Некоторые реформаторы, такие, как московский мэр Гавриил Попов, поддержали предложение на том основании, что для навязывания реформы силой противящемуся чиновничеству и аппаратной верхушке Коммунистической партии потребуется наделенная большими полномочиями исполнительная власть. Однако, несмотря на формальное увеличение своей власти, Горбачев, похоже, все менее оказывался способен действовать решительно.

Осенью, похоже, не получалось ничего. Даже парад на Красной площади в День Революции 7 ноября, традиционно служивший поводом выставить напоказ советскую военную мощь, был омрачен попыткой покушения на Горбачева, стоявшего на трибуне. Стражи порядка из службы безопасности сбили на землю какого-то мужчину из Ленинграда в тот момент, когда тот целился из обреза в президента. Два выстрела, предназначавшиеся Горбачеву, грохнули бесцельно, и пули, не причинив никакого вреда, ушли в белый свет. Хотя никто не пострадал и парад как ни в чем ни бывало продолжался,

происшествие до крайности перепугало весь город. Оно, похоже, подтвердило опасения жителей, что насилие выбивается из-под стражи, и это, возможно, побудило Горбачева предпринять ряд мер, о которых он вслед за тем объявил.

Через несколько дней после происшествия на Красной площади Горбачев собрал на встречу более тысячи военных офицеров, ставших депутатами различных выборных органов. Встреча для Горбачева оказалась ужасной. Офицеры не скрывали своего возмущения болезненными явлениями в стране, ответственность за которые они возлагали на Горбачева, и открыто заявляли о своем разочаровании в его руководстве. Эта встреча, несомненно, усилила горбачевские страхи, что военные поддержат заговор с целью его смещения.

* * *

Три дня спустя, еще не оправившись от перепалки с офицерами, Горбачев выступил с пространным докладом на Съезде народных депутатов и был встречен с изрядной долей скептицизма и враждебности. Это стало кульминацией в череде разочарований, убедившей его, наконец, избрать более жесткую линию. Вернувшись в кабинет, Горбачев немедленно созвал Политбюро и прочих советников, в основном, от партии. Вместе с ними он решил ввести в действие планы, разработанные на тот случай, если потребуется укрепить власть президента и подчинить правительство непосредственно ему.

На следующий день, вернувшись в парламентскую палату, Горбачев предложил тщательно продуманную реорганизацию своего президентства. Депутаты отнеслись к его предложению с большим интересом, чем к прочувствованному посланию «о положении в Союзе», выслушанному днем раньше. Хотя перемены больше отдавали перечерчиванием организационных схем, чем новой радикальной политикой, Горбачев все же признал необходимость *хоть что-то* предпринять. Законодателей мучили сомнения, но, обсудив предложение, они осознали, что его туманные формулировки позволят Горбачеву окончательно утвердить новые структуры, не спрашивая их, депутатов, совета.

Но даже в этом случае большинство реформаторов с готовностью поддержали бы предложение наделить президента большими полномочиями, если бы тот пустил их в ход для рывка к одобряемым ими переменам. Группа видных «демократов» подписала открытое письмо, в котором призвала Горбачева принять ряд трудных решений или уйти в отставку. Они

потребовали предоставить республикам подлинный суверенитет, раздать землю фермерам, освободить армию и местные органы власти от прямой опеки Коммунистической партии, создать новый, реформистски настроенный кабинет и наладить деловое сотрудничество с Ельциным.

Вместо того, чтобы поддержать эти, многим из нас казавшиеся здравыми, идеи, Горбачев воспринял обращение как акт предательства и еще больше настроился против реформаторов-интеллектуалов, которых сам некогда пестовал. На деле ему с громадным трудом пришлось бы добиваться от Верховного Совета одобрения такого рода политики, но депутатам-политикам до того хотелось, чтобы все видели, как они что-то предпринимают, что крепкий толчок Горбачева мог бы подействовать на них убеждающе.

На самом деле Верховный Совет поначалу отверг предложение Горбачева как чересчур неясное и смягчился только после согласия президента обсуждать его по пунктам. Получив такое уверение, палата приняла план «за основу» с тем, чтобы через две недели Горбачев представил более подробный документ. Премьер-министр Рыжков открыто против предложений не выступал, но довел до сведения, что с ним предварительно никто не советовался и что он неприятно поражен намерением преобразовать Совет Министров в Президентский кабинет.

Наконец, в декабре Горбачев добился от законодателей почти всего, чего хотел: были приняты конституционные поправки, позволявшие создать пост вице-президента и другие органы, предлагавшиеся Горбачевым.

* * *

Впрочем, все эти законодательные маневры прошли мимо внимания общественности – не то что год назад. Большинство населения, тех, кто ежедневно тратил все больше и больше часов своего рабочего времени на стояние в очередях, главным образом занимала нехватка продуктов и промтоваров в магазинах. Люди уловили и то, что власти начали говорить суровым языком. Закон и порядок – вот что стало новым паролем времени. Начиная с ноября, едва ли день проходил без того, чтобы не принимался новый суровый указ, не прозвучала грозная речь или очередной крупный начальник не был заменен на политика, бывшего сторонником строгих мер.

В середине ноября Горбачев заменил Михаила Ненашева,

привнесшего некоторую независимость на радио и телевидение и собиравшегося создать четыре независимых канала, на пропагандистского наемника Леонида Кравченко – шаг, явно нацеленный на ужесточение контроля за электронными средствами массовой информации.

Множились угрозы в адрес Литвы и других прибалтийских государств. Поскольку три прибалтийских правительства продолжали отстаивать свою суверенность, принимать и претворять в жизнь законы, наращивать свой управленческий аппарат, Горбачев усилил косвенные угрозы прибегнуть к силе. После издания указа о «защите имущества общественных и коллективных организаций» он распорядился ввести дополнительные войска в Литву, Латвию и Эстонию.

27 ноября по телевидению выступил министр обороны Язов и предупредил, что для предотвращения действий, чинящих препятствия работе воинских учреждений и личного состава, будет применена сила. На следующий день прозвучало необычное сообщение: Политбюро потребовало от Горбачева «борьбы с нарушениями прав человека в отношении советских граждан» в Литве. 1 декабря Горбачев издал указ, объявивший не имеющими силы все законодательные акты союзных республик об обороне. Прибалтийские правительства приступили к созданию собственных оборонных структур, а этот декрет давал возможность пресечь их намерения, пустив в ход силу. В тот же день Горбачев поразил общественность, назначив Бориса Пуго, сторонника жестких мер, министром внутренних дел вместо Вадима Бакатина.

Со времени своего назначения в 1988 году главой МВД СССР Бакатин приобрел репутацию первого в советской (и, возможно, российской) истории шефа полиции, хоть несколько понимавшего, что значит власть и верховенство закона. В 1989–1990 годах ему часто приходилось вступать в схватки с председателем КГБ Крючковым по поводу политики в отношении уличных демонстраций: Бакатин стоял на том, что их, пока они носят мирный характер, следовало разрешать, Крючков же настаивал, что большинство демонстраций следовало запрещать. Бакатин противился призывам ввести прямое президентское правление в республиках, где активно действовали националистические движения. Он, невзирая на сопротивление Крючкова, подготовил соглашения с прибалтийскими правительствами, позволявшие местным властям осуществлять больший контроль за полицейскими силами. Вызвал Бакатин неудовольствие и своего босса, премьер-министра Рыжкова, тем, что во время официального заседания Президентского Совета

упрекал его в неприятии шаталинской программы. К осени образовалась широкая коалиции «консерваторов», потребовавших от Горбачева отставки Бакатина: премьер-министр, глава КГБ, остатки компартий в Прибалтике, руководители партийных организаций Украины и Белоруссии, а также громогласная часть Верховного Совета СССР, стоявшая за сохранение Союза любыми средствами.

Хотя Бакатин останется членом Президентского Совета и впоследствии будет введен в состав нового Совета Безопасности СССР, его удаление из МВД застопорило все практические усилия по установлению власти закона в правоохранительных органах. Он был единственным среди высшего руководства, имевшим в своем распоряжении один из трех «институтов принуждения» (двумя другими являлись КГБ и армия), кто всей душой поддерживал становление гражданского общества и уважение к власти закона. Замена его человеком, которому, как было известно, гораздо привычнее и удобнее было действовать по старинке, воспринималась как зловещий знак.

Борис Пуго, со своей стороны, зря времени не терял и оправдал опасения общественности по поводу занимаемой им позиции. 5 декабря он выступил с жесткой речью и предупредил, что уполномочен Горбачевым «обеспечить полное применение Конституции СССР» по всей стране. На следующий день Горбачев, выступая на совещании промышленных руководителей, предупредил, что наготове имеются «строгие, непопулярные меры». 11 декабря выступил Крючков, он предупредил, что стране угрожает распад, и уверял, что «иностранные разведывательные организации» работают на «дестабилизацию» Советского Союза.

Шеварднадзе бьет в набат

На 20 декабря 1990 года был назначен доклад министра иностранных дел СССР Четвертому Съезду народных депутатов. И вдруг, поднявшись на трибуну, Шеварднадзе торжественно возвестил, что произнесет, «вероятно, самую короткую и самую трудную из речей» в своей жизни. Он бегло коснулся затронутых – и, по его оценке, оскорбительных и провокационных – вопросов, касавшихся советской политики в отношении Ирака и якобы имевшихся «планов» отправки советских войск к Персидскому заливу. Далее Шеварднадзе пожаловался на отсутствие поддержки в верхах, дав понять, что председатель парламента Лукьянов особенно старается подорвать его позиции. И после этого он бросил свою бомбу:

«Демократы, скажу без околичностей. Товарищи демократы… вы удрали. Реформаторы разбежались по кустам. Идет диктатура – заявляю об этом с полной ответственностью. Никто не знает, что это будет за диктатура, и кто придет, или что это будет за режим.

Хочу сделать следующее заявление: я ухожу в отставку… Пусть это будет мой вклад, если хотите, мой протест против начала диктатуры».

В то утро я находился в «городе науки» Дубне, примерно в двух часах езды от Москвы, и, когда вернулся в Спасо-хауз, чтобы принять гостей к обеду, в дверях меня встретил этой новостью мой новый заместитель, Джеймс Коллинз.

Несмотря на мартовский намек Шеварднадзе, я был поражен. «Он сказал, что *ушел* в отставку или что уйдет?» – спросил я.

«Прозвучало как дело решенное. «Я ухожу в отставку» – точные его слова».

Один из заместителей Шеварднадзе, Александр Белоногов, прибыл на обед, и мы забросали его вопросами. Он заявил, что не имел ни малейшего понятия об отставке до тех пор, пока сам не услышал речь. Я спросил, не считает ли он, что Шеварднадзе могут уговорить передумать. «Нет, если я знаю этого человека, – ответил он. – Он не захочет, чтобы это выглядело эффектной выходкой. Его честь поставлена на кон».

Разумеется. Для всякого, кто действительно знал Шеварднадзе, это был глупый вопрос.

* * *

Многие, впрочем, не очень хорошо знали Шеварднадзе. Когда днем съезд вновь собрался, я был там и слушал, как высокочтимые ораторы, в том числе историк Дмитрий Лихачев и редактор Сергей Залыгин, предлагали не принимать отставки и требовали, чтобы Шеварднадзе продолжал исполнять обязанности министра. Другие подвергли его нападкам. Виктор Алкснис, один из самых открытых противников Шеварднадзе (это он несколько дней назад сказал, что теперь, когда с Бакатиным разделались, пора приниматься за Шеварднадзе), с пеной у рта бормотал что-то неразборчивое, на грани бессвязности. Рой Медведев, который в 60-е и 70-е годы выдавал себя за диссидента, а ныне тяготел к консервативному крылу в Коммунистической партии, снисходительно говорил о сверхчувствительном грузине, неспособном вынести критику. Собравшиеся, однако, ждали, что скажет Горбачев. Во время утренней сессии на лице его ясно виделось удивление и, похоже, гнев. Понадобилось несколько часов, прежде чем ему удалось собраться и высказаться.

Поднимаясь на трибуну, Горбачев выглядел человеком, только-только оправившимся от удара в солнечное сплетение. Больнее всего то, начал Горбачев, что о своем намерении уйти в отставку Шеварднадзе не уведомил его заранее.

И хотя он дважды говорил с Шеварднадзе по телефону после его выступления, так до конца и не понял, чем вызвана отставка. Однако, по его мнению, Шеварднадзе полагал, что протестует против попыток «использовать трудности и посеять сомнения в политике перестройки». И все же ему не следовало сдаваться. Следовало бы знать, что продвижение будет сложным и упорным. Горбачеву оставалось лишь осудить решение Шеварднадзе и то, как оно было преподнесено.

Далее Горбачев пустился осмеивать мысль о грядущей диктатуре. Сам он не домогался диктаторской власти, а только тех полномочий, какие необходимы, чтобы вести общество через преобразования. Что же касается других:

«Я как президент сегодня не располагаю никакой информацией, – а информация у меня довольно обширная, – которая подтвердила бы, что кто-то где-то приготовил нам хунту или какую-нибудь другую диктатуру… Нет, подобной информации у меня нет».

Уныние, прерываемое и подчеркиваемое нарочитым ликованием мелких группок сверхпатриотов, повисло над вестибюлями Дворца Съездов, когда депутаты расходились с заседания. Я поравнялся с Александром Яковлевым, шедшим, прихрамывая, к гардеробу. И спросил, каким представляется ему будущее.

«Ничего хорошего из этой охоты за ведьмами не выйдет, – ответил тот. – Помните маккартизм в вашей стране? Он только навредил. Так и у нас здесь сегодня то же самое».

* * *

Хотя Шеварднадзе согласился остаться в министерстве иностранных дел «на несколько дней», пока не будет назначен его преемник, встретиться с ним сразу не удалось. В поисках дальнейших объяснений поступка Шеварднадзе я посетил Сергея Тарасенко, одного из ближайших его помощников. Тарасенко сообщил мне, что в течение года Шеварднадзе не раз всерьез подумывал об отставке. Его решению предшествовала целая серия событий, убедивших его, что советское правительство идет к расширению применения силы, в чем лично он участвовать не желал. Особенно его огорчило, что Горбачев мало чем помог ему, когда военные дали обратный ход некоторым соглашениям о контроле над вооружениями, которые он готовил, а сам Горбачев одобрял. Лукьянов интриговал в Верховном Совете с целью выставить Шеварднадзе в дурном свете, придерживая направленные на ратификацию договоры, а затем представляя их в последнюю минуту депутатам с лживыми обвинениями, будто МИД не сумел внести их вовремя. Он же назначал слушания на такое время, когда Шеварднадзе не было в стране и он не мог ответить на возникавшие вопросы. Тарасенко не верил, что Лукьянов повел бы себя так, если бы Горбачев всецело поддерживал Шеварднадзе.

Тарасенко подтвердил, что Шеварднадзе заранее ни с кем не советовался, за исключением своей жены, детей и своих помощников – Теймураза Степанова и самого Тарасенко. Все они единодушно согласились с тем, что ему следует уйти.

Я спросил Тарасенко, располагал ли Шеварднадзе особой информацией о грозящем путче. О каком-либо конкретном заговоре он не знал, услышал я в ответ, но чувствовал, что есть группировки, намеревавшиеся силой удержать страну в целости и что Горбачев нынешней своей политикой играет им на руку. Горбачев, возможно, считал, что выигрывает время, но в конечном счете его оттеснили бы в сторону те, на кого он опирался. Учитывая эти обстоятельства, Шеварднадзе не мог оставаться в правительстве. Он счел, что лучше послужит стране, сплачивая демократические силы извне.

Уловка с «внешним подстрекателем»

Часто, когда обществу приходится одолевать фундаментальные трудности, демагоги прибегают к ухищрениям, заявляя, будто трудностей этих в действительности нет, а домыслы о них состряпаны злобными чужаками. Следуя этому шаблону, Чебриков время от времени публично выражал недовольство тем, что Соединенные Штаты ведут тайную подрывную деятельность против Советского Союза. Между тем, после того как на смену ему пришел Владимир Крючков, подобные публичные обвинения стали редки. В конце концов, в интересах Горбачева было убедить страну, что его внешняя политика преуспевает в ликвидации трений с Соединенными Штатами.

В 1990 году кое-кто из шумливых ура-патриотов на Съезде народных депутатов, в особенности полковники Виктор Алкснис и Николай Петрушенко, принялись уверять, будто ЦРУ истратило «миллиарды» на расшатывание Восточной Европы и ее отторжение от советской орбиты. Алкснис еще и заявлял, будто располагает доказательствами тайного плана ЦРУ развалить Советский Союз. Немногие обращали на это внимание, понимая, что подобные обвинения не имеют смысла, хотя мелкие группировки сталинистов и крайних шовинистов взялись повторять их и даже утверждать, будто Горбачеву, Яковлеву и Шеварднадзе платит ЦРУ.

С Горбачевским «уходом вправо» КГБ вновь обратился к широковещательным обвинениям западных секретных служб в попытках расчленить Советский Союз. В декабре Крючков выступил с двумя речами, в которых затронул тему подрывной деятельности США. Эти обвинения были возмутительно неуместны: они не только оказались лживыми, но к тому же никак не вязались с советской внешней политикой. Подобные заявления могли лишь подорвать веру в способность Горбачева придерживаться соглашений, им достигнутых.

В конце декабря я попросил о встречах с председателем КГБ Крючковым и с помощником Горбачева по внешнеполитическим вопросам Анатолием Черняевым для обсуждения этой проблемы. У меня не было никаких иллюзий, будто я сумею уговорить Крючкова прекратить лгать, однако я понимал: нельзя позволить советским сановникам пребывать в заблуждении, будто даже самое возмутительное обвинение, если оно не получает немедленного отпора, имеет основание. Более того, я знал, что, по крайней мере, Черняев способен понять, какой ущерб наносят

такие разговоры американо-советским отношениям, и надеялся, что он посоветует Горбачеву призвать Крючкова к порядку.

* * *

Встреча с Крючковым состоялась сразу после Нового года, и 3 января около полудня я сидел напротив него за длинным столом заседаний в просторном кабинете председателя в новом здании КГБ на Кузнецком мосту, прямо через улицу от печально знаменитой Лубянки.

После первых мало значащих фраз я уведомил Крючкова, что мы обеспокоены некоторыми из его высказываний, почему я и решил встретиться с ним. Затем я взял текст одного из его выступлений, опубликованный в «Правде», и процитировал из него выдержки, на которых собирался заострить внимание.

Коснувшись обвинения в том, будто разведывательные службы США ведут тайную деятельность по подрыву СССР, я заявил, что, если его подчиненные утверждают такое, ему следовало бы их уволить, ибо никаких подлинных доказательств, что это так, быть не может. Подобная деятельность противоречила бы нашей нынешней политике, суть которой постараться помочь упорядоченному переходу к демократии и здоровой рыночной экономике.

Крючков вел также речь о сборе экономической информации, называя это опасным шпионажем. В большинстве стран мира, пояснил я, данные о валютных запасах и сводные сведения о полезных ископаемых, топливе и продовольствии имеются в открытом доступе и регулярно публикуются государственными и частными организациями. Если Советский Союз намерен войти полноправным партнером в систему мировой экономики, он должен научиться оглашать такого рода информацию, а не считать сбор ее враждебным актом.

Поскольку Крючков привел как пример операций ЦРУ деятельность радиостанции «Свобода», я указал, что она уже десятки лет не связана с ЦРУ, действует безо всякой секретности и открыто финансируется Конгрессом. Политика этой радиостанции воспрещает использование подстрекательских материалов. Если в радиопередачах допущены ошибки, администрация радиостанции «Свобода» готова пойти на их исправление при условии, что конкретные примеры нарушений этой политики будут доведены до ее сведения.

Высказывание Крючкова о том, будто Советский Союз становится жертвой нечистоплотных иностранных бизнесменов,

не только неточно, сказал я ему, оно еще и затруднит Советскому Союзу осуществление вожделенной политики привлечения иностранных инвестиций. В любой стране известная доля сделок в бизнесе терпит неудачу и их исполнение не всегда совершенно, но для того и существуют коммерческие механизмы, чтобы справляться с этим. Просто нет оснований кивать на какой-либо провалившийся контракт как на свидетельство международного заговора против Советского Союза.

Иностранные дельцы, вероятно, смогут отыскать по крайней мере такое же число контрактов, дурно исполняемых со стороны советских предприятий, однако никто не выдвигает абсурдных обвинений, будто это является намеренными действиями по подрыву западных правительств.

Что же касается заявления Крючкова, будто Соединенные Штаты наладили тайные связи с организациями рабочих, то я указал, что связи, у нас имеющиеся, совершенно открыты и пристойны. Мы не поддерживаем тайных отношений и не пытаемся манипулировать этими движениями, мы стараемся лишь – на правительственном уровне – разобраться в них, а наши профсоюзы – сотрудничать с ними.

Закончил я разбор речей Крючкова общим замечанием: попытка приписать трудности Советского Союза иностранному влиянию во всевозможных проявлениях не только не достигнет цели (поскольку корни этих трудностей уходят в родную почву), но и осложнит их преодоление.

* * *

Крючков слушал меня внимательно. Когда же я умолк, он помолчал, глянул мне прямо в глаза и сказал, что его выступление на Съезде народных депутатов было составлено тщательно и, на самом-то деле, смягчено. И он располагает доказательствами всех своих утверждений. Тем не менее, он понимает, что подрыв Советского Союза не является политикой Соединенных Штатов. Такое было бы не в интересах США. Вместе с тем, когда доходит до деятельности разведывательных организаций, то послам обыкновенно всего не сообщают. «Есть вещи, которыми мы не обременяем наших послов, – сказал Крючков, – и я уверен, что ЦРУ поступает так же».

Я был осведомлен, что советские послы часто жаловались на скудость информации о деятельности КГБ в их странах, и было интересно, что Крючков охотно подтвердил это, да еще с такой откровенностью, будто речь шла о вещах всем известных. Еще

знаменательнее было обнаружить, что он допускает, будто ЦРУ систематически проводит операции, не согласующиеся с политикой США, это больше говорило о КГБ, чем о ЦРУ. Что же касается информированности послов, то, хоть Крючков и имел представление об оперативных порядках США, все же я решил не оставлять без ответа его утверждение.

«Господин Председатель, – заметил я, – ваши порядки мне не известны. Но убежден, что меня информируют обо *всех* операциях правительства США в вашей стране. На деле, ни одна из них не направлена на подрыв Советского Союза».

Крючков оставил эту тему и – едва ли не извиняясь – заметил, что в нынешнее время Советский Союз «легко ранен», а потому в высшей степени чувствителен. Лично он приветствует улучшения в отношениях с Соединенными Штатами и готов к различным видам сотрудничества: в борьбе с распространением наркотиков и терроризмом, к примеру. Тем не менее, известно ему и то, что шпионаж будет продолжаться.

Я заявил, что говорил не о сборе информации, а о тайных политических действиях, подобных тем, какие он описал и какие имел в виду в своих речах.

Прежде чем я ушел, Крючков спросил, что я думаю о положении в стране. Я ответил, что, говоря откровенно, считаю его очень сложным. Многие, положим, жалуются на экономику, и картина там и в самом деле неприглядная, и все же, на мой взгляд, самые взрывоопасные вопросы это те, что связаны с этническими отношениями. Особое беспокойство вызывают потуги различных элементов прибегнуть к силе, потому что насилие породит лишь еще большее насилие и в конечном счете способно привести к взрыву, который поглотит всех. Вот почему мы, американцы, надеемся, что эти проблемы будут решаться без применения силы. Если брать длительную перспективу, то я уверен, что Советский Союз способен сохранить себя как здоровое государство только в том случае, если сумеет доказать своим основным национальностям, что судьба их связана с существованием в рамках Советского Союза. Задача в том, чтобы убедить их. Если делать это, пуская в ход силу, то они не поверят. С другой стороны, если дать им больше власти и позволять самим решать свои проблемы без давления из Центра, сами собой станут проявляться хозяйственные выгоды и преимущества нахождения в составе Советского Союза с точки зрения безопасности, и объединение может быть создано на добровольной основе.

Крючков поблагодарил меня и не стал отвечать на мои доводы. Я прямо спросил, не считает ли он необходимым введение института президентского правления в некоторых

республиках. По его мнению, ответил Крючков, такая необходимость настанет, но, добавил он, введение президентского правления не означает арестов и подавления военными средствами.

* * *

На следующий день я посетил Анатолия Черняева. Просил я об этом неделю назад, но сказали, что он занят (как то, несомненно, и было). Тем не менее, я подозревал подлинную причину в том, что тогда он был не готов говорить об отставке Шеварднадзе. Принял меня Черняев сердечно, как обычно. Всегда спокойный и собранный, даже обсуждая вопросы спорные, Черняев выглядел поразительно свежо и держался свободно, учитывая нервозность и гонку двух минувших недель. Должно быть, успел передохнуть за выходные, решил я.

Прежде всего я спросил, как воспринял отставку Шеварднадзе Горбачев. Черняев ответил, что Горбачев не хотел ухода Шеварднадзе, пытался убедить его остаться или взяться за другую работу, но убедился, что Шеварднадзе твердо решил оставить министерский пост (учитывая присущее ему чувство чести, иного, наделе, ждать и не приходилось), а потому Горбачев смирился с уходом Шеварднадзе. Когда же Шеварднадзе неожиданно объявил о своей отставке, Горбачев очень огорчился, что тот не посвятил его в это заранее. Позже он стал понимать, что Шеварднадзе избегает объяснений с ним, потому что в самом деле хотел уйти и опасался, как бы Горбачев его не отговорил.

В одном, подчеркнул Черняев, можно быть уверенным: никаких перемен в советской внешней политике не произойдет. Отношения с Соединенными Штатами вопрос коренной, и Горбачев это превосходно понимает.

На мой вопрос о положении в стране в целом Черняев ответил, что Горбачев воспринимает его гораздо лучше, чем даже две недели тому назад. Положение, похоже, выравнивается, а бюджетный кризис, похоже, преодолен. (Соглашение с Россией, действительно, было заключено на следующей неделе.)

Обращаясь к недавнему захвату здания государственной типографии Госиздата в Риге войсками МВД, Черняев назвал это «провокацией» и заявил, что, по его убеждению, Горбачев на нее не поддастся. Мне было непонятно, как можно было хоть как-то сомневаться в том, кто распорядился провести акцию: командовал этими войсками министр внутренних дел Пуго, который, должно быть, пристально следил за событиями в

Латвии, поскольку сам был латышом, к тому же работал там партийным секретарем и шефом КГБ.

Вспомнив слова Крючкова, сказанные днем раньше, что в некоторых местах, возможно, потребуется президентское правление, я спросил, согласен ли Черняев с этим. Он ответил, что оно будет введено только особым юридическим порядком там, где возникнет угроза жизни людей. Но даже в таком случае это не будет означать подавления военными или полицейскими средствами, а больше будет походить на миссию Аркадия Вольского в Нагорном Карабахе в 1988 году. Не будет ни арестов, ни военного положения, ни разгона законодательных органов, хотя деятельность последних, возможно, будет временно приостановлена.

Это объяснение меня мало успокоило. Любая попытка «приостановить» деятельность парламентов в прибалтийских государствах, без сомнения, приведет к массовым демонстрациям, и, если они станут упорствовать, неизбежно последуют и аресты, и военное положение, и кровопролитные столкновения. Вполне хватало беспокойства, вызванного словами Крючкова о том, что он считает необходимым президентское правление «в некоторых местах», но тот хотя бы своих взглядов не скрывал. Услышав же от Черняева о его согласии с тем, что президентское правление, вероятно, понадобится, я пришел к выводу, что Горбачев, должно быть, рассматривает этот вопрос очень серьезно.

* * *

Прежде чем покинуть кабинет Черняева, я выразил надежду, что президент Горбачев ни в грош не ставит беспочвенные обвинения людей вроде Алксниса относительно происков ЦРУ. (На самом деле мне было любопытно, не получает ли Горбачев подобные же сведения прямо из КГБ, но напрямую спрашивать об этом было нетактично.)

Вам не о чем беспокоиться, ответил Черняев. Среди правых есть люди разумные, но Алкснис совершенно потерял голову, и Горбачев на исступленные крики не обращает внимания. Горбачеву хорошо известно, что президент Буш его поддерживает и не желает его падения. Он также предупредил меня не судить по Алкснису ни об армии, ни даже о ее полковниках. Большинство из них настроены по-другому, заявил Черняев.

Я понимал, что Алкснис это нетипичный экстремист, однако подозревал, что куда больше представителей советского офицерского корпуса разделяют его умонастроения, чем нам –

или Горбачеву – хотелось бы верить.

Я сказал Черняеву, что с облегчением воспринял его уверения в неизменности внешней политики, и отметил его мнение, что положение внутри страны выравнивается. Однако при всем притом, с середины ноября тональность внутренней политики изменилась. Горбачев действительно не сменил курс?

Черняев рьяно отрицал, что имела место какая-то фундаментальная перемена. Толкующие о «поражении» наших «демократов» ошибаются, сказал он. Они не потерпели поражения, считал он, а просто становятся более практичными, набираясь опыта. Попов и Собчак, к примеру, сотрудничают гораздо продуктивнее, чем прежде.

Пока Тамара Александрова, жизнерадостная помощница Черняева, провожала меня к выходу из здания Центрального Комитета, я думал, что сказанное Черняевым о советской внешней политике выглядит точным, а вот для утверждения об улучшении положения внутри страны оснований меньше. Я не представлял, как можно отрицать, что политика Горбачева сместилась к более жесткой линии, замечания же Черняева о «демократах» выглядели не более чем благим пожеланием.

Тогда мне не было известно то, о чем я узнал только из мемуаров Черняева, опубликованных им в 1993 году: он пытался убедить Горбачева назначить Анатолия Собчака премьер-министром. Если бы Горбачев сделал это и поддержал приход Собчака к руководству, то реформаторы могли бы вновь оказаться в его команде – и заняться созидательной работой.

Нелепое назначение

В разгар споров на Четвертом Съезде народных депутатов у премьер-министра Рыжкова случился сердечный приступ, и 25 декабря он попал в больницу. Весь год он подвергался непрестанным нападкам, а требования его отставки звучали все громче и визгливей. Новость меня опечалила. Николай Иванович мне нравился, я ценил его мужество и цельность. При всем при том я знал, что он не смог понять наиболее насущные потребности страны, вследствие чего сам стал препятствием на пути необходимых структурных перемен. Если Советскому Союзу стоило сохранить наряду с президентом и премьер-министра, то на эту роль требовался человек, способный увидеть главную задачу в перераспределении экономической власти от Центра к предприятиям, местностям и республикам. Рыжков показал, что он таким человеком не был.

Болезнь Рыжкова развязала Горбачеву руки. Хотя трения между ними учащались, Горбачев гнал от себя мысль об отставке Рыжкова и окончательном разрыве еще с одним из членов своей первоначальной команды. Теперь же он мог назначать премьер-министра по своему выбору. Многие ожидали, что, воспользовавшись случаем, он реорганизует Совет Министров, превратив его в некое подобие американского Президентского кабинета, куда входили бы десятка два министров вместо шестидесяти с лишним. Передача функций хозяйственных министерств в республики отвечала бы основному требованию республиканских руководителей и тем способствовала бы соглашению по Союзному Договору.

Три недели потратил Горбачев, подбирая преемника Рыжкову, и когда 14 января, на следующий день после кровопролития в Вильнюсе, он объявил, что остановил свой выбор на Валентине Павлове, это сообщение было едва замечено в обстановке возбуждения, вызванного допущенным насилием. На деле Павлов казался невероятной кандидатурой на пост премьера. Сведения о намерении Горбачева назначить его просочились на несколько дней раньше, но многие отказывались верить им. Даже ближайшие сотрудники Горбачева испытывали затруднения при объяснении того, какие заслуги делали Павлова пригодным для этой работы.

* * *

Я познакомился с ним годом раньше, когда посетил его по поводу организации его визита в Соединенные Штаты. Тогда он поразил меня как человек беспорядочный и не совсем серьезный. Более того, в его поведении ощущалась некоторая доля высокомерия. Мы пытались установить дату его прибытия в Соединенные Штаты вместе с Виктором Геращенко, председателем Государственного Банка СССР. Я уже обсудил даты с Геращенко, который сказал, что в один из предложенных дней отправиться не сможет. Когда я упомянул об этом Павлову, он снял телефонную трубку, позвонил Геращенко и в моем присутствии приказал ему изменить свое расписание и отправиться в тот день, который тот попытался отклонить. Единственной причиной такого поступка явилось, похоже, желание Павлова продемонстрировать мне свою власть над председателем Госбанка.

Порой его замечания были настолько странными, что я сомневался: уж не шутит ли он, однако последующие события подтверждали, что говорил он серьезно. К примеру, 11 января, всего через три дня после назначения премьер-министром, обедая в Спасо-Хауз, Павлов насмехался над представлением, будто «избыточная рублевая масса» представляет собой проблему, и определял ее в «какие-нибудь» 25 миллиардов рублей. Большинство знакомых мне экономистов указывали на цифру в 100 миллиардов и больше. Поскольку чрезмерное использование печатного станка пришлось на время, когда министром финансов был он, объяснить его оправдательный подход было можно, зато его попытка отрицать наличие проблемы, опираясь на ложную цифру, не смогла бы убедить хоть мало-мальски информированных людей. Она лишь выставляла Павлова в глупом свете.

Когда кто-то упомянул про курс обмена рубля на черном рынке, Павлов обратился ко мне и сказал: «Может, вас это и удивит, но эту цену я установил». Это заявление настолько поразило меня, что я, не поверив своим ушам, попросил его повторить сказанное. Он с готовностью повторил свои слова и объяснил вдобавок, что продажа долларов на черном рынке это хороший способ откачать рубли у спекулянтов, поскольку можно получить рублей 40 за доллар. Официальный курс в то время составлял 5,6 рубля за доллар.

При всеобщем неверии в способность Павлова толково справиться с нарастающим кризисом никакого организованного противодействия его назначению не было. Верховный Совет одобрил его назначение подавляющим большинством голосов.

Большинство наблюдателей (включая меня) были также

удивлены, когда через несколько недель было объявлено о новом «Президентском кабинете». Мы ожидали, что теперь, уже получив на то власть и не имея больше нужды щадить чувства Рыжкова, Горбачев урежет в размерах центральную бюрократию, сократив число хозяйственных министерств. Казалось, настало удобное время для перевода механизма принятия хозяйственных решений в республики.

Этого, однако, не произошло. Когда список министерств и государственных комитетов в новом Кабинете был опубликован, сложилось впечатление, будто число министерств возросло, а не сократилось. Это могло лишь вызвать ярость у республиканских руководителей, которые громко требовали большей хозяйственной автономии, не раз обещанной им Горбачевым.

В марте Горбачев наконец объявил состав Совета Безопасности, который пришел на смену ныне бездействовавшему Президентскому Совету. Некоторые становились членами СБ практически ex ofifcio: вице-президент, премьер-министр, министры обороны, внутренних дел и иностранных дел, председатель КГБ. К этим очевидным кандидатурам Горбачев добавил три имени для ровного счета: Евгения Примакова, Вадима Бакатина и Валерия Болдина, руководителя своего аппарата.

При голосовании за этот список Верховный Совет одобрил всех, кроме Болдина и Примакова. Горбачев настоял на повторном голосовании, и Примаков проскользнул. Между тем для получения большинства голосов в пользу Болдина потребовалась третья попытка. Я спросил нескольких депутатов Верховного Совета, почему законодатели дважды отвергли Болдина, по слухам, очень близкого к Горбачеву человека. Все сошлись на том, что Болдину не доверяли, потому что считалось, что он снабжает Горбачева отобранной информацией. Как выразился один депутат: «Он смутьян, всегда подсовывает Горбачеву всякую чепуху, вызывая в том подозрения. Понять не можем, почему Горбачев за него держится».

Оппозиция заостряет критику

С упадком веры в приверженность Горбачева реформам реформаторы переходили на все более заметную антигорбачевскую позицию. Расчеты, имевшиеся в августе и в сентябре, что Горбачев воспользуется своей новой властью для проведения экономических реформ, канули в небытие, когда он связал себя с силами подавления. Многим казалось, что «диктатура», о которой говорил Шеварднадзе, возможно, есть диктатура самого Горбачева.

В те январские выходные, когда вокруг вильнюсского телекомплекса лилась кровь, в Москве заседал под председательством Юрия Афанасьева и Гавриила Попова Совет представителей Демократической России. То был второй этап заседания, проводившегося 8–9 декабря, и он наглядно свидетельствовал о растущем разочаровании в Горбачеве и о быстром укреплении организованной оппозиции.

По данным Демократической России, в организации насчитывалось 300–400 тысяч активных членов. Ее отделения на местах, как утверждалось, в сорока городах издавали около пятисот газет общим тиражом в полмиллиона экземпляров.

(Если эти данные верны, то многие из этих газет должны были иметь совсем крошечный тираж, поскольку в среднем на издание выходило по тысяче экземпляров.) Впрочем, неофициальной общенациональной газете организации Демократической России приписывался тираж в полтора миллиона.

В ходе заседания Попов заявил, что надежды на создание «коалиции центр-левые» с Горбачевым ныне похоронены и, стало быть, от демократов требуется стать в оппозицию нынешнему правительству и наладить массовую партийную организацию. Еще в октябре Попов оптимистически смотрел на то, что сам называл коалицией «центр-левые», имея в виду союз между Горбачевым и Ельциным. (В тот момент реформаторы обычно назывались «левыми», а твердые коммунисты «правыми». Поскольку имела место подмена ярлыков, используемых не в том значении, как то принято на Западе (где коммунистов обычно считают представителями крайне левых), я обычно старался избегать их употребления, за исключением прямых цитат из советских источников, а также описания отказа Горбачева от реформаторов-интеллектуалов осенью 1990 года.)

На заседании был принят ряд резолюций, призывавших к передаче власти от центрального правительства,

контролировавшегося Горбачевым, правительству РСФСР и другим союзным республикам. Внутри РСФСР одобрялась скорая и радикальная реформа, в том числе передача земли частным владельцам, распределение государственной собственности между гражданами и новая конституция РСФСР, предусматривающая избираемого президента. Участники одобрили также ведение переговоров о заключении договоров между республиками и призвали создать структуру для политического сотрудничества с демократическими группами в других союзных республиках.

В дополнение Совет представителей осудил применение силы в прибалтийских государствах и предупредил о надвигающейся диктатуре самых реакционных сил, к каковым отнесли номенклатуру Коммунистической партии, элиту армии и КГБ и заправил военно-промышленного комплекса, под руководством «инициатора перестройки, действующего как диктатор».

Ссылка на Горбачева была наиболее радикальным его осуждением со стороны этой группировки, всего шесть месяцев назад считавшей его союзником.

На следующей неделе два самых видных экономиста в бывшем Горбачевском Президентском Совете открыто объявили, что расстаются с ним. Станислав Шаталин заявил, что отныне не считает себя членом горбачевской команды. Николай Петраков, второй экономист и член Совета, безжалостно исхлестал Горбачева в открытом письме.

Такими заявлениями большинство из делавших их извещали о переходе в команду Ельцина.

19 января я записал в дневнике:

«Все эти публичные заявления, появившиеся вслед за интервью Бакатина «Комсомольской правде» в среду, доводят до крещендо острую критику Горбачева многими бывшими ближайшими его сподвижниками. Станет ли он принимать это близко к сердцу или (что скорее) попросту сочтет их доказательством личной измены и упрямо продолжит следовать курсом, какой, похоже, взял? Если только последнее окажется верным, то я должен быстро пересмотреть свои прежние выводы о том, что он удержится у власти».

* * *

На следующий день, 20 января, Москва стала свидетельницей крупнейших за все время демонстраций. Их организовала Демократическая Россия для протеста против насилия в Литве и

Латвии, а также против союза Горбачева с реакционерами; участие в них приняли более 300.000 человек. Кое-какие антигорбачевские лозунги, положим, появлялись и на предыдущих демонстрациях, но все же эта была первой крупной в Москве демонстрацией целиком антигорбачевской. Резолюция, зачитанная толпе под громкие крики одобрения, требовала:

• Отставки Горбачева и Язова.

• Вывода советских войск из Литвы.

• Роспуска Верховного Совета СССР и Съезда народных депутатов.

• Суда над виновными в применении силы в Литве.

• Иностранную помощь только республикам, а не союзному правительству.

Ельцин в демонстрации не участвовал, но многими считался героем дня и, как кто-то сказал, «последней великой надеждой России». Толпа скандировала его имя всякий раз, когда оно упоминалось. Геннадий Бурбулис зачитал Ельцинское послание, где говорилось, что диктатура, о которой Шеварднадзе и другие предупреждали, подступила вплотную. Горбачев мешает демократическим реформам и сделал опасный шаг, защищая применение силы ради самочинного Комитета национального спасения и против законно избранных представителей народа. Оппозиция, однако, должна пользоваться только мирными, парламентскими средствами. «Мы не дадим центральному правительству никакого повода обратить силу против нас», – заявил Ельцин.

Бумеранг референдума

Когда в декабре Горбачев убедил Съезд народных депутатов СССР согласиться на референдум о сохранении Союза, он, похоже, считал, что разыгрывает туза. Используя Коммунистическую партию для сбора голосов, он мог рассчитывать на широкую поддержку Союзу и тем самым оказать давление на Ельцина, Кравчука и других непокорных республиканских руководителей, заставив их согласиться на союзный договор.

Горбачев предложил провести референдум 17 декабря, но республиканские руководители отнеслись к этому скептически, причем не только те, у кого отношения с Горбачевым обострялись день ото дня. Нурсултан Назарбаев из Казахстана был одним из самых решительных сторонников сохранения Союза, но, изучив горбачевское предложение, высказался против референдума, если только республика не желает отделиться или ее парламент отказывается соблюдать союзный договор. Требование провести референдум во всех республиках одновременно, предупреждал Назарбаев, попросту приведет лишь к дальнейшей конфронтации с республиками.

Горбачев, впрочем, не внял совету Назарбаева. Он пожаловался съезду, что его предложение замалчивается, настаивал на раздельном голосовании. Депутаты, как обычно, когда Горбачев давил, в большинстве высказались «за». Вот так Горбачев получил свой референдум, но он не принес ему ожидаемого результата.

Смущал сам по себе текст, выносившийся на референдум, поскольку Верховный Совет СССР разукрасил его так, чтобы в нем содержался не один, а сразу несколько вопросов. В окончательном виде он гласил:

Считаете ли вы необходимым сохранение Союза Советских Социалистических Республик как обновленной федерации равноправных суверенных республик, в которой будут в полной мере гарантироваться права и свободы человека любой национальности?

Кампания в поддержку референдума представляла его как простое голосование в пользу сохранения добровольной федерации, и в то же время «за» можно было бы считать голосом в пользу социализма, в пользу нынешнего названия страны, в пользу по-новому согласованной федерации и в пользу прав личности. Между тем, условия «обновленной федерации» выработаны не были, равно как не был создан и механизм защиты прав личности. Это делало невозможным вынесение на

референдум любой из особенностей предложенного текста, поскольку споры велись именно вокруг сути «обновленной федерации» и вокруг того, означают ли различные формулировки действительное уважение «суверенитета» республик.

Более того, хотя предполагалось, что референдум будет проводиться по всему Советскому Союзу, правительства многих республик отказывались проводить его, а некоторые перефразировали текст или добавляли свой собственный. То, что задумывалось как демонстрация единства, оборачивалось примером разброда еще до начала события.

Три прибалтийские государства отказались проводить всесоюзный референдум и, немного посовещавшись, решили провести собственные референдумы до 17 марта. Грузия, Армения и Молдавия также отказались проводить Горбачевский референдум, а первые две позже назначили голосование по вопросу о независимости.

Нурсултан Назарбаев, высказывавшийся против идеи референдума, когда Горбачев выдвинул ее в декабре, настоял, чтобы Казахстану был задан иной вопрос. Предложен был такой:

Считаете ли вы необходимым сохранение Союза Советских Социалистических Республик как союза равноправных суверенных государств?

Тут никакой «обновленной федерации», никаких прав личности, зато «союз равноправных суверенных государств» вместо «суверенных республик». Назарбаевская формулировка подразумевала союз, созданный юридически независимыми государствами, в то время как Горбачевская – перестройку существующего СССР.

На Украине тоже задавался дополнительный вопрос: должна ли Украина быть членом «союза суверенных государств» (никакого упоминания о СССР) в соответствии с украинской Декларацией о государственном суверенитете. В западных районах была дана возможность проголосовать «за» или «против» украинской независимости.

Самую большую политическую выгоду из референдума, впрочем, извлек Ельцин. В декабре он высказывался против его проведения вообще, затем согласился при условии, что одновременно будет проходить собственный референдум в РСФСР. Граждан России предлагалось спросить, согласны ли они на учреждение поста президента, избираемого прямым голосованием.

До тех пор законодательные органы РСФСР отказывались изменять Конституцию и вводить президентство. Преимущественное голосование в пользу президентства, однако,

придало бы сил устремлениям Ельцина. Поскольку он по-прежнему намного превосходил популярностью любого другого политика в России, можно было ожидать ощутимого преимущества в голосах в пользу президентства.

Тем не менее Горбачев жал на все кнопки, стремясь получить подавляющее большинство на *своем* референдуме, мобилизуя все силы аппарата Коммунистической партии на достижение положительного результата. Избранная им тактика сбивала меня с толку, поскольку я никак не мог сообразить, что он выигрывал, даже получив всеобщее одобрение своего предложения. Слишком уж оно аморфно, чтобы служить ясно выраженным мандатом. Вопрос о российском президентстве, с другой стороны, был из тех, где что-то реально так или иначе решалось. Если он приведет к конституционным поправкам и выборам российского президента, Борис Ельцин получал этот пост, не пошевелив и пальцем. Власть его возросла бы крайне значительно, особенно в сравнении с Михаилом Горбачевым, неизбранным президентом барахлящей государственной машины. Если в дополнение Украина проголосует против союза (или даже выкажет отношение, что называется, «не жарко не холодно»), Горбачеву оказалось бы куда труднее прийти к согласию с Кравчуком и Украинской Радой по союзному договору.

Своим слабо проработанным предложением о референдуме Горбачев довольно нелепо загнал в ловушку самого себя. Ельцин установил в ней капкан, когда 7 февраля его Верховный Совет одобрил проведение референдума в РСФСР в один день с всесоюзным.

Ельцин на подъеме

К 28 марта, когда собрался съезд народных депутатов, усилия коммунистической партии вытеснить Ельцина из кресла председателя парламента поутихли. Референдум очевидно показал, что Ельцин был все еще популярен, а попытка Горбачева ввести в Москву войска для разгона массовых демонстраций оскорбила многих депутатов, которые не были сторонниками Ельцина.

Тем не менее Ельцину еще предстояло отстоять в битве свою главную цель – пост российского президента. Изначально съезд отказывался включать этот вопрос в повестку дня, но с течением времени давление общественности стало влиять на голосование на съезде. Поворотный момент наступил 4 апреля, когда почти одновременно произошли три события: лидер российских коммунистов Иван Полозков объявил, что «в данный момент не должно быть перемен в российском руководстве», а это означало конец попыткам сместить Ельцина; до сих пор никому не известный военный летчик и ветеран войны в Афганистане Александр Руцкой объявил о создании фракции «Коммунисты за демократию», привлекшей значительное количество голосов в лагерь Ельцина; и – своевременно мастерски осуществленный шаг – Ельцин запросил подтверждения полномочий, аналогичных тем, которые были раньше даны Горбачеву применительно ко всему СССР.

Ельцину удалось – как я и предвидел, сделав за несколько недель до того соответствующую запись в своем дневнике, – обратить против своих противников их же оружие. Он превратил заседание, на котором его должны были сместить, в политическую катапульту. Некоторые из его оппонентов продолжали борьбу. Непосредственно перед голосованием, когда в основном была одобрена просьба Ельцина, Светлана Горячева, возглавлявшая противников Ельцина в Верховном Совете в феврале, поднялась на трибуну и заявила: «Борис Николаевич… Стало очевидно… что президентство для вас – главная цель. Ради этого вы ступили на путь обмана и подлога и готовы зайти очень далеко, вас не остановит даже перспектива погрузить страну в кризис. Вы пойдете на все.

…Меня бросает в дрожь при одной мысли о возможности вашего назначения на этот пост. Вы запрашиваете дополнительные полномочия, хотя до сих пор не сумели использовать те, что у вас есть сейчас».

В какой-то момент слова Горячевой почти утонули в

выкриках и шуме, но Ельцин, председательствовавший на заседании, настойчиво призвал зал к порядку и дал ей договорить.

Несмотря на эмоциональное выступление Горячевой, депутаты значительным большинством голосов приняли предложение Ельцина, а на следующий день не только предоставили ему временное право издавать указы, но также дали то, чего он добивался несколько месяцев: назначили дату президентских выборов. И хотя в конституцию РСФСР еще не были внесены изменения относительно президентской власти, резолюция объявляла выборы российского президента и вице-президента на 12 июня. Следующий съезд Верховного Совета РСФСР должен был состояться 21 мая, судя по всему, для принятия необходимых конституционных поправок. И все же съезд не предоставил Ельцину всего, что он просил: он не принял резолюций, требовавших создания коалиционного правительства СССР и проведения круглого стола переговоров с центральным правительством относительно нового экономического плана.

* * *

Ельцин одержал победу на Российском съезде народных депутатов в четверг, накануне православной Пасхи. В субботу вечером он появился в Елоховском соборе на пасхальной службе, которую вел патриарх Алексий II. Телевизионные камеры сняли его появление и показали по национальному телевидению, как он почтительно стоит с зажженной свечой среди молящихся. Для верующих это было могучим символом: правитель России примирился с традиционной русской национальной церковью, гонимой воинственными атеистами-большевиками и подавлявшейся, временами до полного исчезновения – коммунистическим режимом.

В очередной раз Ельцин обошел Горбачева. Несмотря на то, что Горбачев ослабил официальный контроль над религиозными учреждениями, привлек церковников к участию в съезде народных депутатов СССР и временами консультировался с ними, он не изображал из себя верующего и, как было известно, никогда во взрослом состоянии не посещал церкви. Ельцин также не объявлял себя верующим, но его жест означал, что он готов видеть в православной церкви исконную и значимую часть русской традиции.

Через неделю Ельцин совершил поездку во Францию, которую иностранная пресса в то время расценила как провал в

плане налаживания контактов и совсем иначе – российская общественность. Для начала, когда он посещал Европейский парламент в Страсбурге, ему нанес публичное оскорбление Жан-Пьер Кот, председатель группы европейских законодателей-социалистов, который обозвал Ельцина «демагогом» и человеком «безответственным» за его противостояние Горбачеву, «с которым нам всем спокойнее».

Это происшествие и внешне холодный прием со стороны французского руководства были подробно описаны в советской прессе – а по центральному телевидению показаны с большим запозданием – и вызвали у большинства русских возмущение. Их привело в негодование поведение иностранцев, оскорблявших выбранного ими лидера. Вдобавок, они подозревали Горбачева и КГБ в подстрекательстве к оскорблениям: в прессе появилось сообщение, что советский посол во Франции Юрий Дубинин официально просил не оказывать специального приема Ельцину.

Отвечая на упреки, Ельцин отрицал, что хочет сместить Горбачева – он предпочел бы вести переговоры за «круглый столом», что могло бы привести к созданию коалиции, и выступал за союзный договор. Когда он вернулся из Страсбурга в Париж, ему была с запозданием устроена встреча с президентом Миттераном и другими руководителями Франции.

Поездка Ельцина во Францию неожиданно позитивно сказалась на его взаимоотношениях с Горбачевым. Решение Миттерана принять Ельцина, несмотря на явно выраженное недовольство Горбачева, говорило о том, что независимо от симпатии, которую лидеры Запада питали к Горбачеву, они не станут в угоду другу до бесконечности игнорировать популярного Ельцина. В то же время публичное заявление Ельцина о желании работать с Горбачевым над союзным договором и вместе двигать вперед перестройку означало, по сути, отказ от февральского требования об отставке Горбачева. В интервью французскому журналисту Ельцин сказал: «Горбачев в отставку не уйдет – он президент страны… Нам надо сотрудничать, мы должны так работать, чтобы не страдала Россия и вся страна. И мы должны так поступать несмотря на то, что мы с Горбачевым расходимся во мнениях по нескольким принципиальным вопросам».

В феврале и марте какое-либо объединение Горбачева с Ельциным казалось невозможным. Теперь вдруг появилась такая возможность. Оба помнили о растущей силе правых, намеревавшихся лишить обоих власти.

* * *

Пока Ельцин находился во Франции, я поехал в Вашингтон, где надеялся получить более ясные инструкции относительно наших контактов с Ельциным. Я поддерживал с ним тесный контакт с момента его избрания в Верховный Совет СССР в 1989 году, но делал это без санкции начальства. В Вашингтоне никогда не запрещали мне с ним видеться, и мои коллеги в Государственном департаменте явно понимали ценность моих с ним контактов, но сотрудники Белого Дома скептически относились к его политическому будущему, а президент не хотел обижать Горбачева. Мне казалось, что только боязнь утечки в прессу и скандала дома удерживала их от того, чтобы приказать мне держать Ельцина на расстоянии.

Тем не менее политический вес Ельцина рос и его политика совпадала с целями США: он стремился значительно урезать советский военный бюджет, прекратить помощь безответственным режимам вроде режима Саддама Хусейна в Ираке и предоставить свободу странам Балтии, как и другим республикам, согласно их воле. Во внутренней политике он поддерживал проведение настоящих экономических реформ, включая предоставление полных прав частной собственности и приватизацию государственных предприятий. Можно было сомневаться в его способности к управлению или стремлении следовать демократическим принципам, если они не служат его политическим интересам, но правительству Соединенных Штатов было важно поддерживать с ним контакт: без этого невозможно было разобраться в переменах, сотрясавших Советский Союз. Более того, важно было – по мере того как Ельцин набирал власть и силу – установить с ним систему общения на тот случай, если он придет к власти демократическим путем.

Вопрос был не в выборе между Ельциным и Горбачевым и не в стремлении ослабить Советский Союз, хотя некоторые апологеты Белого дома старались именно так представить дело. Конечно, нам не следовало относиться к Ельцину как к президенту СССР или пытаться подорвать позиции Горбачева. Но поддерживая взаимоотношения с Ельциным, как с главой оппозиции в демократическом государстве, мы не нарушали никаких дипломатических норм.

Собственно, конституция Советского Союза предоставляла союзным республикам право поддерживать дипломатические отношения с другими странами, и в каждой было свое министерство иностранных дел. Таким образом получалось, что теоретически главы союзных республик имели больше прав вести дела с иностранными правительствами, чем губернаторы американских штатов, а наши губернаторы беспрепятственно

путешествуют по миру и встречаются с главами иностранных держав, решая вопросы торговли и инвестиций, то есть те проблемы, которые больше всего интересовали Ельцина.

Поэтому я не мог понять, почему сотрудникам Белого Дома казалось, что мы должны сделать выбор между Ельциным и Горбачевым. Я считал, что мы должны иметь дело с обоими, с каждым в его области, и опровергать утверждения, что мы оказываем предпочтение кому-либо из них. В середине апреля я пришел к выводу, что Горбачев, очевидно, предпримет скоро еще одну попытку установить сотрудничество с Ельциным. А если так, то наши добрые отношения с обоими будут этому способствовать. Вот что я написал 5 апреля в своем дневнике:

«События последних пяти-восьми дней, похоже, говорят о том, что положение меняется в пользу реформаторов. Поскольку Ельцина нельзя сместить и он продолжает укреплять свои позиции, Горбачев, несмотря на личную неприязнь, пожалуй, вынужден будет снова иметь с ним дело. Забастовка шахтеров может оказаться своеобразным пробным камнем. Такое впечатление, что теперь только Ельцин способен ее прекратить. На съезде народных депутатов он ясно дал понять, что ничего не предпримет, чтобы ее остановить, если не получит требуемых им дополнительных полномочий».

Что же до Горбачева, он, безусловно, не пропустил того, что некоторые «правые» – по примеру Ельцина – призывали к его отставке. При таких друзьях он, пожалуй, тоже посмотрит, на каких условиях можно договориться с Борисом Николаевичем.

На следующий день Андрей Козырев, министр иностранных дел РСФСР, приехал в Спасо-хауз для беседы. В это время с частным визитом в Москве находился Фрэнк Карлуччи, наш только что отправленный в отставку министр обороны, и мы втроем обсудили последние события. Козырев высказал предположение, что происходящее подталкивает Ельцина и Горбачева искать сближения. Противостояние, имевшее место 28 марта, когда Горбачев ввел в Москву войска для предотвращения демонстраций, которые все равно состоялись, напугало обе стороны. Неожиданно обнаружилась возможность возникновения гражданской войны, и это могло послужить детонатором.

– Это играет такую же роль, как ядерные вооружения в отношениях между США и СССР, – сказал Козырев. – Почувствовав опасность, мы понимаем необходимость сотрудничества для предотвращения их использования. – Возможность избрания Ельцина, продолжал Козырев, заставит Горбачева пойти на компромисс независимо от его личных приязней и неприязней. – С коммунистами можно разговаривать

только с позиции силы, – заключил он, ухмыльнувшись и тем самым давая понять, кого он имеет в виду.

Перед нами стоял один щекотливый вопрос: могу ли я заверить Ельцина, что президент Буш примет его, если он поедет в Вашингтон. У него было приглашение от Конгресса и несколько приглашений от частных групп. И хотя он предпочел бы поехать по приглашению высшего должностного лица, я объяснил ему, что это невозможно, и, казалось, он понял. Но ему вовсе не хотелось ехать в Соединенные Штаты, пока у него не будет уверенности в том, что он увидится с президентом Бушем. До моей поездки в Вашингтон в апреле 1991 года меня специально предупредили, чтобы я не обещал Ельцину встречи, которой он добивался.

* * *

Президент Буш принял меня в Овальном кабинете днем 18 апреля, и большую часть времени я рассказывал об отношениях между Ельциным и Горбачевым. Я утверждал, что у них единые политические интересы, несмотря на то, что они упорно отказываются это признать. Я заметил, что прошлой осенью Горбачев отклонился от реформаторского пути и тотчас изменился в своем отношении к Ельцину. Политический курс, которым он с тех пор следовал, ничего не дал. Горбачев, сказал я, поступает так в интересах военно-промышленного комплекса, так как республики резко сократят поставки ресурсов, необходимых военным, как только у них в руках окажутся нити управления. Я упомянул мнение Козырева о том, что обе стороны напуганы угрозой гражданской войны и советники обоих рекомендуют пойти на компромисс. Возможно ли это, – увидим, но перспективы окончания забастовок не видно, пока Ельцин не получит права дать шахтам самоуправление. Это потребует освобождения от контроля со стороны центральных министерств, которые в глазах рабочих олицетворяют коммунистическую систему, угнетающую и эксплуатирующую их.

В сложившейся ситуации я рекомендовал переговоры со всеми участниками, чтобы не втягиваться во внутриполитическую борьбу. (А именно к этому подталкивал нас Горбачев, подстрекая бойкотировать Ельцина.) В отношении финансовой и технической помощи мне казалось, что нам следует не встревать во взаимоотношения республик с Центром и работать с местными органами – городскими и областными, – выступающими за развитие частного сектора. Я считал также, что помощь надо

направлять в частный сектор, а не через центральное правительство, на чем настаивал Горбачев.

Президент спросил, что я думаю по поводу недавней просьбы Горбачева о предоставлении дополнительно гарантированного кредита на 1,5 миллиарда долларов для закупки американских сельскохозяйственных продуктов. Я сказал, что считаю это прежде всего внутренним вопросом. Конгресс одобрил программу поддержки экспорта американской сельскохозяйственной продукции. Если президенту кажется, что кредит послужит этой цели, он должен его одобрить, при условии, что СССР представит гарантии погашения кредита. Однако ему не следует удовлетворять просьбу Советского Союза, считая, что это поможет проведению там экономических реформ, – этого не произойдет. Советский Союз и в правду может столкнуться с дефицитом продуктов предстоящей зимой, но политика Горбачева лишь усугубляла проблему. Я считал, что все крупные кредиты следует предоставлять на конкретные реформы…

Ельцин избран президентом

Ельцин миновал еще одно препятствие на пути к креслу президента России, когда 24 апреля 1991 года Верховный совет РСФСР принял закон, разрешающий провести выборы президента и вице-президента. Любой человек, собравший не менее ста тысяч подписей российских граждан, мог выставить свою кандидатуру на выборах, назначенных на 12 июня.

Я мог лишь поражаться тому, с какой скоростью менялась российская политика: многие месяцы Верховный Совет и съезд народных депутатов СССР отказывались создать пост президента, и всего полтора месяца назад Ельцин, казалось, находился на грани снятия с поста председателя парламента. А теперь общественное мнение так определенно склонялось на его сторону, и даже те, кто скептически относился к нему, как к лидеру, были вынуждены прислушиваться к настроению своих избирателей и поддерживать его.

Через несколько дней после одобрения парламентом СССР закона о создании поста президента Ельцин продемонстрировал свою политическую силу, договорившись об окончании забастовки шахтеров, которая продолжалась почти два месяца. Шахтеры возобновили работу после того, как Ельцин пообещал освободить их от контроля со стороны центрального министерства угольной промышленности. Положив конец забастовке, Ельцин снял в известной мере напряжение с Павлова и Горбачева, но показал, что они больше не могут править страной без него и кроме того – что облегчение будет временным, если структура руководства экономикой министерствами из центра не будет быстро ликвидирована. Павлов этого так и не понял, а Горбачев – во всяком случае какое-то время – казалось, это понимал.

Кандидатура, которую Ельцин выбрал в качестве своего напарника на выборах, удивила многих, ибо он обошел всех видных руководителей «Демократической России», организации, оказывавшей ему наиболее прочную поддержку, и предложил вместо них Александра Руцкого.

В то время это казалось ловким ходом. Большинство военных выступало против Ельцина, но имея рядом Руцкого, Ельцин мог надеяться, что ему удастся перетянуть на свою сторону некоторых военных и значительную часть умеренных реформаторов, все еще являвшихся членами компартии. Поскольку обязанности русского вице-президента были столь же плохо определены, как и обязанности американского вице-президента, представлялось

малосущественным, кто будет избран на этот пост. Поэтому Ельцин, подобно многим американским кандидатам в президенты, исходил в своем выборе из сиюминутных соображений.

Выдвижение кандидатур на пост президента России кончилось, и помимо Ельцина было зарегистрировано еще пять кандидатов. Наиболее крупной фигурой был Николай Рыжков, успевший оправиться после инфаркта и крайне возмущенный тем, что он считал предательством со стороны Горбачева. Похоже было, что он пользовался поддержкой подавляющего большинства аппарата компартии, но ему мешал облик неудачника. В гонку вступил также Вадим Бакатин, подстегиваемый Горбачевым, который стремился прежде всего помешать Ельцину получить большинство голосов, и многим казалось, что Бакатин сумеет отобрать голоса у Ельцина, так как к нему с уважением относятся умеренные реформаторы и он держится более демократично, чем Ельцин, у которого популистская риторика по-прежнему сочеталась с автократическими привычками секретаря областной организации компартии.

Остальные кандидаты, казалось, не принадлежали к основному руслу российской политики – если такое понятие уместно в России. Альберт Макашов, трехзвездный генерал, выступил с программой, фашистской по содержанию, если не по названию. Амангельды Тулеев, казах из Кемерово, что у самой границы России с Казахстаном, был в большей мере фаворитом региона, чем кандидатом всей страны.

* * *

Наиболее загадочным из наименее известных кандидатов был Владимир Жириновский. У него была хорошо поставлена организация и финансирование, но источники его организации и средств были неясны, и – во всяком случае, пока не развернулась избирательная кампания – туманной была и его политическая программа. Жириновский впервые появился на национальной политической сцене за несколько недель до парламентских выборов в июне 1990 года. Его либерально-демократическая партия первой – даже впереди компартии – зарегистрировалась для участия в выборах, и Жириновскому было дано несколько минут для выступления в «Новостях» по телевидению, чтобы он мог объявить об участии своей партии в избирательной кампании.

Он заявил, что выступает против коммунистов и за либеральных демократов.

Я был настроен к нему и его партии весьма скептически. В декабре 1989 года, на похоронах Сахарова, ко мне подошел и представился мужчина, на чьей визитке стояла фамилия Воронин; он заявил, что является близким другом покойного, и помог нам с женой пробраться сквозь толпу. Впечатление было такое, что он помогал в организации похорон. Когда Елена Боннер пригласила нас поехать на кладбище, он вызвался показать моему шоферу дорогу. Из разговора с ним в машине я понял, что ему пятьдесят с небольшим и у него нет определенных занятий, – он пояснил, что в отставке по инвалидности, хотя не сказал, чем болен, да это и не было заметно. Он сказал, что работает организатором в политической партии, которая «будет осуществлять идеалы Сахарова». Однако, когда впоследствии я спросил у Елены Боннер, знает ли она его, Боннер сказала, что он никогда не был коллегой Сахарова – просто это «самозванец».

Я больше не пытался общаться с ним, но недели две-три спустя Воронин подошел ко мне на приеме в венгерском посольстве и подвел меня к своим «коллегам по партии». Они сказали, что создают подлинно антикоммунистическую политическую партию, которая будет следовать идеалам Сахарова. Каждый вручил мне визитку, на одной из них стояло имя Владимира Жириновского.

Вернувшись к себе в посольство, я попросил моих сотрудников выяснить, что это за группа. Мы уже поддерживали контакт с большинством политических деятелей Москвы демократической ориентации, и я удивился, как мы могли упустить такую группу… если она действительно существует. Хотя их подход к проблемам по многим причинам представлялся подозрительным, я понял, что мы не знаем всей политической арены и что новое руководство может появиться из дотоле остававшихся в тени слоев общества.

Через несколько дней я получил ответ на свой запрос: когда наши люди стали выяснять, что это за группа, им сказали, – хотя никто не был в этом уверен, – что она существует на средства КГБ, возможно, не вся целиком, а частично, и имеет целью отвлечь избирателей от действительно демократических сил. Я рекомендовал нашим дипломатам избегать дальнейших контактов с этой группой – за нашими контактами ведь пристально следили политически активные советские граждане и нам не следовало своим вниманием узаконивать группу Жириновского.

Освещение в советских средствах массовой информации

весной 1990 года партии Жириновского, казалось, подтверждало полученный мною доклад. Эта партия явно имела могущественных друзей среди советской бюрократии, поскольку остальные партии были зарегистрированы лишь с трудом и с задержками, и телевидение предоставляло им время весьма неохотно, а то и не предоставляло совсем.

* * *

Успех Ельцина в создании поста всенародно избираемого Российского президента побудил других политических деятелей демократической ориентации тоже создать избираемые посты, только более низкого уровня. Председатели городских советов в Москве и Ленинграде, Гавриил Попов и Анатолий Собчак, натолкнулись на большие трудности в получении поддержки со стороны своих разрозненных советов. Поэтому оба предложили внести изменения в городские уставы и создать пост мэра, избираемого народным голосованием, а не городским советом. Это предложение было принято в обоих городах, и избирателям была предоставлена возможность выбирать мэра одновременно с президентом России. Подобно Ельцину, воспользовавшемуся прямыми выборами, чтобы обойти своих противников в российском парламенте, Попов и Собчак применили аналогичную тактику в своих городах.

Избирательные кампании прошли, по счастью, быстро, при широком участии народа, выборы были свободнее, чем когда-либо. Демократические партии, группы и коалиции объединялись, поддерживая Ельцина, но раскалывались подругам вопросам. Так например, демократическая партия России во главе с Николаем Травкиным на своем втором съезде в Москве 25–27 апреля призвала к широкой коалиции в поддержку кандидатуры Ельцина, а сама раскололась, когда гроссмейстер Гарри Каспаров и физик Аркадий Мурашов, один из наиболее энергичных организаторов народных демонстраций, покинули партию Травкина и создали собственную.

Горбачев не стал начинать открытую кампанию против Ельцина, как это было в мае 1990 года, когда Ельцин претендовал на пост председателя российского парламента. Тем не менее лишь немногие полагали, что Вадим Бакатин может с ним конкурировать. Большинство наблюдателей считали, что выиграет Ельцин, но были и такие, кто думал, что ему придется состязаться с Рыжковым, если Бакатину удастся отобрать у Ельцина 10, а то и больше процентов голосов.

Этого, однако, не произошло. Ельцин победил в первом же туре, получив свыше 57 процентов голосов. Вторым, как и ожидалось, шел Рыжков, но с более слабым результатом, чем полагали: вместо 20–25 процентов голосов, как предсказывали, он получил меньше 17 процентов. Подлинным сюрпризом, однако, оказался кандидат, занявший третье место: это был не Вадим Бакатин, как ожидали многие, а таинственный Владимир Жириновский, получивший свыше 6 миллионов голосов, то есть почти 8 процентов. Остальные получили по 6 процентов и меньше, а Бакатин, ко всеобщему удивлению, оказался в конце списка, получив немногим больше 3 процентов голосов. Такое негативное отношение со стороны избирателей объяснялось, однако, отношением не к нему лично, а к Горбачеву.

Горбачев воспринял этот серьезный политический удар достаточно спокойно. Горбачев присутствовал 10 июля 1991 года во Дворце Съездов, когда Ельцин давал клятву. В своей речи он дал ясно понять, что существование поста всенародно избираемого президента отмечает начало новой эры в истории России, независимо от того, что произойдете Советским Союзом…

Святейший патриарх Московский и всея Руси Алексий II благословил нового президента России.

Впервые в истории Россию возглавлял человек, избранный народом. И впервые с тех пор, как царь Николай II вступил на трон в 1894 году, руководителя России благословляла церковь.

Предупреждение о путче

Горбачев работал над тем, как вести себя с «семеркой» в Лондоне, когда в законодательном органе страны был предпринят очень странный маневр. Семнадцатого июня премьер-министр Валентин Павлов потребовал, чтобы Верховный Совет наделил его чрезвычайными полномочиями, которыми до тех пор пользовался только президент. В ответ на заданный вопрос он сказал, что не обсуждал этого с Горбачевым. Собственно он потребовал себе власть, какой пользовалось высшее должностное лицо, даже не обсудив этого с ним.

Павлов выступал на открытой сессии Верховного Совета, и ее тут же сделали закрытой. Его поддержали председатель КГБ Крючков, министр обороны Язов и министр внутренних дел Пуго.

Горбачев обладал достаточной властью – он мог назначать и смещать таких чиновников, но тут в ответ на просьбу Павлова он лишь заявил, что не поддерживает ее. Некоторые советские обозреватели считали, что он был тайным инициатором этого маневра по причинам, которых никто не мог объяснить. Зная, как ревниво он относится к своей власти, я сомневался, что он стоит за всем этим, тем не менее я не мог найти объяснения его бездействию. Я обсуждал это с советскими политическими деятелями, журналистами и коллегами-дипломатами, и ни у кого, похоже, не было правдоподобного объяснения. В поисках ответов на этот вопрос я пригласил 20 июня на обед нескольких политических деятелей, включая мэра Москвы Попова (который, подобно Ельцину, только что победил на выборах). В ту неделю Ельцин был в Вашингтоне. Он был только что избран президентом РСФСР, хотя еще не вступил в должность, и ему была назначена встреча с президентом Бушем.

* * *

Утром в четверг сотрудник канцелярии мэра позвонил мне и сказал, что Попов не сможет быть на обеде, но он хотел бы заехать до этого, чтобы попрощаться, так как у него может не быть другой возможности увидеться со мной до моего отъезда из Москвы, назначенного на начало августа. Я сказал, что готов встретиться с ним в полдень, а обед был назначен на час дня.

Попов быстро приехал, и мы прошли в библиотеку Спасо-хауз. Дворецкий принес поднос с напитками, но мы оба попросили кофе. Я поздравил Попова с победой на выборах, а он

спросил, что я намерен делать после отъезда из Москвы. Дворецкий закрыл дверь, и тогда Попов достал лист бумаги и, продолжая говорить, что-то написал на нем, затем передал листок мне. Там крупным, характерным для русских неровным почерком было написано:

ГОТОВИТСЯ ПОПЫТКА СНЯТЬ ГОРБАЧЕВА. НАДО СООБЩИТЬ БОРИСУ НИКОЛАЕВИЧУ.

Стараясь как можно естественнее поддерживать разговор, я написал по-русски на том же листке:

Я ПЕРЕДАМ. КТО ЭТО ДЕЛАЕТ?

Попов бросил взгляд на листок, написал несколько слов и передал бумажку мне. Я увидел следующие имена:

ПАВЛОВ, КРЮЧКОВ, ЯЗОВ, ЛУКЬЯНОВ

Когда я прочел, Попов отобрал у меня листок, разорвал его на мелкие кусочки и сунул себе в карман.

Мы поговорили еще минут десять-пятнадцать. Не следовало резко обрывать нашу встречу, чтобы не вызывать подозрений. Мы побеседовали об избирательной кампании, о планах Попова по дальнейшему развитию Москвы и об его оценке перспектив частного сектора. Думаю, это было достаточным прикрытием для микрофонов КГБ, хотя оба мы говорили, что придет в голову.

* * *

Попов уехал около 12.30, а я поспешно набросал несколько слов, положил сообщение в конверт, заклеил его и отправил с офицером американского посольства своему заместителю Джиму Коллинзу с указанием наибыстрейшим и наинадежнейшим способом переправить в Вашингтон. Сообщение было адресовано госсекретарю Бейкеру (который в то время находился в Берлине), помощнику президента по национальной безопасности Бренту Скоукрофту и президенту – и только, если они не решат иначе. Из-за разницы во времени оставалось всего два-три часа до встречи президента Буша с Ельциным.

Днем мне позвонил по надежному телефону заместитель госсекретаря Роберт Киммитт и сообщил, что президент Буш передаст мое сообщение Ельцину, но что я должен отправиться к Горбачеву и предупредить его. Я согласился, но сказал, что президент Буш должен, конечно, сказать Ельцину, что сведения исходят от Попова, но никому другому его имя раскрывать нельзя. Кроме того я считал, что вообще не надо называть фамилий. У нас же не было подтверждения того, что Крючков или кто-либо из остальных готовят заговор против Горбачева. Поэтому

я предложил сказать Горбачеву, что у нас есть неподтвержденное сообщение о готовящемся заговоре, о чем ему следует знать. Киммитт согласился со мной и заверил меня, что все понимают необходимость не упоминать Попова, кроме как Ельцину.

Даже если бы наша информация была более точной, я бы не решился назвать Горбачеву имена заговорщиков. Ну как можно поверить, что американский посол сообщает главе государства, которое до недавнего прошлого было противником его страны, что премьер-министр этого государства, глава разведки, министр обороны и председатель парламента устраивают заговор против него? Не будет ли это выглядеть вмешательством в чужие дела в собственных интересах, попыткой посеять подозрения и произвести раскол? Нет, если все действительно так, то Горбачеву придется самому обо всем догадаться. Учитывая то, что происходило в Верховном Совете, он обойдется без подсказок.

Я позвонил Черняеву и попросил о срочной встрече с Горбачевым. Через несколько минут Черняев перезвонил мне и сказал, что я могу сразу приехать. В Москве вечерело, но все еще было светло – это был день летнего солнцестояния. Когда я вошел в кабинет Горбачева, он уже собирался уходить, с ним был только Черняев, да и я не взял с собой никого. Горбачев был в рязмягченном состоянии и, казалось, не спешил услышать, что я намерен ему сказать.

Он приветствовал меня словами: «Здравствуйте, товарищ посол», – и попросил не обижаться – он-де вовсе не намекает, что я служу интересам кого-либо кроме своего государства, просто меня здесь считают членом совместной команды по приведению к единому знаменателю американской и советской политики.

Я стал, продолжал Горбачев, влиятельным членом советского общества, человеком, который не только способствует лучшему взаимопониманию между нашими странами, но и проведению реформ в Советском Союзе. Как он уже говорил во время нашей предыдущей встречи, он не понимает, почему я решил уехать в такое критическое для страны время, как раз тогда, когда оба государства нуждаются в моей помощи. Горбачев выразил надежду, что мы сможем еще раз встретиться для более длительного прощания, когда он вернется с заседания «семерки» в Лондоне в будущем месяце.

Я почувствовал себя неловко от лестных слов Горбачева, и это, наверное, было заметно. Во всяком случае, Черняев это заметил, как явствует из его отчета об этой беседе. Меня же больше всего заботило то, как сказать Горбачеву о заговоре; он сыпал комплиментами, а я думал: «Как я все это изложу в своем отчете?». Обычно я докладывал обо всех разговорах с Горбачевым

почти буквально, насколько позволяли память и наскоро нацарапанные записи, но если я повторю, даже в пересказе, комплименты Горбачева, это будет отзывать самовосхвалением, и кое-кто из чиновников, вечно ищущих намека на самоуверенность со стороны коллег, могут даже заподозрить, что я намеренно преувеличил его слова. Я решил опустить всю эту часть беседы в своем отчете – сказать лишь коротко о риторическом вопросе Горбачева насчет моего скорого отъезда.

* * *

Мы сели за длинный стол в его кабинете, который стал мне таким знакомым, я – лицом к окнам, а Горбачев и Черняев – с противоположной стороны. Горбачев спросил, зачем президент Буш послал меня к нему. Я тщательно подготовил и продумал то, что собирался сказать.

– Господин президент, – сказал я, – президент Буш просил меня известить вас о сообщении, которое мы получили и которое крайне взволновало нас, хотя мы и не имеем подтверждения. Это не слух, но и не достоверный факт. Дело в том, что существует попытка убрать вас с вашего поста, и это может произойти в любой момент, даже на этой неделе.

Горбачев покачал головой и усмехнулся, потом принял серьезный вид.

– Передайте президенту Бушу, что я тронут. Я уже некоторое время считаю, что мы стали партнерами, и сейчас он это доказал. Поблагодарите его за беспокойство. Он поступил так, как следует поступать другу. Но скажите, чтобы он не волновался. Я все держу в руках. Завтра увидите.

Мне приятно слышать, сказал я, что для такого сообщения нет основания. Как я уже говорил, мы не можем это подтвердить, но считаем достаточно серьезным, чтобы обратить внимание, и президент Буш чувствовал себя обязанным довести эти сведения до Горбачева.

Тут Горбачев в своей излюбленной манере произнес монолог. Он-де знает, что то и дело возникают разговоры об отстранении правительства. Времена нынче неспокойные. Павлов, будучи компетентным экономистом, не является опытным политиком – он все еще учится. Он уже признал, что допустил в понедельник ошибку. В последнее время вообще наметился заметный сдвиг к политическому примирению. Развивается сотрудничество даже с Ельциным. Скоро будет подписан Союзный договор, а поездка его, Горбачева, в Лондон на встречу «семерки» явится дальнейшим

шагом на пути к включению России в мировую экономику. Общественность поддерживает экономические реформы – люди показали это, проголосовав за Ельцина, но они жаждут также окончания политической конфронтации.

Тем не менее, продолжал Горбачев, существуют силы, которые пытаются заблокировать реформы. Есть такие силы даже в парламенте. Такой позиции придерживаются многие в группе «Союз», хотя и не все. Недовольные выступают против процесса примирения. Он не исключает возможности того, что кое-кто поговаривает об отставке правительства, и возможно, это и послужило основой для нашего сообщения.

Я с облегчением узнаю, сказал я Горбачеву, что дело движется в нужном направлении, а особенно приятно видеть развитие его сотрудничества с Ельциным. Если бы их отношения порвались, трудно было бы с оптимизмом смотреть в будущее.

Провожая меня к двери, Горбачев повторил, что завтра я увижу, насколько он держит все под контролем. И в самом деле на другой день он выступил в Верховном Совете и подавляющим большинством голосов добился отклонения требования Павлова о дополнительных полномочиях. Однако при этом он совершенно необъяснимо набросился на тех, кто, по его выражению, «пытается вбить кол» между ним и Павловым. Я порадовался, что не назвал Павлова и остальных, поскольку это, по всей вероятности, усилило бы недоверие Горбачева к моему сообщению. Лишь позднее я понял, что Горбачев мог подумать, не было ли наше сообщение вызвано нападками со стороны людей вроде полковника Алксниса, а не махинациями тех, кто пытался убедить Верховный Совет лишить его власти.

* * *

Было ли сообщение Попова ложной тревогой (а 22–23 июня так могло показаться) или оно точно отражало планы, осуществление которых было отложено на более благоприятное время, когда Горбачев будет вне Москвы, но в пределах Советского Союза, под контролем КГБ? Наверняка это знали лишь упомянутые лица, но некоторые второстепенные факты говорят о том, что правильна вторая версия.

Как бы то ни было, оба президента и американский госсекретарь отнеслись к сообщению непрофессионально. Тогда, 20 июня, я не знал, – но узнал позднее, – что еще до того, как сообщение Попова было передано Ельцину, госсекретарь Бейкер потребовал в Берлине срочной встречи с советским министром

иностранных дел Бессмертных и сообщил ему полученные сведения (не открыв, однако, источника).

Всякому, даже элементарно знакомому с советскими правилами, было бы ясно, что при всех добрых намерениях Бессмертных никак не мог предупредить Горбачева. Вся связь между советскими официальными лицами контролировалась КГБ, а одним из главных заговорщиков был начальник КГБ.

Бессмертных – следует отдать ему должное – сказал Бейкеру, что поскольку в деле замешаны упомянутые лица, он никак не сможет ничего сообщить Горбачеву, и если мы хотим предупредить Горбачева, это следует сделать мне. Такой метод действий должен был бы быть ясным с самого начала, и было величайшим безумием ставить Бессмертных в известность о секретнейшем сообщении, когда он ничего не мог предпринять. Даже будь у него надежная связь, он не спешил бы передавать неподтвержденное сообщение о своих коллегах по кабинету министров, исходящее из иностранного источника.

Если Бейкер поступил необдуманно, то президент Буш поступил опрометчиво. Позвонив по телефону Горбачеву, чтобы заверить его, что Ельцин вел себя вполне лояльно в Вашингтоне, он сказал, что сообщение о заговоре исходит от Попова. И это было произнесено по телефону, прослушиваемому КГБ! Такого я не ожидал от бывшего главы ЦРУ, который гордился своим профессионализмом и осуждал любую утечку самой пустяковой информации, но это говорит о том, насколько глубоко он был увлечен Горбачевым.

Позже Попов рассказал мне, что во время следующей встречи с Горбачевым – по иронии судьбы это произошло за официальным ужином, когда президент Буш в июле посещал Москву, – Горбачев погрозил ему пальцем и сказал: «Что это вы рассказываете сказки американцам?» А когда перечисленные Поповым люди пытались всего через три недели отобрать у Горбачева власть, фамилия Попова стояла одной из первых в списке лиц, подлежащих аресту. Страшно даже подумать о том, к каким последствиям могли привести необдуманные слова президента Буша, если бы переворот удался.

Ну а Горбачев? Он терял при этом больше всех, а держался как сомнамбула, бездумно расхаживая по жизни и не обращая внимания на окружающих. Он отмахнулся от предупреждений, сделанных в декабре Шеварднадзе, и даже обиделся на него, пожертвовал таким преданным помощником, как Бакатин, проигнорировал советы Александра Яковлева и других, помогавших ему разрабатывать перестройку, и продолжал доверять вероломному Крючкову и наглому клоуну Павлову.

По словам Черняева, сообщение, которое я принес 20 июня, лишь на мгновенние озаботило Горбачева, хотя он и пошутил по поводу того, какие доверчивые люди американцы. А потом вспомнил, что накануне Евгений Примаков предупреждал его не слишком доверять КГБ и своей охране. Горбачев склонен был отмахнуться от подозрений Примакова, считая их порождением бюрократической ревности, но Черняев посоветовал президенту обратить на это внимание. Он сказал, что слышал сообщения о подозрительных передвижениях военных по Москве.

Тем не менее, несмотря на жесткую речь, произнесенную 21 июня в Верховном Совете, Горбачев не предпринял никаких шагов, чтобы помешать начальнику своей охраны участвовать в перевороте.

* * *

Когда в марте 1992 года я попросил у Попова разрешение написать обо всем этом, он охотно дал согласие, а потом заметил, что пришел в ярость, узнав, что Горбачеву назвали имя источника. Ведь сообщение его предназначалось не для нашего пользования, а для Ельцина, и он положился на то, что нам можно доверять и мы это сообщение передадим. Тем не менее, глядя сейчас назад, он считает, что утечка, возможно, пошла во благо.

– Когда заговорщики узнали, что я получил информацию о заговоре, они посвятили в свои планы так мало людей, что не смогли должным образом осуществить переворот. Так что утечка вполне могла способствовать их провалу, – заключил он.

Провалившийся переворот

Двадцать девятого июля 1991 года, накануне приезда президента Буша, Горбачев провел весь день с Ельциным и Назарбаевым на даче в Ново-Огарево. Они договорились назначить подписание союзного договора на 20 августа, но и Ельцин и Назарбаев оба настаивали на том, что в советском правительстве необходимы существенные изменения. По словам Ельцина, Горбачев согласился заменить Крючкова, Пуго и Павлова вскоре после подписания договора. Хотя встреча трех лидеров проходила в строго приватной атмосфере, впоследствии в сейфе кабинета начальника аппарата Горбачева Валерия Боддина была обнаружена запись этого разговора, сделанная КГБ.

Четвертого августа Горбачев уехал из Москвы отдыхать в Крым. Крючков тотчас отправил небольшую команду на конспиративную квартиру КГБ в подмосковной деревне Машкино для разработки планов введения чрезвычайного положения. Однако, когда команда доложила Крючкову 8 августа, что ситуация не вызывает такой необходимости, председатель КГБ возразил, что медлить с этим нельзя, так как после подписания Союзного договора ввести чрезвычайное положение будет уже невозможно.

И Крючков отправил команду назад в Машкино для дальнейшей работы над планом введения чрезвычайного положения. При этом он сказал Алексею Егорову, одному из сотрудников КГБ и члену команды, что чрезвычайное положение придется ввести без Горбачева, поскольку он психологически не способен справиться с ситуацией.

В пятницу утром, 16 августа, проекты объявления о создании Государственного комитета по чрезвычайному положению и введении чрезвычайного положения в стране легли на стол Крючкова. Он немедленно дал указание своему заместителю отправить в Крым техников для отключения средств связи Горбачева. Тем не менее весь заговор состоял лишь из планов. И несколько ключевых фигур еще не были подключены.

17 августа Крючков пригласил нескольких коллег пойти с ним в баню КГБ в Москве, известную под кодовым названием «Комплекс АБВ». Обладая всеми достоинствами отеля-люкс, «Комплекс АБВ» был куда более комфортабелен, чем гостиничные номера, какими обычно пользуются американские политические деятели.

Приглашение приняли премьер-министр Валентин Павлов и министр обороны Дмитрий Язов. Их имена, вместе с именем

Крючкова, фигурировали в списке предполагаемых заговорщиков, которые в июне вручил мне Попов. Помимо вышеперечисленных в «Комплекс АБВ» прибыли начальник аппарата Горбачева Валерий Болдин, секретарь Центрального Комитета, ответственный за оборонную промышленность Олег Бакланов и секретарь Центрального Комитета по кадрам Олег Шенин.

* * *

Из допроса, проведенного генеральным прокурором России после переворота, явствует, что приглашенные попарились, а затем перешли в прохладную комнату, где им предложили выпить и закусить. Язов, Шенин и Павлов пили водку, а остальные вместе с Крючковым предпочли шотландское виски. Крючков начал разговор с сообщения, что Павлова вот-вот отправят в отставку.

– Да я буду рад хоть сейчас уйти в отставку! – воскликнул Павлов. Затем начал сетовать на положение в стране. – Дело близится к катастрофе, – буркнул он, – впереди – голод. Дисциплина исчезла, и никто больше не хочет выполнять указания. – И высказал уверенность, что только введение чрезвычайного положения может спасти страну.

Сетования Павлова не явились неожиданностью, поскольку они уже стали его постоянным рефреном. Крючков согласился с ним и добавил, что он регулярно направлял Горбачеву доклады о тяжелом положении в стране, а реакция Горбачева всегда была «неадекватной». Крючков чувствовал, что Горбачев просто не хочет слышать правды, так как он тут же менял тему разговора, как только Крючков пытался его на этот счет просветить.

И Крючков предложил создать комитет, который введет чрезвычайное положение в стране, а затем послать делегацию к Горбачеву, чтобы получить его поддержку; если же он откажется, изолировать его в Крыму и объявить, что он не способен дальше управлять страной. Исполняющим обязанности президента станет Янаев, после чего Лукьянов созовет Верховный Совет и узаконит это.

Водка была вся выпита, и Егорова, сотрудника КГБ, работавшего над планом введения чрезвычайного положения – и, похоже, бывшего источником, сообщившим следствию об этом разговоре, – послали за пополнением. Когда он вернулся, обсуждался вопрос о том, кто поедет к Горбачеву.

В отсутствие нескольких ключевых фигур Язов предложил скоординировать действия армии, КГБ и милиции, а Крючков

сказал, что Пуго пока еще ничего не знает о плане. А Янаев? Он тоже был в неведении, но Шенин был убежден, что Янаев их поддержит. А вот в Лукьянове уверенности не было, поскольку, по словам Шенина, он продолжал колебаться.

Присутствующие разъехались вскоре после 6.00 вечера, когда были намечены основные линии заговора. Но и тогда – менее чем за сорок восемь часов до того, как группа приехала к Горбачеву в Крым, – у них еще не было согласия того человека, чье участие было существенно необходимо, чтобы переворот выглядел хоть в какой-то мере законным. Что если Геннадий Янаев откажется к ним присоединиться и выступить в роли исполняющего обязанности президента? Этот вопрос, по-видимому, не волновал заговорщиков: они были уверены, что смогут сладить с этим человеком.

* * *

В воскресенье, 18 августа 1991 года, около пяти часов дня Горбачеву на его даче в Форосе сообщили, что к нему приехала группа людей. Поскольку он не назначал никаких встреч, его удивило то, что им позволили войти без его разрешения. Ему сказали, что их впустили, потому что «с ними Плеханов». А Юрий Плеханов возглавлял Девятое управление КГБ, ответственное за личную безопасность президента и других правительственных чиновников.

Желая выяснить, в чем дело, Горбачев взял телефонную трубку. Телефон был отключен. Горбачев поспешно, с возрастающей тревогой, стал пробовать другие аппараты, стоявшие на столе. Ни один не работал. Он вызвал членов своей семьи, находившихся в разных комнатах, и предупредил, что они изолированы и их могут лишить жизни.

Только после этого Горбачев вышел к приехавшим, которые уже бесцеремонно вошли в его кабинет на верхнем этаже. Помимо шефа безопасности Плеханова там были начальник аппарата президента Валерий Болдин, два секретаря ЦК – Олег Бакланов и Олег Шенин и генерал Валентин Варенников, командующий сухопутными войсками, известный приверженец жесткой линии в советских вооруженных силах. Когда на встрече в бане решено было, что на дачу поедет Болдин, Язов пошутил, что Горбачев, увидев его, пробормочет: «И ты, Брут». Болдин действительно был одним из самых доверенных людей Горбачева.

Сначала приехавшие пытались убедить Горбачева поддержать введение чрезвычайного положения и временную передачу

полномочий Янаеву. Когда же Горбачев отказался, Варенников потребовал его отставки. По словам Горбачева, он пытался их урезонить, предсказывая, что их старания ни к чему не приведут, кроме как к кровавой гражданской войне, но когда стало ясно, что жребий брошен, он выпроводил их с соответствующими выражениями.

Пока «депутация» летела назад в Москву, их коллеги по заговору начали собираться в Кремле. Согласно сведениям, полученным впоследствии прокурором, Павлов, уже слегка подвыпивший, явился позже, а Янаев, еще более пьяный, совсем поздно. Вслед за Янаевым приехал Лукьянов, и когда он вошел в помещение, Крючков уступил ему место во главе стола, а сам сел сбоку.

Несмотря на этот жест, встречу все-таки проводил Крючков, начав с сообщения, что Горбачев отказался последовать рекомендациям «группы товарищей», ездивших в Крым. Крючков добавил, что президент явно болен и потому не может больше выполнять свои обязанности.

– Если он болен, то должно быть медицинское свидетельство или его собственное заявление, – с беспокойством заметил Лукьянов.

– Мы получим медицинское свидетельство, – сказал Крючков. – А потом вернутся наши товарищи и расскажут о своем впечатлении.

Тогда Лукьянов потребовал, чтобы его имя было вычеркнуто из списка членов Комитета по чрезвычайному положению. Он считал, что, будучи представителем законодательной власти, не может являться членом Комитета. Ему стали возражать, пока в 10.15 не появились Шенин, Бакланов, Болдин и Плеханов (Варенников полетел в Киев, чтобы оповестить украинские власти). Все были навеселе. Шенин и Бакланов описали встречу с Горбачевым и рассказали о его категорическом отказе поддержать создание Комитета по чрезвычайному положению или объявление чрезвычайного положения в стране.

Затем внимание переключилось на Янаева, который до тех пор почти не участвовал в разговоре. Он еще не подписал документа о том, что принимает на себя полномочия президента, и, казалось, колебался. Крючков якобы сказал ему:

– Неужели ты не понимаешь? Если мы не спасем урожай, начнется голод, и через два-три месяца народ выйдет на улицы и начнется гражданская война.

Янаева это не убедило. Он прекрасно знал, что Горбачев не болен, потому что разговаривал с ним по телефону в тот день (до того как у Горбачева отключили связь) по поводу его возвращения

на другой день в Москву. Янаев курил сигарету за сигаретой и вчитывался в документ, который был подготовлен для его подписи.

– Я этот указ не подпишу, – внезапно объявил он.

В комнате воцарилась гробовая тишина.

Янаев продолжал:

– Я считаю, что президент должен вернуться после отпуска, он поправится и придет в себя. К тому же я не считаю себя морально вправе выполнять его обязанности, да и не обладаю необходимым для этого опытом.

Прокуратура, опубликовавшая впоследствии изложение этой встречи, высказалась в том смысле, что задним числом трудно судить, действительно ли Янаев сомневался в своих способностях или же только делал вид, что противится, чтобы потом избежать обвинения в стремлении захватить власть. Так или иначе, он скоро сдался. Остальные заговорщики заверили его, что всю ответственность берут на себя и что президент, конечно же, вернется к исполнению своих обязанностей, как только поправится.

Уже после одиннадцати вечера Янаев, обменявшись с присутствующими рукопожатиями, взял перо и размашисто подписал документ, объявлявший, что он принимает на себя обязанности президента. А Язов, Пуго, Крючков, Павлов и Бакланов тотчас подписали Приказ № 1 Государственного комитета по чрезвычайному положению, объявлявший на полгода чрезвычайное положение в стране.

Министр иностранных дел Александр Бессмертных, которого вызвали из дома отдыха в Белоруссии, вошел в комнату сразу после того, как документы были подписаны. Он был в джинсах и джинсовой куртке.

Услышав, что произошло, Бессмертных схватил синий маркер и вычеркнул свое имя из списка членов Комитета по чрезвычайному положению, заявив, что глупо фигурировать ему в этом списке, так как ни один глава иностранного государства не захочет после этого иметь с ним дело.

Когда документы были подписаны, Крючков заметил, что существует план «интернирования» некоторых демократических лидеров, и сказал, что подготовлен список, состоящий «более чем из десяти имен».

– Надо было вписать туда не десять, а тысячу! – громко, с усмешкой заметил Павлов.

Вскоре после полуночи некоторые из заговорщиков уехали домой. Язов впоследствии показал, что, выезжая из Спасских ворот Кремля, взглянул на часы – они показывали 12.16 ночи.

* * *

Первое объявление о перевороте поступило пятью часами позже, 19 августа, по каналам ТАСС в 5.30 утра по московскому времени. Согласно приказу № 1 приостанавливалась деятельность всех политических партий и общественных организаций, запрещались забастовки и уличные демонстрации, восстанавливалась цензура в средствах массовой информации и объявлялось о введении комендантского часа где и когда это потребуется. Днем последовал приказ, запрещавший издание большинства независимых газет.

Хотя Бессмертных отказался быть членом Комитета по чрезвычайному положению, он велел Министерству иностранных дел разослать всем советским послам за границей указание передать сообщение Комитета по чрезвычайному положению правительствам, при которых они аккредитованы. В этом сообщении, адресованном иностранным правительствам, содержались заверения, что принятые меры носят временный характер и что они никак не затронут международных обязательств Советского Союза.

А Лукьянов оказал даже более серьезную поддержку Комитету, опубликовав чрезвычайно критическое заявление по поводу проекта Союзного договора, подписание которого было намечено на следующий день. Лукьянов указал, что в договоре не отражены условия, выдвигавшиеся Верховным Советом СССР (они были отклонены руководителями республик), и настаивал на том, что проект должен быть еще раз обсужден в Верховном Совете СССР «и, по всей вероятности, на съезде народных депутатов», прежде чем он может быть представлен для подписания. Хотя Лукьянов впрямую не связывал свое заявление с созданием Комитета по чрезвычайному положению, оно было опубликовано ТАСС сразу после объявления о создании Комитета. Совершенно очевидно, что Лукьянов сделал свое заявление, чтобы оправдать отмену подписания Союзного договора 20 августа.

Девятнадцатого августа еще двое присоединились к Комитету: Александр Кизяков, директор завода, который на протяжении многих месяцев интриговал, чтобы заменить Горбачева хунтой, и Василий Стародубцев, председатель колхоза, возглавлявший Крестьянский союз СССР, группу, лоббировавшую не в интересах крестьян, а в интересах руководителей колхозов и совхозов. Ни тот, ни другой не были видными политическими деятелями, но их можно было обрисовать общественности как представителей широких кругов народных масс.

Лишь несколько организаций и политических лидеров тотчас

поддержали хунту. В их числе были либерально-демократическая партия Владимира Жириновского, коммунистические руководители прибалтийских республик, оставшиеся верными Москве, когда в их партиях произошел раскол (и участвовавшие ранее в Комитетах национального спасения), и маршал Сергей Ахромеев, примчавшийся в Москву из Крыма, где он был на отдыхе, чтобы предложить свои услуги Комитету по чрезвычайному положению.

Весь день в Москву с разных направлений поступало вооружение. Однако отряды правопорядка лишь очистили от демонстрантов Красную и Манежную площади, а в остальном просто несли охранную службу. Целый ряд политических лидеров демократической ориентации были взяты под наблюдение, а двое были арестованы, но широкомасштабных арестов не производилось.

Однако Комитет по чрезвычайному положению и его сторонники были не единственной силой, активно действовавшей в тот день.

* * *

Восемнадцатого августа Ельцин совещался в Алма-Ате с Нурсултаном Назарбаевым. Он должен был вылететь назад правительственным самолетом в 5.00 дня, но Назарбаев уговорил его остаться на ужин, и вылет был отложен до 8.00 вечера. Правительственные чиновники Казахстана не были знакомы с процедурами оповещения о передвижениях правительственных самолетов, и советские военно-воздушные силы не получили измененного плана полета. Это дало повод для слухов о том, что внезапная перемена времени вылета опрокинула намерения заговорщиков сбить самолет. Достоверного доказательства того, что такой приказ имел место, общественность не получила, но в какой-то момент действительно был отдан приказ посадить самолет Ельцина на военном аэродроме под Москвой, арестовать его по прибытии и поместить под охраной в правительственном охотничьем домике в Завидово, на севере от Москвы. Однако этот приказ был отменен – по всей вероятности, Крючковым – еще до прибытия самолета Ельцина. Он приземлился, как всегда, в гражданском аэропорту, и Ельцина отвезли прямо на его дачу в Архангельское.

Вместо того чтобы немедленно посадить Ельцина под арест, Крючков приказал КГБ взять его под наблюдение. По-видимому, Крючков решил подождать, пока Ельцин нарушит какой-нибудь

приказ Комитета, чтобы иметь повод арестовать его.

На другое утро Ельцина разбудила его дочь Таня и сказала, что надо смотреть телевизор. Впоследствии Ельцин говорил, что ему сразу стало ясно: произошел переворот, и он тут же начал звонить другим руководителям республик, а на дачу его стали прибывать члены российского правительства. После семи утра Ельцин попытался позвонить Янаеву, но ему сказали, что Янаев отдыхает после бессонной ночи. Затем Ельцин попытался позвонить Горбачеву, но ему ответили, что чиновники в Крыму отказываются соединять с Горбачевым. Тем не менее ему удалось поговорить с Кравчуком, Назарбаевым и руководителем Белоруссии Николаем Дементеем, и он был потрясен, услышав, что они не хотят ничего предпринимать, пока не получат дальнейшей информации.

Руслан Хасбулатов, исполнявший тогда обязанности председателя парламента России – он еще не был утвержден вместо Ельцина на этом посту, – вскоре прибыл на дачу, как и другие российские официальные лица: Сергей Шахрай, Геннадий Бурбулис, Иван Силаев, Михаил Полторанин и Виктор Ярошенко. Они составили коллективное обращение к русскому народу, – оно было написано от руки и затем фотокопировано с тем, чтобы у каждого было по нескольку экземпляров для раздачи. Пока они трудились над обращением, на дачу ненадолго заглянул мэр Ленинграда Анатолий Собчак и поспешно отбыл к себе в город.

Как только группа разработала обращение к народу, они решили отправиться в Белый Дом. Они понимали, что дачи поставлены под наблюдение КГБ и что их могут в любой момент арестовать, но не были уверены, какие приказы получили силы безопасности. Отряд «Альфа», направленный на рассвете к даче Ельцина, судя по всему, получил приказ только держать дачу под наблюдением. Поэтому бойцы «Альфы» только проследили, как Ельцин и другие «русские» чиновники выехали из дачного поселка в город.

Около десяти утра они приехали в Белый Дом, обнародовали обращение и развили бурную деятельность. Хасбулатов созвал президиум Верховного Совета РСФСР, а Ельцин встретился с иностранными дипломатами. Вскоре после полудня, когда выяснилось, что танки Таманской дивизии, подошедшие к Белому Дому, не собираются стрелять (им было просто приказано занять позицию возле Белого Дома), Ельцин спустился вниз, поговорил с танкистами, затем взобрался на один из танков.

Большая часть советских средств массовой информации была недоступна для российских лидеров, но это оказалось не таким серьезным препятствием, поскольку появились другие

альтернативы. Все их заявления были почти тотчас переданы независимым агенстством Интерфакс, как и иностранными корреспондентами. Телефоны, как и телевизоры, работали. Хотя ТАСС и Останкино, контролируемое Кравченко, не передавало отчетов о заявлениях российских руководителей (и вообще какую-либо критику переворота), граждане могли слушать передачи иностранного радио, которое подробно сообщало обо всем. Даже Горбачев, находившийся под домашним арестом в Крыму, узнавал о том, что происходит, из передач Би-би-си, «Голоса Америки» и «Радио Свобода».

Российское правительство призвало к всеобщей забастовке, но сначала на этот призыв, казалось, не обратили внимания. Однако все больше и больше народа прибывало к Белому Дому. В полдень толпа составляла всего две-три тысячи человек, а к вечеру она разрослась до десятков тысяч. Ко второй половине дня в Кремль стали поступать сообщения, что шахтеры Кузнецка объявили забастовку… Павлов позвонил Язову и потребовал, чтобы армия арестовала их, но Язов ничего не предпринял. Впоследствии он скажет следователю, что счел Павлова пьяным. И действительно, проведя днем 19 августа совещание кабинета министров, Павлов уехал к себе на дачу и затем на всем протяжении переворота не давал о себе знать.

Если правительства трех прибалтийских республик и Молдавии немедленно осудили переворот, то Каримов в Узбекистане и Дементей в Белоруссии поддержали Комитет по чрезвычайному положению. Остальные поначалу колебались, но во вторник утром, 20 августа, глава Казахстана Назарбаев и глава Украины Кравчук заявили, что считают захват власти незаконным. Однако украинская компартия поддержала указ Комитета по чрезвычайному положению.

* * *

Ельцин и его коллеги провели две страшные ночи в Белом Доме, не будучи уверены, останутся они живы или нет. Но глядя назад, можно сказать, что судьба попытки сбросить Горбачева решилась в течение четырнадцати-пятнадцати часов после первого публичного заявления заговорщиков, когда они не сумели сразу арестовать Ельцина, который затем публично бросил им вызов; многие военные подразделения отказались использовать силу против собственного народа, на улицах крупных городов росло число демонстрантов, и увенчала все это вечером пресс-конференция, созванная лидерами переворота.

Перед журналистами предстали Янаев, Пуго, Бакланов, Стародубцев и Кизяков. Судя по всему, Крючков и Язов решили держаться в стороне, чтобы подчеркнуть гражданский характер хунты. Тем не менее пресс-конференция оказалась полным провалом. Все лидеры переворота выглядели испуганными, а у Янаева тряслись руки. Вид у него был извиняющийся, и он все повторял, что их правление – временное и они надеются, что Горбачев вскоре вернется на свое место. Янаев уклонился от ответа на вопрос, чем болен Горбачев, сказав лишь: «Он сейчас отдыхает и лечится».

По мере того, как шло время, вопросы становились все менее и менее уважительными, даже наглыми. Татьяна Малкина из «Независимой газеты» спросила, отдают ли они себе отчет в том, что совершили переворот.

Корреспондент «Коррьере делла сера» спросил, советовались ли они с генералом Пиночетом, и, наконец, Александр Бовин, похожий размерами на Альфреда Хитчкока, спросил Стародубцева, с которым они вместе учились в школе и были на «ты»: «Как ты-то очутился в этой компании?»

Наш сын Дэвид во время путча путешествовал с женой по Якутии, собирая материал для книги о природе Сибири. Они потом рассказали нам, как их советские знакомые сначала испугались последствий ухода Горбачева, а потом с удивлением и облегчением смеялись, глядя на передававшуюся по телевидению пресс-конференцию Комитета по чрезвычайному положению. Они увидели не уверенных в себе руководителей и не громил, а обороняющихся чиновников, испуганных тем, что они натворили.

Русские способны простить своим лидерам многие пороки, но только не слабость и не трусость. Когда страна увидела членов Комитета по чрезвычайному положению, вызывавших лишь презрение, их поражение было неизбежно. За такими страна не последует, а у заговорщиков не было ни воли, ни возможностей силой принудить ее. Большая часть страны, казалось, уже чувствовала это во вторник утром, 20 августа, хотя многие все еще опасались, как бы какая-то отчаянная акция – скорей всего атака на Белый Дом – не привела к убийству тысяч людей, собравшихся, чтобы защищать его.

* * *

В тот день уже и сам Комитет по чрезвычайному положению начал рассыпаться: Павлов сказался «больным», да и Янаев вскоре исчез. Комитет по наблюдению за исполнением Конституции

СССР поднял серьезный вопрос о законности Комитета по чрезвычайному положению. Лукьянов сообщил во вторник утром лидерам переворота, что после консультации в понедельник с депутатами Верховного Совета он убежден: ему не набрать двух третей голосов, необходимых для легализации Комитета. Никакого врачебного заключения о состоянии здоровья Горбачева не было, как обещано, опубликовано.

Поднималась волна прямой оппозиции. Вадим Бакатин и Евгений Примаков, оба члены Совета безопасности Горбачева, распущенного Комитетом по чрезвычайному положению, выступили с заявлением, в котором объявили переворот незаконным; к ним присоединился Аркадий Вольский, президент Союза промышленников и предпринимателей. Руководство комсомола осудило переворот, потребовало встречи с Горбачевым и обратилось к солдатам с призывом «не запятнать свою воинскую честь и совесть кровью сограждан».

На улицах городов – не только вокруг Белого Дома в Москве, но и в прибалтийских республиках, Ленинграде, Киеве, Свердловске и других городах – собирались толпы. Лидеры иностранных государств ясно дали понять свое отрицательное отношение к происходящему.

Тем не менее нарастал страх, что в ночь с 20 на 21 августа будет предпринята атака на Белый Дом. Сообщения о том, что такая атака была предпринята 19 августа, оказались ложными, но войска по-прежнему окружали здание и без труда могли его взять – хотя не без больших потерь, учитывая количество народа, его окружавшего.

Основания для тревоги были. Преодолев колебания, владевшие им накануне, Крючков приказал арестовать Ельцина и его коллег. Язов пытался убедить одного командира за другим предпринять атаку на Белый Дом. Некоторые из них – в частности, генерал Евгений Шапошников и генерал Павел Грачев – наотрез отказались. Шапошников даже пригрозил сбросить бомбы на Кремль, если будет предпринята атака Белого Дома. Другие выполнили приказ лишь наполовину. Генерал-майор Александр Лебедь привел войска из Тулы, как было приказано, но тотчас информировал Ельцина, что не поведет их в атаку. Некоторые из его солдат даже присоединились к ельцинским защитникам Белого Дома.

Да и элитные войска КГБ не готовы были стрелять в своих сограждан. Знаменитый и грозный отряд «Альфа» – тот самый, что захватил в январе телевизионный комплекс в Вильнюсе, – отказался участвовать в операции, после того как двое из трех заместителей их командира заявили, что не станут выполнять

приказ о взятии Ельцина силой. Бойцы «Альфы» были недовольны отношением к ним после январской акции, в особенности отсутствием помощи семье одного из бойцов, убитого при выполнении задания. А кроме того, одно дело – сражаться против литовских «смутьянов» и другое – атаковать избранное народом правительство России. Даже элитный отряд КГБ не желал участвовать в гражданской войне.

* * *

Директор Библиотеки конгресса Джеймс Биллингтон, один из наиболее знающих историков русской культуры, находился в то время в Москве и подробно описал, как менялось там настроение. В 4.00 дня по городу поползли слухи о предстоящей атаке на Белый Дом, и когда этого не случилось, многие были убеждены, что она произойдет ночью. Строгий комендантский час, объявленный на тот вечер, не помешал десяткам тысяч собраться у Белого Дома, бросая тем самым вызов лидерам переворота – убивайте если посмеете. Толпа, собравшаяся в Санкт-Петербурге, была еще больше, но в Москве царило большее напряжение, поскольку все понимали, что центром сопротивления является Ельцин и правительство России.

Следует отметить, что толпы, собравшиеся, чтобы поддержать правительство России, состояли не только из молодежи, – там было необычно много людей среднего и пожилого возраста. И женщин было не меньше, чем мужчин. Как сказала Биллингтону одна пожилая библиотекарша, отправляясь вечером 20 августа к Белому Дому, участвовать в такой акции особенно важно для людей ее поколения, «поскольку мы слишком долго молчали». Аналогичные чувства были выражены и в записках, оставленных в декабре 1989 года на могиле Андрея Сахарова: «Прости нас» и «Никогда больше!»

Среди тех, кто активно – физически – поддерживал правительство России, были Елена Боннер, вдова Сахарова, а также Эдуард Шеварднадзе, Александр Яковлев и Мстислав Ростропович, прилетевший из Парижа со своей виолончелью. Многие из защитников ранее сурово критиковали Горбачева, и он ругал их, находя одновременно оправдания тем, кто пытался его убрать. Все это не было забыто, но вставал вопрос более важный, чем взаимоотношения между людьми: может ли Россия стать государством, основанном на законе, или же она вернется к тому правлению, которое было характерно для большей части ее истории?..

В среду к 3.00 ночи, через пятьдесят один час после окончания решающего заседания заговорщиков в Кремле, Крючков и Язов увидели, что игра кончена. Язов приказал военным подразделениям покинуть Москву и вернуться на свои базы, а Крючков позвонил Ельцину и сказал, что атаки на Белый Дом не будет.

Через несколько часов члены Комитета по чрезвычайному положению, которые еще способны были передвигаться (Павлова и Янаева, мертвецки пьяных, арестовали в тот день позднее), полетели в Крым, видимо, собираясь приносить извинения Горбачеву. Горбачев отказался их принять и поздно вечером вернулся в Москву с группой чиновников российского правительства, а также тех из своего окружения, кто остался верен ему, как, например, Бакатин и Примаков.

Двойная игра Горбачева

Горбачев был настолько потрясен своим семидесятидвухчасовым заключением в Крыму, что, вернувшись в среду, 21 августа, поздно вечером в Москву вместе с семьей, в сопровождении эскорта, организованного российским правительством во главе с вице-президентом России Александром Руцким, ничего не смог сказать журналистам. Вид у него, когда он выходил из самолета, был ошеломленный, а Раиса Максимовна даже не могла сама спуститься по ступенькам трапа.

На другой день Горбачев провел длительную пресс-конференцию в том же зале, где за три недели до того принимал президента Буша. Он довольно подробно описал пережитое в Форосе и затем ответил на вопросы. Пережитое оставило на нем свой след: его ответы были путаными и более отрывистыми, чем обычно, а иногда он посреди фразы переходил на другое. Однако для всех, кто знал его, не могло быть сомнения в его искренности.

Тем более поразительным и тревожным был его ответ на вопрос Владислава Терехова из агентства Интерфакс. Заметив, что компартия хранила молчание все три дня, пока ее лидер находился незаконно под арестом, Терехов спросил:

– Не кажется ли вам, что пора обратить серьезное внимание на то, что наша коммунистическая партия Советского Союза является орудием и политическим организмом, не соответствующим духу сегодняшнего дня?

Можно было бы ожидать, что Горбачев, по крайней мере, ответит, что деятельность партии в эти дни следует тщательно изучить и определить, соответствует ли ее состав, организация и структура демократическому, построенному на законе государству.

Вместо этого он предпочел защищать компартию, повторив свое давно лелеемое намерение превратить ее в орудие перемен…

Соответственно, когда мексиканский журналист спросил Горбачева, намерен ли он возглавить «силы, придерживающиеся новой линии», и отделить их от КПСС, Горбачев ответил: «Я убежденный сторонник социалистической идеи» и хотя заявил далее, что «сталинская модель общественной организации» является антитезой социализма и должна быть искоренена, реформаторы – как и многие люди на Западе – пришли к выводу, что недавний опыт ничему его не научил.

Впечатление, оставленное этой пресс-конференцией, уничтожило даже слабые надежды на то, что Горбачев может вновь обрести хотя бы часть власти после своего возвращения из

Фороса.

В своем обращении к народу, передававшемся по телевизору в 9.00 вечера в тот же день, Горбачев не говорил ни о коммунистической партии, ни ‘о социализме вообще. Он поблагодарил Ельцина и правительство России за поддержку, высоко отозвался о тех, кто выступил в его защиту, и признал некоторые свои ошибки, в частности, свои назначения… Что до будущего, то он предлагал следовать прежним курсом: заключить Союзный договор, затем принять новую конституцию и провести выборы президента и парламента. Единственное изменение в его первоначальных планах (в дополнение к новым назначениям) нашло отражение в его замечании о системе государственной безопасности, которая оказалась «недостаточно надежной» и потребует «самого трудоемкого изучения».

* * *

На следующий день Ельцин вынудил Горбачева сделать публичное и весьма унизительное для него заявление, в котором он обвинил в предательстве все свое правительство и большинство руководства компартии.

Когда Горбачев 23 августа появился на заседании Верховного Совета РСФСР, Ельцин заставил его прочесть с трибуны повестки дня тех заседаний, на которых его ближайшие соратники поддерживали попытку переворота. Единственным членом кабинета министров, открыто выступившим против, был министр окружающей среды Николай Воронцов, который – что, кстати, не случайно – был единственным членом кабинета, не принадлежавшим к компартии.

Ельцин тотчас начал поход против компартии. Он запретил издание «Правды» и других партийных газет, приказал опечатать помещение ЦК (где хранились наиболее секретные архивы) и приостановил всякую деятельность Российской коммунистической партии. Горбачев, однако, продолжал противиться запрету партии. В ответ на настоятельные расспросы российских законодателей он упорно утверждал, что запрещение коммунистической партии было бы ошибкой.

Тем не менее на другой день, в субботу, 25 августа, Горбачев вынужден был подать в отставку с поста Генерального секретаря КПСС. Одновременно как президент СССР он издал два указа. Первым местным советам предписывалось наложить арест на собственность компартии и распорядиться ею в соответствии с законами СССР и республики. Вторым объявлялось о

прекращении всякой деятельности политических партий в вооруженных силах, милиции, КГБ и прочих организациях, наблюдающих за соблюдением закона, а также в государственных учреждениях…

Так, к концу недели, начавшейся с попытки сбросить Горбачева и восстановить контроль коммунистов над всей страной, коммунистическая партия Советского Союза перестала существовать как организованная сила. И хотя ее чиновники и члены, за исключением нескольких, были вольны заниматься любой политической деятельностью, включая создание новых партий, они никогда уже не будут иметь прежнего положения.

Коммунистическая партия Советского Союза не была политической партией в обычном понимании, – она была инструментом управления или, вернее, инструментом контроля за правлением, которому подчинялся весь государственный аппарат. Даже если из остатков КПСС возникнет некая коммунистическая партия с таким же или другим названием, у нее не будет щупалец во всех государственных и общественных организациях, и она не сможет иметь в своем распоряжении государственной организации принуждения. Иными словами, она вынуждена будет существовать как нормальная политическая партия.

Россия занимает главное место

Девятого сентября Борис Ельцин формально вернул юрисдикцию над вооруженными силами, КГБ и Министерством внутренних дел, которые он подчинил себе указом во время попытки переворота, Советскому правительству Горбачева и вскоре после этого неожиданно взял трехнедельный отпуск. Тем временем его коллеги препирались в Москве по поводу того, что делать дальше. Главным вопросом было, следует ли России поддерживать союз республик, желающих объединиться, или объявить о своей независимости и договариваться с остальными республиками на двусторонней основе или на основе многосторонней организации вроде Межреспубликанского комитета по экономике.

Создавая свою президентскую команду, Ельцин привлек людей трех категорий: 1) бывших коллег из аппарата свердловской компартии, таких, как Юрий Петров, бывший первый секретарь, которого Ельцин сделал начальником своего аппарата; 2) чиновников государственного управленческого аппарата, многие из которых начинали карьеру в военно-промышленном комплексе; и 3) политических деятелей демократической ориентации, большинство которых составляли люди тридцати-сорокалетние и из-за возраста и относительного радикализма часто именовались сторонними наблюдателями «младотурками».

Первоначально Ельцин поставил правительство России под контроль первых двух групп, а большинство «младотурок» посадил в Государственный совет, консультативный орган, откуда они должны были осуществлять прямой контроль над правительством России. Люди, возглавлявшие правительство России, в том числе премьер-министр Иван Силаев, были за сохранение Союза, а «младотурки» считали, что России лучше быть полностью независимой. По их мнению, союз с другими республиками, в большинстве которых все еще господствовала старая коммунистическая номенклатура, может заблокировать экономические реформы, необходимые России, и будет вытягивать из России ресурсы, которые ей требуются для проведения собственных реформ и развития. А кроме того, независимая Россия позволит им занять более важные посты. Так, например, Андрей Козырев, министр иностранных дел России, уже не будет больше подчиняться советскому министру иностранных дел.

Для многих в этой группе практические соображения

подкреплялись (а возможно, были порождены) убеждением, что Россия исторически пошла по неверному пути, расширяя свою империю, и теперь должна, подобно другим метрополиям XX века, отбросить имперские придатки. Иначе, считали они, невозможно будет создать современное, демократическое государство.

Те же, кто противостоял желанию «младотурок» видеть независимую Россию, отнюдь не все были стариками или коммунистами, или сторонниками империи. Немало демократов-реформаторов, в том числе Анатолий Собчак и Григорий Явлинский, выступали за добровольное объединение, утверждая, что Россия лишится части себя, если откажется от союза, особенно учитывая ее нынешние границы.

Александр Ципко, философ, который в начале гласности первым опубликовал в советских средствах массовой информации статью, открыто нападавшую на марксизм-ленинизм, решительно выступил против попытки России уничтожить Союз. В своей статье в «Известиях» 1 октября 1991 года он писал:

«Союз без всесоюзной собственности, без уважения к Президенту и Конституции, к союзным учреждениям, без общей союзной армии никому не нужен. Союз мог существовать только до тех пор, пока Россия существовала как объединяющее начало. Но выделившись из недр Союза Россия уже неотвратимо становится фактором разъединения…

Распад СССР по нынешним внутренним границам не только ведет к гибели Советской империи, но и к распаду исторического ядра государства. Многие, заселявшиеся на протяжении веков русскими территории сейчас оказались вне пределов нового Российского государства».

Ципко приписывал центробежную тенденцию личным политическим амбициям руководителей республик. Желание захватить местную политическую и экономическую власть было, безусловно, сильно, но оно было не единственным фактором. По мере того, как структуры Союза работали все менее и менее эффективно, начало казаться, что реформы можно будет провести, лишь игнорируя Союз и осуществляя их на республиканском или местном уровне.

* * *

А тем временем в России нарастали настроения, требовавшие смены правительства. Во время отсутствия Ельцина премьер-министр Иван Силаев подал в отставку в атмосфере

ожесточенной критики неэффективности правительства России в проведении реформ. После переворота Силаев стал также председателем Временного комитета СССР по управлению экономикой. Отказавшись от поста премьер-министра России, Силаев по сути дела связал свою судьбу с Союзом. Однако после его ухода с поста премьера в руководстве российским правительством образовался вакуум, которым вскоре воспользовались «младотурки».

Когда Ельцин в середине октября вернулся из отпуска, в стране росло недовольство политикой. Эйфория конца августа растаяла, и страна снова погрузилась в политические интриги. В средствах массовой информации замелькали мнения, что возможности, созданные победой над путчем, упущены из-за топтания на месте и нерешительности. Хотя деятельность компартии была прекращена, во многих местах партийные бюрократы завладели местными и провинциальными правительствами, из-за чего в большей части страны царила атмосфера противодействия реформам.

Серые, холодные октябрьские дни возвестили о близости зимы, экономика рассыпалась не по дням, а по часам, так что стали маячить голод и холод. Наконец радикалам-реформаторам удалось привлечь внимание Ельцина.

В конце октября, следуя их рекомендациям, Ельцин принял ряд мер, чтобы проложить для России курс, независимый от Союзного правительства и других республик. Двадцать восьмого октября он представил съезду народных депутатов России план радикальных экономических реформ и попросил год на то, чтобы провести экономические реформы с помощью указов и назначить губернаторов. Многие депутаты возражали против этого, как и против плана реформ, но съезд народных депутатов в конце концов одобрил его. Был также создан конституционный суд – первый в истории России – и Руслан Хасбулатов был избран председателем Верховного Совета…

Четвертого ноября главы республик собрались на заседание Государственного совета СССР и решили ликвидировать все министерства СССР, кроме обороны, иностранных дел, железных дорог, энергетики и атомной энергии.

Шестого ноября Ельцин издал указ, назначив себя председателем Совета Министров РСФСР. Своим первым заместителем он назначил Геннадия Бурбулиса, бывшего преподавателя марксизма-ленинизма в Свердловске, который возглавлял избирательную кампанию Ельцина в Российский парламент и считался лидером «Молодых турок». Другими заместителями председателя были назначены Егор Гайдар,

возглавлявший Институт экономики, человек, на которого оказала сильное влияние Чикагская школа денежно-кредитной экономики, и Александр Шохин, бывший министр труда…

Эти назначения, наконец, поставили радикалов-реформаторов во главе правительственного аппарата РСФСР. Они перестали быть советниками, чьи рекомендации можно игнорировать. Но им предстояло столкнуться с тем, что основные финансовые рычаги все еще находились под контролем Союзного правительства. Ельцин быстро ликвидировал эту проблему, издав 15 ноября пакет из десяти указов, которыми он обеспечивал себе контроль по сути дела над всеми советскими финансовыми учреждениями, равно как и над выдачей лицензий на экспорт нефти, золота и алмазов, добываемых на территории РСФСР.

Неделей позже Верховный Совет РСФСР взял под свой контроль Государственный банк. То обстоятельство, что парламент взял банк под свой контроль, а не оставил его в подчинении исполнительной власти (как это было в Советское время) или не сделал независимым (как Федеральный резервный банк в США или немецкий Бундесбанк), будет иметь серьезные последствия в будущем.

Стремясь ликвидировать организованную оппозицию планируемым реформам, Ельцин издал указ, запрещавший коммунистическую партию Советского Союза и коммунистическую партию России. (Изданный ранее Горбачевым указ о прекращении деятельности партии не являлся официальным запретом.) По всей вероятности, Ельцин не случайно объявил об этом 6 ноября, в тот день, когда по традиции один из членов Политбюро выступал с речью, посвященной большевистской революции, и точно через четыре года после того, как Горбачев выступил с праздничной речью, текст которой обсуждался в ЦК – Горбачев тогда выступил с нападками на Ельцина и потребовал исключения его из Политбюро. В тот день в 1987 году Ельцин сидел среди других руководителей компартии на сцене Дворца Съездов, понимая, что присутствующие в зале перешептываются о его неминуемой отставке. Теперь он отомстил им полностью: партию, которая пыталась изгнать его из политической жизни, теперь постигла та же участь от одного росчерка его пера.

К концу ноября у Союзного правительства ничего не осталось, кроме деморализованных армии и флота, расчлененных сил безопасности, судов и прокуроров без ясной юрисдикции да институтов президента и министра иностранных дел, чье министерство было только что переименовано в Министерство внешних сношений.

Союз независимых государств?

До середины ноября казалось, что большинство из двенадцати республик, остававшихся в Советском Союзе после отделения Прибалтики, создадут – хотя бы временно – государство того или иного типа. В начале сентября руководители десяти республик придерживались такой концепции. Однако, вопреки тому, что в договоре, который должны были подписать 20 августа, предусматривалось создание федерации, теперь Горбачев и руководители республик решили, что их союз должен быть конфедерацией. До попытки переворота Горбачев упорно утверждал, что с конфедерацией ничего не выйдет, теперь же его позиция была настолько слаба, что он мог рассчитывать лишь на довольно свободное объединение. Ельцин тоже заявил, что выступает против идеи новой союзной конституции. Вполне достаточно союзного договора в качестве юридической основы новой ассоциации, утверждал он.

Переговоры, однако, начались не сразу. В обстановке ускоренного экономического распада Государственный совет прежде всего занялся соглашением, которое регламентировало бы межреспубликанские экономические связи. Переговоры с самого начала показали, что республики намерены отобрать большую часть полномочий у центра.

Первоначальный проект соглашения, подготовленный группой Григория Явлинского в сентябре, предусматривал существование нескольких общих организаций, таких, как Центральный банк и Банк для внешней торговли, а также обязательств способствовать развитию частной собственности, иметь общую валюту и открытые границы, поделить между собой долговые обязательства СССР и координировать налоговую политику. Однако, когда представители правительств республик просмотрели проект, они убрали или ослабили многие пункты, существенно важные для экономического единства.

Так например, представитель России исключил пункт, предусматривавший рублевую зону для всех членов предлагаемого экономического сообщества, а Украина заблокировала предложение о координации бюджетной и налоговой политики его членов. Республики отклонили также пункт о создании конкретного механизма, который обеспечивал бы оплату советского долга (убрав налог с валютных поступлений от экспорта), и заменили его общими словами об обязанности разделить выплаты по долгам, оставив за республиками право решать, откуда они будут брать на это средства. Пункт о частной

собственности тоже вызвал серьезное противодействие со стороны ряда республик, но, убранный сначала из проекта, он был впоследствии восстановлен.

Явлинский был настолько расстроен хирургической операцией, проведенной республиками, что публично выразил сомнение в том, жив ли еще «пациент» (Союз), которого «он взялся лечить».

Несмотря на это, Договор об экономическом сообществе суверенных государств был подписан руководителями восьми республик 19 октября. В тот момент Украина и Молдова отказались его подписать, но сделали это двумя-тремя неделями позже. А Грузия и Азербайджан так к нему и не присоединились.

Подписанный под звуки фанфар и провозглашенный величайшим шагом вперед, этот экономический договор на самом деле был немногим больше обещания продолжать переговоры. Хотя он объявлял о создании экономического сообщества, требовалось еще два десятка дополнительных соглашений, прежде чем экономическое сообщество сможет стать реальностью. Важнейшие вопросы оставались открытыми: статус и полномочия учреждений экономического сообщества, устав банковского союза, права собственности, передвижение людей через границы и обслуживание внешних долгов. И эти вопросы, похоже, не скоро будут решены.

* * *

Ситуация с Договором об экономическом сообществе показала, что политический союз – более сложная проблема, чем экономическое сотрудничество, – примет очень свободную форму, если вообще будет возможен. Когда Ельцин в конце октября объявил свой план реформ без консультации с Горбачевым, многие решили, что это показывает его желание разрушить Союз, однако Ельцин продолжал утверждать, что он стоит за Союз. Более того: он удивил всех, когда на ноябрьском заседании Государственного совета объявил, что Россия не намерена создавать собственные вооруженные силы.

Заявление свое он сделал после доклада министра обороны Шапошникова, который предсказал, что если наметившиеся тенденции будут продолжаться, Советский Союз превратится в «конгломерацию противоборствующих княжеств».

Ельцин первым откликнулся на заявление Шапошникова. Россия, сказал Ельцин, не намерена создавать собственную армию, как бы ни поступали другие республики. Он заявил

менторским тоном, каким всегда пользовался, когда хотел что-то подчеркнуть: «Мы не будем ни первыми, ни вторыми, ни третьими, ни четвертыми, и это ответ России на опасения тех, кто считает, что она может кому-то угрожать». Затем, повторяя недавно сказанное Горбачевым, добавил: «Поскольку (несмотря на все трудности) мы пытаемся создать новое государство, Союз суверенных государств, оно безусловно должно иметь и единую армию, единые вооруженные силы».

Своим выступлением Ельцин не только поддержал позицию Горбачева относительно вооруженных сил, ной использовал ключевой термин Горбачева, заявив о создании «нового государства». Это означало, что Союз будет являться субъектом международного права с реальной властью, а не просто сообществом для дискуссий и координации действий.

Ельцин – человек изменчивого нрава, и никто не мог быть уверен, как долго он будет придерживаться своих взглядов. Собственно, так оно и произошло, когда на заседании Государственного совета, собравшегося 14 ноября в Ново-Огарево, где в апреле было заключено соглашение «Девять плюс один», он поднял вопрос о том, должен ли новый союз «быть государством».

При поддержке Шушкевича, но к удивлению остальных участников, считавших этот вопрос решенным, Ельцин выступил против создания «единого государства». Он предпочитал именовать это просто «конфедерацией».

Горбачев и Назарбаев возразили, заявив, что согласны с созданием конфедеративного государства, но не некой бесформенной аморфной структуры; Горбачев попытался возродить слово «союз», но Ельцин и остальные не пожелали с этим согласиться.

Для тех, кто не особенно вдавался в тонкости политологии, эти дебаты могут показаться буквоедством. На самом же деле это было не так: речь шла о том, будет ли союз, который они создавали, государством с президентом и законодательным органом, которое будет направлять и принимать послов и являться членом международных организаций, или же оно будет международной организацией, местом собрания своих членов, возможно, с генеральным секретарем, который будет ведать бюрократическими делами, но без президента. Горбачев почувствовал, что земля колеблется у него под ногами, и он упорно настаивал на том, что любой жизнеспособный союз должен иметь атрибуты государственности. Когда Ельцин и Шушкевич отказались уступить, Горбачев произнес роковые слова:

«Если не будет эффективных государственных структур,

зачем же тогда нужны президент и парламент? Если вы так решите, я готов уйти с поста».

Судя по записям Грачева, Ельцин классифицировал это заявление как «проявление эмоций», после чего Горбачев поднялся, повторил, что он не станет отвечать за аморфную организацию, затем вдруг повернулся к Ельцину и, явно намекая на Бурбулиса и «младотурок», сказал:

«Поймите, Борис Николаевич, во что нас втягивают те, кто предлагает России сбросить всех и пойти вперед в одиночку».

Ельцин, ко всеобщему удивлению, отступил, пробормотав: «Я не поддерживаю экстремистов. Давайте честно напишем – «конфедеративное государство».

В результате последовавшей за этим дискуссии группа пришла к решению, что новый союз будет именоваться «конфедеративное государство», но не будет иметь конституции – в основе его будет лежать договор, который они подпишут, плюс Декларация прав, принятая на Съезде народных депутатов в сентябре.

Перед самым концом заседания Шушкевич предложил снова встретиться для подписания текста – это обяжет подписавших поддерживать его, когда он будет рассматриваться в соответствующих законодательных органах. Все согласились с тем, что договор может быть подписан до конца года, однако Назарбаев, имея в виду 20 августа, в шутку заметил: «На этот раз давайте не устанавливать даты заранее».

* * *

Участники совещания вышли из зала и были встречены ярким светом прожекторов телевидения и потерявшими терпение журналистами, не один час дожидавшимися их в другой комнате.

Горбачев предложил Ельцину выступить первым, и Ельцин объявил: «Трудно сказать, сколько государств вступят в союз, но после сегодняшнего обсуждения я твердо убежден, что Союз будет».

Назарбаев заявил, что Казахстан всегда был за союз, не за старый, конечно, но за такой «союз, который действительно существует сегодня, союз суверенных государств, независимых и равных». Он добавил, что только будущее покажет, будет ли этот союз «конфедерацией или чем-то другим».

Шушкевич выразил согласие с тем, что союз возможен, и три президента Средней Азии поддержали его заявление.

Отвечая на последовавшие вопросы, Ельцин немного

прояснил то, к чему они пришли в результате обсуждения. Участники встречи согласились, сказал он, создать «союз суверенных государств – конфедеративное государство с функциями, которые будут по договору предоставлены ему государствами-членами».

Президенты республик подтвердили, что до подписания документа остается лишь обсудить его в соответствующих законодательных органах и, возможно, внести некоторые незначительные изменения.

Однако сам документ вызывал кучу вопросов. Так например, в одном пункте говорилось: «Союз суверенных государств выступает в международных отношениях как суверенное государство, субъект международного права и преемник Союза Советских Социалистических Республик». А в следующем пункте заявлялось, что «государства, входящие в Союз, являются полноправными субъектами международного права». Иными словами, у них будут свои министерства иностранных дел, свои аккредитованные дипломаты, они будут самостоятельными членами международных организаций, то есть будут иметь возможность вести сепаратную внешнюю политику, даже если она будет противоречить политике Союза. Трудно было представить себе, как это получится на практике.

Пункты, касающиеся вооруженных сил, тоже скорее вызывали дискуссии, а не устанавливали приоритеты. Республикам предоставлялось право создавать воинские подразделения, но их размеры и функции подлежали определению в подписываемых впоследствии «межгосударственных соглашениях». Союз суверенных государств сохраняет «единые вооруженные силы и централизованное командование стратегическими войсками, включая атомные ракетные войска». Учитывая, что в большинстве республик были сильны тенденции создания собственных министерств обороны и военных служб, было ясно, что никакого конкретного взаимопонимания не достигнуто, если не считать вопроса об ответственности за атомные войска. Так что споры по поводу размера и субординации национальных вооруженных сил должны были неизбежно возникнуть.

Горбачев сумел сохранить пост президента, равно как и правительство, возглавляемое премьер-министром. Союз будет также иметь Верховный суд, Арбитражный суд и Генерального прокурора, но большая часть полномочий центрального правительства передается республикам, таким образом эти институты будут иметь куда более ограниченную юрисдикцию, чем их предшественники в старом СССР. Центральным властям оставляли лишь совсем немного бесспорных полномочий. Хотя

Горбачев мало что мог сделать, он все же пытался отобрать у президентов республик как можно больше.

Горбачев планировал провести торжественную церемонию подписания договора 25 ноября на заседании Государственного совета, который снова собрался в Ново-Огарево. Его пресс-секретарь Андрей Грачев пригласил большое число журналистов и телевизионщиков для записи и съемок исторического события.

Встреча, однако, пошла не так, как ожидалось. Лишь только Горбачев открыл заседание, Ельцин заявил, что не может подписать документ, поскольку в ходе консультаций с Верховным Советом РСФСР выяснилось, что в такой форме документ не будет принят. Ельцин добавил, что русским законодателям не нравится концепция объединенного государства, они не согласятся даже на конфедерацию. Поэтому он предложил употребить термин «конфедерация демократических государств».

Горбачев пришел в ярость и обвинил Ельцина в том, что он отказывается от достигнутого ранее соглашения, но Ельцина поддержал Шушкевич. Хотя именно он предложил подписать документ на данном заседании, теперь Шушкевич заявил, что надо отложить подписание, поскольку парламентские комитеты его страны не закончили работу над текстом. Президент Узбекистана Каримов, ко всеобщему удивлению, тоже высказался зато, чтобы отложить подписание.

Разгорелись споры, и Ельцин добавил, что было бы неразумно подписывать документ до выборов на Украине, поскольку это может подтолкнуть украинцев занять даже более негативную позицию по отношению к союзу. Горбачев возразил, заявив, что наоборот – важно показать Украине, что союз будет в любом случае создан. Тогда Украине ничего не останется как присоединиться, утверждал Горбачев.

Хотя Шушкевич попытался заверить Горбачева, что они будут, по всей вероятности, готовы подписать документ дней через десять и у него нет оснований беспокоиться, Горбачев понял, что задержка с подписанием может быть роковой. У Ельцина и Шушкевича, казалось, были какие-то скрытые мотивы.

Выйдя, наконец, из себя, Горбачев заявил собравшимся, что им больше не нужен президент, поднялся и вылил на них поток ругани, какую употреблял, когда имел дело со взбунтовавшимися подчиненными коммунистами. Грачев приводит такие его слова: «Я не понимаю, как вы собираетесь дальше жить, – ведь, создав богадельню вместо единого государства, вы замордуете общество. Мы уже и так захлебываемся в дерьме!.. Если вы отвергнете конфедеративное государство, то дальше двигайтесь без меня!»

И он выбежал из помещения, сопровождаемый

сподвижниками.

* * *

Участники заседания по-разному интерпретировали уход Горбачева. Сам Горбачев и его сподвижники, такие, как Бакатин, Черняев и Грачев, говорят, что он разозлился и объявил перерыв, поскольку хотел дать президентам республик возможность проанализировать свои взгляды без него. Так, согласно интерпретации Грачева, когда Горбачев сказал: «Вам больше не нужен президент», он имел в виду на данной встрече, в данный момент. Он намеревался вернуться, когда его пригласят продолжить дискуссию. Сторонники Горбачева считают также, что Ельцин и Шушкевич заранее все спланировали: выстроив надуманные возражения, они намеренно прервали переговоры, чтобы оправдать свои последующие действия.

А Шушкевич и Ельцин говорят другое. Они утверждают, что вспышка Горбачева удивила их, так как они считали, что переговоры, хотя и затягиваются, тем не менее продвигаются вперед. Как сказал мне год спустя Шушкевич, они с Ельциным верили в переговоры, всегда обуславливая их консультациями со своими парламентами, а Горбачев слышал лишь то, что хотел слышать, и по обыкновению считал еще незакрепленное соглашение уже состоявшимся. Они с Ельциным, сказал Шушкевич, стремились выработать такое соглашение, какое было бы приемлемо для Украины, а Горбачев всякий раз отбрасывал в сторону их беспокойство и настаивал на условиях, каких Украина никогда бы не приняла. В результате, когда Горбачев 25 ноября в бешенстве покинул заседание, это было для них последней каплей. В отсутствие Горбачева они решили снова встретиться в Белоруссии и пригласить на встречу Кравчука.

Пока Горбачев ждал в кабинете наверху, президенты республик обсуждали, как быть дальше. А представители средств массовой информации по-прежнему сидели в ожидании, надеясь увидеть, как будет подписываться договор. Президенты республик решили предложить Горбачеву передать проект договора на одобрение законодательных органов республик с целью подписать его и ратифицировать до конца года. Они выбрали Ельцина и Шушкевича для передачи этого Горбачеву.

Войдя в верхний кабинет Горбачева, Ельцин пошутил, что их послали «с челобитной к царю», а Горбачев в ответ назвал Ельцина «царем Борисом». Оба не щадили резких выражений: Ельцин отметил царственные замашки Горбачева, а Горбачев

провел историческую параллель между Ельциным и царем Борисом – Борис Годунов в русской истории считается многими узурпатором трона, принявшим трагический конец.

Тем не менее Горбачев, казалось, был доволен тем, что именно Ельцин готов вывести ситуацию из тупика, и они вместе сошли вниз, заседание возобновилось, и было быстро достигнуто согласие о тексте заявления, предложенного президентами республик. Члены Государственного совета отказались, однако, встретиться все вместе с прессой, как это было после предыдущего заседания. На этот раз Горбачеву пришлось предстать перед камерами и журналистами одному.

Он даже не пытался скрыть своего разочарования и заметил, что руководители республик отступили от союзного договора.

Это отступление было окончательным. Государственный совет больше не собирался.

Беловежское соглашение

Когда 25 ноября Горбачев в бешенстве покинул заседание Государственного Совета, Шушкевич договорился с Ельциным о встрече, идеальные условия для которой, с его точки зрения, предоставляли уединение и сельский уют Беловежской Пущи.

За день до отъезда из Москвы в Минск Ельцин обсуждал сложившееся положение с Горбачевым, и оба они сошлись на том, что невозможно представить себе союз без Украины. Очевидно, они еще не знали, что сказал в тот день в Киеве Кравчук, поскольку Горбачев продолжал настаивать, что Украина, в конечном счете, присоединится к союзному договору. Фраза Горбачева о том, что результаты референдума за независимость отражают не более как намерение найти способ для создания основы равенства с другими республиками в будущем союзе, достаточно выражает всю меру его самообольщения. «Я уверен, – утверждал Горбачев, – что сегодня люди на Украине думают о союзе, так же как и люди в других уголках нашей огромной страны».

И Ельцин, и Кравчук, и Шушкевич отрицают, что заранее знали, чем завершится их встреча. Как утверждают Шушкевич с Ельциным, они не были уверены в том, что Кравчука удастся убедить принять хоть какой-то вид объединения, учитывая подавляющую поддержку независимости во время референдума на Украине и заявление самого Кравчука, сделанное им после вступления в должность президента. Насущным считалось, в особенности для Беларуси, добиться, чтобы граница с Украиной оставалась открытой: гарантировать этого через союзный договор было уже нельзя, поскольку Украина к нему не присоединялась, оставался, следовательно, один путь – сепаратно договориться с независимой Украиной.

С осени 1990 года между Россией и Украиной велась вялая и отрывочная дискуссия о том, каким быть содружеству, о котором договаривались республики. В обеих странах политики, противившиеся союзному договору как неизбежному ущемлению украинского или же российского суверенитета, работали над проектами соглашений о содружестве. В России Геннадий Бурбулис со своими сторонниками предпринял также попытку набросать проект соглашения, дававшего России предлог вобрать в себя все учреждения СССР и стать преемницей СССР с точки зрения международного права. Сопровождая Ельцина на встречу, Бурбулис прихватил эти наброски с собой.

Позже Ельцин вспоминал, что вначале он спросил Кравчука,

можно ли как-то приспособить союзный договор, по которому велись переговоры с Горбачевым, чтобы Украина согласилась присоединиться к нему. Когда же Кравчук ответил категорическим «нет», участники встречи переключили внимание на составление такого соглашения, которое Украину устроило бы. А это означало, что союз не может быть государством или «субъектом» международного права или обладать любыми атрибутами власти, позволяющими хоть как-то ограничить суверенитет его членов.

Советники работали всю ночь, а когда в воскресенье утром документ вроде бы был готов к подписанию, три главных участника встречи связались с Назарбаевым, чей самолет только что приземлился в Москве, и пригласили того присоединиться к ним. Вначале Назарбаев согласился, но затем, переговорив по телефону с Горбачевым, решил не ехать. Позже он пояснил, что почувствовал: он уже не сумеет повлиять на ход переговоров и не захотел участвовать в том, что многие расценят как заговор.

Ельцин с Шушкевичем, однако, не были уведомлены, что Назарбаев не прилетит. Соорудив для подписания большой стол и призвав журналистов засвидетельствовать церемонию, они отправились в аэропорт встречать казахского руководителя. Когда Назарбаев не прибыл, три лидера взялись за дело и подписали совместную декларацию и Соглашение «Об образовании Содружества независимых государств». Некоторые комментаторы отнеслись к нему как к «славянскому содружеству», однако подобного намерения явно не просматривалось. Совместная декларация провозглашала, что содружество открыто для всех бывших членов СССР, равно как и других государств, «разделяющих цели и принципы» соглашения.

В качестве хозяина встречи Шушкевича отрядили связаться с Горбачевым и сообщить о том, что произошло. Ельцин вызвался позвонить президенту Бушу и первым вышел на связь. Позже в разговоре со мной Шушкевич отрицал, что так было специально задумано, утверждал, что не хотел сообщать Горбачеву такие новости по открытой линии связи, а в охотничьем домике не было защищенной правительственной телефонной связи, поэтому и ждал, когда вернется в Минск и позвонит Горбачеву оттуда. Ельцин, между тем, позвонил Бушу незамедлительно. Было так задумано или нет (а для многих объяснения Шушкевича звучат неубедительно, поскольку правительственные «дачи» и «домики» обычно оборудованы защищенными телефонными средствами), но можно понять ярость Горбачева, когда тот узнал, что Буша проинформировали первым.

Как рассказал мне Шушкевич, когда он связался по телефону

с Горбачевым и объяснил, что произошло, то Горбачев первым делом спросил: «А со мной что?»

Было ли это законно?

Очень скоро Горбачев отказался от сдержанности и экивоков в оценках Беловежского соглашения. Встречу в Пуще он стал характеризовать как точно такой же незаконный переворот, каким было создание ГКЧП в августе. Отличало их только одно, считал Горбачев: путч провалился, а соглашение состоялось.

Законно ли? Политики и правоведы все еще спорят на сей счет, и историки грядущих поколений, несомненно, продолжат этот спор. Оплакивающие Советский Союз, естественно, склонны видеть в недееспособном Содружестве Независимых Государств незаконный отпрыск заговора, в то время как жаждущие выйти за любые действенные пределы суверенности своей республики станут заверять, будто все проделано в строгом соответствии с законностью.

Каким бы ни был приговор специалистов конституционного права, ясно, что (в отличие от организаторов августовского путча, которым для создания иллюзии законности пришлось пустить в ход выдумку о нездоровье Горбачева) сотворенное Ельциным, Кравчуком и Шушкевичем носит спорный характер. Они были руководителями республик, избранными в ходе конституционного процесса в каждой из республик, и двое из них были избраны всенародным голосованием. Все три республики провозгласили суверенитет, две из них – полную независимость. Их республики являлись основателями Союза Советских Социалистических Республик, конституция которого предоставляла право на отделение. По-видимому, участники, бывшие зачинателями договора, обладают правом прекратить его действие, в особенности если договор сохранял принцип суверенности республик, что в данном случае имело место.

Прекрасно, согласятся одни. Республики, может, и имели изначальное право выйти из СССР, зато руководители, собравшиеся на встречу в Беловежской Пуще, не получали полномочий принимать такое решение. В конце концов, граждане всех трех республик во время мартовского референдума проголосовали за сохранение Союза.

Впрочем, вопрос, вынесенный на мартовский референдум, был настолько путано сформулирован, что вряд ли он имел законно обязывающее действие. А что касается Украины, то уже совсем недавно подавляющее большинство ее населения проголосовало за законно обязующее предложение установить полную независимость и ее парламент запретил тогдашнему правительству присоединяться к союзному договору. Если взять

Беларусь, то ее парламент огромным большинством проголосовал за декларацию независимости. Что до России, то мандат Ельцина менее очевиден, но, как и Шушкевич с Кравчуком, он впоследствии получил ратификацию Соглашения о Содружестве у себя в парламенте. Большинство граждан России, весьма возможно, предпочла бы союз, включавший Украину, независимости, но сомнительно, чтобы большинство поддержало союз без Украины.

Тем не менее, что бы ни говорилось в оправдание тайной встречи, положившей конец СССР, основатели Содружества явно не были скрупулезны в следовании процедурам, установленным советским законом.

Константин Лубенченко, последний спикер советского парламента, первоначально заклеймивший Беловежское соглашение как незаконное, в марте 1992 года сказал мне, что нисколько не сомневается в том, что Съезд народных депутатов СССР согласился бы на ликвидацию Советского Союза в безукоризненном, с точке зрения закона, порядке, если бы президенты республик выступили с прямой просьбой на сей счет. Депутаты осознали бы, что не смогут продолжать работу перед лицом оппозиции со стороны республик и, сколь бы то ни было печально, просьбу удовлетворили.

По мнению Лубенченко, профессора права по профессии, трагедия насильственной ликвидации структур советского государства состояла в том, что такие действия подрывали уважение к власти закона, этого все еще нежного и слабого побега в России и других бывших советских республиках. Более того, он считал, что тем самым бросается тень на легитимность нового российского государства и оппозиционеры и недовольные получат основание прибегать к неконституционным методам.

Будущее Горбачева

Горбачев смирился с выпавшей ему судьбой с достоинством, но не безропотно. Буквально ежедневно, до самой отставки, он выступал с заявлением или устраивал интервью, предупреждая о грядущих опасностях, если союзному государству будет отказано в существовании. Он предсказывал этнические раздоры, хозяйственный хаос, распад России и других республик, считал весьма высокой вероятность гражданской войны.

Его уже мало кто слушал, но Горбачев либо не замечал, либо не обращал на это внимания. Даже когда его собственное низложение стало очевидностью, он продолжал свары с президентами республик. Впрочем, если не считать нескольких разрозненных встреч с Ельциным, горячие словопрения велись издалека: интервью журналистам, сообщения, распространяемые ТАСС, замечания в беседах с кем-либо из гостей. Президенты республик подчеркнуто отказывались приглашать его на свои встречи и собрания.

17 декабря я посетил Горбачева вместе с другими участниками проходившей в Москве конференции по этнической ненависти.

Он был спокоен и, очевидно, смирился со своей участью, но заявил, что еще не определил дня, когда уйдет с поста. Прежде ему хотелось посмотреть, каковы будут результаты встречи руководителей республик в Алма-Ате, назначенной на 21 декабря. Он явно рассчитывал выступить перед участниками встречи, но, похоже, понял, что его не пригласят, поскольку заметил, что в любом случае обратится к ним с посланием.

Послание Горбачева участникам алма-атинской встречи содержало ряд здравых и в перспективе полезных предложений, в том числе по желательности укрепления защиты прав человека, преимуществам общего гражданства и необходимости сохранять централизованное командование над ядерным оружием. В заключение он обратился с особым призывом позволить Верховному Совету СССР провести заседание и формально распустить Советский Союз, объясняя свой совет следующим образом:

«Нам следует начать новую эру в истории страны с достоинством и в согласии с нормами легитимности. Одной из причин исторических бед наших народов явились громадные разрывы в развитии, разрушительные революции, преждевременные порядки, навязываемые обществу. У нас достаточно как предпосылок, так и опыта, чтобы действовать в

рамках демократических установок».

Что касается алма-атинской конференции, то совет Горбачева оставили без внимания. Суть первоначального соглашения о Содружестве, подписанного в Беларуси, не изменилась.

Единственная уступка, которую сделали Горбачеву, касалась его личного будущего. Разговор об этом Горбачев вел с глазу на глаз с Ельциным, и встреча длилась более десяти часов. Ельцин представил требования Горбачева как непомерные, но немногие на Западе сочтут испрошенное Горбачевым неподобающим для уходящего в отставку главы государства. Он получил в свое распоряжение здание, где размещался один из научных институтов Коммунистической партии, чтобы использовать его под общественно-научный фонд.

* * *

В заключение следует сказать, что все ошибки и недочеты Горбачева не должны закрывать нам глаза на мужество, с каким он стремился изменить унаследованную им систему. Если бы, как утверждают некоторые из его критиков, единственной его целью являлось обретение еще большей власти, все усилия по осуществлению начатых им реформ не имели бы смысла. Личную власть Горбачев мог бы сохранить, удерживая страну под контролем Коммунистической партии. Его старания реформировать ее и утвердить представительную систему правления с ограниченными полномочиями невозможно объяснить, попросту отнеся их к упражнению в самовозвеличивании.

Горбачевские реформы были подлинными, и, хотя привели они к последствиям, каких он не предвидел, он прав и точен, когда утверждает, что, если сегодня у России есть возможность строить демократические институты, то это благодаря переменам, которые произошли в стране по его инициативе.

Я убежден, что в конце концов Россия будет считать Михаила Горбачева человеком, позволившим ей высвободиться из тенет. А тот факт, что он не сумел достичь Земли Обетованной, имеет значение второстепенное.

Р. Брейтвейт

Горбачев и перестройка. Взгляд из английского посольства

(Из книги Р. Брейтвейта «За Москвой-рекой. Перевернувшийся мир»)

Госпожа Тэтчер и Россия

Накануне победы госпожи Тэтчер на выборах 1979 года я был главой штаба политического планирования в Форин Оффис. В порядке подготовки, которую проводят все отделы Уайтхолла во время избирательной кампании, я написал доклад об отношениях между Востоком и Западом для нового министра иностранных дел, кто бы им ни оказался. И назвал Советский Союз «военным гигантом, но при этом политическим, социальным и экономическим пигмеем». В этом и последующих документах я утверждал, что страх Запада перед Советским Союзом преувеличен. В Африке, Азии и Латинской Америке Советы зарываются. Их экономическая система неустойчива. Громадная по численности и вездесущая тайная полиция – признак слабости, а не силы. Советское правительство боится собственного народа. В 1962 году оно подавило бунт в Новочеркасске, прибегнув к кровопролитию. (В разговоре со мной Виктор Луи как-то заметил, что правительство никогда не может быть уверено, что в следующий раз солдаты станут стрелять.) По контрасту с этим положением западный альянс находился в хорошей форме. В разумных пределах уверенный в себе Запад, считал я, сможет успешно справиться с советской угрозой.

Мои коллеги находили эти суждения самоуверенными. Никакого заметного влияния на образ мыслей официальных кругов они не имели, и не похоже было, что в тэтчеровскую эру их ожидает успех.

Однако я недооценил Тэтчер. В начале 1980 года ее личный секретарь, Майкл Александер, убедил ее принять участие в дискуссии о России с группой экспертов Форин Оффис. Вначале она заартачилась («Форин Оффис… Форин Оффис… А они-то что знают о России?»). Однако смягчилась и 7 февраля 1980 года в первый и, возможно, единственный раз она пересекла Даунинг-стрит и вошла в нарядный кабинет лорда Каррингтона.

Наша команда состояла из меня и Кристофера Маллаби, который недавно возвратился в Лондон после пребывания в качестве главы политического отдела английского посольства в Москве. Перед тем как госпожа Тэтчер прибыла в его кабинет, лорд Каррингтон дал нам несколько настойчивых советов. Если мы будем с ней не согласны, мы должны довести это до ее сведения, а если она попытается не дать нам вставить ни словечка, надо ее перекричать.

Почти с первой же минуты, как она вошла в кабинет, госпожа Тэтчер начала монолог о советской угрозе. Однако она была вся

внимание, как это с ней случалось, когда она была по-настоящему заинтересована (как бы переключая в этот момент какую-то внутреннюю зубчатую передачу). И на этот раз произошло то же самое, как только Кристофер приступил к блестяще обоснованному анализу нынешнего состояния Союза. После того как он перечислил экономические, технологические, социальные и политические трудности, с которыми сталкивается Советский Союз, она заметила, что, если Советский Союз действительно находится в столь опасном положении, значит, система в скором времени рухнет.

«Нет, нет, – поспешно возразили мы. – Дело обстоит совсем не так. Внутри советского общества пробиваются ростки перемен. Со временем система может стать более демократичной и менее экспансионистской. Однако это произойдет нелегко, пока партия и ее аппарат репрессий остаются в целости».

* * *

За этой встречей последовали еще две, в том числе длившееся целый день совещание в Чекерсе, на котором госпожа Тэтчер организовала небольшую команду сотрудников Форин Оффис, которые должны были сразиться с тремя учеными – Майклом Ховардом, Эли Кедури и Хью Томасом. Именно в Чекерсе я впервые услышал ее точку зрения по поводу ядерного оружия как силы, призванной защищать мир. Позже она говорила мне, что вовсе не была уверена, будто бы в случае нужды могла бы нажать на кнопку. «Я тоже хочу иметь внуков», – сказала она с подкупающей улыбкой.

Эти встречи и последующий семинар с участием ученых в Чекерсе в 1983 году продемонстрировали интеллектуальную любознательность госпожи Тэтчер и более глубокое понимание ею проблемы, нежели ей обычно приписывали. Она изменила характер дебатов своим заявлением в декабре 1984 года, что Горбачев – это человек, с которым она может «делать дело» – исторически интуитивное прозрение, за которое Горбачев навсегда остался ей благодарным.

Во время ее поездки в Москву весной 1987 года она надолго завоевала восхищение телезрителей, когда отчитала троих советских журналистов во время теледебатов по поводу агрессивной военной позиции Советского Союза. Советские люди впервые узнали правду о том, как их рубли, взимаемые в виде налога, попусту тратятся на бесполезное военное снаряжение.

В России госпожа Тэтчер на долгие годы осталась легендой.

Горбачев

Когда вы встречались с Горбачевым, сразу становилось понятным, почему госпожа Тэтчер считала, что это человек, с которым она «может делать дело». Человек живого и необыкновенно быстрого ума, он казался меньше ростом, чем вы ожидали: ведь всегда кажется, что крупная личность должна быть большой и высокой. Он был оживленным, разговорчивым, прямым, лишенным всякой напыщенной важности. У него была заразительная улыбка, карие глаза с внутренней искоркой, почти средиземноморское обаяние и открытая доверчивая манера себя держать – так, словно вы, пусть на мгновение, были его лучшим другом.

Открытость была, пожалуй, маской. Анатолий Собчак, политик-демократ, ставший впоследствии мэром Санкт-Петербурга, как-то заметил, что всякий, кто думает, что знает, о чем думает Горбачев, ошибается. В личном общении со своими коллегами он был способен проявить авторитарный норов, употребить соленые словечки, показать «железные зубы», о которых говорил Громыко во время избрания Горбачева в 1985 году Генеральным секретарем.

Критики утверждали, что Горбачев не любил присутствия людей ему равных – слабость, нередко свойственная политическим лидерам. Однако его перестроечная команда включала людей значительных самих по себе – министра иностранных дел Шеварднадзе, премьер-министра Рыжкова и советника по теоретическим вопросам Александра Яковлева. В отличие от многих русских руководителей, любящих шумную мужскую компанию, обильную выпивку и русскую парную баню, Горбачев, при всей его внешней общительности, держался особняком. Он не приглашал своих коллег к себе на официальную дачу в окрестностях Москвы, в отпуск обычно отправлялся в сопровождении ближайших членов семьи и двух-трех помощников.

Он не скрывал своей преданной любви к жене Раисе Максимовне. Очевидно, он очень нуждался в ее моральной и эмоциональной поддержке и считал, что она должна участвовать в его официальной жизни. Она ежедневно звонила ему по тому или иному поводу и его сотрудникам в их служебные кабинеты. Когда он после долгого рабочего дня возвращался вечером на дачу, он имел обыкновение около часа прогуливаться с ней и обсуждать вопросы, решавшиеся в течение дня. Отправляясь в поездки по официальным делам, брал ее с собой. Русские

мужчины видели в этом еще один признак слабости. Впрочем, Раиса Максимовна была непопулярна также и среди русских женщин. Они завидовали ее элегантной одежде и не одобряли того, что им казалось ее властной манерой держаться. Лишь немногие из них воздавали Горбачеву должное за то, что он сделал возможным для жен высокопоставленных деятелей выйти за пределы советского варианта покоев средневекового «терема», отведенных специально для женщин.

* * *

Горбачев обладал в полной мере честолюбием, энергией, хитростью и, конечно, тщеславием, которые требуются политику, чтобы взобраться по навощенному шесту до самой вершины. Враги обвиняли его в склонности к колебаниям и трусости. Но он обладал мужеством вынашивать неортодоксальные мысли, добиваться их реализации, несмотря на решительное противодействие старой гвардии, и изменять свое мнение, если этого требовали обстоятельства. Он любил споры, беседы, даже болтовню. В первые годы пребывания у власти он руководил дискуссией в партии. Имея дело с западными лидерами, проявлял такую свободу и живой интерес при обсуждении сложных вопросов разоружения и международной политики, какие не были свойственны до него ни одному советскому лидеру. Даже Хрущев, самый человечный из них, не мог сравниться с Горбачевым в умении, проявлявшемся при разрешении труднейших проблем.

Враги Горбачева признавали его громадную работоспособность, прекрасную память и владение фактической информацией. Его первые дискуссии с госпожой Тэтчер и Джеффри Хау в декабре 1984 года показали, сколь огромна разница между ним и его предшественниками. Мы видели перед собой человека, который, в отличие от Брежнева, прочитал необходимые документы и приготовленные для него материалы и мог говорить без подсказки – уверенно, живо и умно, и который явно получал удовольствие оттого, что в споре мог платить Тэтчер той же монетой. Даже те из нас, кто видел только сухие официальные протоколы, мог почувствовать возбужденную атмосферу этих дискуссий.

Рядовой русский гражданин поначалу тоже был в восторге от свойственной Горбачеву прямой манеры держаться. Его прогулки по Москве и Ленинграду в первые годы перестройки были радостными событиями. Однако он становился все более и тягуче многоречив. Повторение им общих стратегических принципов не

могло заменить решительных действий в условиях распада страны. Он раздражал аудиторию своими бесконечными наставительными разглагольствованиями по телевидению. Московские интеллектуалы неприязненно подсмеивались над его южным говором и довольно небрежным обращением с тонкостями грамматики. Всех возмущало и то, что он проводит много времени с иностранцами, общество которых он, видимо, стал предпочитать, когда дела в стране пошли плохо. Киргизский писатель Чингиз Айтматов рассказывает, как он договорился о встрече с Горбачевым в разгар особенно шумной сессии нового парламента, чтобы обсудить срочный вопрос. Горбачев явился с почти часовым опозданием: «В соседней комнате Джейн Фонда.

Пошли, поговорим с ней». Иностранцы, конечно, были очарованы, когда он рисовал им картины будущего, вспоминал былые победы и ругал своих критиков – иногда целый час подряд. Однако, распрощавшись с ним, вы иной раз отдавали себе отчет в том, что при всем обаянии собеседника практически услышали очень немного.

* * *

Впоследствии стало модным критиковать Горбачева за то, что он всего лишь аппаратчик, человек, который, в отличие от Ельцина, мало был знаком с реальным миром, потому что сделал свою карьеру в прокуренных комнатах партийных комитетов. Это большое упрощение. Горбачев и его близкие полностью разделили участь всего советского народа при коммунизме. Почти вся его деревня вымерла от голода во время коллективизации в начале 30-х годов. Он и его семья почти так же недоедали в близких к настоящему голоду условиях после войны. Это было время, как он вспоминал впоследствии, когда с советскими крестьянами обращались не лучше, чем с крепостными при царях. Два его деда были арестованы во время «чисток». Отец участвовал в войне, когда немцы на короткое время оккупировали его родную деревню.

В детстве и отрочестве Горбачев, как и все, проводил долгие часы на работе в колхозе. Он поступил в Московский университет – необыкновенное достижение для молодого крестьянина – не благодаря связям, а лишь благодаря собственным заслугам. Первые 23 года своей партийной карьеры он провел в родном Ставропольском крае. В 1966 году, в возрасте 34 лет, стал первым секретарем Ставропольского горкома партии. Четыре года спустя он был уже секретарем Ставропольского крайкома КПСС, став,

таким образом, одним из членов самой влиятельной после политбюро группы людей в Советском Союзе. Он носился по своей области, как окружной комиссар в британской Индии, взбадривая людей, где надо покрикивая на них, разрешая местные проблемы, представляя интересы своих избирателей в Москве и проявляя при этом лихорадочную активность. К тому времени, когда он вошел в Политбюро, он так же хорошо убедился на личном опыте в великих достижениях и невзгодах, сопутствовавших жизни в Советском Союзе, как и любой из его сверстников.

* * *

Первая возможность увидеть Горбачева вблизи представилась мне во время его визита в Лондон в апреле 1989 года. Этот визит был для него важен. Он принял твердое решение освободить свою страну от ее непосильно возросших притязаний за границей. Между тем, его собственное положение внутри страны уже начало ослабевать. Русские видели, что Западная Европа стремительно продвигается вперед как политически, так и экономически, привлекая к себе нейтральные страны и даже союзников Советского Союза. На протяжении сорока лет «холодной войны» мы тревожились по поводу того, что Советы вытеснят американцев с европейского континента. Теперь русским приходилось, подобно Королеве Черных из «Зазеркалья» Кэрролла, бежать со всех ног просто для того, чтобы сохранить свое влияние в районе, жизненно важном для их интересов.

Горбачева больше всего волновало молчание, которое хранил Вашингтон в течение нескольких месяцев после избрания президентом Буша. Новый президент был занят строгим пересмотром политики по отношению к Советскому Союзу. Правые республиканцы в прошлом обвиняли его в том, что он слишком самонадеянно относится к советской угрозе. Его новый советник по национальной безопасности Брент Скаукрофт считал, что Горбачев потенциально более опасен, чем его предшественники. В январе 1989 года он заявил по телевидению, что новая политика Горбачева, быть может, просто имеет целью сбить Запад с толку, пока советская экономика перестраивается, после чего угроза возникнет вновь. Роберт Гейтс, заместитель Скаукрофта, а впоследствии директор ЦРУ заявил примерно в то же самое время: «Впереди нас ждет еще долгое состязание с Советским Союзом… Диктатура коммунистической партии остается нетронутой и неприкосновенной». Буш позвонил

Горбачеву по телефону и послал ему успокоительное письмо.

Однако недели шли за неделями, а американцы продолжали воздерживаться от обсуждения существенных вопросов, и Горбачев начал опасаться самого худшего. Накануне его прибытия в Лондон я сказал ему, что госпожа Тэтчер может донести до Вашингтона, как дело обстоит на самом деле, и тем самым восстановит процесс прекращения «холодной войны».

Горбачев прибыл в аэропорт Хитроу 5 апреля к вечеру. Церемония прибытия прошла скандально. Бетонированная площадка, на которой мы выстроились без особого порядка, покрылась ледяной коркой. Оркестр Королевских воздушных сил исполнил советский национальный гимн вдвое медленнее, чем следовало. Чиновники сновали туда-сюда, словно испуганные кролики. У госпожи Тэтчер вид был мрачный, и все происшедшее не осталось без последствий.

* * *

Госпожа Тэтчер никогда не приглашала своего посла участвовать в ее встречах с Горбачевым. Но мне позволили ознакомиться с остроумными и довольно откровенными протоколами, составленными ее личным секретарем Чарльзом Пауэллом и впоследствии дополненными очень полными и документированными мемуарами Черняева. Как я понял, утром в день приезда Горбачева они с госпожой Тэтчер как обычно занялись своими интеллектуальными упражнениями – обсуждением региональных споров, вопросов разоружения и ядерного сдерживания.

Я присутствовал на состоявшемся позже в маленькой столовой на Даунинг-стрит, 10 «рабочем завтраке». Велась общая беседа о международных делах. Однако реальной работы было проделано мало. Днем Горбачев выступал с речью о советской экономике перед собранием деловых людей в Ланкастер-Хаус. Его беззаботный оптимизм был приправлен модным макроэкономическим жаргоном («бюджетный дефицит», «денежная масса») – словами, которых его предшественники никогда не слыхивали. Однако, когда его спросили, кто управляет экономикой теперь, когда предприятия якобы сами отвечают за свое производство, ответ его был убийственно старомодным: «Спросите Госплан, Государственный плановый комитет. Там во всем разберутся».

В своих речах за обедом вечером того же дня на Даунинг-стрит, 10 и в Гилдхолле на следующий день Горбачев выражал

преследовавшее его беспокойство, что новый американский президент попался в руки «определенных кругов» – шифрованное обозначение вашингтонских реакционеров. Отвечая своему гостю, госпожа Тэтчер была великодушна, хотя и повторяла свой излюбленный, но приводивший слушателя в смущение тезис – для поддержания мира нет ничего лучше ядерного оружия.

Заключительным «мероприятием» был ланч в Виндзорском замке. Шел дождь, королева и Горбачев приняли парад Колдстримского гвардейского полка, а затем она показала ему свои русские сокровища – портрет Александра I кисти Лоуренса, большую малахитовую вазу, подаренную королеве Виктории Николаем I, коллекцию царских медалей Георга VI, – все это было украшено двуглавыми орлами. Когда перед ланчем подали напитки, оба чувствовали себя натянуто и неловко, быть может, из-за «призрака» убитого царя.

За столом королева сидела между Горбачевым и его министром иностранных дел Эдуардом Шеварднадзе – двумя обаятельными мужчинами. Госпожу Тэтчер усадили напротив, рядом с угрюмым Александром Яковлевым, который был до того необщителен, что она в отчаянии повернулась ко мне. Между тем королева и ее соседи по столу проявляли все большее оживление, и, когда после оглушительного удара грома сквозь тучи проглянул луч солнца, осветивший их всех, они даже засмеялись. Наверное, именно в этот момент Горбачев задал вопрос о ее приезде в Советский Союз, и она приняла приглашение, сказав, что посетит Россию «при подходящем случае». («Подходящий случай» пришелся на осень 1994 года, когда порадоваться этому визиту суждено было уже не Горбачеву, а Ельцину.)

К концу трапезы «призрак» как будто исчез. В тот вечер моя мать спросила, кормят ли в Виндзоре лучше, чем на Даунинг-стрит. Однако я не мог вспомнить, что ел в каждом из этих мест. К счастью, подробности меню были сохранены для потомства одним из переводчиков Горбачева в его мемуарах.

Горбачев был искренне рад той симпатии, которую проявили к нему простые британцы, окружившие плотным кольцом его автомобиль, когда он вышел из Ланкастер-Хаус. Черняев сказал мне, что важнейшим итогом визита был не обычный обмен мнениями с госпожой Тэтчер по международным вопросам, а то, что ей удалось убедить Горбачева, что президент Буш не собирается отказываться от политики американо-советского сотрудничества. Я объяснил Черняеву, что длительное молчание Вашингтона не было чем-то необычным. Новая администрация США часто месяцами разбирается в положении дел. Кажется, я не вполне его убедил.

* * *

Несмотря на все теплые чувства, отмечал я в своем дневнике, состоявшийся визит не дал каких-либо существенных результатов. Самые светлые дни в отношениях между Тэтчер и Горбачевым остались в прошлом. Совсем скоро, полагал я, главная роль перейдет к американцам и немцам, и кроме сантиментов мало что останется. Черняев впоследствии писал, что Горбачева раздражали резкие нападки госпожи Тэтчер на его политические воззрения. И все-таки теплая поддержка госпожи Тэтчер служила ему утешением, особенно в последний год его правления, когда она была уже не у дел. Для Черняева же магическая сила образа Тэтчер оставалась не меркнущей. «Маргарет Тэтчер была по-прежнему великолепна, – писал он об апрельской поездке. – Три часа я сидел напротив нее в кабинете на Даунинг-стрит, 10 и опять любовался ею. Она стремилась заворожить М.С. Он и искренне «откликался» на ее открытость, и подыгрывал ей, и делал вид, что «поддается», но и демонстрировал сдержанность». На обратном пути в самолете Черняев упрекал Горбачева:

«Она делает для нас доброе дело; она подняла планку перестройки и вашего авторитета так, что Колю, Миттерану и даже Бушу придется срочно учиться прыгать повыше. Она публично встала против волны пессимизма, которая начала уже накатывать на образ нашей перестройки… Никто так решительно не помогает нам сейчас менять международную ситуацию. Зачем же делать вид, что вы это не очень цените? И, кроме того, она женщина. Неправильно, будто это мужик в юбке. Весь ее характер, даже вся ее политическая манера поведения – женская. И это еще и англичанка».

Реформы Горбачева

Когда мы с моей женой Джилл прибыли в Москву на второй срок службы, Горбачев находился у власти три с половиной года.

Как у посла, у меня было одно важнейшее преимущество. В России все, от Горбачева до рядового гражданина, были в восхищении от британского премьер-министра. Мне удавалось видеть людей и различные места в Советском Союзе просто благодаря тому, что я был «послом госпожи Тэтчер». Однако отношения между Советским Союзом и Англией по сути своей не отличались такой теплотой, как личные отношения между двумя лидерами. Госпожа Тэтчер и Горбачев продолжали поддерживать энергичное и приятное общение друг с другом. Она продолжала служить важным проводником связи с Вашингтоном, когда прямая линия общения стала малодоступной в первые месяцы 1989 года, после избрания президентом Джорджа Буша.

Впрочем, в последующие годы ни Горбачев с Тэтчер, ни их чиновники не вели частых двусторонних переговоров по важнейшим проблемам дня. Об окончании «холодной войны» договоренность была достигнута не госпожой Тэтчер – об этом договорились американцы с немцами. Американцы вели переговоры о контроле над вооружениями, в чем англичане оказывали им серьезную помощь. И когда госпожа Тэтчер стала противиться понятному и неукротимому стремлению немцев к воссоединению, движимая предубеждениями и ложными историческими аналогиями, влияние Англии упало в Москве, так же как в Вашингтоне и Бонне. Только в последний год моего пребывания, в период от начала путча в августе 1991 до весны 1992 года, английское правительство во главе с Джоном Мэйджором вновь на короткое время стало играть значительную роль в отношениях между Востоком и Западом.

* * *

Главный вопрос состоял в том, устоят ли Горбачев и его реформы. Моя первая депеша в Лондон положила начало непрерывному обсуждению с Лондоном вопроса о том, удержится ли Горбачев и могут ли увенчаться успехом его реформы. Я назвал свое донесение «Впечатления от дебатов»; в мои первые два месяца в Москве меня больше всего поразила удивительная открытость публичных дискуссий – в печати, на радио, телевидении и в частных разговорах.

Эти дебаты уже коснулись самого слабого места политической и конституционной позиции Горбачева: монополии партии на власть, которая была торжественно закреплена в брежневской конституции 1977 года и поддержана 70 годами беспощадной практической деятельности. Пресса начала утверждать, что люди будут бояться возврата к ужасам прошлого, пока партия оставляет за собой право исключительного контроля. Горбачев еще не был готов сделать неизбежный вывод: ликвидировать монополию КПСС. Он говорил о необходимости «плюрализма» еще в 1987 году. Однако до февраля 1990 года он неизменно сопровождал его прилагательным «социалистический». Под этим он подразумевал, что состязание различных мнений должно быть разрешено, но лишь в партийных рамках. В то же время он избавлялся от «твердолобых» с помощью гуманного метода досрочной отставки, а не путем расстрела, как это делал Сталин, или натравливания на них толпы по примеру Мао Цзэдуна. Однако партия все еще оставалась его орудием власти, и он не мог себе позволить слишком настроить ее против себя. Он доказывал, что партия должна ограничиться «общим руководством», в то время как все остальные будут заниматься своим обычным делом. Однако эта идея не находила поддержки ни у реакционеров, ни у либералов. Многие русские давно уже игнорировали и презирали партию. Сейчас пришло время сказать об этом открыто.

Горбачев продолжал пользоваться громадным успехом на международной арене: он сделал шаги к ослаблению конфронтации сверхдержав, содействовал разоружению в сфере обычных вооружений, вывел войска из Афганистана, демонтировал советскую империю в Восточной Европе. Большинство его собственных граждан приветствовало ослабление внутренней и международной напряженности, хотя они были по большей части слишком поглощены собственными делами, чтобы обращать на все это много внимания. Но советские военные вполне естественно проявляли растущее недовольство отказом от всего того, что они создали после победы над Германией в 1945 году. Горбачев плохо отдавал себе отчет в причинах ропота в Восточной Европе, растущего недовольства на Кавказе и в республиках Прибалтики. Даже тогда никто из нас не предвидел, что Советский Союз в скором времени распадется на составные части.

Подобно диккенсовскому персонажу Микоберу, Горбачев продолжал надеяться, что прибалты и кавказцы каким-то образом смирятся со своим дальнейшим пребыванием в составе реформированного Союза, и именно это стало самой уязвимой

точкой его позиции.

* * *

Подводя итог своим наблюдениям в конце 1988 года, я сообщал Форин Оффис, что, даже если Горбачеву удастся создать либеральное демократическое государство – перспектива весьма отдаленная, Россия останется крупнейшей военной державой в Европе и проблемой для своих соседей и партнеров. Интересы даже либеральной России неизбежно будут иными, чем интересы всех остальных государств.

Возрождение русской церкви

В 1988 году было празднование тысячелетия Русской православной церкви, юбилея «Крещения Руси». Разрушенные церкви по всей стране были восстановлены: за год открылось более пятисот церквей (в 1987 году – всего шестнадцать). В 30-х годах Даниловский монастырь в Москве последовательно служил концентрационным лагерем, пересыльным лагерем, транзитным лагерем и сиротским домом для детей врагов народа. Теперь он стал местом пребывания патриархата в Москве, с отремонтированной церковью и новехоньким дворцом для дряхлого патриарха Пимена.

На празднества прибыло множество иностранных церковных иерархов и светских руководителей советского государства. Церковь, переставшая быть запуганной сторонницей атеистического режима, начала поднимать голову. Ее здания сверкали свежей краской, а купола – золотом.

Церкви и монастыри заполнили новые богомольцы. Закоренелые циники начали ходить в церковь и даже подумывать о крещении и церемонии венчания на предмет закрепления их давних гражданских браков со своими женами. Возможно, к религии как таковой это имело мало отношения, но в огромной степени укрепляло ощущение рядовых граждан, что советская система отняла у них их национальное достояние.

* * *

Пимен умер в мае 1990 года. С его преемником Алексием мы встретились всего за несколько недель до нашего отъезда из Москвы в 1992 году, когда он все еще сиял от счастья, впервые отслужив пасхальную литургию в некоммунистической России. Это был красивый мужчина, физически подтянутый, величественный, но без помпезности, с четками, намотанными на его пухлую левую руку. Как и большинство его собратьев, православных церковников, он был глубоко консервативен. Его возмущало то, как другие христианские церкви пользуются слабостью России, чтобы заниматься прозелитизмом – пропагандой своих взглядов. Годы преследований и антирелигиозной пропаганды, сетовал он, привели к тому, что простые люди не ощущали большой преданности своей собственной церкви. Они легко подпадали под влияние чуждых идей. «Иностранное ведомство Ватикана», по его мнению,

обращалось с Россией так, как если бы это была языческая страна, не обладающая христианской традицией и созревшая для обращения в католичество. Этот кошмар подогревался некоторыми крайними высказываниями папы поляка относительно восстановления христианского единства под эгидой Римской церкви. Секты евангелистов из Америки, жаловался он, пытаются подкупать православных обещаниями гуманитарной помощи в обмен на переход в их веру. Кришнаиты, астрологи, ясновидящие, шабаши ведьм – все это процветает.

Алексий был весьма красноречив в изобличении преступлений прежнего режима – расстрелов, коллективизации, искусственно вызванных вспышек голода, от которых погибли миллионы. Его тревожила репутация, которую стяжала себе Церковь своим сотрудничеством с КГБ, и он создал специальную комиссию молодых епископов для расследования этого вопроса.

Однако почувствовать себя вполне убежденным было трудно. Реакционное крыло православной Церкви еще задолго до Октябрьской революции было связано с самыми грубыми формами антисемитизма. Некоторые из епископов Алексия и теперь еще позволяли себе выступать с крайне оскорбительными заявлениями. Но кое-что лежало еще глубже, на самом дне. Те, кто убил либерального священника, отца Меня, так и не были пойманы, но либералы подозревали, что убийцы действовали или по указке КГБ, или по наущению крайних националистов-антисемитов в самой церкви, а быть может, и тех и других.

Однако Алексий, не дожидаясь никаких вопросов, заверил меня в том, что Церковь не настроена антисемитски. Он был активным противником всякой дискриминации или погромов, направленных против евреев, с которыми Церковь объединяют общие пророки и Ветхий Завет. Довольно неубедительно он утверждал, что Церковь совершенно не претендует на восстановление той роли и того престижа, какими она пользовалась до революции.

* * *

Радикальные священники возмущались попытками Алексия отмахнуться от своего прошлого. Они считали, что он всю жизнь был агентом КГБ. Разумеется, в советское время никто не мог сделать карьеры ни в Церкви, ни вне ее, по крайней мере, без молчаливого согласия «органов».

Алексий отвечал, что, только приняв на себя грех коллаборационизма, он мог содействовать сохранению Церкви.

Не кто иной, как Алексий, осудил в январе 1991 года расстрелы в Вильнюсе. Не кто иной, как Алексий, предостерег против кровопролития во время попытки путча в августе 1991 года. И не кто иной, как Алексий, впоследствии был посредником между Ельциным и российским парламентом накануне кровавого столкновения в октябре 1993 года.

В тоталитарном государстве все непросто, и никто не может считать себя совершенно безгрешным.

Наша маленькая победа

Когда нас расспрашивали в то время и впоследствии о жизни в Москве, разговор всегда начинался с вопроса: каково это, постоянно ощущать себя объектом надзора и подслушивания КГБ? И действительно это было постоянным фоном нашей повседневной жизни. В 60-х годах газета «Известия» имела обыкновение публиковать – обычно примерно раз в месяц – неприятно фальшивую историю о недостойном поведении какого-нибудь иностранного дипломата или журналиста. Иногда это была чистейшая выдумка, целью которой было напомнить советским людям о необходимости постоянной бдительности во взаимоотношениях с иностранным врагом. Иногда дело обстояло много хуже. КГБ использовал наркотики, секс и шантаж, чтобы поймать в свои сети ни в чем не повинных иностранцев, чтобы помешать установлению слишком дружественных отношений между иностранцами и русскими. Изредка они ловили настоящего шпиона или, по крайней мере, какого-нибудь безрассудного идеалиста, контрабандой ввозившего в страну Библию или вывозившего из нее подпольную литературу.

В посольстве наши собственные стражи безопасности предостерегли нас о том, что может произойти, если нас поймают «на чем-нибудь таком». Ни одна комната – ни в служебном помещении, ни дома – не была защищена от изощренных подслушивающих устройств КГБ. Младшему персоналу велели держаться подальше от советских граждан. Мы, все остальные, обязаны были докладывать о самом невинном и случайном контакте с тем, чтобы в случае неблагоприятных последствий можно было принять меры.

Все эти предосторожности были оправданными. КГБ часто пытался, и иной раз небезуспешно, играть на личных слабостях сотрудников посольства. Там не видели оснований ослаблять свои усилия после 1985 года, только из-за начала перестройки. Это осложняло жизнь внутри самого посольства. У нас было около ста советских служащих, которых направляло Управление по обслуживанию дипломатического корпуса (УПДК) Министерства иностранных дел.

У КГБ было много способов воздействия на советских служащих, чтобы побудить их доносить о работе посольства, о характере английских сотрудников, взаимоотношениях между ними и их слабостях – финансовых затруднениях, пристрастии к алкоголю и сексу. Должности, занимаемые советскими служащими посольства, хорошо оплачивались и были прочными.

Простой угрозы лишить человека работы в посольстве обычно было достаточно, чтобы поставить его на место, не прибегая к более крайним мерам – шантажу или угрозе родственникам. Неудивительно, что английские штатные сотрудники страдали паранойей. Иной раз отдельные смельчаки восставали против того, что они считали ненужными ограничениями, и на этом порой обжигались.

* * *

Постоянные придирки к нашим сотрудникам в Москве вызывали непрерывные скандалы с советским правительством. К этому же приводила и решимость английского правительства подрезать крылышки агентам КГБ в Лондоне. В 1971 году англичане выдворили из Лондона 105 советских чиновников – это была массовая акция очищения страны от реальных или подозреваемых агентов. Кроме того, для оставшихся был установлен численный потолок. Дальнейшие высылки последовали в 1985 году, когда двойной агент КГБ Гордиевский бежал с помощью англичан из Москвы.

В следующем году наступила очередь американцев. Рейган приказал выслать 25 официальных советских представителей, работавших в ООН. Когда русские предприняли ответную меру, он выслал еще 55 человек из Советского посольства в Вашингтоне и Генерального консульства в Сан-Франциско, а также, по примеру англичан, установил предельное число советских представителей, могущих работать в США. Тогда русские отозвали всех советских граждан, работавших в американском посольстве в Москве. Многих из этих несчастных ни та ни другая сторона заранее ни о чем не предупредила, и когда они явились на работу, охранники КГБ попросту выпроводили их за ворота американского посольства. Некоторые из них после этого долгие месяцы оставались безработными. А американским дипломатам пришлось самим убирать свои квартиры и мыть посуду после приемов. Английская и американская печать высмеивала сложившуюся ситуацию. Между тем этот факт был дополнительной нагрузкой, отвлекавшей от дела злосчастных чиновников, которые и так были отчаянно загружены в условиях ускоряющейся перестройки.

* * *

Через восемь месяцев после нашего прибытия в Москву, в пятницу 19 мая 1989 года, я посетил Анатолия Черняева, дипломатического советника Горбачева, с посланием на имя его начальника. Кабинет Черняева находился рядом с кабинетом Горбачева в помещении ЦК КПСС на Старой площади, неподалеку от Лубянки.

Черняев родился в 1921 году в Москве в либерально настроенной семье, взгляды которой определили его будущую позицию в отношении к власти и его политические воззрения. Это был веселый человек с седыми щетинистыми волосами и усами, похожий на английского полковника в отставке. Несмотря на свою внешность, он был несколько романтичен, заразительно смеялся, причем смех этот часто переходил в астматический хрип. Сразу из университета он ушел пехотинцем на войну. Астма чуть не стоила ему жизни, когда у него случился приступ во время патрулирования на ничьей земле. После войны он стал историком, работал в Московском университете, где специализировался по истории английского профсоюзного движения. После смерти Сталина стал работать в аппарате ЦК. Его либеральные идеи окрепли за три года работы в журнале «Проблемы мира и социализма» в Праге. Это было либеральное и интеллектуальное убежище для многих, кому суждено было стать поборниками перемен в Советском Союзе. В брежневские годы он был заместителем начальника Международного отдела ЦК компартии. Однако в то же самое время он поддерживал связи с учеными в области политических наук, экономистами, специалистами по международным делам, жившими в престижных «мозговых центрах», а также с художниками, театральными режиссерами и музыкантами либерального толка. Он, как и они, не был диссидентом. Но и он и они были частью интеллектуального мира, выработавшего «новое мышление», которое принесло практические плоды, когда Горбачев возглавил коммунистическую партию.

В 1986 году Горбачев назначил Черняева своим советником по вопросам внешней политики. Он сопровождал Горбачева во время всех важных внешнеполитических событий до самого конца и ушел вместе с ним в 1991 году в цивилизованную ссылку, в «Горбачевский фонд». Там он написал несколько обстоятельных и весьма содержательных мемуарных работ. В них он с располагающей откровенностью признается, что, в общем, литература и женщины всегда были для него гораздо важнее официальных дел. В этих мемуарах нет попытки оправдаться задним числом. В собственном дневнике Черняев часто критически отзывался о Горбачеве, особенно в последний год. Но

он оставался верен стратегическим целям Горбачева. Он стал одним из моих самых полезных посредников, а со временем и близким другом. Он был прямым человеком, который либо говорил мне правду, либо благоразумно хранил молчание.

* * *

Посланием, которое я должен был передать, было письмо от госпожи Тэтчер Горбачеву, информировавшее его о том, что она с большой неохотой санкционировала высылку из Англии десяти советских официальных представителей и трех советских журналистов. Чтобы смягчить удар, указывала она, она решила не прибегать к нашей прежней практике, а просто сократить численность сотрудников советских учреждений в Лондоне. Мы не будем добиваться широкой огласки, говорилось в послании, но Советы занимаются воссозданием в Лондоне своей разведывательной сети, и меры принять необходимо.

Ответ Черняева отличался характерной для него деликатностью. Он не стал прибегать к ответным упрекам, а спокойно спросил у меня, действительно ли мы располагаем доказательствами? Уверены ли мы в том, что выявили именно тех, кого следовало? Почему мы думаем, что удастся избежать огласки? Почему, учитывая тесные отношения между госпожой Тэтчер и Горбачевым, она ни о чем не предупредила Горбачева во время его визита в Лондон, состоявшегося всего три недели назад? (Вопрос вполне резонный, но такой, на который невозможно ответить.)

Я не мог передать аналогичное послание Успенскому, начальнику Второго Европейского отдела, занимавшемуся нашими делами в Министерстве иностранных дел: он и его сотрудники в это время принимали и развлекали моих коллег на министерской даче – это был жест доброй воли. Однако на следующий день поздно вечером я был приглашен в сталинский небоскреб на Смоленской площади, в Министерство иностранных дел, где первый замминистра Ковалев, человек, всегда производивший впечатление, словно он одной ногой стоит в могиле (как многие советские чиновники, он был к тому же поэтом), отверг наши обвинения. Восемь официальных английских представителей и три английских журналиста должны были в двухнедельный срок покинуть Москву «за деятельность, несовместимую с их статусом» – откровенное возмездие. В дальнейшем Советы установят такой же численный потолок для нашего штата в Москве, включая английских и

советских служащих, какой был установлен для официальных советских лиц в Лондоне. Я сказал ему, что у русских нет оснований удивляться или на что-либо пенять. Английские министры и другие чиновники, да и я сам, регулярно жаловались на растущее число советских шпионов в Лондоне. Мы своей позиции не ослабим. Изменять свою политику придется русским. Советский шпионаж в Лондоне никак не помогает рассеять «образ врага», против которого так настойчиво борется Горбачев. При последних словах Ковалев состроил крайне холодную мину, и мы весьма натянуто распрощались.

* * *

Выслав трех журналистов, русские сделали огласку неизбежной. Тем не менее, на брифинге, который я устроил для английской печати на следующее утро, это известие было как гром среди ясного неба. Английские журналисты считали, что после успешного визита Горбачева в Лондон все обстояло самым замечательным образом. Несмотря на утечки, которые, как обычно, распространялись агентством безопасности в Лондоне, и несмотря на то, что прошло уже 36 часов со времени моего демарша в Москве, они ничего не знали. Руперт Корнуэлл, корреспондент «Индепендент», не значившийся в списке выдворяемых, покидал брифинг с трясущимися коленями.

Вопреки своему суровому тону, русские были в растерянности. Герасимов, обычно быстро соображавший пресс-секретарь Министерства иностранных дел, не мог объяснить, как будет соблюдаться на практике предполагаемый потолок. («Не спрашивайте меня, я этого документа не писал».) «Представитель КГБ по связям с прессой» (фигура, вероятно, специально придуманная для данного случая) предъявил какие-то неуклюжие улики против одного из журналистов. Однако Александр Яковлев, один из основных союзников Горбачева в политбюро, намекнул, что все трое смогут в скором времени вернуться в Москву. Через два-три дня один из чиновников Министерства иностранных дел заявил нам, что русские хотят, чтобы наше сотрудничество шло обычным порядком, несмотря на действия «горилл с обеих сторон».

Высокопоставленные чиновники делали все, что могли, чтобы продемонстрировать свое дружественное расположение. Подготовка к официальным визитам велась в атмосфере еще более тесного сотрудничества, чем прежде.

«Московские новости» опубликовали полный текст статьи,

поносившей КГБ, которую написал один из трех изгнанных журналистов по возвращении в Англию.

* * *

Между тем мы пытались поддержать дух наших сотрудников. Жертвы страдали от перенесенного шока, за исключением немногих счастливчиков, которые не любили Россию, или тех, чей срок службы все равно уже подходил к концу. Устраивались прощальные вечеринки и прощальные поездки в аэропорт. Но даже эти печальные сцены имели свою комичную сторону. Пограничники в аэропорту усмотрели какую-то неточность в визе четырехлетней дочери помощника военного атташе Найджела Шекспира. Они запретили ее вылет. Я указал им на то, что, коль скоро вся семья высылается, нелогично мешать ее отъезду. Чиновники, среди которых появлялись все более высокопоставленные, были непреклонны. Вопрос удалось решить, лишь обратившись в Министерство внутренних дел в Москве.

Больше всего терял штат русских служащих. Я собрал их у себя в кабинете и сказал, что Джилл и я очень любим и будем продолжать любить их страну. Мы благодарны им за все, что они сделали для посольства. Мы считаем их своими коллегами и друзьями и намерены оспаривать советские требования, отстаивая как их, так и свои интересы. Я не видел ничего плохого в том, что КГБ узнает о моих словах, что, несомненно, и произошло, едва я их произнес. Так я вогнал маленький клинышек между КГБ и их ставленниками в посольстве. «Девочки», подавая в тот день ланч, молча обливались слезами.

После этого мы начали готовиться к переговорам. Род Лайн, глава политического отдела посольства, разработал и претворил нашу тактику в жизнь с необыкновенной находчивостью, искусством, энергией и сдержанностью. Нашей долгосрочной целью было добиться от Советов достаточно надежного заверения в том, что они умеряют свою разведывательную активность в Англии. Тогда обе стороны смогут ослабить ограничения «холодной войны», мешающие взаимовыгодным деловым отношениям. Английские министры не хотели, чтобы скандал вышел из-под контроля. Горбачев был в неловком положении. Высылка советских дипломатов, последовавшая так скоро после его триумфального визита в Лондон, делала его дураком в глазах сторонников твердой линии в его собственной стране. Его друг, госпожа Тэтчер, по всей видимости, над ним подшутила. Однако через несколько недель, проявив недюжинный здравый смысл, он

заявил одному английскому журналисту, что англо-советские отношения не пострадали из-за этого инцидента. У каждой страны время от времени случаются неприятности из-за шпионов. Когда журналисты пытаются узнать больше, чем того хотелось бы властям, – это нормально. Не следует раздувать недоразумение.

Переговоры длились несколько месяцев и в конце концов завершились рядом открытых или подразумеваемых соглашений. Некоторые официальные советские лица явно предпочитали вести переговоры в лондонских парках, а не в своих кабинетах, где, как они, вероятно, опасались, их подслушивали. Черняев неизменно был очень полезен.

Для госпожи Тэтчер все это было неприятным осложнением ее отношений с Горбачевым. Ее сотрудники деликатно намекали представителям английской прессы, что всю ответственность за высылку дипломатов и за тот ущерб, который она могла причинить англо-советским отношениям, лежит на министре иностранных дел Джеффри Хау и тогдашнем министре внутренних дел Дугласе Херде. Однако к тому времени самая трудная часть переговоров была уже позади. КГБ не удалось добиться реванша, мы ни от чего существенного не отказались и здравый смысл возобладал.

Это была маленькая победа как для нас, так и для Горбачева.

Консерваторы и реформаторы

Мои отношения с Эдуардом Шеварднадзе развивались более медленно. У меня не было существенных вопросов для обсуждения с ним, кроме споров по поводу шпионов, которых он благоразумно сторонился.

У Шеварднадзе была совсем не русская внешность: грива седых волос, проницательные глаза, сильный грузинский акцент и манера поведения, отличавшаяся тем, что моменты, когда он был по-настоящему обаятелен, проявляя живую эмоциональность южанина, чередовались у него с угрюмой замкнутостью. Это был человек большого нравственного мужества, поставивший под угрозу свою карьеру ради женитьбы на женщине, чей отец был расстрелян в годы террора. И одновременно обладавший физическим мужеством. Так, во время футбольного матча в Тбилиси он один противостоял разгневанной толпе недовольных решением судьи болельщиков, вторгшейся на футбольное поле сквозь милицейское ограждение. Шеварднадзе усмирил ее. Большинство грузинских сограждан гордились его видной ролью на международной арене. Но в то же время он не был особенно популярен. На постах министра внутренних дел и секретаря компартии Грузии он нажил себе много врагов. Наши грузинские друзья не простили ему того, что он настоял на казни группы молодых людей из круга тбилисской «золотой молодежи», которые в 1983 году угнали самолет и убили несколько членов экипажа.

Шеварднадзе и Горбачев сблизились еще в ту пору, когда Горбачев был первым секретарем Ставрополья, граничащего с Грузией. Именно тогда они пришли к единому мнению, что Советскому Союзу нужны внутренние перемены и что он слишком далеко простер свои амбиции за рубежом. У Шеварднадзе не было опыта в международных делах. Иностранцы были удивлены, а советское Министерство иностранных дел огорчено, когда Горбачев пригласил его в Москву на пост министра. Однако он быстро освоился и вошел в курс дела, занимаясь наиболее сложными проблемами – разоружения и Центральной Европы. Он добивался одного компромисса за другим, несмотря на противодействие Министерства иностранных дел, близкого к мятежу оборонного ведомства и становившегося все более враждебным законодательного органа. Консервативная оппозиция и многие простые граждане стали смотреть на него, как на предателя.

* * *

Почти так же сильно им не нравился другой главный помощник Горбачева. Александр Яковлев, человек уже в летах, был ранен на войне, и этот факт служил убедительным доводом в его защиту, когда военные и реакционеры обвинили его впоследствии в измене родине. Не столько политически активный деятель, сколько ученый и теоретик, он тоже вышел на авансцену из низовых партийных рядов.

В 1972 году его карьере был нанесен удар, когда он публично осудил русский национализм. Он был «сослан» послом в Канаду. Горбачев встретился с ним во время своего визита в эту страну, и он ему понравился. В 1983 году Яковлев вернулся в Москву и стал директором престижного Института мировой экономики и международных отношений (ИМЭМО). В 1987 году Горбачев сделал его членом Политбюро.

Несмотря на репутацию неортодоксального человека, он еще в 1988 году публично утверждал, что цель перестройки – вернуть страну к ленинским идеалам социализма. Он вышел из партии лишь накануне путча, немногим меньше чем за неделю до выхода из нее самого Горбачева.

Иностранные журналисты называли его «отцом перестройки». И он действительно много сделал в интеллектуальном отношении для осуществления реформы. Однако его коллеги, как реформаторы, так и реакционеры, были раздражены в равной мере. В скором времени он вступил в конфликт с Лигачевым и другими консерваторами. Глава КГБ Крючков очень язвительно отзывается о нем в своих мемуарах.

На своих нелестных для него фотографиях Яковлев походил на страдающую поносом лягушку. Однако в жизни он производил более приятное впечатление, чем можно было ожидать, судя по его репутации или внешности. В последние годы существования Советского Союза он, как и Шеварднадзе, играл все более видную роль проводника либеральных идей, и в результате его отношения с Горбачевым стали менее ровными.

* * *

Премьер-министр Рыжков был в первое время близок к Горбачеву. В 1983 году больной Генеральный секретарь Андропов поручил им обоим поработать над планом реформы. В течение последующих нескольких лет они разработали много практических мер. Рыжков был красивым мужчиной, тщеславным

и обидчивым. Его эмоциональные выступления перед телекамерами заработали ему прозвище «плачущий большевик». Он дослужился от рабочего цеха до генерального директора «Уралмаша» в Свердловске (ныне Екатеринбург). Это завод тяжелого машиностроения, один из флагманов советской индустрии, членом правления которого мне довелось побыть много лет спустя.

В 1975 году Рыжков прибыл в Москву уже в должности министра. Десятью годами позже Горбачев ввел его в политбюро и назначил премьер-министром. Его опыт, таким образом, сильно отличался от опыта других деятелей перестройки: он был не партийным чиновником, а практическим менеджером. Его глубоко возмущало то, как партия ограничивала его свободу управлять «Уралмашем», и одной из его главных целей было вообще отстранить партию от контроля над экономикой. Он решительно отстаивал свои прерогативы премьер-министра и руководителя правительства. Он был убежден в том, что правительство может и должно направлять движение страны к рынку продуманным и упорядоченным образом, с тем чтобы причинить минимальный ущерб простым людям.

По мере того как темп перемен ускорялся и становился все более противоречивым, его все больше огорчало развитие событий. В середине 1989 года он отдалился от Горбачева, обвинив его в том, что тот не оказывает ему надлежащей поддержки. В ельцинской России он примкнул к правым неокоммунистам, несмотря на сравнительно либеральные взгляды, которые высказывал в разгар перестройки.

* * *

Еще одним человеком, близким к Горбачеву, был Вадим Бакатин. Подобно большинству членов команды Горбачева, Бакатин был всю свою профессиональную жизнь коммунистом, «типичным аппаратчиком», но все-таки не совсем обычным. Живой и обаятельный, он был художником-любителем, работы которого висят на стенах в нашем доме. У него было широкое красивое лицо и открытая, доверчивая улыбка, как у Иванушки из русских сказок, которому удается завоевать сердце царевны.

Он вырос в Кемерово, в Сибири, где и сделал первые шаги в своей партийной карьере. Вызванный в Москву в 1983 году, он был назначен на должность инспектора ЦК. В его обязанности входило разъезжать по стране и наводить порядок в местных партийных организациях, сбившихся с правильного пути, –

задача, которая в сталинские времена имела серьезные, а иной раз роковые последствия для местных чиновников, которых это касалось.

Затем Бакатин вернулся в Кемерово, уже в должности первого секретаря – крупный шаг вверх по иерархической лестнице. Горбачев разглядел его в 1989 году и назначил министром внутренних дел. Несмотря на свое прошлое, он был либеральным поборником просвещенной политики в области уголовного права. Он не верил в то, что проблему преступности можно решить лишь с помощью денежных ассигнований. Он повысил зарплату и улучшил экипировку милиции, а также заслужил преданность ее сотрудников, уважение многих либералов и ненависть сторонников жесткого курса. Осенью 1990 года, когда Горбачев качнулся вправо, последние добились смещения Бакатина, а когда в оставшиеся месяцы существования Советского Союза ему было поручено реформировать КГБ, их ненависть к нему удвоилась.

* * *

Анатолий Лукьянов был первым из новых советских лидеров, с которым я встретился, когда вручал ему свои верительные грамоты как председателю старого Верховного Совета.

Я всегда отказывался купить дипломатическую форму, не желая тратиться на ненужную, старомодную и претенциозную вещь. Поэтому явился засвидетельствовать свое почтение в форме, взятой напрокат в театральной костюмерной фирме «Натан и Берман». Это было великолепное одеяние, увенчанное шляпой с убогим страусовым пером.

Церемония происходила в небольшом помещении в Кремле. Лукьянову было в то время под шестьдесят. Это был коренастый человек с восточным типом лица и лоснящимися седыми волосами, плотно облегавшими череп. В нем не было надутого чванства, характерного для старых советских руководителей с их «плоскими анекдотами» и замораживающими собеседника улыбками. Он довольно мило заметил, что и сам впервые участвует в церемонии вручения верительных грамот. Мы были одинаково не уверены, какие от нас требуются балетные па («два шага вперед, шаг назад, поклон, приглашайте своих партнеров…»). Лукьянов заявил, что очень интересуется английской поэзией, оказалось, что он тоже поэт, и в доказательство этого прочитал наизусть довольно большие отрывки в русском переводе. Мы проболтали на различные

интеллектуальные темы дольше, чем нам было отпущено времени, и расстались.

Лукьянов изучал право в Московском университете в то же самое время, что и Горбачев. Он был архитипичным представителем бюрократа «из центра». Большую часть своей карьеры провел в секретариате старого Верховного Совета; в 1983 году его перевели в секретариат ЦК, где он также преуспевал, особенно при Горбачеве. В сентябре 1988 года сделали кандидатом в члены политбюро и снова отправили в Верховный Совет, дабы руководить им в интересах Горбачева.

Ввиду его близости к Горбачеву иностранцы были склонны видеть в нем одного из главных столпов перестройки. Проницательные наблюдатели, вроде Саши Мотова и Константина Демахина, не обманывались на этот счет и справедливо относились к нему с подозрением. Летом 1991 года он помогал в организации заговора против Горбачева. В своих тюремных мемуарах Лукьянов предстает как человек очень умный и наблюдательный. Он тоже был искренним сторонником некой ограниченной реформы. Но он видел, что кардинальные перемены, затеянные Горбачевым, приведут к распаду Советского Союза и концу социализма. Об этом он не хотел даже думать.

За два с половиной года, пока его не посадили в тюрьму, я виделся с ним всего раз или два. Возможности для еще одной приятной беседы мне больше не представилось.

* * *

Дмитрий Язов, министр обороны, был типичным советским генералом. Лицо его походило на сморщенную картофелину, и как многие советские генералы он был краснолиц и дороден, не без своеобразного грубоватого шарма, но готовый всегда и постращать подчиненного.

Родился он в 1923 году в Язове, деревне в Западной Сибири, – отсюда и фамилия семьи. Отец его умер, когда он был еще совсем маленьким. Деревенские старейшины выдали его мать замуж за мужа ее покойной сестры, и он рос в семье, где было десять детей. Таким образом, своим простым происхождением он походил на Горбачева и многих своих старших коллег. Пожалуй, нет ничего удивительного в том, что, когда наступил решающий момент, он предпочел остаться верным системе, которая дала ему шанс выдвинуться.

Когда Горбачев в мае 1987 года назначил Язова министром, он был одним из последних строевых офицеров, действительно

участвовавших в войне. Ни наблюдатели извне, ни депутаты нового Верховного Совета не могли понять, почему Горбачев опирался на него как на проводника реформ. Хотя вначале он, видимо, делал все что мог, чтобы верно служить Горбачеву, ничто из того, что я когда-либо слышал из его уст, не свидетельствовало о том, что он действительно всей душой поддерживает эту линию. Многие считали его неотесанным, но это было результатом недооценки его ума и проницательности. Он свободно оперировал подготовленными для него материалами и хотя во время переговоров нередко покрикивал, манеры его, можно сказать, были учтивыми по сравнению с манерами некоторых его коллег. Он тоже был поэт и произвел на Джилл большое впечатление своим знанием как русской, так и английской литературы.

Эмма, милая советская женщина, была его второй женой, с которой он познакомился при романтических обстоятельствах. Более благоразумная, чем ее муж, она всячески отговаривала его от участия в августовском путче 1991 года, но безуспешно.

* * *

В сентябре 1988 года Горбачев назначил главой КГБ Владимира Крючкова. Вскоре у послов стало модным наносить ему визиты. Но я встретился с ним, маленьким, морщинистым человеком, сопровождаемым пухленькой женой, лишь на двух-трех официальных церемониях. Я не видел смысла в более серьезной встрече, так как мы все равно стали бы без толку препираться по поводу взаимных высылок дипломатов и журналистов или отказа КГБ разрешить Лейле Гордиевской воссоединиться со своим мужем, двойным британским агентом Олегом Гордиевским. Таким образом, я знал его лишь по его публичным высказываниям и по его мемуарам.

Мемуары рисуют его как преуспевающего, умного, но старомодного партийного чиновника. Он начинал жизнь фабричным рабочим в Сталинграде, служил в советском посольстве в Венгрии во время восстания в 1956 году, был взят на работу в КГБ Андроповым и в течение четырнадцати лет руководил разведывательными операциями этого учреждения, прежде чем стать его главой.

Даже после августовского путча 1991 года, с горечью оглядываясь назад, он признавал, что перемены угрожающе задерживались из-за закостенелой и близорукой позиции советского руководства, а также потому, что партия душила

нормальную политическую жизнь и оторвалась от народа. Он и его сподвижники считали, что перемен можно достигнуть, подлатав кое-какие детали системы. Однако его психология имела глубокие корни в прошлом. Подобно своему царскому предшественнику графу Бенкендорфу, он, по-видимому, искренне верил в то, что истинная и незаменимая роль тайной полиции – служить главным стражем государства и его интересов. В своих мемуарах он говорит о практиковавшемся КГБ подслушивании: «Я не видел и сейчас не вижу в этом никакого нарушения прав человека, поскольку это диктовалось интересами государства».

Крючков был апологетом Сталина и поклонником Жириновского. Когда начались реальные перемены, он не мог этого выдержать. Стал презирать Горбачева, хотя умело маскировал свою враждебность. Еще в марте 1991 года, за пять месяцев до путча, он заявил Ричарду Никсону, что твердо поддерживает реформы, и Никсон, видимо, ему поверил. Однако Крючков передал одному из лиц, сопровождавших Никсона в поездке, сообщение, в котором предупреждал, что Горбачев может быть в скором времени свергнут в результате парламентского переворота, возглавляемого Лукьяновым и поддерживаемого армией и КГБ. В то время я не слышал об этом предупреждении, однако он точно заранее описал «конституционный переворот», который Лукьянов и Крючков попытались произвести в июне следующего года.

Постсоветская Россия была страной снисходительной. После недолгой отсидки в тюрьме Крючков стал старшим советником по безопасности «Системы», прибыльного межотраслевого предприятия, контролируемого Лужковым, изобретательным в финансовых делах мэром Москвы при новом режиме.

* * *

Был еще один человек, с которым всегда было можно, а иногда и нужно «делать дело», – Евгений Примаков. Высоко компетентный, с медлительной речью и повадками, с глазами, полуприкрытыми тяжелыми веками, и скрытым чувством юмора, Примаков в последние годы советского режима был мастером на все руки. Русский, хотя и родившийся в Тбилиси, он начинал заниматься то тем, то другим, но всякий раз ненадолго. Он был арабистом, журналистом, ученым, главой Института мировой экономики и международных отношений. Иностранцы предполагали, что он был тесно связан с внешней разведкой КГБ. Он был близок к центру самых конфиденциальных дискуссий и

большинства важнейших событий последних лет пребывания Горбачева у власти.

Очищение ЦК в апреле 1989 года оказалось для него выгодным. Позже в том же году он стал председателем Совета Союза и членом Президентского совета Горбачева. Во время войны в Персидском заливе был специальным послом Горбачева и тем самым снискал по сути неоправданное недоверие американцев.

Он оставался в центре и в ельцинские годы. В начале 1992-го он принял от Бакатина руководство внешней разведкой; в 1996 году сменил Козырева на посту министра иностранных дел, а в 1998-м стал премьер-министром. В условиях кризиса он проявлял редкостную способность быть на стороне победителей, которая была тогда и стороной либеральных реформ. Мераб Мамардашвили, грузинский философ, хорошо его знавший, однажды сказал, что Примакова называют Хэрриэр. Когда я спросил, что это означает, он сказал: «Знаете, это такой самолет, который может взлетать вертикально». Но, несмотря на все обвинения в оппортунизме, выдвигавшиеся против него, Примаков был солидным, надежным, действенным и выносливым слушателем и посредником.

* * *

Поскольку я мог рассчитывать только на эпизодические встречи с высшими руководителями, в получении информации о происходящем и ее толковании я полагался на других. Моими лучшими гидами были редакторы и журналисты ведущих либеральных газет. Редактор «Известий» Иван Лаптев и редактор «Московских новостей» Егор Яковлев горячо поддерживали перестройку и Горбачева. Они служили проводниками его идей и часто снабжали меня важными сведениями о том, что происходит в партии. Впрочем, они были готовы и покритиковать его в частном разговоре, а иногда и публично.

Лаптеву было за пятьдесят; это был вальяжный человек с вальяжными манерами, изысканный, седой, с загадочной улыбкой, всегда разговорчивый и, видимо, всегда откровенный. Он был хорошим журналистом и профессиональным редактором и, твердо поддерживая либеральное крыло партии, убедительно пропагандировал идеи Горбачева. Он никогда не проявлял нелояльности и ни разу не сказал мне ничего такого, чего не должен был бы говорить. Но, как бы читая между строк то, что он сказал, я обычно мог составить себе довольно ясное

представление о происходящем, и оно обычно подтверждалось реальными событиями.

Отец Егора Яковлева был офицером НКВД, умершим, как это ни странно, в своей постели в самый разгар террора в 1937 году. Сам Егор был профессиональным журналистом и писателем, однако понять, что он говорил, было иногда трудно из-за быстрой его речи и неясной дикции. До того как стал редактором «Московских новостей», он то и дело попадал в беду из-за своего нонконформизма. Даже в его новой роли его откровенная редакционная политика не раз вызывала конфликт с Горбачевым.

В ноябре 1989 года он устроил большой прием в гостинице «Россия» по случаю годовщины своей газеты. На приеме присутствовала, казалось, вся либеральная московская интеллигенция. Егор объяснил, что он отмечает не круглую дату, а 59-ю годовщину, потому что при нынешней неясной политической обстановке нет уверенности в том, что газета доживет до своего шестидесятилетия. На вечере были многочисленные выступления представителей различных видов искусства, фольклорных коллективов, держал речь православный священник, подробно просвещавший нас относительно смысла святой Троицы, а после него выступал раввин.

Я сказал краткое слово о достоинствах свободной печати. Все это «шоу» закончилось сатирическим фильмом о Горбачеве и его семье, включавшим материал, который незадолго до того был запрещен к показу на телевидении. Все это не сделало Яковлева более приятным для Горбачева, который иногда находил, что выдерживать демократию теоретически легче, чем на практике, и впоследствии стал страдать чем-то вроде паранойи британского политика, подвергающегося нападкам английской «желтой прессы».

Ельцин

Ельцин был естественным центром притяжения для всех, кто надеялся на радикальные перемены. Мы увидели его впервые в 1988 году на приеме в Кремле по случаю годовщины Октябрьской революции. Он стоял в стороне от руководителей Политбюро и правительства. Некоторые нерешительно к нему подходили, другие осторожно избегали.

Джилл хотела сразу же подойти к нему и заговорить. Но я считал, что во время нашего первого появления на публике нас не должны были видеть общающимися запанибрата с человеком, все еще пользующимся скверной политической репутацией. С моей стороны это было проявлением малодушия и одновременно дипломатического благоразумия, о котором я впоследствии сожалел. Джилл могла подойти и поговорить с ним, не обращая на меня внимания, а я бы потом был ей за это благодарен. Но в те первые дни она еще склонна была думать, что я знаю, что делаю. Так или иначе, но мы, по крайней мере, получили представление об этом человеке: солидный, с внушительной внешностью – полная противоположность маленькому непоседливому Горбачеву.

Его кажущееся здоровье опровергалось его историей болезни. У него было больное сердце, больной позвоночник, частые приступы депрессии. Даже в самом начале своей политической карьеры он исчезал с публичной сцены иногда на несколько дней, а иной раз и на несколько недель. Но в общем он выглядел как обычный русский мужик или даже русский богатырь, герой фольклорной сказки и народного мифа.

Простым русским он понравился с самого начала. Понравился потому, что, в отличие от Горбачева, пил и сваливался в реку так же, как и они сами. А также потому, что выступал против системы, которую они ненавидели, боялись и презирали. И еще он понравился им потому, что был жертвой несправедливости, а у русских слабость к ее жертвам. Он был не чужд личного тщеславия, его седой хохолок был всегда безукоризненно причесан и выложен волнистой линией, которая сохранялась даже в разгар игры на теннисном корте или во время плавания.

* * *

Выборы дали Ельцину возможность восстановить свои

позиции. Конечно, он был еще далек от того, чтобы его можно было считать либеральным демократом, ориентирующимся на рыночную экономику: он все еще стоял за «социализм с человеческим лицом» и еще не отказался от однопартийной системы. Собственно говоря, прошел почти год, прежде чем он вышел, наконец, из коммунистической партии. Но вокруг него группировалось все большее число демократов и антикоммунистов.

Егор Яковлев, считавший Ельцина малопривлекательной личностью, полагал, что его успех на предстоящих выборах был бы событием величайшего символического значения для новой советской демократии. Так оно и оказалось. Ельцин участвовал в блестяще организованной избирательной кампании. По всей стране люди соревновались за то, чтобы иметь его своим кандидатом: в его родном Свердловске и в таких местах, как, например, Архангельск, с которыми раньше он никак не был связан. Но его окончательный выбор пал на Московский регион, электорат которого был равен почти семи миллионам. Как рассказал мне впоследствии Андрей Сахаров, в день голосования Ельцин поставил возле каждой кабины для голосования двух или трех человек, которые должны были следить за тем, чтобы все было по-честному. Это почти десять тысяч человек – громадное достижение, учитывая, в сколь невыгодное положение он был поставлен.

Обратившись к Московскому избирательному округу, Ельцин поднял ставки до предела. Горбачев или, возможно, кто-то из его окружения принял контрмеры. Вновь начала циркулировать очерняющая пропаганда по поводу характера и поведения Ельцина, как это было во время его опалы в 1987 году. Реакционеры в ЦК пытались вычеркнуть из списков его кандидатуру на том основании, что он нарушил партийную дисциплину, высказавшись в пользу многопартийной системы, – курьезный анахронизм, имевший место тогда, когда политическая монополия партии уже явно исчерпала себя.

Соперничество между Ельциным и Горбачевым стало теперь движущим фактором русской политики. Однако в этом заключался главный парадокс. Оба они проделали путь от нищеты и безвестности в провинции к центральной власти, и путь этот был ими проделан самым традиционным советским образом – благодаря их личным талантам и покровителям в самой партии. Оба деятеля любили власть, как ее должен любить всякий преуспевающий политик. Однако Горбачев обладал кроме этого чувством стратегии, хотя иногда оно казалось наивным. Но у него были осознанные цели и целый набор тактических приемов для

их достижения.

Ельцин же в своем стремлении к власти гораздо больше руководствовался интуицией. До последнего момента он высказывался в пользу сохранения федеративных или хотя бы конфедеративных связей между составными частями старой русской империи. В то же самое время на практике он пользовался идеей независимой России для того, чтобы ослабить и дискредитировать советское правительство и таким образом изолировать Горбачева – шаг к тому, чтобы вовсе его устранить. Если не считать нескольких лозунгов, никакой политической философии у него не было. Различные тонкости насчет правового государства, нового мышления в вопросах внешней политики, мира, свободного от ядерного оружия, – все это было не для него. Его познания в области экономики были скудны. Он часто не следил систематически даже за повседневной политической жизнью. Номенклатурные чиновники и их жены либо презирали Ельцина, как клоуна, либо боялись его, как демагога. Я относился к нему с подозрением почти до самого конца, отчасти, без сомнения, под влиянием слухов и сплетен не всегда ложных, усердно распространявшихся против него.

Демократы. Сахаров, Собчак и другие

В отличие от самого Ельцина, многие новые демократы, бросившие вызов системе, были интеллектуалами. Большинство из них были выходцами из Москвы и Ленинграда и почти все без исключения были членами коммунистической партии. Некоторые были непоколебимыми поборниками «нового мышления», впервые позволившими себе смотреть на вещи не ортодоксально еще в 60-х годах. Среди них были университетские профессора, не имевшие, несмотря на свое членство в партии, никакого политического опыта.

Некоторые весьма успешно проявляли себя на ораторских трибунах, на улицах и в парламенте. Им нравились внешние атрибуты власти. Они делали все что могли для продвижения реформы. Но большинство из них не обладало целеустремленным и интуитивным умением Ельцина эффективно пользоваться властью. Они начинали как союзники Горбачева, разочаровались в нем и в итоге обратились против него. Горбачев сам в скором времени стал называть их «демократами» в кавычках и считать ненадежными и даже настроенными предательски.

К концу 1990 года они сникли. После крушения Советского Союза некоторые из них остались на политической арене новой республики, некоторые нашли себе странных попутчиков в среде левых неокоммунистов или отъявленных правых националистов, кое-то вернулся в мир науки или бизнеса, а кое-кто в безвестную частную жизнь.

* * *

Поразительный пример являл собой Юрий Афанасьев, красивый коренастый человек родом из Ульяновска, где родился Ленин. В 1986 году он стал ректором Московского государственного историко-архивного института, расположенного в видавшем виды старом здании неоготического стиля в Китай-городе, на месте первой в России типографии и совсем рядом со зданием ЦК.

С этого удобного пункта он вел беспощадное наступление на советскую версию истории России. Он считал, что никакие реформы долго не продержатся, если страна не будет знать правду о своем прошлом. Он был одним из первых среди тех, кто утверждал, что Ленин так же преступно виновен в бедствиях, которые начались после Октябрьской революции, как и Сталин.

Впоследствии он стал весьма умелым публичным политиком, организуя одну за другой демонстрации против старого режима и против Горбачева. Однако он не был будничным политиком, и когда все кончилось, он вернулся к академической жизни в роли ректора нового независимого Гуманитарного университета в Москве.

Я впервые посетил Юрия Афанасьева в декабре 1988 года. Мы немедленно углубились в спор относительно смысла истории, о вине и о покаянии. В России история никогда не была политически нейтральной. И Сталин, и цари преследовали неортодоксальных историков, всякий раз переписывали историю заново, когда это было политически выгодно. Пересмотр советской истории в условиях гласности начался как акт протеста. Некоторые стыдились того, что делалось от их имени, и просто хотели установить правду. Другие стремились воссоздать ощущение единства их прошлого, ликвидировать брешь, образовавшуюся в результате господства коммунистического режима. Были и такие, кто считал, что исторические споры можно использовать как еще один рычаг для свержения тех, кто находился у власти. Какое-то время царило радикальное отвержение всего, что произошло в России за предыдущие семьдесят лет.

Простые люди, знавшие только ту версию истории, которой их обучали в советских школах, были ошеломлены потоком новых фактов, разоблачений и новых интерпретаций. Они говорили в шутку, что Советский Союз – страна с непредсказуемым прошлым. Летом 1988 года в школах были отменены экзамены по истории, потому что в них больше не было никакого смысла. К осени либеральные газеты состязались друг с другом в описании сталинских зверств. Одно за другим массовые захоронения – 200 тысяч человек под Минском, столько же под Киевом, – которые раньше скрывались или объявлялись делом рук немецких оккупантов, признавались результатом «работы» НКВД – довоенной, периода войны или даже послевоенных лет. Количество людей, пострадавших во время террора и коллективизации, публично обсуждалось. Начали издаваться труды ученых, писателей и экономистов, уничтоженных Сталиным.

Советская внешняя политика также подвергалась тщательному анализу; прибалты объявили, что пакт Молотова – Риббентропа был не только несправедливым, но и незаконным. Наиболее отважные иконоборцы шли еще дальше и публично провозглашали свой окончательный вывод: эксцессам Сталина предшествовали эксцессы Ленина и, возможно, они были

изначально заложены в идеологии самого Маркса. Когда солженицынский «Архипелаг ГУЛАГ» был, наконец, в 1990 году опубликован в Советском Союзе, он стал бестселлером. Еще более шокирующим рядового советского гражданина был беспощадный обвинительный акт против Ленина в книге Василия Гроссмана «Все течет…» и сравнение, которое он проводил между режимом Сталина и Гитлера в романе «Жизнь и судьба».

Дискуссии имели немедленные и мощные политические последствия. По какому праву партия, направлявшая все эти преступления, осуществляет «руководящую роль» в стране? Демократы вовсю использовали этот довод. Реакционеры среди коммунистов пытались положить конец дискуссии. Однако эта проблема, как и многие другие, быстро вышла из-под контроля партии.

* * *

Во время нашей первой встречи с Афанасьевым я пытался убедить его, что пересмотр истории уже достиг значительного прогресса. Но все политические системы нуждаются в мифах, которые придавали бы им легитимность. У англичан есть их монархия. Что будет у Советского Союза, если Ленин и Октябрьская революция будут демифологизированы? Сталина и его преступления необходимо было разоблачить и осудить. Советский Союз должен стать правовым государством. Но мог ли Горбачев на практике проводить политику, развенчивая основополагающие мифы? Не даст ли это его противникам важное оружие против него?

Афанасьев решительно с этим не соглашался. У Горбачева могут быть свои тактические проблемы. Но наружу вышли ужасающие факты, а значение их почти никак не было подвергнуто обсуждению. Горбачев все еще пытается доказывать, что коллективизация была оправданным шагом в направлении социализма, хотя за нее и было заплачено слишком дорогой ценой. Но коллективизация вообще не имела к социализму никакого отношения. И пока Ленин и Октябрьская революция остаются окутанными мифами, пока с ними невозможно обращаться как с «объективными фактами» научного исследования, с относительной свободой, которой пользуются историки, может быть в один миг покончено. Афанасьев признал, что всякая попытка подавления натолкнется теперь на сопротивление, и тогда может пролиться кровь.

Многие московские интеллектуалы, с которыми я встречался

в те первые месяцы, разделяли его пессимизм. Статья, появившаяся в ту зиму в «Новом мире», заканчивалась призывом к свободной переоценке доктрин отцов-основателей советского государства. «Но без пуль и кровопролития. Этого у нас и так было более чем достаточно. Давайте вместо этого сражаться аргументами и фактами».

Афанасьев затронул радикально важную проблему. Сможет ли нация признать свою вину? Психологическая драма, которую испытали русские в связи с крушением Советского Союза, была столь же сильна, как и драма, пережитая немцами и японцами после 1945 года. Многие, как внутри страны, так и за границей, доказывали, что русские не смогут смириться с настоящим, пока не поймут свое прошлое.

Но для них эта задача оказалась еще более трудной, чем для немцев. Немцы боролись с прошлым, которое длилось всего двенадцать лет и которое никто, кроме горстки фанатиков, не намерен был оправдывать; кроме того, они потерпели неоспоримое поражение в войне. Русские выиграли войну, и победа казалась многим своего рода оправданием режима.

К тому же, сколь бы ни был режим действительно жестоким, он опирался на благородную традицию. Европейцев, совершавших революции на континенте во имя «прав человека», «свободы, равенства и братства», воодушевляли благородные идеи. В Западной Европе современники свержения русского царя рассматривали это событие как избавление от тирании, как часть более широкой революционной традиции, родившейся в Европе из движения романтизма и французской революции. Эти образы революции все еще живут в сознании солидных слушателей, аплодирующих музыкальной версии «Отверженных».

* * *

Идеалы революционного социализма были дискредитированы преступлениями, которые были совершены под его знаменем. Но некоего рода романтическая традиция продолжала жить в Советском Союзе и в период террора, и в годы войны с Германией, и в годы послевоенного восстановления. Она владела умами и чувствами не только партийной элиты, но почти всех граждан Советского Союза, включая даже тех интеллектуалов, которые воображали, что освободились от своих идеологических цепей. Советский народ, отрезанный от внешнего мира, действительно верил в то, что в наиболее существенных отношениях его система превосходит систему Запада: социализм

и идеи Ленина – это ключ к более процветающему и справедливому будущему человечества. Люди сами пережили победы, надежды и бедствия советского периода. И после крушения они не могли согласиться с тем, что их жизни и многочисленные жертвы были напрасны в погоне якобы за ложным и разрушительным идеалом. Они не могли попросту отмахнуться от истории своей страны, как от непрерывной серии катастроф.

Поэтому некоторые из них подчеркивали технические достижения Советского Союза, его победу в войне и его успехи – пусть недолговечные – в состязании с американцами. Незначительному меньшинству удалось себя убедить в том, что преступления большевиков и советского режима были сильно преувеличены внутренними и внешними врагами, или что их вовсе не было, или что это были вовсе не преступления. Хотя было при этом, конечно, немало и тех, кто находил обидным тот факт, что начальники концентрационных лагерей, палачи и агенты тайной полиции живут на государственную пенсию в государственных квартирах, в то время как их жертвы все еще бедствуют. Время от времени раздавались призывы отдать виновных под суд.

Общество «Мемориал», основанное Сахаровым и возглавляемое академиком Лихачевым и другими видными либеральными интеллектуалами, делало что могло, чтобы установить факты и поставить монументы в память миллионов погибших. Однако, в конечном счете, так ничего и не было сделано. Были разоблачения в конце 80-х годов. Было несколько ярких речей Ельцина и его сторонников, сразу же после путча 1991 года. Однако позже лидеры России уже не выступали с официальными признаниями вины, лежащей на советском режиме.

Многие лица, особенно иностранцы, никогда не жившие в России или при каком-либо тоталитарном режиме, считали это роковым упущением. Если русские не предадут виновных суду, если они не признаются в своих коллективных грехах, не может быть никакой гарантии того, что грехи не повторятся. Однако говорить так – значило подходить к России со слишком суровой меркой. В отличие от немцев, чехов или даже южноафриканцев, русские на протяжении трех поколений жили под властью режима, при котором взаимное доносительство и «юридические» убийства были неотъемлемой частью повседневной жизни. Очень немногие люди, принадлежавшие к доперестроечному поколению, имели вполне чистую совесть. Люстрация по примеру чехов, несомненно, выявила бы главных преступников. Но она

разоблачила бы и бесчисленное множество в остальном порядочных людей, которые под нажимом полицейского государства были вынуждены идти на компромисс, лгали, доносили на своих коллег или даже на своих друзей и родственников. Бремя, которое легло бы на общество, и без того трудно переносившее травмирующие перемены, могло бы стать совсем нестерпимым.

Иллюзией было думать, что в этом случае можно было организовать какой-нибудь приемлемый судебный процесс. Для всех русских это просто был бы еще один процесс в зловещей серии показательных судов, веками калечивших русскую историю. Со временем болезненная проблема рассосется: помогут время, уход поколений, живших при социализме, и радикальные перемены, преобразующие характер русского общества. Хотя это едва ли удовлетворит тех, кто привык мыслить строго и логично, и тех, кто стремился к отмщению или жаждал полной справедливости. Но, вероятно, это было единственно возможное решение, и ему отдавали предпочтение как Горбачев, так и Ельцин.

* * *

Анатолий Собчак, в отличие от Афанасьева, предпочитал действовать в политических организациях, а не на улицах. Собчак тоже был профессором. Он родился в Сибири и впоследствии стал деканом юридического факультета Ленинграда. Он вступил в партию, по причинам, до сих пор кажущимися неубедительными, лишь в 1988 году.

Мы впервые встретились с ним на триумфальном концерте Ашкенази, который только что вернулся на родину – в конце 1989 года. Это историческое событие закончилось фарсом. Вышла из строя звукозаписывающая аппаратура. Аудитория, естественно, решила, что она была советского производства, и испытала громадное облегчение, узнав, что виновником была Би-би-си.

Собчак на концерте был с женой. Это была красивая и привлекательная пара. К тому времени он был уже известным политическим деятелем, горячим сторонником Горбачева и перестройки и неутомимым критиком партии. Он провел блестящую кампанию во время выборов в марте 1989 года, баллотируясь в качестве независимого кандидата в одном из избирательных округов Ленинграда против ставленника партии, и одержал сокрушительную победу во втором туре. Он был действенным парламентским реформатором и во многих

отношениях искусным политическим деятелем. В мае 1990 года он был избран председателем Ленинградского горсовета, а в июне 1991-го – мэром города, который в скором времени был переименован в Санкт-Петербург. Одно время о нем поговаривали, как о будущем Президенте России.

Но у Собчака было несколько слабостей. Он оказался плохим администратором, и его практические действия на посту мэра не оправдали надежд избирателей. Как и Горбачев, он слишком много говорил как публично, так и в узком кругу, и его высокого тембра голос стал в конце концов действовать слушателям на нервы. Жители Санкт-Петербурга обвиняли его жену в том, что она слишком много себе позволяет, и сравнивали ее с Раисой Горбачевой. Радикалы в городском совете, неспособные, как и многие русские радикалы, к компромиссу ради общего дела, нападали на него еще более ожесточенно.

Он держался до момента поражения на выборах мэра летом 1996-го: к тому времени от его популярности ничего не осталось. Политические соперники обвинили его в коррупции, и он попросил политического убежища во Франции. Вскоре после возвращения в Россию весной 1999 года, он умер. В качестве жеста верности (одна из наиболее привлекательных черт президента) Владимир Путин, работавший в свое время в должности заместителя Собчака в Санкт-Петербурге, присутствовал среди тех, кто пришел на его похороны.

* * *

Гавриил Попов и Галина Старовойтова были тесно связаны с Собчаком и Афанасьевым. Попов был коммунистом и профессором экономики Московского университета. Это был человек с неуклюжей фигурой, седыми щетинистыми волосами и седыми же усами. Я никогда не видел его в галстуке, кроме одного случая, когда он надел его ради госпожи Тэтчер.

Совсем не похожий на смутьяна, он участвовал вместе с Афанасьевым в организации самых массовых демонстраций в Москве в 1990 и 1991 годах. Но он тоже попытался войти во власть. В апреле 1990 года его избрали мэром Москвы. На этом посту он придерживался разумных и умеренных взглядов. Гостям он говорил, что экономика будет функционировать нормально лишь при условии, если правительство, а главное – партия, перестанут в нее вмешиваться. Демократические свободы могут быть обеспечены лишь на основе частной собственности. Однако ему скоро стали завидовать, и он начал подвергаться критике.

Критики заявляли, что его методы авторитарны, а меры по приватизации неэффективны. Его обвиняли в том, что он по собственному произволу раздает муниципальную собственность своим дружкам. Фалин, начальник международного отдела ЦК, довольно несправедливо сказал о нем: «Не государственный деятель, даже не профессор, а всего лишь мелкий чиновник, пятая спица в колесе». К концу 1991 года Попов заговорил об уходе в отставку и вскоре вернулся в мир науки.

Галина Старовойтова родилась на Урале в 1945 году. Это была крупная, общительная, энергичная и бескомпромиссная женщина. Она изучала в Ленинграде военно-инженерное дело, но затем переключилась на психологию и этнографию. Ее специальностью были проблемы этнических меньшинств, и хотя она была русская, ее избрали в марте 1989 года депутатом от избирательного округа в Армении – говорить в Верховном Совете о горестях армянского народа, что она и делала с большим жаром.

Старовойтова была одной из горстки женщин-политиков, обязанных своей карьерой только самим себе, женщин, которые выдвинулись на видные роли в последние годы существования советского режима.

Несмотря на риторические декларации о социалистическом равенстве и сиропные сентиментальности, которыми сопровождались (даже по сей день) такие события как Международный женский день, всего три женщины за время существования СССР входили в состав Политбюро, две из них в годы правления Горбачева. В ЦК партии женщины никогда не составляли более 4 процентов от общего числа членов. В «беззубом» Верховном Совете, не избиравшемся, а назначавшемся, пропорция была выше, отчасти потому, что здесь действовала система квот. Такое же положение наблюдалось в верхних эшелонах Академии наук, в университетах и в организациях, управлявших советской журналистикой, литературой и культурой.

Женщин в массовом масштабе обучали различным профессиям, но незримый потолок беспощадно давил на них. Одна женщина, подходившая профессионально на должность в Министерстве иностранных дел, ушла с возмущением, потому что единственное, что ей предложили – работать секретаршей. Женщины больше мужчин страдали от скверного состояния здравоохранения. Отсутствие противозачаточных средств вело к очень большому числу абортов.

В новой России положение несколько улучшилось. Предприимчивые женщины получили возможность заняться

бизнесом или своими собственными проектами, и на общественной сцене стали появляться женщины-политики. Но число их оставалось ничтожным. Руководителями новой политики и нового бизнеса по-прежнему оставались мужчины. С отменой квот пропорция женщин в русском парламенте, избранном в 1993 году, оказалась еще меньше, чем в предшествовавшем ему советском. Независимые женские организации, начавшие при Горбачеве борьбу за права женщин, при Ельцине утратили свое влияние. Некоторые учреждения, функционировавшие при старой системе, пришли в упадок. Детские сады и летние лагеря для детей закрылись из-за отсутствия денег. Женщинам пришлось нести на себе еще более тяжелое бремя ответственности за свои семьи, ибо мужья их потеряли работу и впали в депрессию. Россия остается обществом, в котором власть принадлежит мужчинам, и, судя по всему, положение это изменится еще не скоро.

Старовойтова впала в немилость сначала Горбачева, а потом Ельцина: оба они не соответствовали ее неистово пылким идеалам. О ней говорили как о возможном министре обороны (сколь бы невероятно это ни звучало в стране, где вооруженными силами никогда не руководило гражданское лицо, не говоря уже о женщине), и в 1996 году она выдвигала свою кандидатуру на пост президента. В 1995-м ее выдвинули кандидатом от одного из избирательных округов в Санкт-Петербурге. В ноябре 1998 года она была убита наемными убийцами по причинам, не выясненным до сих пор.

* * *

Андрей Сахаров был одним из главных наставников Старовойтовой. Я виделся с ним только однажды, так как стеснялся стать еще одним иностранцем, приходившим просто поглазеть на него. Однако в марте 1989 года я должен был передать ему письмо – в связи с подготовкой к предстоящему летом присвоению ему почетного докторского звания в Оксфорде. Он встретил меня очень вежливо, предложив место на диване в маленькой комнате его квартиры. Его тонкое лицо и утонченные манеры излучали атмосферу чистоты. Он был в это время в самой гуще ожесточенной и противной борьбы за избрание на Съезд народных депутатов. Но он считал своим долгом – и я ему верил – стойко выдержать все. Особое беспокойство в тот момент у него вызывала Абхазия. Абхазское меньшинство хотело отделиться от Грузии, и это было чревато большой бедой.

Я не признался в том, что имею лишь самое смутное представление, где находится Абхазия, хотя позже вспомнил, что в 1964 году мы с Джилл случайно там побывали, когда местный автобус въехал на ее территорию с одного конца и выехал с другого. В то время это была территория, закрытая для иностранцев, и нам повезло, что нас не задержали и не отправили с позором назад в Москву.

Сахаров тратил массу энергии как на Съезде народных депутатов, так и в отчаянных попытках посредничать в кровавых этнических конфликтах, перекидывавшихся, словно лесной пожар, с одного района на другой. Он постоянно предостерегал, уговаривал, критиковал Горбачева за то, что тот недостаточно быстро продвигается в направлении конституционного государства.

Его политическая наивность иной раз вызывала конфликты. Так, он заявил на съезде, что советская авиация бомбила собственные войска в Афганистане, чтобы они не попали в плен к противнику. За это на него жестоко накинулись два высших армейских офицера. Справедливо ли было высказанное им обвинение или нет, оно неизбежно должно было вызвать ярость патриотов и вряд ли могло привести к каким-либо положительным результатам, поскольку афганская война уже закончилась. Надо было быть очень уверенным в своих выводах, прежде чем позволить себе унижать людей в военной форме. В этом убедилась на личном горьком опыте в свое время Барбара Касл, член британского парламента от лейбористов, обвинившая английские войска в том, что они применяли пытки на Кипре.

Я иногда думал, что Сахаров настроен слишком критически, что он делает жизнь для Горбачева излишне трудной и что он с большей легкостью достиг бы своих целей, если был менее категоричен в своих суждениях. Я был неправ. Его противостояние советской системе, его идея, что Россия сможет выжить лишь при условии, если она станет открытым обществом, были незаменимой интеллектуальной и политической предпосылкой перестройки. Его мужество, его стойкость, его целеустремленность заставляли чувствовать себя маленьким рядом с ним. В отличие от Солженицына, он никогда не участвовал в междоусобицах, которые так часто портили отношения между диссидентами. Новая Россия, отчаянно боровшаяся за то, чтобы наконец родиться на свет, нуждалась в таком человеке, как он, – мужественном воплощении совести нации. После его преждевременной смерти, когда перестройка все больше сбивалась с пути, его голоса отчаянно не хватало.

Референдум о сохранении Советского Союза

На протяжении всего 1990 года у Горбачева оставалось все меньше пространства для маневра. Москва применила к Литве экономическое давление. Оно не дало результата. 11 марта Литва объявила о своем суверенитете. 12 июня ее примеру последовала Россия; 16 июля – Украина; 27 июля – Белоруссия, в августе – Татарстан. Эти акты были символическими. Даже на этой стадии «суверенитет» означал для всех, кроме прибалтов, автономию внутри конфедерации, а не действительную независимость. Однако 13 января 1991 года советские специальные воинские части штурмовали телевизионную вышку в Вильнюсе, столице Литвы. 13 человек было убито, более 100 ранено. Количество жертв было значительно меньше, чем в предыдущем году в Баку. Но возмущение, вызванное этим событием, как за границей, так и внутри страны, было гораздо сильнее. Черняев саркастически спросил меня: «Быть может, мертвые мусульмане в Баку волнуют Запад меньше, чем мертвые христиане в Вильнюсе?».

Расстрел в Вильнюсе стал поворотным пунктом. Общественность в республиках стала непримиримой. Горбачев окончательно упустил из своих рук инициативу. Однако он продолжал бороться. В отчаянной попытке сплотить вокруг себя общественное мнение он объявил референдум о будущности Советского Союза. 17 марта 1991 года советскому народу должен был быть задан вопрос: «Считаете ли вы необходимым сохранить Союз Советских Социалистических Республик в качестве обновленной федерации равноправных суверенных республик, в которой права и свободы людей всех национальностей будут в полной мере гарантированы?». Эти права и свободы, объявил Горбачев, будут охраняться и поддерживаться новым «Союзным договором», который он заключит с пятнадцатью республиками СССР.

* * *

За месяц до референдума я посетил Ельцина с Тони Лонгриггом, начальником отдела внутренней политики посольства. Впервые я заметил, что на левой руке у Ельцина не хватает пальцев: их оторвало найденной им ручной гранатой, которой он играл в детстве.

Он был в лучшей, чем обычно, физической форме, а его суждения были здравыми и подобающими государственному

деятелю. Однако на этот раз он был менее радостно возбужденным и менее уверенным в себе: возможно, подумал я, это результат непрерывной кампании поношения и подлых трюков, которые над ним учиняли. Он говорил тихо, почти час, называя Горбачева не иначе, как «Он». Ельцин настаивал на том, что Союз должен быть сохранен, однако, организован по новому принципу: снизу вверх, а не сверху вниз. Россия развивает прямые взаимоотношения с другими республиками.

Он не станет пытаться мешать проведению референдума. Но в добавление к вопросу Горбачева избирателей РСФСР спросят также, хотят ли они избрать собственного президента на основе всеобщего избирательного права.

Это предложение было мастерским ходом. Горбачев пытался помешать Ельцину пропагандировать себя среди избирателей. Ельцину не предоставили времени для выступления на телевидении. Вместо этого он блестяще выступил на радио «Россия». Он повторил, что поддерживает союз. Но весь вопрос в том, какой союз? Такой, в котором различные республики удерживались бы силой? Или же это должен быть добровольный союз, из которого республики могли бы выйти, если они того пожелают? Горбачев призывает людей голосовать за социалистический союз. А что если они хотят иметь несоциалистический союз? Горбачев спрашивает людей, хотят ли они, чтобы союз соблюдал права человека. Но, справедливо заметил Ельцин, правительство обязано гарантировать права человека, независимо от того, существует союз или нет.

Выходит, сказал он, что те, кто проголосует против союза, стоят за нарушение прав человека? Заключил свою речь Ельцин воодушевляющим призывом к народу голосовать за него как президента России.

* * *

Накануне референдума мы отправились с Ольгой Трифоновой, вдовой одного из лучших советских писателей 70-х годов, осмотреть чеховскую усадьбу «Мелихово» в 90 километрах к югу от Москвы. В соседнем городе было церковное кладбище с могилами сына и дочери Пушкина. Дочь Пушкина умерла в 1919 году, через два года после Октябрьской революции. Несмотря на культ Пушкина, которым отмечен каждый фактический след жизни поэта, могилы были почти совершенно запущены. Погода была кошмарная: дождь, слякоть, грязь. Дача Чехова была расположена в очень приятной и типично русской сельской

местности. Но это была подделка. Она несколько раз сгорала дотла и была восстановлена ученым Авдеевым, ослепшим во время войны. Его жена служила ему поводырем в долгой борьбе с властями за то, чтобы с чеховской территории убрали совхоз и восстановили усадьбу в том виде, в каком она была при Чехове. Авдеев вскоре умер, и новым хранителем музея стала еще одна героическая женщина.

Ольга спросила меня, как ей следует проголосовать на следующий день. Я сказал, что не знаю. Дипломатически это был правильный ответ: не мое дело было вмешиваться во внутреннюю советскую политику. Но кроме дипломатии, это и в самом деле было так: я понятия не имел, какой ответ был бы наилучшим для России.

Горбачев пытался превратить референдум в вотум доверия. Если бы он выиграл, то есть получил бы ответ «да» более чем от половины избирателей, все равно это мало бы что значило. Он мог заявить, что получил мандат на суровые меры в области экономики и против непослушных республик. Но это не повлияло бы на рядовых граждан, которые уже выражали протест против экономических лишений, или на непослушные республики, большинство которых уже заявило, что в любом случае намерены игнорировать результаты референдума. Если бы он получил менее половины голосов, это было бы для него катастрофой. Юрий Афанасьев высказал предположение, что в этом случае он мог бы попытаться сфальсифицировать результаты.

Что касается Ельцина, то для него стало бы настоящим триумфом, если бы он получил больше половины голосов за создание поста Президента России, и катастрофой, если бы получил меньше. Впрочем, ему было бы нетрудно продемонстрировать, что голосование по поводу Союза было бессмысленным, каковыми бы ни были его результаты. Пожалуй, подумал я, наилучшим вариантом было бы большинство по обоим вопросам.

Собственно говоря, именно так и случилось. Значительная часть советского электората поддержала союз. Но русские столь же единодушно высказались за избрание собственного президента.

* * *

Через четыре дня после этих событий я вместе с Дугласом Хердом нанес визит как Горбачеву, так и Ельцину. Время от времени Горбачев излучал свое обычное обаяние. Но в остальные

моменты, а они становились все более продолжительными, он был мрачен и замкнут – заметная перемена.

Он думал, что оппозиция попытается теперь дестабилизировать обстановку. Предстоят ожесточенные политические бои. Он не допустит дальнейшего развала государственных структур. В то же время казалось, что он полон решимости и дальше осуществлять перемены. Этот процесс потребует времени, за которое сменятся не одно правительство и не одно поколение. Несмотря ни на что, «мы вползаем в глубочайшую реформу».

Референдум показал, что большинство граждан хочет, чтобы Советский Союз сохранился. Демонстрируя поразительный самообман, порожденный подтасованной информацией, которой его снабжал Крючков, он утверждал, что даже прибалты и кавказцы хотят остаться в Союзе: это местные власти помешали им свободно голосовать. Теперь должны будут начаться переговоры о новом союзном договоре – в первую очередь с девятью республиками, которые недвусмысленно ответили «да». Различные республики могли бы потребовать для себя разные условия: ведь, в конце концов, в царской империи Польша, Финляндия и Бухара – все имели особый статус.

Теперь он неохотно соглашался на то, чтобы республики, желающие выйти из Союза, могли это сделать, при условии, если они готовы решить путем переговоров такие вопросы, как права меньшинств, стратегические проблемы и экономические связи. Процесс будет болезненным. Но «нам придется пойти по этому пути в близком будущем».

Херд твердо заявил Горбачеву, что мы не одобряем того, что произошло недавно в государствах Прибалтики. Но распад Советского Союза был бы вреден для всех нас. Он заявил прессе, что по этой причине Англия решительно поддерживает «обновленный и добровольный союз». Когда мы после этого обменивались с ним мнениями, я сказал, что все еще не верю, что Горбачев собирается начать настоящие переговоры с прибалтами. Херд не согласился со мной.

* * *

Ельцин многозначительно заявил нам, что с тех пор, как Херд был у него в сентябре 1990 года, все изменилось к худшему. Горбачев связал свою судьбу с консерваторами. Он убедил советский парламент отклонить 500-дневный план быстрых экономических реформ. После расстрелов в Прибалтике он

согласился с фронтальной атакой на гласность, худшей, чем в брежневские времена. Ельцин был вынужден дистанцироваться от него. Россия, сказал он, сейчас работает над своим собственным планом экономической реформы, и представил нам проект преобразований в экономике, обеспечивающий снабжение необходимыми ресурсами, от простоты которого захватывало дух.

Однако Ельцин опять же настаивал на том, что союз должен быть сохранен. Он никогда не сомневался, что большинство проголосует за союз. Он готов к переговорам. Но проект договора, предложенный Горбачевым, не годится. Нельзя согласиться с предложенным им разделением функций между центром и республиками. Шесть республик вообще не останутся в союзе. Несколько других откажутся называться «социалистическими». Тогда центральное руководство начнет проводить еще более жесткую линию. Он и Горбачев олицетворяют два непримиримых подхода к этому вопросу. Он считает, что тоталитарную систему надо сейчас ликвидировать, но не силой, а законными и конституционными методами. Риска гражданской войны нет, сказал он, хотя Горбачев пытается всех пугать этой перспективой. Сейчас важно избрать Президента России – эту идею поддержало на референдуме 70 процентов русского электората.

Когда мы распрощались, Херд сказал мне, что Ельцин «опасный человек», едва поддающийся контролю. Но его анализ ситуации, в общем-то, верен. Горбачев сейчас почти всецело живет в заоблачных высях. Референдум ничего не дал для прояснения отношений между центром и республиками. В лучшем случае он создал почву для мужественной, уклончивой и в конечном итоге неудачной попытки Горбачева ратовать за союзный договор, федеративное или конфедеративное соглашение между республиками, которое сохранило хотя бы тень союза. Пожалуй, самым значительным результатом референдума было то, что он открыл путь к народному голосованию 12 июня 1991 года, сделавшему Ельцина Президентом России и давшему ему моральное превосходство над Горбачевым, а также законное право подавить августовский путч.

Массовые демонстрации протеста

В то время наряду с борьбой внутри партии шла борьба на улицах. В первые годы перестройки публичные демонстрации были еще запрещены и разгонялись милицией и КГБ, часто с большой жестокостью. Но по мере того как 1989 год подходил к концу, Юрий Афанасьев и его демократические коллеги начали переносить политическое дебаты на улицы. На их призыв откликнулись сотни тысяч дисциплинированных москвичей. Теперь милиция пассивно наблюдала за тем, как рядовые граждане выражают свою глубокую ненависть к партии. К всеобщему удивлению оказалось, что русский народ столь же политически искушен и в той же мере способен на организованный протест, как и восточные немцы.

Когда в ноябре 1989 года на Красной площади происходил официальный парад, соперничающая демонстрация требовала отмены руководящей роли партии; на ее знаменах было написано: «Рабочие всего мира – простите нас!». В северном городе Воркуте забастовали шахтеры, требовавшие отмены статьи 6. В декабре население Москвы вышло на демонстрацию в ответ на последний призыв Сахарова. Волгоградская партийная организация в пароксизме атавистического идеологического пыла приказала уничтожить несколько частных парников на окраинах города на том основании, что они представляют собой источник «незаконной спекуляции». С волгоградских рынков тотчас исчезли помидоры, народ в ярости вышел на улицы, и в начале следующего года горком партии был снят в полном составе. То же самое случилось с местным партийным руководством в Тюмени. В Чернигове пьяный шофер разбил казенную машину. Багажник открылся, и в нем оказалась масса продуктов из партийного магазина. Партийные боссы забеспокоились, не сметут ли их «стихийные силы» народного гнева, подобно тому, как они смели Чаушеску.

Вечером 4 февраля 1990 года несколько сотен тысяч человек собрались на Крымском мосту возле Парка Горького. Они прошли по Садовому кольцу, мимо Музея Революции на улице Горького до Манежной площади, находящейся прямо под стенами Кремля. Впервые демонстрации оппозиционеров позволили подойти так близко к самому центру власти. Некоторые несли царские флаги и флаги Временного правительства, «созванного в феврале 1917 года», как бы намеренно пытаясь перекинуть мост в докоммунистическое прошлое. Другие несли лозунги: «Долой КГБ!», «Армия, не стреляй!», «Партийные бюрократы, помните о

Румынии!».

В рядах этих демонстрантов шла и Джилл, которая пошла просто посмотреть, а затем присоединилась к общей массе. На Манежной площади к ним обратились Ельцин, Гавриил Попов, Коротич и поэт Евтушенко. Большинство демонстрантов составляли пожилые люди, принадлежавшие к средним классам. Молодежи среди них было сравнительно мало. Несколько человек узнали Джилл, которая недавно выступала по телевидению: «О! Вы жена «нашего» английского посла!».

* * *

Вторая демонстрация состоялась 25 февраля – в годовщину падения царизма в 1917 году. Она была кульминационным моментом кампании выборов в Российский парламент. Власти начали намеренно нагнетать напряженность. Советский парламент предостерегал от «гражданской конфронтации». «Правда» опубликовала обращение ЦК к народу с призывом вести себя спокойно. Джилл принесла из университета, где она регулярно давала уроки разговорного английского, слухи о том, что вокруг Москвы концентрируются войска и демонстрация будет подавлена силой. По телевидению Рыжков говорил веско, но угрожающе о необходимости порядка. Я спрашивал себя, не зайдут ли Афанасьев и его единомышленники слишком далеко.

В субботу 24 февраля – накануне демонстрации демократов – московские коммунисты и военные организовали в центре Москвы антиельцинский митинг. На их плакатах были лозунги: «Народ и партия едины!», «Россия для русских!», «Ельцин и его компания – слуги сионизма!». Я в то время этого не знал, но на митинге присутствовали Крючков, Язов и Пуго – люди, которые впоследствии организовали путч 1991 года.

На следующий день рано утром радио сообщило, что Москва окружена войсками. Медицинские службы были приведены в состояние готовности. Некий православный епископ призывал жителей провести день дома.

Мы с Джилл прошли по Большому каменному мосту, ведущему через реку к Кремлю, через парк, раскинувшийся под стенами Кремля, в центр города. Все выглядело мирно. Люди прогуливались, радуясь не по сезону теплой погоде. Но в боковых улицах выжидали войска и милиция; там были припаркованы грузовики, предназначавшиеся для того, чтобы заблокировать улицы, и большое количество закрытых фургонов с надписью «Детское питание», – довольно прозрачная маскировка:

в солженицынские времена «черные воронки» обычно имели надпись: «Хлеб» или «Мясо». На крышах дежурили снайперы в бронежилетах.

Демонстранты вели себя организованно и дисциплинированно – это стало их отличительной особенностью. Они не предпринимали никаких попыток прорваться через кольцо войск вокруг Кремля. И все-таки они снова вышли в массовом порядке, несмотря на угрозы властей. Либеральные политики заявляли по телевидению, что «люди преодолели свой страх».

В Кремле на дело смотрели иначе. Когда Политбюро собралось, чтобы обсудить события дня, Рыжков утверждал, что одержана победа. Крючков заявил: народ теперь знает, кто хозяин.

Протестовать против этих утверждений выпало на долю Бакатина, тогда все еще министра внутренних дел. Да, сказал он, народ был напуган. Иначе на улицах был бы миллион человек, а не каких-то триста тысяч. В следующий раз они сдерживаться не станут. Они двинутся прямо на Кремль, и партии придется обеспечить свою «победу» с помощью танков. Вместо того, чтобы болтать о «победе», власти должны начать переговоры со всеми, кто стоит за реформы.

Горбачев напустился на него. Те, кто возглавлял демонстрации, – Попов и прочие, которых он назвал «политическими негодяями», – ничего и никого не представляют, и дискутировать с ними не о чем: «Настоящий рабочий класс еще не сказал своего слова». Бакатин был изолирован. Остальные члены Политбюро сплотились вокруг Горбачева.

* * *

До сих пор демонстранты не критиковали Горбачева. Однако положение стало меняться. Горбачев сделал новый либеральный жест, оказавшийся крайне неудачным. Он позволил независимым политическим группировкам принять участие в майском параде на Красной площади. Это было пестрое сборище членов демократических профсоюзов, социалистов, кадетов и прочих – их названия напоминали о кратковременном флирте царского режима с демократией в начале века. Некоторые демонстранты несли лозунги, намеренно и грубо угрожавшие партийным бюрократам: «Встаньте с ваших кресел и марш в концентрационные лагеря!», «Вспомните Чаушеску!». Они улюлюкали Горбачеву. Тот в ярости сбежал с трибуны.

То же самое произошло во время парада по случаю

годовщины революции в ноябре, в серый денек с падающим и тут же тающим снегом. Горбачев начал довольно хорошо, обратившись к собравшимся не со слова «товарищи», а – «соотечественники». Но потом, как это часто с ним случалось, он бубнил ни о чем целых двадцать минут, так что интерес у людей пропал.

Военный парад был организован как всегда безупречно. Последовавшая за ним гражданская демонстрация вновь нарушила сложившийся ритуал. Горбачев, Лукьянов, Ельцин и Попов сошли с трибуны и пошли во главе демонстрантов по площади. Несмотря на тщательную организацию, попадались антигорбачевские лозунги («Помните, что вы все еще Генеральный секретарь», «Когда выезжаете за границу, не забывайте о собственной стране»), призывы к единству, против хаоса и гражданской войны, нападки на экономическую реформу и снижающийся жизненный уровень. Группы пожилых людей несли портреты Сталина и знамена со злобными антисемитскими лозунгами.

Еще раз на прилегающих улицах прошли соревновавшиеся друг с другом демонстрации. На полпути с противоположной стороны Красной площади послышалась пара хлопков. Мы подумали, что лопнули воздушные шары. Однако позже мы узнали, что какой-то умалишенный из Ленинграда вытащил обрез и произвел два выстрела в воздух. Никто не пострадал.

* * *

На обычном приеме в Кремле в тот вечер Горбачев и Раиса подошли к нам поговорить. Он очень серьезно сказал, что процесс перестройки теперь глубоко укоренился в сознании народа: я, обратился он ко мне, не должен придавать слишком большого значения эксцессам сегодняшних демонстраций – это пена. Я со своей стороны понял это в том смысле, что он хочет, чтобы я передал госпоже Тэтчер и другим руководителям в Лондоне оптимистическое сообщение, что он все еще является человеком, которого следует поддерживать.

Это был последний прием и последний ноябрьский парад в истории Советского Союза. Хотя Горбачев не мог найти в себе силы покинуть партию, к весне 1990 года он тоже понял, что в проведении реформ уже не может полагаться на нее. Поэтому он решил учредить новый пост исполнительного президента, на который его изберет советский парламент, выступающий в роли коллегии выборщиков.

Пуго, Янаев, Павлов

Итак, к осени 1990 года Горбачев упустил из рук инициативу. Он не воспользовался своими новыми полномочиями Исполнительного президента ни для того, чтобы продвинуть экономическую реформу, ни для того, чтобы подчинить себе экстремистов левого и правого толка. Его тактика действий из центра не давала результата. Наиболее видные реформаторы потеряли веру в него и стали поддерживать «Россию» и Ельцина. Реакционеры были глубоко возмущены тем ущербом, который он нанес международному положению Советского Союза и целостности самого Союза.

Простому народу крайне наскучили и раздражали его бесконечные тирады по телевидению; люди больше не надеялись на него. Однако он не сдавался. В ноябре Горбачев попросил у советского парламента дополнительных полномочий, права формировать кабинет министров, непосредственно подотчетных ему, и учреждения поста вице-президента. Парламент удивительно послушно проголосовал за представление ему полномочий, которые он просил. Это походило на новую победу. Я полагал, что это блеф. На мой взгляд, не было никаких оснований полагать, что Горбачев использует свои новые полномочия более эффективно, чем он это сделал с первыми, которые были ему предоставлены весной. Он уклонялся от решения проблем, реагировал на свершившиеся события вместо того, чтобы их предвидеть. Его авторитет заметно падал. Алкснис, один из «черных полковников», возглавивший шумную группу реакционеров в вооруженных силах, попал в болевую точку, когда поднялся и заявил Горбачеву, что если в течение тридцати дней он не восстановит порядок в стране, парламент потребует его смещения.

* * *

Я получил некоторое представление о настроении Горбачева в это время, когда сопровождал Верховного Главнокомандующего НАТО генерала Галвина при встрече с ним 13 ноября 1990 года. Горбачев нервничал и пытался оправдываться. Он сообщил нам о том, что только недавно провел пять часов с военными депутатами со всей страны. «Один полковник» (это был Петрушенко) набросился на него за то, что он принял Нобелевскую премию.

В прежние времена, заметил Горбачев, этот полковник уже не был бы ни полковником, ни депутатом. После этого он начал страстно защищать перестройку. Это не поверхностная перекраска, а фундаментальный процесс перемен, затрагивающий интересы каждого гражданина в стране. Когда он начинал этот процесс, в обществе царил большой энтузиазм. Теперь, когда начались настоящие перемены, условия становятся более трудными, в том числе, конечно, и для армии. Некоторые даже спрашивают, надо ли было вообще вступать на этот путь. Но преобразования такого масштаба не могут быть гладкими.

Достаточно обоснованно Горбачев указал на то, что госпожа Тэтчер сочла довольно трудной перестройку сталелитейной промышленности Англии, что было сравнительно небольшой задачей. Никто ранее не пытался проводить реформы в России без кровопролития или гражданской войны. Иностранцы критикуют его за то, что он не продвигается вперед быстрее. Но ведь, надо думать, он лучше знает свою страну, чем иностранные критики? Неужели они и в самом деле не видят, как много достигнуто, начиная с 1985 года? Разве это дело – критиковать его тактику, якобы противоречащую его стратегии? Он будет продолжать следовать своим приоритетам: рыночная экономика; правовое государство и новые отношения между государствами, входящими в Союз. Он будет терпеливым и терпимым. Но если Конституция окажется в опасности, он будет действовать решительно. В его заявлениях все чаще звучала угрожающая нота.

Крен вправо казался теперь неизбежным. Горбачев зашел очень далеко в разрушении власти старых лидеров, особенно партии. Он образовал для либеральных сил пространство, позволяющее им создать действенные организации с настоящими программами реформ, дисциплиной и решимостью претворить их в жизнь. Но вместо того чтобы поддерживать его, либеральная интеллигенция тратила много времени на бесполезную междоусобную борьбу – слабость, которой русская интеллигенция страдала более ста лет. Поскольку либералы не продемонстрировали сколько-нибудь убедительно своего организационного единства, неудивительно, что прежние правители вновь начали поднимать голову. Это были люди, все еще занимавшие позиции, дающие реальную власть, и обладавшие опытом использования этой власти.

Егор Яковлев заметил в конце ноября, что Горбачев ведет себя как человек, загнанный в угол. Ему приходится вступать в союз с правыми силами – армией и КГБ. Либералы не способны обеспечить ему надлежащую поддержку. Яковлев зловеще добавил, что Лукьянов, которого мы все считали одним из

ближайших союзников Горбачева, теперь перешел на сторону правых.

* * *

Деятели первых светлых дней перестройки начали сходить со сцены. Первым был Бакатин, либеральный коммунист, которого сам Горбачев назначил министром внутренних дел и которого теперь он уволил для умиротворения реакционеров.

«Черные полковники» открыто ликовали. Они публично хвастались, что следующим в их списке числится Шеварднадзе. И действительно, 20 декабря Шеварднадзе сообщил парламенту, что он уходит с поста министра иностранных дел. Он говорил очень эмоционально, обвиняя демократов в том, что все попрятались, и предостерегал об угрозе новой диктатуры. В конце он заявил: «Я считаю, что уйти в отставку – мой долг как человека, как гражданина и как коммуниста. Я не могу смириться с тем, что происходит в нашей стране, и с теми испытаниями, которые ждут наш народ. И все-таки я верю, что диктатура не добьется своей цели, что будущее принадлежит демократии и свободе».

К тому времени, когда я добрался в тот день до Дворца съездов, депутаты начали говорить после ошеломленного молчания. Академик Лихачев сказал, что советская внешняя политика – единственная полностью успешная сфера перестройки и призвал депутатов своим голосованием убедить Шеварднадзе остаться. Другие либералы призывали к единому отпору угрозе диктатуры и гражданской войны. Они обвиняли Горбачева в том, что он стал заложником людей в погонах, и нападали на Шеварднадзе за то, что тот покидает свой пост под огнем. «Черные полковники» захлебывались от избытка чувств. После этого говорил Горбачев, спокойно, без драматических эффектов – говорил так, как того требовала обстановка, и как он уже довольно давно не говорил. У него нет никаких важных известий о том, что какая-то «хунта» готовится захватить власть. В период трудного перехода порядок действительно необходимо поддерживать. Но сильное руководство совсем не то же самое, что диктатура. Шеварднадзе поступает неправильно, отказываясь от борьбы, – он еще может сделать много полезного. В заключение Горбачев призвал парламент проголосовать за продолжение нынешней советской внешней политики и за дальнейшее исполнение Шеварднадзе своих обязанностей. Поддавшиеся убеждению депутаты сделали так, как им было сказано, но

Шеварднадзе был неумолим.

Мне было неясно, какого рода «диктатуры» опасался Шеварднадзе: слишком могущественного Горбачева или Горбачева, ставшего заложником генералов. Когда я посетил его через пару месяцев в его новом Институте внешней политики, он никак не просветил меня на этот счет. Возможно, самое простое объяснение состояло в том, что он уже знал о планах предстоящего, удара по республикам, не мог их достаточно отчетливо раскрыть, а потому выбрал этот драматический жест.

* * *

Горбачев теперь лишился своих наиболее важных советников. Бакатин был уволен, Шеварднадзе ушел, Яковлев отошел в сторону. В середине декабря Рыжков заявил парламенту: «Перестройка, какой мы ее замышляли, провалилась». Затем у него случился инфаркт и он ушел в отставку.

К концу года команды первоначальной перестройки более не существовало. Чтобы заменить прежних, Горбачев обратил свой взор на правых политиков – консервативных служак старого советского образца. Первым был Борис Пуго, сменивший Бакатина на посту министра внутренних дел. Пуго был в свое время главой КГБ в Латвии, а затем Первым секретарем латвийской компартии. Это был мягкий, внушающий доверие человек с тихим голосом, доброжелательным выражением лица, почти лысый и с кустиками волос над ушами, – по мнению Черняева, вполне порядочный человек.

Новым министром иностранных дел был симпатичный Бессмертных, профессиональный дипломат, которого перетащили с только что занятого им поста посла в Вашингтоне. Он приехал в Москву вместе со своей плачущей женой и грудным ребенком.

Кандидатом на новый пост вице-президента был Геннадий Янаев, бывший профсоюзный деятель с довольно темным прошлым. Он тоже говорил тихим голосом, курил папиросу за папиросой, а его седые волосы были так тщательно причесаны, что я заподозрил на нем парик. Парламент одобрил его назначение лишь после сильного нажима Горбачева.

Но самой главной фигурой в новом правительстве был Валентин Павлов, преемник Рыжкова на посту премьер-министра. В прошлом министр финансов, он походил на пухленького веселого гнома (Джилл считала его фигурой гораздо более зловещей – не гномом, а, скорее, троллем). Стриженный под «ежик», он имел манеру глупо хихикать и подмигивать.

Непочтительные русские прозвали его «свиноеж». Из всех советских политических деятелей, каких я встречал, он был наименее привлекательным. Он был циничен, редко говорил правду и, как выяснилось во время его встреч с Джоном Мэйджором и госпожой Тэтчер, к тому же плохо разбирался в экономике.

Вскоре после вступления на свой пост, демонстрируя поразительное невежество, глупость, безответственность и ксенофобию, премьер-министр второй могущественной страны мира публично обвинил западные банки в том, что они замышляют наводнить Советский Союз рублями, чтобы вызвать крах правительства и падение Горбачева, давая тем самым западным бизнесменам возможность скупить советскую промышленность по бросовым ценам.

Крючков поддержал эту дикую идею в выступлениях по телевидению и радио, заявив, что КГБ располагает доказательствами этого. Павлов хвастался, что он разрушил заговор в один миг – «не за несколько дней, а всего за несколько часов».

Я не замедлил поставить в известность людей в советском правительстве, с которыми поддерживал постоянную связь, о том, какой серьезный ущерб подобные заявления могут причинить Советскому Союзу. Однако, несмотря на непривлекательные качества Павлова, мои друзья предупредили меня, что недооценивать его не следует. Они говорили, что «этот парень очень хорошо разбирается в цифрах», что он сильный, беспощадный и умелый политик, опасаться которого есть основания даже у Горбачева. 14 января, в разгар кризиса в Прибалтике, парламент беспрекословно проголосовал за его утверждение.

Таким образом, к середине января 1991 года Горбачев расставил по местам всех тех людей, которые семь месяцев спустя его предали.

«Штурмовые сигналы»

На протяжении нескольких последующих месяцев Горбачев неоднократно встречался с Ельциным и другими республиканскими лидерами на подмосковной даче в Ново-Огарево, с тем, чтобы добиться соглашения о распределении власти между Союзом и его составными частями. Эта задача была трудна сама по себе. Как делить политические, фискальные и экономические функции в прошлом централизованного государства? Что произойдет с советскими вооруженными силами, советским Центральным банком, едиными советскими системами транспорта и энергетики, а также с другими инструментами центральной власти? Еще более трудной эта задача становилась потому, что Ельцин и украинцы были исполнены решимости использовать этот процесс для укрепления собственной независимой власти. Прибалты и грузины, решившие полностью порвать с Союзом, вообще отказались участвовать в переговорах.

В середине этих переговоров Ельцин одержал свою потрясающую победу на выборах на новый пост Президента РСФСР. Реакционеры чувствовали, что времени для действий у них остается совсем мало. По их мнению, переговоры в Ново-Огарево и существование двух президентов в стране, которую они все еще считали единой, угрожают Союзу, и мириться с этим они не могли. 17 июня Павлов, воспользовавшись отсутствием Горбачева, который находился в Ново-Огарево, запросил у парламента чрезвычайных полномочий для осуществления его антикризисного экономического плана. Он признался, что с президентом по этому поводу заранее не консультировался. Реакционные депутаты обрушились с бурными нападками на Горбачева.

Дальнейшая работа сессии проходила при закрытых дверях, однако уже через несколько часов содержание ее просочилось наружу. Пуго, Крючков и Язов в один голос заявили, что страна гибнет. Крючков повторил свои устрашающие предостережения о зловещих иностранных силах и заявил, что он готов действовать, чтобы спасти систему, а «не какого-то конкретного лидера». Националистический депутат Коган предложил, чтобы чрезвычайный Съезд народных депутатов лишил президента его властных полномочий. Газеты назвали это «конституционным переворотом».

* * *

В день рождения королевы, отмечавшийся через два дня после этого в Доме Харитоненко, погода была знойно-влажной; с утра началась сильная гроза и проливной дождь. Казалось, в Россию перенесся муссонный климат, тогда как в прежние времена день рождения королевы праздновался на лужайке, и Хрущев со своими друзьями лакомился земляникой со сливками.

На этот раз в посольстве присутствовали Лаптев, Афанасьев и Старовойтова, глубоко удрученные и мысленно сосредоточенные на «конституционном перевороте». Я напомнил им, что когда реакционеры разбушевались на двух партийных съездах в 1990 году, мы спрашивали себя, что это? Последняя отчаянная схватка отступающих консерваторов или же это их первая попытка осуществить контрреволюцию? Так что же – история повторяется как фарс? Однако все трое были убеждены, что за вмешательством Павлова, Язова и Крючкова скрывается настоящий заговор. Горбачев был застигнут врасплох. Переворот мог произойти в любой момент. После победы Ельцина войска Московского военного округа были приведены в состояние боевой готовности. Генерал Родионов подошел ко мне и весело сказал, что московские военные командиры в этот уикенд пришли к единому мнению, что стране достаточно одного президента, и он с ними совершенно согласен.

Однако в конце недели Горбачев вновь ворвался в парламент, обрушился на консерваторов и прочно укрепил на мачте флаг реформы. Язов мялся и вилял. Павлов походил на выпоротого мальчишку и жаловался, что его слова исказили в печати. Лукьянов придумал изобретательное объяснение: Павлов просто пытался укрепить контроль над фискальной и банковской системой. Этого, по-видимому, было достаточно, чтобы всех успокоить. В общем, наблюдатели склонны были считать, что события этой недели действительно были фарсом, а не трагедией.

Через несколько дней за ужином Мэри Дежевски, корреспондент «Таймс», высказала мнение, что реакционеры еще могут попытаться поставить Горбачева в неловкое положение перед его предстоящей поездкой в июле в Лондон на экономическую встречу на высшем уровне. Расстрелы в прибалтийских республиках или бомбы, взорванные в каких-нибудь других местах, вполне послужили бы этой цели. Заместитель министра иностранных дел российского парламента Федоров сказал, что реакционеры остро осознают: надо действовать, пока еще не поздно. Полковник Шлыков, председатель Комитета по вопросам обороны Российского

парламента, заявил, что многие офицеры среднего звена – русские шовинисты, поддерживающие Жириновского. Другие поддерживают Ельцина, который теперь призывает к созданию русской армии.

Генералы в ужасе оттого, что Ельцин может с успехом обратиться через их голову к войскам. Однако все были согласны с тем, что с «конституционным переворотом» покончено.

* * *

Еще один штурмовой сигнал прозвучал летом. 28 июля «Советская Россия», – газета, которая опубликовала в 1988 году пресловутую статью Нины Андреевой, – поместила «Слово к народу», подписанное Варенниковым и другими генералами, епископом Питиримом и рядом консервативных писателей. Они нападали на «лукавых и велеречивых властителей, умных и хитрых отступников, жадных и богатых стяжателей, которые, глумясь над нашими верованиями, пользуясь нашей наивностью, захватили власть, растаскивают богатства… режут на части страну, ссорят нас и… отлучают от прошлого…

Пора отряхнуть оцепенение, сообща и всенародно искать выход из нынешнего тупика…».

В своем дневнике я записал: «Это – сильные выражения, исходящие от людей, которые в состоянии кое-что по этому поводу предпринять, если пожелают». Через три недели произошел путч.

Дневник путча

В июле 1991 года Горбачев прилетел в Лондон на встречу глав государств и правительств Англии, Франции, Германии, Италии, Японии, Канады и США – на «экономический саммит группы Семи (G7)». После заседания Джон Мэйджор пригласил его в Ковент-Гарден на оперу Россини «Золушка». Когда Горбачев вошел в театр, зрители его приветствовали, а по окончании спектакля, когда он вышел на улицу, ему устроили овацию. В своей собственной стране такого восторга он уже более не вызывал.

Обед при свечах был устроен в Доме Адмиралтейства, в маленькой столовой с чудовищными обоями и претенциозными картинами, изображающими морские победы над французами. Горбачев и Раиса вошли, держась за руки. Горбачев был в своей наилучшей форме: обаятельный, живой, откровенный, оптимистичный, но в то же время серьезный. Он утверждал, что ничто не заставит его отказаться от стратегической цели – преобразования страны и создания рыночной экономики. Но каждая страна должна найти наиболее подходящие для нее формы, в России существует сильное сопротивление переменам. Иностранцы придают большое значение приватизации земли, но русские крестьяне считают, что земля – от Бога. Они предпочитают общину и средневековую систему чересполосицы, которая была уничтожена коллективизацией. Изменить их взгляды гораздо труднее, чем это представляется иностранцам. (Ельцину, как известно, тоже не удалось провести через парламент закон о приватизации сельскохозяйственных земель. И даже в путинской России коммунисты ей сопротивляются.)

Как сказал Горбачев, он твердо уверен в том, что в России в конце концов установится смешанная экономика. При его жизни преобразование не будет завершено. Он знает, что его многие критикуют за нерешительность, но он не может двигаться быстрее, чем это по силам народу. И не намерен прибегать к насильственным методам прошлого. Если он добьется успеха, люди забудут о своей критике, если же потерпит неудачу, «тогда и десять ангелов нас не смогут спасти».

Мэйджор спросил насчет слухов о возможном перевороте. Горбачев рассмеялся. За него вечно боятся, что его вот-вот свергнут. На днях ему звонил Буш – тоже по поводу какого-то переворота. Но он уверен, что все будет в порядке.

* * *

В августе никогда не происходит чего-либо сенсационного – разве что какая-нибудь мировая война. Горбачев сокрушил «конституционный переворот» в июне и отправился отдыхать в Крым. Мои дипломатические коллеги в Москве сходились на том, что в Москве все тихо. Так я и сказал приехавшему в гости мэру Кардиффа, когда он пришел к нам на ланч 18 августа.

Вечером того же дня мы с Джилл отправились в короткую поездку в Вологду, древний город к северу от Москвы, стоявший на торговом пути XVII века: через северную систему рек и Архангельск – в Англию и Голландию.

То есть случилось так, что когда в понедельник 19 августа начался путч, мы с Джилл проводили первые часы не в Москве, а в партийном общежитии в Вологде – «лучшем» отеле города. Здесь было все – фанерная мебель, обитая дешевым плюшем, бетонные коридоры, цветы в горшках. От всего этого так и разило провинциальным коммунизмом и образом многих поколений партийных чиновников, разъезжавших по стране по своим мелким делам. Рядом с отелем находился громадный провинциальный партийный штаб и новехонькое здание КГБ.

Наш маленький радиоприемник был настроен таким образом, чтобы каждое утро в шесть часов принимать известия Би-би-си. К нашему удивлению, в Вологде эту передачу можно было поймать. «Советское руководство, – услышали мы, – объявило чрезвычайное положение в связи с неспособностью, по состоянию здоровья, Михаила Сергеевича Горбачева исполнять свои обязанности президента». Фактически это были те же самые выражения, в которых «Правда» сообщала о падении Хрущева в 1964 году (я нашел тот номер газеты в посольской библиотеке почти три года назад). Был создан Чрезвычайный комитет, в который вошли Крючков, Павлов, Пуго, Язов и Янаев – люди, назначенные на свои должности Горбачевым…

Собчак стал мэром Ленинграда в тот день, когда Ельцин стал Президентом России. Когда начался путч, он находился в Москве. Обсудив план сопротивления на ельцинской даче, он решил вернуться в Ленинград. В Московском аэропорту три явных сотрудника КГБ пристально следили за ним. Но вместо того, чтобы его арестовать, они заявили ему, что находятся здесь с целью проследить, чтобы он благополучно сел в самолет.

По прибытии он сразу же отправился в штаб Ленинградского военного округа, находящийся около Зимнего дворца. Командующий округом генерал Самсонов уже объявил по телевидению о своей поддержке путча. В данный момент он

совещался со своими офицерами и местными руководителями КГБ. Собчак ворвался к ним и заявил, что путч противозаконен: он точно знает, ибо участвовал в составлении Конституции. Если генералы попытаются его арестовать, они погубят свою карьеру. Генералы уклончиво говорили, что они всего лишь выполняли приказы. «То же самое говорили подсудимые в Нюрнберге», – возразил Собчак, и генералы притихли.

После этого Собчак созвал в Мариинском дворце заседание Горсовета и сообщил присутствующим, что Горбачев арестован «преступниками». Он был первым, назвавшим их так. Вечером он уговорил ленинградское телевидение показать отрывки из киноверсии «Невозвращенца» Кабакова, где москвичей в некоем недалеком будущем преследует военный режим. В далекой Перми вымысел приняли за правду, и на короткое время в городе возникла паника.

Явлинский, молодой либеральный экономист, видевшийся со мной несколько раз летом в связи с его планом об экономическом сотрудничестве между Советским Союзом и Западом, только что уехал отдыхать. Он подъезжал ночным поездом ко Львову, когда услышал заявление заговорщиков. Сталинистский дух и манера этого заявления вызвали у него опасения самого худшего. Он тут же сел на обратный поезд в Москву. Явлинский также ждал ареста в любую минуту, поэтому на каждой остановке на перроне он вручал удивленным людям письменное изложение своих взглядов. Но когда он услышал по радио, как неуклюже ведут пресс-конференцию заговорщики, он сразу понял, что путч провалится. Вопрос состоял лишь в том, сколько при этом прольется крови. Он отправился в Белый дом, где заседал Российский парламент, и стал помогать устанавливать связь между российским и советским КГБ.

* * *

Мы сами вернулись в Быково сразу после обеда, менее чем через 20 часов после того, как покинули его. Мы ехали в Москву по Рязанскому шоссе мимо колонны, состоявшей из сотни с лишним припаркованных военных машин: грузовиков, БМП, нескольких танков и каких-то предметов, покрытых брезентом, – возможно, это были орудия. Солдаты нежились на солнце. Один сломанный бронетранспортер лежал возле дороги.

В самой Москве жизнь текла на удивление нормально: гражданские автомашины как обычно торчали в хаотичных пробках; люди спешили по своим повседневным делам, женщины

ходили по магазинам. Военные машины прокладывали себе путь в потоке дорожного движения. Танки – группами по три – контролировали въезд на Красную площадь так же, как они это делали во время демонстрации в марте. Танкисты были мрачны и необщительны. На задней броне одного танка было приклеено обращение Ельцина к солдатам. Люди были скорее озадачены и любопытны, чем испуганы. По-видимому, ни солдаты, ни штатские понятия не имели, что происходит. Совсем не похоже было на осажденный город, ожидающий применения насилия.

Когда я вернулся, посольство казалось почти пустым. Молодые люди из политического отдела с удовольствием проводили время на улице, наблюдая за происходящим и стараясь позвонить и рассказать об увиденном из полуразбитых телефонных будок, – ведь это было в эпоху до мобильных телефонов. Джон Мэйджор уже объявил, что мы не будем иметь никакого дела с Чрезвычайным комитетом. Я пытался позвонить Черняеву домой и на работу. Его телефоны не отвечали.

Между тем Джилл, вооружившись видеокамерой, отправилась со своей помощницей Энн Браун посмотреть, что происходит. Они возвратились через несколько часов. На Манежной площади состоялись митинги протеста, где Джилл встретила одного из молодых космонавтов, с которым мы были знакомы. Солдаты и граждане теперь переговаривались друг с другом, дружелюбно и раскованно. Бронеколонны пришли в движение – дивизия войск КГБ имени Дзержинского, отборная Таманская дивизия, десантники из Рязани. Прошел слух, и тут же был опровергнут, что десантники захватили Моссовет.

* * *

В течение дня Чрезвычайный комитет издал целый поток объявлений и обращений, направленных на укрепление власти органов безопасности, запрещающих всякую политическую деятельность и восстанавливающих централизованный контроль над экономикой. Комитет обратился к советскому народу за поддержкой в восстановлении достойного места Советского Союза в мире. Он заверил международное сообщество, что Советский Союз будет продолжать выполнять свои международные обязательства.

Однако в скором времени стало ясно, что в самом путче есть что-то странное: на улицах ничего не происходит, никто не арестован, Ельцин в Белом доме решительно утверждает, что только он, а никак не руководители путча, обладает властью над

территорией России. Ельцину противостояли подавляющие по своей численности и огневой мощи силы. Но колонны бронемашин не поддерживались массой пехотинцев, сыгравших главную роль в прежних попытках запугать московскую улицу, и не было той военной истерии, которая сопутствовала кровопролитию в Баку и Тбилиси.

Часов около пяти заговорщики (народ уже называл их «хунтой») устроили пресс-конференцию, передававшуюся по телевидению. Это было такое странное представление, что Джилл тут же окрестила его «спектаклем марионеток» (как в передаче «Маппет-шоу»). Нервничавший, а может быть, пьяный, Янаев пытался разъяснить их позиции. Он обещал, что «Комитет» будет продолжать реформы, и выразил надежду, что после продолжительного отдыха Горбачев сможет снова приступить к исполнению своих обязанностей президента.

Затем он по глупости согласился отвечать на вопросы. Молодая журналистка из «Независимой газеты» Таня Малкина спросила, понимает ли он, что действует в нарушение Конституции. Другой журналист спросил, что он думает о призыве Ельцина к общенациональной забастовке, оповестив таким образом миллионы советских граждан, ничего не знавших об этом призыве. В результате доверие к хунте было подорвано при первом же появлении ее на публике.

В вечерней передаче новостей суровая дикторша, как бы восставшая из советского прошлого, прочитала декреты Чрезвычайного комитета. Все независимые газеты были запрещены. Ельцина ругали, как нашкодившего мальчишку, за его бунтарские высказывания, которые он себе позволил несколько ранее в этот день. Однако в той же программе новостей показали и Ельцина, произносившего эти самые высказывания; демонстрации в Ленинграде и Москве; танк с развевающимся на нем российским флагом; солдата, размахивавшего незаряженным пистолетом и клявшегося в том, что он никогда не станет стрелять в толпу; мужчин, строивших баррикады перед Белым домом и заявлявших о своей твердой решимости защищать парламент, который они сами избрали.

Вообще-то говоря, все это не было простым повторением событий, сопутствовавших падению Хрущева в 1964 году. То было дворцовым переворотом внутри коммунистической партии. На этот раз партия никакой официальной роли не играла. Не было ни заседания ЦК, ни передовицы в «Правде», ни черных лимузинов, въезжавших в Кремль и выезжавших из него. Штаб ЦК весь день выглядел опустевшим. Чрезвычайный комитет не упомянул партию ни в одном из своих публичных заявлений.

Никто не потрудился даже сказать нам, является ли Горбачев все еще Генеральным секретарем, а если нет, то кто его преемник. Горбачев лишил партию практического значения. Главная цель путчистов состояла не в восстановлении коммунизма. Их целью было утвердить порядок, политическую и экономическую дисциплину и восстановить престиж Советского Союза тем единственным способом, какой им был известен.

Таким образом, попытка путча в 1991 году была делом публичным. Она вызвала негодование общественности с самого начала. Несмотря на большое количество на улицах Москвы бронетехники, атмосфера первого дня была, скорее, неопределенной, слишком цивилизованной.

* * *

Гай Спиндлер и Ричард Асл, два молодых сотрудника посольства, провели ночь в Белом доме. Рано утром второго дня они сообщили, что вокруг здания находится около сорока бронемашин для транспортировки личного состава и семь тяжелых танков, и что они принадлежат отборной Таманской дивизии. Рабочие Горсовета помогали возводить более прочные баррикады.

Прибыли парашютно-десантные войска из Тулы под командованием генерала Лебедя; они говорят, что пришли поддержать Ельцина и Россию. Рассказ об этом в мемуарах Лебедя выглядит так. 19 августа в 4 часа утра ему было приказано двинуться со своими десантниками в Москву защищать Белый дом. Начальство не могло ему объяснить, от кого он должен его защищать. Поскольку на его командирской машине не было хорошего радиоприемника, он не слышал о первом заявлении хунты и даже после прибытия в Москву не имел представления о том, что происходит. Поэтому он привел своих бойцов к Белому дому, и ему пришлось убеждать Ельцина, что он находится здесь, чтобы помогать именно ему.

Хунта еще не установила контроля над средствами массовой информации. Когда она попыталась помешать «Известиям» напечатать обращение Ельцина, наборщики пригрозили забастовкой, и обращение было напечатано. Даже «Правда» сообщала о заявлениях Ельцина, описывала сцены на улицах и печатала критические высказывания иностранцев. Комиссия по конституционному контролю объявила, что чрезвычайное положение будет законным лишь в том случае, если за него выскажется большинство, составляющее две трети депутатов

советского парламента, заседание которого назначено на 26 августа.

В посольство явились за информацией британские бизнесмены. Я сказал им, что может произойти все – от провала путча по причине несостоятельности его организаторов до кровавой гражданской войны. Впрочем, заговорщики совершили серьезную ошибку, не прибегнув к более беспощадным действиям, и похоже на то, что теперь инициативу у них перехватывают Ельцин и демократы.

Несколько бизнесменов спросили, следует ли им доставить своих сотрудников в Москву с отдаленных строек, где они сейчас трудятся, или, может быть, даже отослать их на родину. Я посоветовал пока что ничего не предпринимать. Они будут выглядеть довольно глупо, если путч потерпит фиаско, и тогда вернуть своих людей обратно им будет труднее, чем их вывезти.

Начали распространяться самые различные слухи – о том, что арестованы демократы, что Чрезвычайный комитет распадается. Днем события начали развиваться в более быстром темпе. Друзья из Белого дома позвонили и сообщили, что с минуты на минуту ждут нападения. Часов около пяти Станкевич выступил с панической речью по «Эху Москвы», призвав всех женщин и детей покинуть Белый дом и район вокруг него. Я испытывал крайнюю досаду от того, что вынужден торчать у себя в кабинете, когда рядом вершится история. Все остальные были на улицах города. Я уже высказал Стивену Уоллу, личному секретарю Мэйджора, мнение, что мне следует продемонстрировать солидарность, отправившись в Белый дом. Тот пообещал мне позвонить и сообщить, каков будет ответ. Тем временем я уехал из посольства на «Ниве» с Дэвидом Мэннингом и Джеффом Марреллом, начальником посольского отдела по вопросам внутренней политики. Джилл села в другую «Ниву» со Стивеном, нашим поваром, и Энн Браун.

* * *

Мы припарковались на набережной напротив Белого дома, нелепого помпезного здания. Построенное во время правления Брежнева, оно представляло собой прямоугольник, поставленный на другой прямоугольник, отделанный безжизненным белым мрамором, с множеством ненужных входов, большая часть которых – как всегда в советских зданиях – была надежно заперта. До этого момента Белый дом был символом Советского Союза с его фальшивыми национальными республиками, их безымянными

премьер-министрами и бесправными «правительствами». Отныне он стал могучим символом новой и очень неспокойной России. Напротив Белого дома, на другой стороне реки, где стояла наша машина, находилась гостиница «Украина», одна из сталинских неоготических фантазий, исполненная значения, мощная, угрожающая – одним словом, воплощение всего того, чем Белый дом не был. Набережная была забита припаркованными машинами. И я подивился тому, что столь многие русские, как видно, готовы были рисковать своими дорогостоящими машинами, оказавшись в таком месте, где могут произойти события весьма неприятного свойства.

Новоарбатский (Кутузовский) мост, ведущий к Белому дому, был блокирован танками, на которых развевались русский и украинский флаги. На чьей стороне военные, было неясно. Толпы людей двигались по мосту с нескрываемым настроением праздничного возбуждения, смешанного с опасением. Люди, руководившие толпами, тщетно пытались помешать им двигаться к Белому дому. На другом конце моста находилась никуда не годная баррикада. Подтянулись подъемные краны, которые должны были помочь сооружению новых баррикад. Тут же находилась еще пара танков; их молодой экипаж выбрался из люков и занялся своими бытовыми заботами. Парашютно-десантных войск с их бронетранспортерами, которые, как предполагалось, должны были прибыть прошлой ночью, нигде не было видно. В ряд стояли кареты «скорой помощи». Передвижные туалеты использовались и для строительства баррикад, и по своему прямому назначению.

В противоположность пожилым демонстрантам 1989 и 1990 годов, на этот раз большую часть толпы составляли молодые люди лет двадцати-тридцати. Наконец-то молодежь Москвы пришла в движение. Вокруг каждого человека с транзистором стояли кучки людей. У некоторых были в руках гитары, и они тихонько напевали. Темпераментный молодой человек с рупором в руках вскочил на танк. Он закричал: «Иностранцы фотографируют и задают вопросы: где ваше оружие, как вы будете сражаться с солдатами? Но мы не собираемся сражаться с солдатами. Солдаты наши друзья и соотечественники. Мы будем их приветствовать и убеждать». Толпа радостно загудела, когда он сообщил, что Рязанская воздушно-десантная академия объявила, что она за Россию и будет уговаривать прибывающие войска не стрелять.

К этому времени мы все больше укреплялись в убеждении, что путч провалится. Джефф Маррелл заметил, что это напоминает Октябрь 1917 года, только на этот раз рушится

советская власть. Никто из нас не думал, что доживет до такого дня. На площади позади Белого дома мы встретили Гая Спиндлера, который почти сутки пробродил вокруг здания. Он сказал, что чуть раньше здесь было, пожалуй, тысяч двести народа. Люди бесцельно слонялись, некоторые сооружали хлипкие баррикады из прутьев ограды, кусков дерева и «шведских стенок», установленных на детских игровых площадках. Согласно классическому революционному канону, из мостовой были выкопаны булыжники. Но никаких признаков организованности и серьезной подготовки к сопротивлению не было. Толпу захлестнули слухи: на пути сюда – танковая колонна; будет налет с воздуха; будет применен газ. Однако трудно было себе представить, что эти безоружные люди и эти жалкие баррикады способны противостоять сколько-нибудь серьезному штурму. Самое большее, чего они могли достичь, – заслужить звание мучеников.

* * *

В сгущающихся сумерках мы с Гаем пошли пешком в посольство. На Манежной площади был выстроен кордон из бронетранспортеров. Члены экипажей стояли вокруг своих машин или сидели на броне. У многих были значки с изображением российского флага. Вид у них был растерянный и несчастный. Одна женщина спросила интеллигентного на вид юношу, понимает ли он, что именно он тут делает. Он ответил, что ему и его товарищам сообщили среди ночи в воскресенье, что они отправляются на учения. Они захватили с собой минимальное количество боеприпасов и продовольствия. Только по прибытии в Москву они услышали, что президент Горбачев болен, и что они находятся здесь для того, чтобы поддерживать порядок. От настойчивых расспросов парню становилось все более не по себе, так что, в конце концов, он заткнул пальцами уши и сказал, что нервы его не выдерживают. Тогда кто-то поставил на его машину проигрыватель с записью призыва Ельцина к солдатам не пятнать честь русского оружия и не проливать русскую кровь. Я подумал: если бы Горбачев был способен на подобную патриотическую риторику!

Моложавый человек в твидовом костюме-тройке и с портфелем в руке сердито защищал армию. «Вам не стыдно нападать на советскую власть? А вы не боитесь, что вас арестуют?» – «Поглядите на него, – саркастически заявила какая-то женщина, – последний уцелевший обломок советской власти!»

Щеголеватый и красивый молодой капитан спорил с гражданином в штатском по поводу нехватки колбасы. Штатский что-то ворчал насчет привилегий военных.

Офицер возражал, что, в отличие от штатского, он лишен возможности тратить время на стояние в очередях – его обязанности не позволяют ему этого. Офицеры не пытались оградить молодых солдат от попыток подорвать их боевой дух – еще одно свидетельство несерьезности путча. Когда мы двинулись прочь, подбежал моложавый мужчина в костюме и крикнул: «Все в Белый дом! Все на баррикады!». Люди начали двигаться назад по Калининскому проспекту к Белому дому.

Мы прошли через Большой Каменный мост до посольства. На подступах к нему угрожающе стояли танки в несколько рядов. На повороте дороги маячил грозный оливково-зеленый штурмовой бульдозер. Он мог в мгновение ока смести все баррикады вокруг Белого дома. В посольстве я узнал: русское радио передавало, что Черняев был арестован в то же самое время, что и Горбачев. Неудивительно, что я не мог до него дозвониться. Мне становилось нехорошо при мысли, что он находится неизвестно где и ему грозит какая-то опасность.

* * *

К вечеру второго дня хунта начала прибирать к рукам телевидение. Одно краткое объявление следовало за другим. Арестованы личности, спекулировавшие на черном рынке; Павлов заболел; отдельным лицам будут по-прежнему выдавать иностранную валюту для заграничных поездок (чтобы подольститься к «привилегенции»). Молодой писатель-рабочий выступил с сентиментальным воззванием к солдатам и гражданским лицам, призывая обращаться друг с другом по-хорошему; он выразил сожаление по поводу грубых слов, сказанных Ельциным о хунте. Нервничающий и смущенный генерал Калинин, военный комендант Москвы, объявил, что в Москве вводится комендантский час, вступающий в силу немедленно.

Но советское радио и телевидение более не обладали монополией на информацию. Русское радио сообщило, что Бакатин и Примаков находятся в настоящее время в Белом доме. По посольскому факсу потоком шли сообщения русских информационных агентств. Поддержка хунты рушилась по всей стране. Поколебавшись денек, Назарбаев, Кравчук и белорусы выступали теперь против хунты. Ленинградская военно-морская

база поддерживала Собчака. Ростропович прилетел в Москву и находился в Белом доме. Госпожа Тэтчер, пребывавшая в безопасности в Лондоне, призывала население Москвы выйти на улицы. Появились слухи, будто Крючков и Язов подали в отставку, и министром обороны стал теперь Моисеев.

Джилл позвонила мне из квартиры наших друзей Сенокосовых. Она встретила их возле Белого дома и слышала радостные крики толпы, когда было объявлено, что премьер-министр Мэйджор позвонил Ельцину, и снова – когда в здание вошел Шеварднадзе. Мы пришли к единому мнению, что хунта в скором времени потеряет инициативу, если не предпримет решительных действий для укрепления своих позиций. Я сказал Джилл о комендантском часе и предупредил, чтобы она не выходила из дома.

Примерно после полуночи в посольстве начали раздаваться телефонные звонки, сообщавшие о выстрелах в районе Белого дома. Русское радио передало, что десяток танков и около двадцати БМП прошли мимо американского посольства в сторону Белого дома, преодолев первую баррикаду. Один человек убит и несколько ранено.

По факсу пришло сообщение из самого Белого дома. Защитники ожидают нападения со стороны просочившихся в здание специальных агентов – офицеров КГБ. Для противодействия им внутри Белого дома находятся около 300 вооруженных бойцов милиции, еще столько же ветеранов-афганцев и некоторое число безоружных студентов. Это был момент наибольшего напряжения. Явлинский потом мне рассказал, что он позвонил своей жене, чтобы проститься с ней. Но к этому времени КГБ пытался заверить защитников Белого дома, что никакого нападения не планируется. Его представители пригласили Явлинского ознакомиться с их штурмовыми силами – отборной группой «Альфа». Солдаты, вооруженные до зубов, находились в здании школы, расположенной поблизости от Белого дома. Они непринужденно лежали кто где, – некоторые спали, другие читали комиксы. Было ясно, что они не помышляют ни о каком бое. Тогда Явлинский понял, что все кончилось.

Я сообщил о происходящем дежурному в Форин Оффис. Он просил передать просьбу премьер-министра, чтобы я информировал Ельцина о том, что у нас есть основания полагать, будто ночью на него будет совершено нападение. Хотя выстрелы уже прозвучали, я без труда дозвонился до Суханова, помощника Ельцина в Белом доме, человека которого я никогда не встречал ни до этого, ни после. Телефонная линия работала гораздо лучше, чем это было обычно в Москве – я слышал Суханова так

отчетливо, как если бы он был в соседней комнате. Он сказал, что ему известно о продвижении бронемашин. Но из Белого дома ему их не видно, и никаких подробностей относительно выстрелов у него нет. Он заверил меня, что сторонники Ельцина готовятся к обороне. Он разрешил мне позвонить ему снова, если понадобится. Он тоже, если надо, позвонит. Надо ли говорить, что он не звонил. Его мысли были заняты вещами посерьезнее. Я лег спать.

На следующий день Джилл призналась, что вместо того, чтобы соблюдать комендантский час, она пошла с Сенокосовыми к защитникам Белого дома. Сейчас, объяснила она, пришло время, когда все либеральные интеллектуалы должны ясно заявить о своей позиции.

Когда началась стрельба, они были на мосту. Толпа сначала подумала, что это какой-то фейерверк. Но стоявшая рядом с Джилл женщина сказала, что это именно выстрелы, – она слышала то же самое полтора года назад во время расправы в Баку. Все хорошо, что хорошо кончается: Джилл осталась жива, а неправая сторона не одержала победы.

* * *

На третий день путча я проснулся в 6 часов утра и обнаружил, что дождь все еще льет как из ведра. Погода для массовых демонстраций была неподходящая. А может быть, все-таки Бог на стороне хунты?

Но радио «Эхо Москвы» все еще вещало после ночной попытки закрыть его. Нападения на Белый дом все еще не было, и толпы защитников оставались рядом с ним, разбив лагерь. Однако, как сообщил диктор, бронеколонна, прорвавшаяся через первую баррикаду, раздавила насмерть троих людей и есть раненые. Руцкой, вице-президент Ельцина, выступил по радио; он подверг нападкам хунту и призвал сограждан ясно заявить о своей позиции. Евтушенко разрешился еще одним стихотворным посланием и воззвал к теням Пушкина и Толстого (кто, кроме русских, стал бы передавать по радио стихи по такому случаю?). Бакатин и Примаков, выступая в качестве членов горбачевского Совета национальной безопасности, призвали к возвращению полномочий президенту. Многочисленные города и области выразили поддержку Ельцину. Би-би-си сообщила, что Крючков дважды звонил ночью по телефону начальнику ельцинского штаба Бурбулису, чтобы заверить его в том, что Белый дом не будет атакован.

Лондон, наконец, согласился с тем, что мне следует посетить Ельцина. Я решил присутствовать на утренней чрезвычайной сессии Российского парламента в Белом доме, которая должна была призвать к роспуску Чрезвычайного комитета. Пока еще не было вполне ясно, что заговорщики побеждены. Они располагали огневой мощью. Если бы они пустили ее в ход и одержали бы верх, они, без сомнения, весьма отрицательно отнеслись бы к факту моей поддержки Ельцина. Как посол я бы уже не годился. Россия под властью хунты перестала бы быть страной, в которой можно достойно жить, и я в свою очередь тоже не захотел бы в ней оставаться…

Внутри Белого дома было множество щегольски одетых милиционеров и куда менее нарядных штатских, многие – в военной форме, которую они носили в Афганистане. Они были вооружены только автоматами – никакого более совершенного оружия я не заметил. Атмосфера была возбужденной, эмоциональной; люди толкались всюду – с какой-то неопределенной целеустремленностью. Наверное, так выглядел Смольный институт в Петрограде, когда Ленин и Троцкий устроили государственный переворот в октябре 1917 года.

Более половины депутатов, включая коммунистов, отважились прийти на сессию. Галереи были забиты журналистами. Пришел и шведский посол Орьян Бернер, самый находчивый и знающий из моих коллег, имевший бесчисленные связи с российскими общественными деятелями. Если я отправлялся на какое-нибудь общественное мероприятие, а его там не оказывалось, я всегда думал, что он пошел еще куда-то, где будет более интересно.

Спикер Хасбулатов начал с того, что призвал почтить молчанием убитых ночью. После этого он очень колоритно, саркастично и агрессивно переключил свое внимание на хунту. Он сообщил о требованиях, которые он, Руцкой и Силаев (премьер-министр РСФСР с июня 1990 года) предъявили накануне Лукьянову, который находился рядом с хунтой, хотя формально не был ее членом. Горбачев должен быть подвергнут медицинскому освидетельствованию группой, состоящей из врачей, включая представителей Всемирной организации здравоохранения, и других иностранных наблюдателей; он должен быть немедленно возвращен к власти; ограничения, наложенные на печать и телевидение, должны быть отменены; Чрезвычайный комитет должен быть распущен. Депутаты встретили одобрительными криками его слова о том, что хунта должна быть наказана.

* * *

Появился Ельцин – большой, сам похожий на бульдозер, уверенный и, по-видимому, нисколько не чувствовавший напряжения после двух бессонных ночей. Речь его была суровой и удачно построенной. Хунте не удалось завербовать в свои ряды ни одного демократа, что придало бы ей хотя бы чуточку респектабельности. Он создал теневой кабинет на случай своего ареста. Однако теперь его поддерживают части трех дивизий войск оккупантов. Генерал Лебедь привел своих десантников из Тулы, чтобы защитить Белый дом, а не для того, чтобы его атаковать.

Ельцин назначил новых командующих Московским и Ленинградским военными округами, а генерал-майора Кобеца – министром обороны. (Кобец, красивый полный человек в генеральской форме, стоял тут же, в углу сцены.)

Ночью патриарх Алексий II опубликовал сильное заявление в поддержку Белого дома. Множество посланий прибыло из-за границы, в том числе от британского премьер-министра и от госпожи Тэтчер. Ельцин не упомянул о неосторожных действиях Миттерана, в понедельник проводившего закулисные переговоры с хунтой.

Затем он сообщил, что Крючков предложил явиться в Белый дом и полететь с ним в Крым к Горбачеву. «Не езди, Борис!» – в один голос заорали депутаты. Однако они согласились с его предложением послать Силаева и Руцкого вместе с группой врачей, с тем чтобы проверить слухи о болезни Горбачева, с условием, чтобы их сопровождали иностранные журналисты и дипломаты, дабы все было по-честному. (Мне это показалось классической ловушкой КГБ. Неужели, думал я, русским кажется разумным рисковать потерей двух своих высших руководителей? Впрочем, присутствие иностранных наблюдателей, по-видимому, должно помочь.)

Силаев прервал Ельцина сенсационным сообщением: говорят, что хунта находится на пути во Внуково, видимо, намереваясь вылететь в Крым и оставить Москву во власти войск. Ельцин немедленно приказал российскому КГБ арестовать членов хунты.

Явлинский с несколькими своими коллегами был послан на квартиру Пуго проследить за его арестом. Позже Явлинский мне рассказал, что вооруженные милиционеры, которые должны были произвести арест, так и не появились. Тогда он и его коллеги проникли в квартиру. Пуго и его жена лежали мертвыми на постели – они застрелились.

* * *

В одной из комнат Белого дома Кунадзе, один из заместителей министра иностранных дел ельцинской России, давал пресс-конференцию, посвященную ночным актам насилия. Колонна из шести БМП, двигавшаяся по Москве, попала в ловушку демонстрантов у подземного тоннеля на Садовом кольце. Было убито три гражданских лица, два солдата и один американский журналист – либо задавлены насмерть, либо застрелены, либо сгорели, когда последнюю машину подожгли бутылкой с зажигательной смесью.

Эти цифры впоследствии оказались неточными, как и значительная часть другой «информации», циркулировавшей во время путча. Окончательные цифры были таковы: трое гражданских лиц, ни одного журналиста и ни одного солдата. Правда, ходили упорные слухи, что один солдат был убит, но о нем не упоминали потому, что он относился к побежденной стороне.

Кунадзе добавил, что солдатам грозил самосуд. Олег Румянцев, депутат от социал-демократов, договорился об их безоговорочной капитуляции. После этого машины и пленные, среди которых был генерал по фамилии Смирнов, были торжественно доставлены в Белый дом. Более точных данных о «генерале Смирнове» так и не появилось. Я сомневался в том, что он вообще существовал.

Даже после сдачи небольшой колонны, сказал Кунадзе, защитники Белого дома все еще ожидали нападения. Их было около 50 тысяч, размещенных шестью кордонами вокруг здания; кроме того, у защитников имелось десять танков и десять БМП. Эти бронемашины не представляли серьезной военной силы, но их было достаточно для жизненно важной психологической поддержки людей. Ряд других военных частей также заверяли, что стрелять не будут. Однако защитники начали успокаиваться лишь к утру, после того, как удалось связаться с Крючковым. В данный момент, сказал Кунадзе, войска, по-видимому, уходят.

На площади возле Белого дома тысячи простых людей запели во весь голос русский православный гимн.

* * *

В посольстве возникли споры по поводу плана послать вместе с Силаевым в Крым дипломатов. Из российского Министерства иностранных дел позвонили, чтобы сообщить, что самолет

должен вылететь через полчаса. Дуглас Херд настаивал, чтобы я оставался на своем посту в Москве, поэтому я помчался на «роллс-ройсе» во Внуково с Джеффом Марреллом, чтобы посадить его на самолет вместо себя.

На протяжении нескольких километров мы ехали вдоль колонны бронемашин, уходивших на большой скорости из города. Мы насчитали также множество танков, с ревом мчавшихся по грязной дороге. Один свалился с дорожного полотна, и солдаты пытались втащить его обратно. Дым и пыль висели в воздухе, как смог. Еще какое-то количество танков и военных машин расположилось лагерем на полях по обе стороны дороги. Это было драматичное и грозное зрелище большой военной мощи, какого я никогда прежде не видел и, надеюсь, никогда больше не увижу. Оно было также свидетельством способности советского Генерального штаба быстро развернуть крупные бронетанковые силы. И все-таки ничем нельзя было замаскировать того факта, что я вижу перед собой униженную отступающую армию: Афганистан, Восточная Германия, теперь – вот это. Ничто не могло нанести большего ущерба престижу генералов.

У ворот аэропорта я оказался втянутым в нелепый русский спор с молодым человеком в кроссовках и тенниске, который исполнял роль охранника особо важных персон на терминале. Весьма неубедительно он заявил, что ничего не слышал о специальном правительственном рейсе в Крым. Телефона у него нет, и он не может никаким иным способом выяснить, что происходит. Пока я спорил, начали появляться другие Их Превосходительства. Мы бессмысленно толклись на месте, пока не узнали, что самолет вылетел без нас с другого конца аэродрома. Молодой человек весело извинился: «Не каждый день у нас государственные перевороты!». Мы потратили без толку три часа. Особенно досадно было узнать, что французский посол случайно попал в нужное место и – благодаря возмутительному сочетанию везения и верного расчета – сумел посадить своего человека на самолет, вместе с корреспондентом «Гардиан» Джонатаном Стиллом и еще двумя-тремя предприимчивыми западными журналистами. Бакатин впоследствии рассказал мне, что даже он попал на самолет в самую последнюю минуту: когда он въехал на взлетную полосу, моторы уже работали, а двери были закрыты.

На этом комедия не кончилась. Я как раз начал засыпать, когда кто-то позвонил из Лондона узнать, не знаю ли я телефон Кремля: премьер-министр хочет позвонить Горбачеву, когда тот вернется из Крыма, а в штаб-квартире кабинета потеряли номер

прямой линии. Только я снова заснул, как позвонили из голландского посольства, чтобы сообщить, что Горбачев должен вернуться во Внуково через полчаса и что европейские послы едут его встречать. Я, как сумасшедший, ринулся в аэропорт. Но это опять оказалось напрасной погоней. Горбачев разумно решил, что он может обойтись без разговора с «гогочущей стаей» послов. Нас не пустили в здание аэропорта, и мы увидели только кортеж Горбачева, выехавший из других ворот.

* * *

На следующее утро я проснулся на рассвете, чтобы собраться с мыслями и написать в Форин Оффис, что я думаю по поводу происшедшего. После этого мы с Джилл отправились в «роллс-ройсе» с развевающимся британским флагом на сессию Российского парламента в Белый дом. Здание было все еще окружено обломками оборонительных сооружений – развалинами баррикад, следами, оставшимися от лагеря защитников, мусором от продуктов, которые они ели под дождем. Мы подпрыгивали на ухабах, пробирались через всевозможные препятствия и, наконец, остановили машину на площади, где все еще оставались тысячи людей, праздновавших свою победу. Внутри Белого дома уже не было атмосферы опасливого ожидания, усталости и угрюмого мужества. Россия одержала победу, и русский народ и его лидеры намеревались ее отпраздновать.

Внутри здания Ельцин и его соратники, которые на протяжении последних трех дней сознательно рисковали своей жизнью, с законным торжеством говорили о том, чего они достигли, о конце 70-летнего кошмара и, самое главное, о возрождении России. Ельцин перечислил свои новые декреты, выходившие далеко за рамки его полномочий как Российского президента; заявляя свои претензии на власть, он попирал права Союзного правительства.

Другие ораторы выражали свой сарказм по адресу руководителей путча, коллаборационистов, тех, кто не выступил против путча, а теперь пытаются утверждать, будто они тоже храбро сражались с побежденными коммунистами. Они упрекали Горбачева, который сам назначил людей, предавших его. Они нападали на Лукьянова – «идеолога путча». Хасбулатов требовал, чтобы у коммунистической партии отобрали ее собственность. Еще кто-то призвал наказать российских депутатов, возражавших против созыва в среду чрезвычайной сессии. Мне подумалось, что я слышу неприятные ноты назревающей охоты на ведьм, как во

Франции после освобождения от фашистских оккупантов. Силаев предложил возродить Орден Святого Георгия и наградить им за мужество тех, кто последние три дня отстаивал Россию. Депутаты требовали заменить флаг Советской России российским триколором, который развевался над Белым домом во время осады, и изображение которого защитники носили на изготовленных в большом количестве пластиковых значках.

Ощущение пыла стало еще сильнее, когда мы выбрались на балкон, выходивший на площадь. Десятки людей подходили, чтобы присоединиться к тем, кто уже находился там. Я поздравил своих друзей с победой. Мы обнялись с экономистом Шаталиным. К этому времени уже был сочинен миф, будто я тоже в течение всей осады находился в Белом доме. Никому не известный французский депутат проложил себе путь к микрофону, чтобы произнести типично галльскую речь, в которой он сравнивал русский революционный триколор с французским.

Затем на балконе появился Ельцин. Пока он произносил речь по поводу победы, его телохранители ограждали его от снайперов пуленепробиваемыми стеклянными щитами. Россия родилась заново. Россия спасла мир. Он пообещал толпе самый большой фейерверк, какой она когда-либо видела. Толпа кричала в ответ: «Рос-си-я! Рос-си-я! Рос-си-я!». Она высмеивала заговорщиков. Кто-то крикнул: «Расстрелять их!». Требовали отставки Горбачева. Когда Ельцин объявил, что площадь перед парламентом переименовывается в «Площадь русской свободы», толпа снова ответила приветственными криками. Ельцин ухмыльнулся, когда Попов предложил наградить его медалью «Героя Советского Союза» (какая ирония судьбы!). Шеварднадзе предложил похоронить тех, кто был убит во вторник, в Кремлевской стене, где были похоронены знатные деятели советского режима. «Мы кое-кого из тех, кто там находится, можем убрать, чтобы освободить для них место». Атмосфера мстительности и русского национализма продолжала сгущаться. Но, в отличие от Марка Антония на Форуме, Ельцин держал толпу под контролем. Ни тогда, ни позже, одержав победу, он не проявлял мстительности. Охота на ведьм, которой я опасался, не состоялась.

Когда я вернулся в посольство, мне позвонил с Даунинг-стрит Стивен Уолл. Что происходит? Можем ли мы помочь устроить телефонный разговор премьер-министра с Горбачевым? Он сообщил, что Мэйджор накануне говорил с Шеварднадзе, Ельциным и Яковлевым. Я сказал, что было бы очень мило держать нас в курсе. Он извинился, но довольно резко сказал, что мне следовало бы понимать, что последние несколько дней на Даунинг-стрит были очень заняты. «Хо-хо!» – подумал я.

* * *

Я посетил Лаптева в Кремле. Он был, как обычно, очень приветлив. В течение полутора часов он говорил без перерыва обо всем, что произошло за неделю. При этом у него был слегка оправдывающийся тон, и он специально подчеркнул, что его выступление против хунты не появилось потому, что «Комсомольская правда», как и другие либеральные газеты, была запрещена. Как руководитель Верхней палаты Советского парламента он оставался в своем кабинете в Кремле, но поддерживал все эти дни постоянный контакт с Александром Яковлевым и другими союзниками Ельцина. Его дочь все три дня была на баррикадах. Ему не надо было меня убеждать: он был порядочным человеком либеральных взглядов, хотя и не прирожденным героем.

Лаптев подтвердил, что сигналом к путчу послужило предстоящее подписание Союзного договора. Представители хунты – Варенников, Болдин, начальник личного секретариата Горбачева, Плеханов, генерал, ведавший личной охраной Горбачева, в воскресенье полетели в Крым, чтобы предъявить Горбачеву ультиматум. После того как он отверг их предложения, они вернулись в понедельник в Москву, чтобы переговорить с Павловым, болезнь которого, возникшая вскоре после этого, была настоящей. Хунта поняла, что ей грозит неудача, когда толпа вокруг Белого дома продолжала расти и стало ясно, что нельзя положиться на то, что какие-либо военные части согласятся штурмовать здание. Самый главный просчет заговорщиков состоял в том, что они действительно были убеждены, что простой народ хочет «сильной руки». Путч провалился, когда выяснилось, что это не так.

Лукьянов, Ивашко, Язов и Крючков, сказал Лаптев, вылетели в Крым накануне днем, как раз перед Руцким, надеясь убедить Горбачева пойти на сделку. Но он отказался увидеться с ними до того, как прибудут Руцкой и другие. Руководители путча сейчас все арестованы, кроме Янаева, который пользуется парламентской неприкосновенностью, «но помогает следствию», и Пуго, который мертв. Лукьянову не удалось убедительно дистанцироваться, и он отстранен от поста председателя советского парламента. Пока что его функции взял на себя Лаптев.

Теперь, считал Лаптев, неотложные проблемы – это подбор новых людей для замены тех, кто себя обесчестил; отношения между двумя президентами; Союзный договор и экономика. Хунта узурпировала всю власть Горбачева, а потом все выпустила из

рук. Ельцин теперь подбирает все, что можно. Горбачев крайне ослаблен. Особенно ему повредил тот факт, что все заговорщики оказались его же людьми. Однако он останется фигурой более чем символического значения. Другие республики будут видеть в нем противовес России, и он вернет себе часть своих прежних полномочий. С коммунистической же партией покончено. Она не играла в путче открытой роли, но все заговорщики были членами ЦК. Не весь КГБ поддержал путч. Однако он должен быть расчленен и поставлен под гражданский контроль.

Я спросил, почему хунта не отключила все телефоны. Иностранцы, ответил Лаптев, широко улыбаясь, всегда смеялись над количеством телефонов на столах высших руководителей в Советском Союзе (и он жестом указал на собственный стол). Причина в том, что техника настолько примитивна, что для определенных целей приходилось создавать специальные телефонные сети: одна – для связи с Горбачевым, другая – для КГБ, третья – для ЦК и так далее. Отрезать все эти линии сразу было невозможно – еще одна причина провала путча.

* * *

В тот день европейские послы были приглашены в Кремль для встречи с Горбачевым – символическая церемония, рассчитанная, как я полагал, главным образом на то, чтобы компенсировать наше разочарование после того, как он не встретился с нами во Внуково прошлой ночью. Горбачев сиял, загар его, как всегда, казался искусственным. Он совсем не был похож на поникшего, вконец измученного человека, спускавшегося, спотыкаясь, ночью с самолета, каким мы его видели по телевидению. Мы обменялись ничего не значащими фразами. Тут же был Черняев. Я его крепко обнял.

После этого мы с Джеффом Марреллом посетили Александра Яковлева в здании Моссовета на улице Горького. На этот раз Яковлев был весел и раскован и не походил на «диспепсическую лягушку». Как и Лаптев, он критиковал Горбачева за его выбор советников. Он тоже считал, что КГБ должен быть подчинен гражданскому контролю, в противном случае он будет продолжать действовать как самостоятельная сила. Политическая полиция должна быть распущена. Службу внешней разведки следует сохранить. Такую службу имеют все страны, хотя, как бывший посол, он может по опыту сказать, что, как правило, внешняя разведка бесполезна. Я ответил, что, поскольку я посол пока еще действующий, вряд ли он ожидает, что я с ним

соглашусь. Когда мы уходили, он с неодобрением сказал, что толпа уже бьет окна в здании ЦК на Старой площади. Мы с Джеффом недоумевали, почему до сих пор москвичи не снесут памятник «железному Феликсу» на Лубянке. Они это сделали в ту же ночь под приветственные крики громадной толпы.

Вернувшись в посольство, мы пригласили русских сотрудников выпить шампанского. Я поздравил их с победой, мирной народной победой, уникальной в русской истории, третьей великой победой в битве за Москву после битв 1812 и 1941 годов. Даже угрюмые кагэбешные доносчики были, по-видимому, по-настоящему этим довольны.

Мы с Джилл провели вечер у телевизора, следя за пресс-конференцией Горбачева. Это было достойное выступление, очень человечное, но политически – катастрофическое. В начале своей речи он мерным голосом рассказал о том давлении, которому подвергался, находясь в изоляции. Если бы он на этом остановился, он завоевал бы сочувствие аудитории. Но, как всегда, на свою беду он наговорил очень много. Кроме того, он совершил две существенные ошибки. Он отказался дистанцироваться от коммунистической партии, которую все еще надеялся реформировать изнутри, и не стал объяснять, почему он настоял на назначении на высокие посты лиц, которые впоследствии его предали. Горбачев производил впечатление человека, который ничему не научился и ничего не забыл. Уже одним этим просчетом он сильно ускорил темп своего неизбежного падения.

Вечер закончился фейерверком, обещанным Ельциным. Это был самый шумный фейерверк, какой мы когда-либо слышали.

* * *

23 августа, в пятницу я проснулся подавленным, ни к чему не способным, чувствуя себя не таким уж и храбрым. Десятки тысяч людей рисковали жизнью ради своих принципов. Их лидеры проявили волю, мужество и стойкость. Будь я высокопоставленным советским чиновником, а не всего лишь сторонним английским наблюдателем, я, вероятно, действовал так же, как министр иностранных дел Бессмертных, порядочный, но осторожный чиновник, надеющийся, что он поступает правильно, не имея перед собой человека, который указывал бы ему «правильный» путь. Конечно, мои чувства не имели никакого значения на фоне происшедшего. Но все-таки было неприятно.

Я был рад тому, что Джилл спасла честь семьи, и у нее

хватило мужества поддержать наших друзей на баррикадах.

Днем я был в кабинете заместителя российского министра иностранных дел Федорова в тот самый момент, когда по его телевизору начали показывать ход заседаний в Российском парламенте. Горбачев произносил свою первую политическую речь после возвращения из Крыма. Он лучше владел собой, чем во время пресс-конференции накануне, и говорил с достоинством и апломбом. В отношении к нему депутатов ощущалась смесь уважения, сочувствия и враждебности.

Вопросы, которые ему задавали, были грубыми и язвительными. Один депутат предложил ему согласиться с тем, что социализм должен быть осужден, а коммунистическая партия запрещена, как преступная организация. Он ответил, что запрещение партии и политических воззрений несовместимо с демократией и плюрализмом – хороший ответ, но друзей ему он не добавил.

Ельцин был исполнен решимости ясно показать всем, кто теперь хозяин. Он кратко изложил Горбачеву, что говорилось на заседании советского Совета министров в первый день путча, и грубо приказал ему прочитать протокол этого заседания вслух. Почти все министры, которых назначил Горбачев, поддержали путч. Это была грубая, но наглядная демонстрация смены власти.

В прежние времена Горбачев с трудом справлялся с публичной критикой. Теперь он подавил свою гордость и не дал воли своему нраву. У него не было больше выбора. Он вернулся в неузнаваемо изменившийся мир. Власть ушла от него, грубо и демонстративно.

* * *

Суббота 24 августа была днем третьих политических похорон, на которых я присутствовал в Москве. Это были похороны трех молодых людей, убитых во вторую ночь путча, – Дмитрия Комаря, двадцатитрехлетнего русского парня, бывшего парашютиста-десантника, награжденного за участие в боях в Афганистане, Ильи Кричевского, двадцатилетнего еврейского архитектора, служившего в танковом полку, и Владимира Усова, тридцатисемилетнего русского бухгалтера, у которого остались жена и дочь.

К утру этого дня памятник Калинину, первому председателю правительства Советского Союза, был уже убран со своего места на Калининском проспекте. В здании ЦК царила тишина. На дверях была надпись: «Здание опечатано». Каракули,

нацарапанные на памятнике Марксу: «Пролетарии всех стран соединяйтесь – против коммунистов», были заменены новыми. Теперь было написано просто: «Простите меня!». Над Кремлем развевалось два красных флага, но без серпа и молота.

День был теплый и сухой. Джилл, Джулиан, Дэвид и я присоединились к толпе, собравшейся на Манежной площади. Говорят, на улицах был чуть ли не миллион человек. Армяне и азербайджанцы, грузины и литовцы несли свои национальные флаги, чтобы почтить память своих жертв. Группа людей несла невероятно длинный русский триколор – подарок только что созданной Фондовой биржи. Два православных священника несли портрет Николая II – царя и мученика. Другие священники несли иконы, что было похоже на картину Репина «Крестный ход в Курской губернии». Рядом со священниками держалась небольшая группа казаков в форме, вполне готовых устроить погром.

Майкл Гэвин из «Чеширских Домов» нес британский национальный флаг, который ему передал молодой Игорь Геращенко, в свою очередь получивший его от клуба любителей рок-музыки при Би-би-си. Это был единственный иностранный флаг, пока несколько русских не бросились куда-то, чтобы принести и французский триколор. Послы Европейского сообщества тоже шагали благородно, но неуверенно.

Траурные речи произносились с импровизированной трибуны, поставленной на Манеже. Перед трибуной стояли три гроба. Горбачев выступил достойно и, слава Богу, коротко. Елена Боннэр выступила с трогательным и эмоциональным призывом к терпимости; речь ее произвела тем большее впечатление оттого, что в прошлом она так часто выступала со словами страстного осуждения. Боб Страусе, новый американский посол, без приглашения взобрался на трибуну, чтобы процитировать Патрика Хенри: «Дайте мне свободу, или дайте мне умереть!» – блестящий жест, которому позавидовали его профессиональные коллеги из Европы. Один ветеран-афганец продекламировал стихи собственного сочинения. Православный хор пел великолепно: бас годился бы для исполнения роли «Бориса Годунова». Какой-то раввин прочел нараспев на иврите кадиш по еврею Кричевскому. Я надеялся, что теперь русским антисемитам – псевдоказакам и прочим – будет труднее утверждать, что евреи всегда были врагами России.

Все время, пока произносились речи, какой-то пожилой офицер в мятой военной форме стоял один перед гробами, крестился и кланялся.

* * *

Когда траурная процессия двинулась к Ваганьковскому кладбищу, к нам подошел Козырев, российский министр иностранных дел, и с большим чувством сказал, что Ельцину передали о том, как Джилл помогала раздавать продовольствие защитникам Белого дома. Россия никогда не забудет поддержки, оказанной ей Англией и ее премьер-министром в момент кризиса.

Толпа двигалась медленно, бодро и соблюдая полный порядок. В воздухе царила атмосфера серьезности, подъема, но не трагедии. Распорядители – многие из них ветераны-афганцы – были вежливы и действовали умело. Дисциплинированные группы людей самых разных возрастов взялись за руки, чтобы разделить толпу на части, которыми можно было бы управлять. Распорядители заранее предупреждали нас о трамвайных линиях и рытвинах, чтобы мы не споткнулись. Мы чувствовали себя в гораздо большей безопасности, чем во время похорон Сахарова, когда милиция вела себя гораздо неопытнее.

Люди в процессии рассказывали друг другу о том, что они пережили на баррикадах. Те, кто там не был, оправдывающимся тоном объясняли, *что* им, к сожалению, помешало присутствовать. Многие критиковали Горбачева за его ошибки и нерешительность. Однако они признавали также, что именно он положил начало всему процессу. Все считали, что с коммунистической партией покончено. В противоположность сценам, имевшим место возле Белого дома в середине недели, приятно ощущалось отсутствие мстительности и шовинизма. Поразительно многие участники процессии говорили о перспективах, открывающихся теперь перед ними для занятия собственным бизнесом. Какой это будет иронией судьбы, думал я, если последняя революция XX века окажется революцией предпринимателей.

Полный бородатый мужчина, лет тридцати, шагавший рядом со мной, был в прошлом кадровым офицером военно-химических войск. Теперь он был специалистом по истории имперского офицерского корпуса конца века. Он провел на баррикадах три ночи и преподнес мне миниатюрный русский флаг, чтобы я приколол его на пиджак (позже бельгийский посол сказал мне, что я приколол его вверх ногами). Людмила Доронина, маленькая библиотекарша, шагавшая по другую сторону от меня, потом заглянула в посольство на чашку чая и принесла пачку листовок, выпущенных тогда защитниками Белого дома.

Маленькому старичку, который упорно пытался рассказать старый политический анекдот, приказали замолчать и проявить

больше уважения к покойным.

Когда траурная процессия шла вдоль набережной, суда на реке приспустили флаги и просигналили гудками. Процессия остановилась возле Белого дома, чтобы выслушать речь Ельцина. Мы находились слишком далеко, чтобы видеть и слышать его. На само кладбище мы с Джилл не попали: через толпу теперь было не протолкнуться. К тому времени, когда мы закончили шествие, оказалось, что мы провели на улицах города семь часов.

* * *

В посольстве распространились слухи, впоследствии подтвердившиеся, что Горбачев запретил коммунистическую партию и ушел с поста ее генерального секретаря.

Мне позвонили из Лондона из редакции «Дейли мэйл»: у них есть фотография моей жены, стоящей на танке и размахивающей флагом. Они хотят получить интервью. «Опишите мне, как выглядит моя жена», – попросил я. «Блондинка, в теннисных туфлях», – ответили мне. «Тогда это не моя жена», – сказал я.

Те же чопорные телевизионные дикторши, которые в понедельник оглашали декреты хунты, теперь читали указы Ельцина, все с тем же видом истуканов. К ужину пришел Майкл Гэвин с Игорем Геращенко. Прошедшая неделя уже казалась каким-то нереальным сном.

На протяжении последующих месяцев люди спрашивали друг друга при встрече: «Где вы были 19 августа?». В первой половине 1991 года Би-би-си показала блестящий телевизионный сериал «Вторая русская революция». После путча продюсеры с удивительной быстротой подновили его. Новая часть была готова к концу сентября. Мы пригласили на предварительный просмотр фильма некоторых главных героев: Александра Яковлева, Лаптева, Черняева и политического советника Горбачева, Шахназарова с женой. Они вели себя как дети на пикнике, вновь переживая августовские события с прежним энтузиазмом; это был настоящий праздник воспоминаний.

Незадолго до событий этого августа Шахназаровы и чета Пуго отдыхали в одном и том же крымском санатории, который отделяла от дачи Горбачева маленькая бухта. За день до путча отдыхающие видели, как войска охраны окружают дачу. «Что вы собираетесь делать?» – спросили они солдат. В ответ те рассмеялись. Телефон Шахназаровых был отключен с самого начала, и они оказались без связи. Госпожа Шахназарова проводила время, фотографируя суда, блокировавшие бухту, на

тот случай, если такое свидетельство когда-нибудь понадобится. До того как все началось, она видела Пуго, прогуливавшегося по пляжу со своей внучкой. Девочка говорила: «Ты самый лучший дедушка в мире». Черняев полагал, что даже на этом этапе событий Пуго все еще не имел представления о том, что происходит; его самоубийство было поступком честного человека, оказавшегося в сетях событий, над которыми он не был властен.

Яковлев подтвердил слух о том, что авиационная часть под командованием Шапошникова готовилась бомбить Кремль в случае нападения на Белый дом. Учитывая тенденцию современного сверхточного оружия не попадать в цель, а поражать какой-нибудь объект поблизости, я мысленно спрашивал себя, так ли уж разумно было настаивать на том, чтобы оставаться в здании посольства. В следующий раз, когда кто-нибудь захочет бомбить Кремль, нам может просто не повезти.

Лаптев беспокоился, что заговорщики воспользуются судом над ними как публичной возможностью для оправдания своих действий. Адвокаты уже пытаются изобразить их как достойных людей, действовавших в интересах своей страны. Я заметил, что адвокаты для того и существуют. Лаптев возразил, что, судя по моим замечаниям, я совсем не понимаю Россию.

Заговорщиков суду не предавали. К тому времени, когда они год спустя были выпущены из тюрьмы, в глазах тех, кто еще помнил, кто это такие, они были чуть ли не героями. Другие сожалели о том, что правосудие не свершилось.

Последние усилия горбачева

Через неделю после переворота, 29 августа, Вадим Медведев позвонил мне в тот самый момент, когда я собирался пойти к Сенокосовым поужинать. Не могу ли я немедленно приехать в Кремль? Я запротестовал: я занят. У меня нет шофера. Как я попаду в Кремль? «Скажите мне свой регистрационный номер, чтобы я мог предупредить охрану и велеть пропустить вас». Я не мог его вспомнить (номер был «СМД[1002]» – самый простой, какой можно было получить). «Вывесите на машине ваш национальный флаг», – сказал он. Я не мог его найти.

Надо ли говорить, что несмотря на это охрана впустила меня в Боровицкие ворота на пустынные подступы к самому Кремлю. Когда я добрался до кабинета Медведева в служебном здании XIX века, где жил Ленин и работал Сталин, он без дальнейших предисловий сообщил мне, что меня хочет видеть Горбачев. После продолжительного ожидания, во время которого он рассказал мне о том, что с ним было во время путча, мы пошли по слабо освещенным коридорам с высокими потолками к Горбачеву.

Мы уселись втроем в сером строгом кабинете Горбачева. Он был переутомлен, говорил почти бессвязно, его южный акцент был более заметен, чем когда-либо, речь изобиловала пропусками подразумеваемых слов. Я едва понимал его. И он и Медведев, казалось, были близки к панике. Они все еще не освободились от напряжения путча. Горбачев начал с путаного описания политической ситуации. После хаоса предыдущей недели обстановка нормализуется. Заговорщиков обвинили в государственной измене, что влечет за собой смертную казнь. Но – он сказал это с явным одобрением – в его почте огромное количество писем, требующих отмены смертной казни.

В первый и, вероятно, единственный раз я услышал от него похвалу своему сопернику. Некоторые критикуют Ельцина за то, что он действовал неконституционно. Но это несправедливо: как можно соблюдать все правила в обстановке такого кризиса, сказал он.

Затем перешел к сути дела. Страна находится на грани финансового краха. Долговые обязательства Советского Союза составляют 17 миллиардов долларов. Ожидается, что экспорт за последние четыре месяца 1991 года принесет лишь 7,5 миллиарда долларов. Еще 2 миллиарда можно будет получить по оставшимся кредитным линиям. Разрыв равен 7,5 миллиарда долларов. Поэтому Горбачеву необходимы в ближайшие

несколько недель 2 миллиарда новых кредитов от Запада, а после этого – реструктуризация советского долга. Советскому Союзу нужна также срочная помощь продовольствием и фармацевтическими препаратами.

До путча, напомнил он мне, на Западе выдвигались два довода против предоставления кредитов Советскому Союзу: кредиты укрепят тоталитарные структуры страны и таким образом замедлят реформы; деньги попросту исчезнут в какой-нибудь «черной дыре». Но после демократической победы первый аргумент отпадает сам собой, а ответ на второй – дело чисто техническое. Запад потратил, по меньшей мере, 100 миллиардов долларов на финансирование войны в Персидском заливе. Так что он, уж конечно, может себе позволить профинансировать достижение куда более важной цели – создание стабильной советской демократии? Я обещал доложить все это в Лондон, не питая особой надежды на то, что его просьбы будут удовлетворены.

* * *

Джон Мэйджор прибыл в Москву через три дня после этого, в воскресенье 1 сентября. Он был первым иностранным деятелем, сделавшим этот шаг после путча. Накануне вечером Москва находилась во власти фестиваля поп-музыки: группы рок-музыкантов разместились на ступеньках Белого дома; тут же были, как всегда, молодые и пожилые поэты. Транспорт был парализован. Толпа на Красной площади была настроена весело и празднично, но вела себя спокойно. Никто не выставлял никаких патриотических символов, хотя через толпу носились на очень большой скорости юнцы на роликах, за спиной которых развевались русские флаги. Милиции не было совсем. В темноте над Манежной площадью висел воздушный шар. Половину фасада гостиницы «Москва» закрывало огромное изображение Святого Георгия, покровителя Москвы, убивающего дракона.

Русским так же не терпелось увидеть Мэйджора, как и ему – их. Он повидался в Москве почти со всеми влиятельными лицами, не находившимися в тюрьме. Сначала он посетил человека, который все еще был Президентом Советского Союза. Горбачев был в своем кремлевском кабинете, загорелый и как всегда веселый. Норма Мэйджор и Джилл крепко его поцеловали в знак облегчения, что снова видят его. Он объяснил, что путч провалился потому, что заговорщики недооценили президента, российское правительство, простой народ и свою собственную

власть над армией. Эта история была ему уроком: он не придавал должного значения необходимости поддержки либералов. Его порадовало то, как молодежь выступила в поддержку демократии. Теперь виновные должны быть наказаны по закону. Но он сторонник милосердия: не следует наказывать тех, кто просто сбился с пути. Простые люди беспокоились, что Союз может распасться. Он и десять-одиннадцать руководителей республик готовят совместное заявление, в котором будет говориться об экономическом соглашении, совместном контроле над вооруженными силами и о новой роли республик. Повторив многие аргументы из тех, которые недавно излагал мне, он заявил Мэйджору, что Советский Союз срочно нуждается в западной помощи: в поддержании импорта, в уплате долга, в подготовке менеджеров для частного сектора и в поставках продовольствия и медикаментов на зиму. Запад потратил миллиарды на войну в Персидском заливе. Он должен не поскупиться ради этой гораздо более важной цели. Мэйджор передал ему ответ, согласованный с Большой семеркой и с Международным валютным фондом: заплатите свои долги, затяните потуже пояса и тогда мы, возможно, поможем. Это был ортодоксальный ответ, но большого утешения Горбачеву он не принес.

В Белом доме Ельцин был в самоуверенном настроении, готовый ко всему. Он не произносил громких слов, но недвусмысленно дал понять, что хозяин теперь – он. Он все еще настаивал на том, что Союз должен быть сохранен. «На сегодняшний день Горбачев нужен нам для того, чтобы удерживать Союз от распада». Все пятнадцать республик должны сохранять «единое экономическое пространство». В противном случае иностранная экономическая помощь будет потрачена впустую. На это согласны даже балтийские республики, утверждал он (утверждал ошибочно). Большая семерка пообещала экономическую помощь Советскому Союзу при условии, если экономическая реформа станет необратимой.

Поражение путча – это та гарантия, которой они требовали. Теперь они должны дать обещанное. Несколько непоследовательно Ельцин предупредил, что положение внутри страны контролируется еще не полностью. Когда завтра соберется советский парламент, оставшиеся реакционеры могут попытаться убрать Горбачева (переводчик употребил слово «импичмент») и устроить еще один «конституционный переворот». Мэйджор спросил о военных: в чьих руках контроль над ядерными силами? Как будут строиться будущие отношения в области обороны между центром и республиками? Ельцин сказал, что должны

будут существовать союзные оборонительные силы с ядерным вооружением, подконтрольные центру. Советская система противовоздушной обороны будет сохраняться еще долгие годы даже в странах Балтии. Россия не нуждается в собственных вооруженных силах: бессмысленно создавать отдельные вооруженные силы с тем, чтобы республики могли воевать друг с другом. Все, что требуется самой России, это национальная гвардия численностью пять тысяч человек для защиты ее демократических институтов на случай будущих путчей.

Спустя чуть более полгода после этих уверенных предсказаний Ельцин стал единственным «господином» расчлененного трупа Российской империи, вооруженные силы Советского Союза распались, а ядерное оружие было размещено под сомнительным контролем в четырех оставшихся от Союза республиках.

* * *

Провал путча оставил Советский Союз без официально признаваемого правительства: советский премьер-министр был в тюрьме, почти все советские министры были скомпрометированы. Россия же хотя и имела премьер-министра – Ивана Силаева, но у нее не было настоящего министерского аппарата, и она утратила власть над другими республиками. Поэтому Горбачев создал специальную команду, в которую вошли Силаев, Явлинский, глава московской исполнительной власти Лужков и Вольский, в прошлом партийный чиновник, а ныне представитель растущего класса предпринимателей. В их задачу входило руководить экономикой Союза до тех пор, пока не возникнет возможность сформировать новое правительство.

При отсутствии в России другой стороны на уровне премьер-министра, Мэйджор встретился с этим комитетом. Снова темой разговора была экономика. Силаев заявил, что в 1992 году оборонный бюджет будет значительно урезан. Так оно и случилось, хотя ударил топором по бюджету не он, а его преемник Егор Гайдар. Явлинский пустился в страстный монолог. Первая задача – достигнуть экономического соглашения между республиками – независимо от того, решили они оставаться в Союзе или нет. После этого понадобится подлинная и осуществимая программа реформ. Через 4–5 лет три четверти ВВП страны будет производиться в частном секторе (оценка, оказавшаяся не такой уж абсурдно оптимистической, как я подумал тогда). Пока такой программы не существует, Западу нет

смысла оказывать Союзу большую финансовую помощь. Деньги будут или растранжирены, или принесут совсем не те результаты, которые требуются. К возмущению Силаева, это было обращение, прямо противоположное по смыслу тому, которое хотели довести до сведения Запада он и Горбачев.

В конце дня мы дали обед в честь гостей. Он оказался не особенно удачным. Мэйджора не было: он опять отправился на встречу с Горбачевым. Представителей новой политической Москвы пришло множество: Силаев, Назарбаев, Руцкой, Примаков, Явлинский. И они настояли на том, чтобы сесть вместе, разрушив тщательно продуманный Джилл план размещения гостей.

Вечер прошел в разговорах шепотом о политических интригах. Чтобы предотвратить «конституционный переворот», о котором предостерегал Ельцин, Горбачев, Назарбаев и Ельцин подготовили чрезвычайную резолюцию с участием одиннадцати республиканских лидеров. Она содержала обязательство поддерживать Союз Суверенных Государств, предусматривала координированное управление экономикой и централизованными вооруженными силами и подтверждала все международные политические и экономические обязательства Союза. Собственно говоря, это было повторение той политической линии, которую Горбачев стремился проводить с весны. На следующий день Назарбаев огласил резолюцию в начале заседания советского парламента, который должен был тут же уйти на каникулы.

Депутатам не дали возможности напасть на Горбачева, и они послушно проголосовали за резолюцию. Если и существовали какие-либо планы «конституционного переворота», они были успешно подавлены в самом начале.

Визит британского премьер-министра закончился в полночь фарсом. Половина его личного штата замешкалась в посольстве и прибыла в аэропорт уже после того, как премьер-министр со всеми попрощался и сел в самолет, который готов был взлететь. Силаев, новый министр иностранных дел Панкин, и все мы, остальные, выстроились в шеренгу и выжидали, наблюдая за тем, как ревели моторы, а полдюжины секретарей и военных полицейских прошмыгнули мимо нас в самолет, словно испуганные кролики.

Ликвидация КГБ

Как Ельцин, так и Горбачев были согласны с тем, что следует немедленно что-то делать с КГБ. Лаптев и Яковлев предсказывали, что КГБ будет расчленен. Как только Горбачев вернулся из Фороса, эта задача была поручена Бакатину. Бакатин считал, что КГБ и его «чекистская» философия, сводившаяся к тому, что партия имеет право применять неограниченную силу против всякого, не подчинившегося ее требованиям, составляет основу тоталитарного режима. Без КГБ режим не мог существовать. Бакатин признавал, что государству нужна хорошая разведка. Но значительная часть того, что Комитет госбезопасности получал от своих агентов за границей, была просто вздором, а необъективные данные внутренней разведки Крючкова толкнули Горбачева зимой 1990 года «вправо».

Дуглас Херд и я посетили Бакатина во время визита Джона Мэйджора. Он выглядел усталым, глаза красные, лицо осунулось: на его новом посту ему приходилось работать по 17–18 часов в сутки. Но в ходе разговора он взбодрился.

Херд поздравил его с исходом путча. Бакатин возразил, что поздравлять еще рано. Он все еще пытается как следует сориентироваться и подыскивает людей, которым можно доверять. Он резко ограничивает власть КГБ. Все его войска перейдут в подчинение армии и Министерства внутренних дел. Его управление коммуникаций (специалисты по расшифровке) будет передано в ведение специального нового органа. Иностранной разведкой будет заниматься особое ведомство во главе с Примаковым. Старшие офицеры, участвовавшие в путче, будут уволены. Моральный дух остальных очень низок: они считают, что их карьера кончена. При этом он говорит им, что на КГБ все еще будут лежать важные задачи: внешняя разведка, контрразведка, борьба с терроризмом и организованной преступностью. Но новый КГБ нуждается в надлежащем юридическом кодексе, определяющем его деятельность.

Херд предложил прислать ему подробное изложение недавно принятого английского закона о прослушивании телефонных разговоров. Они договорились о том, что их ведомства должны сотрудничать.

Херд настоятельно просил Бакатина сократить число агентов российской разведки в Лондоне. Бакатин рассмеялся. Английская служба безопасности, сказал он, не захочет, чтобы все русские агенты уехали. Она тогда останется без работы.

* * *

В конце 1991 года представители западных разведслужб понаехали в Москву, чтобы встретиться со своими коллегами. В декабре Стелла Ремингтон, которая в то время готовилась стать генеральным директором Британской службы безопасности, также прибыла в Москву, чтобы встретиться с Бакатиным и Примаковым.

Мы пообедали в гостинице КГБ, особняке XIX века в старой деловой части города, бывшей резиденции пресловутого заместителя Берии, Абакумова, которого расстреляли вскоре после его хозяина. Генералы КГБ сидели по одну сторону стола, в том числе и человек, который на протяжении предыдущих двух десятилетий «курировал» британское посольство в Москве. По другую сторону сидели: Стелла Ремингтон, ее заместитель, восторженный русофил, который поразил хозяев цитатами из Пушкина и пламенным тостом, произнесенным на русском языке, и я.

Мы жаловались на то, что КГБ мешает работе штата посольства, а особенно на то, как они бесцеремонно входят в квартиры наших сотрудников и сознательно приводят в полный беспорядок их вещи.

Генерал сказал, что его люди профессионалы. Они подобных вещей не делают. Это, наверное, дело рук русских преступников.

Я сказал, что точно такие же вещи происходили, когда я был в Москве в 60-е годы. Тогда, как и сейчас, «профессионалы» КГБ были плохими оперативными агентами. Они портили имущество наших сотрудников просто из зависти, а также рассчитывая этим подорвать их моральный дух.

Генерал не признавал моих обвинений. Но он дал мне свой номер телефона и сказал, чтобы я ему позвонил, если что-нибудь подобное повторится.

Какое-то время нас стали беспокоить меньше. В этой связи я не мог не вспомнить о рождественском перемирии на западном фронте в 1914 году, когда облепленные грязью солдаты, вылезающие из окопов, спотыкаясь, добирались до «ничейной» полосы, чтобы обняться с врагами. К концу дня перемирие без предупреждения закончилось, и пушки вновь возобновили стрельбу. Интересно, думал я, окажется ли перемирие между разведывательными ведомствами более прочным? Нет, не оказалось. Борьба возобновилась, хотя и не с прежней интенсивностью, как это описывает Примаков в своих мемуарах, рассказывая о том времени, когда он возглавлял новую российскую контрразведку.

* * *

Четыре месяца спустя Советский Союз рухнул и Бакатин был уволен. В своих мемуарах он грустно констатирует: «Я не считаю, что спецслужбы уже перестали быть угрозой для гражданина. Поскольку не существует никаких законов, никакой системы контроля, никаких изменений в идеологии, которые отвечали бы требованиям демократического государства, основанного на законе. Мне не удалось довести дело до конца. Я надеюсь, что это удастся кому-то другому».

Это был точный анализ. Несколькими месяцами позже мы с Джилл бродили по мрачному музею КГБ. Наши два молодых гида все еще пылали негодованием по поводу сноса памятника Дзержинскому. Они все еще верили в «чекистскую» философию. Чистки 1937 года были, по их мнению, «великой трагедией, в результате которой мы потеряли некоторых лучших своих офицеров», а вовсе не преступлением, которое совершили их предшественники против страны в целом. Они и другие молодые офицеры КГБ, с которыми я встречался в последующие годы, все еще считали, что преследования Сахарова, Солженицына и других диссидентов было государственной необходимостью. Они едва скрывали свою ненависть к Бакатину.

В новой России, хаотичной, плюралистической, протодемократической, разведывательные ведомства не имели ясной политической установки, которая была у их царских и коммунистических предшественников. Судя по всему, простые люди их больше не боялись. Все это было громадным достижением. Но агенты тайной полиции оставались на своих местах, в своих конторах, со своими старыми «связными» и своими старыми досье, готовыми к услугам любого сильного лидера, который захотел бы ими воспользоваться.

Финал Горбачева

Итак, Советский Союз в конце концов распался. Его последние дни пролетели, словно в каком-то вихре. 16 декабря 1991 года Гавриил Попов ушел с поста мэра Москвы и был сменен гораздо более умелым Юрием Лужковым. В тот же день телевидение показало начало переговоров между Ельциным и Бейкером. Они длились четыре часа и проходили в Екатерининском зале Кремля, где Горбачев встречался со многими своими иностранными друзьями. Из вежливости Бейкер нанес визит также Горбачеву; однако разговора не получилось, ибо говорить, по существу, было не о чем. Вряд ли что-либо могло быть более символичным, так как было ясно, на чьей стороне теперь власть.

К этому времени Горбачев уже смирился с реальностью. 23 декабря на шестичасовом совещании они с Ельциным договорились о практических деталях его ухода – о пенсии, машине, даче, личной охране. Но Горбачев, видимо, не понимал, как впоследствии сказал мне Козырев, что если он уйдет «элегантно» и в течение нескольких месяцев не будет поднимать шума, он вернет себе заслуженное уважение русского народа. Вместо этого его реакция была «нездоровой», он спорил по поводу каждой ничтожной детали. К тому времени я уже набросал текст телеграммы, которую собирался послать после ухода Горбачева, – текст, который я мысленно составлял уже более года.

Финал наступил 25 декабря, в день Рождества. В 7 часов вечера Горбачев выступил по телевидению с речью о своей отставке. Она была достойной, такой как положено – не более того. Он сообщил зрителям о том, что знал с первых дней пребывания на своем посту, что старую систему необходимо менять сверху донизу. Несмотря на трудности, он ввел демократические свободы и произвел экономическую реформу. Он гордится своими достижениями. Страна переживает ныне кризис потому, что бюрократия сопротивлялась переменам. Он сделал все, что мог, для сохранения Союза. Он не согласен с его роспуском. Создание Содружества Независимых Государств, решение о котором следовало бы предоставить народу, не изменило его взглядов. Однако он будет делать все, что в его силах, чтобы содействовать успеху новой организации. Он желает народу всяческих благ. О Ельцине он вообще не упомянул.

Сразу же после того, как он закончил говорить, мы посмотрели в окно. В этот момент над Кремлем спускали красный флаг.

* * *

В апреле 1992 года, перед самым нашим отъездом, Горбачев с женой пришли к нам на частный обед. Они хотели быть одни, и мы никого больше не пригласили. Он был в отличной форме, очень говорлив. Она была менее чопорной, чем обычно – раскованной, разговорчивой и не пытавшейся ни на кого произвести впечатления. Они обращались друг к другу довольно официально: «Михаил Сергеевич» и «Раиса Максимовна», как если бы уже были историческими фигурами, каковыми они, впрочем, были и в самом деле. Раиса спросила, пригласили ли мы переводчика. Я сказал, что наш русский язык позволяет объясняться без переводчика. Тут вышла наша дочь Кэйт, и я перевел что-то неправильно. «Михаил Сергеевич, я вам говорила, что нужно захватить переводчика», – заволновалась Раиса. После этого мы уселись вчетвером, уютно разместившись на диване и двух креслах в Синей комнате.

Горбачев уже воображал свое возвращение на международную арену и был явно возбужден. Они только что вернулись с Раисой из поездки в Токио и через пару дней уезжали в Америку, где он должен был выступить в Фултоне. Накануне он впервые прочел полный текст речи, которую Черчилль произнес там более сорока лет назад, речь о «Железном занавесе», которая, по утверждению русских, положила начало «холодной войне». По словам же Горбачева, доводы Черчилля были гораздо более тонкими и менее враждебными по отношению к России.

Горбачев заявил, что его двумя крупнейшими достижениями было прекращение «холодной войны» и то, что он дал простым людям в России возможность самим определять свою судьбу. Он защищался от всеобщих обвинений в нерешительности, которая будто бы лежала в основе его неудач. Бессознательно повторив слова Хиллара Беллока («Поступи решительно в час нужды, // Прослывешь героем. Победы лишь не жди…»), он сказал, что ошибочная решительность во время столь глубоких перемен привела бы к кровопролитию. > И грустно напомнил, что первым главным министром царя Александра I был либеральный реформатор Сперанский, а последним – военный деспот Аракчеев. Русская реформа – вещь нелегкая и ненадежная. Я попытался его утешить. Мы на Западе знаем, что это он освободил всех нас от страха атомного уничтожения, и знаем о фундаментальных переменах, которые он произвел в самом характере русской истории. Ведь даже Моисею не удалось привести свой народ в страну обетованную. На что Раиса язвительно заметила, что после сорока лет скитаний по пустыне израильтяне выступили против

Моисея и заявили, что лучше бы им было вообще не уходить из Египта.

Горбачев теперь ежедневно по два-три часа диктовал свои мемуары. Он рассказывал нам о войне и вспоминал, как русская армия в полном беспорядке отступала от Ростова, оставив его родную деревню в руках немецких оккупантов. Его отца послали безоружным в первую рукопашную схватку. У него и его товарищей была одна винтовка на двоих. Раиса вспоминала о том, как ее отцу обрили голову, напялили на него военную форму и тоже послали на фронт. Его отозвали обратно почти сразу же. Он был профессиональным железнодорожником, поэтому его послали прокладывать железную дорогу через тайгу и с помощью немецких военнопленных перевозить заводы, эвакуированные из Западной России и Украины. Жизнь была очень трудной. Люди питались в основном ягодами и грибами. Она видела, как они пухли и умирали от голода. Первыми не выдерживали немецкие военнопленные. Когда в 60-х годах она писала свою кандидатскую диссертацию по социологии, она объезжала деревни Ставропольского края на мотоцикле, и оказалось, что в каждом четвертом доме остались только женщины, мужчины погибли во время войны.

Раиса рассказала нам, как было в Форосе во время путча. Горбачев понял, что что-то не так, как только узнал, что какая-то непрошеная делегация требует встречи с ним. Когда он обнаружил, что их телефоны отключены, он сказал Раисе, что надо ждать самого худшего. Он продержал своих визитеров в ожидании минут пятьдесят, а она тем временем провела семейный совет с дочерью и зятем. Она боялась, что, если что-то случится с Горбачевым, остальные члены семьи тоже могут быть уничтожены. Тем не менее, все они были согласны с тем, что у него нет иного выбора, как отвергнуть любые требования «гостей». Затем он вместе с ними направился в свой кабинет, а она и другие члены семьи сели перед дверью ждать исхода. Первым появился Варенников; он прошагал мимо, даже не взглянув на нее. Другие подошли и протянули руки для рукопожатия, но она отказалась с ними здороваться. Все это время она пребывала в ужасе, что, впрочем, неудивительно.

Я в свою очередь рассказал о фильме Би-би-си, посвященном путчу; в одном из его сюжетов было показано, как КГБ подслушивает разговоры Горбачева, Ельцина и Назарбаева. Раиса с горечью сказала: «Они семьдесят лет нас подслушивали и подслушивают до сих пор».

Оба резко отзывались о Ельцине, о его намеренном унижении Горбачева в Российском парламенте 25 августа, о том, как их

выставили из официальной квартиры, как только Горбачев отказался от поста президента; и о том, как наиболее преданных ему членов личной охраны понизили в должности или вообще перевели на другую работу (Король Лир?). Горбачев сказал, что он твердо решил по государственным соображениям избегать публичных обвинений. Однако было очевидно, это стоило ему больших усилий.

* * *

Люда и Марина, подавая обед, прислушивались к разговору самым внимательным образом. Раиса не могла поверить в то, что они русские. Горбачев рассмеялся: вопрос о домашнем штате слуг в посольствах – штука сложная. Он снова рассмеялся, когда я напомнил ему, что в мае 1989 года, когда наши страны изгоняли «шпионов», у нас с ним были неприятности как раз на этой почве. Потом Люда и Марина рассказали нам, как они были рады возможности встретиться с Горбачевым. Ведь как-никак именно он дал им свободу говорить и путешествовать.

Тем не менее, соотечественники Горбачева сильно не любили, а во многих случаях и презирали еще в то время, когда он находился у власти, и позже. Реакционеры считали его предателем и обвиняли в том, что он разрушил сталинскую империю в Восточной Европе, вызвал крушение коммунистической партии и развал Советского Союза. Радикальные либералы – в том, что он так и остался не перестроившимся коммунистом. Те же, что занимали среднюю позицию, говорили, что у него никогда не было жизнеспособной стратегии и в конце не хватило мужества ни для того, чтобы осуществить решительную реформу экономики, ни для того, чтобы противостоять сторонникам жесткого курса в партии, армии и КГБ. Простые люди ругали его за крах экономической системы и бедность, хотя было очевидно, что все это началось и существовало до его прихода к власти.

Горбачев, безусловно, помог России начать глубокий исторический переход. Он порвал с дискредитированной советской системой и сделал первые шаги к превращению ее в нечто более демократичное и более действенное. Он проявил ряд важнейших инициатив, положивших конец «холодной войне». Другое советское руководство на его месте могло попытаться противостоять натиску истории, и это сделало бы задачу гораздо более трудной, более кровопролитной и опасной для всех нас. Так что у соотечественников Горбачева большой долг перед ним,

хотя они и не желают этого признавать. Утрата империи была болезненным процессом, но не столь болезненным по своим последствиям, как ее возможное участие в ядерной войне.

Конечно, Горбачев совершал ошибки. Он прекрасно знал, что произошло с Хрущевым, гораздо менее радикальным реформатором. Он опасался, и как выяснилось, справедливо, что он тоже может проснуться однажды и узнать, что заболел, потерял свою должность, и превратиться в ничто. Поэтому он нырял, увиливал, утаивал часть правды, уговаривал, стращал и увещевал. Он шел на предельно допустимый компромисс с людьми, которые располагали оружием и прослушивали телефоны. Но весной 1991 года свернул с кровавой дороги, на которую его толкали реакционеры. Когда они попытались утвердить свою власть в августе, они потерпели неудачу. Это Горбачев дал возможность простым людям, а также лидерам – в городах, в армии и в самом КГБ – самостоятельно размышлять о политике. Та машина, на которую полагались заговорщики, перестала им подчиняться. С этого момента историческая роль Горбачева была выполнена, и повести Россию дальше, к новому этапу предстояло его преемнику.

Если бы Горбачев тогда устранился от общественной жизни, как это сделал де Голль в 1956 году, он мог бы сохранить уважение народа как заслуженный государственный деятель. Увы, он не умел и не мог молчать.

Всякий раз, когда он выступал публично, он невольно напоминал своим слушателям, почему он так им надоел. Последним его унижением была отважная, но провальная президентская кампания 1996 года, когда он получил менее одного процента голосов. Смерть Раисы Максимовны в 1999 году была для него личной катастрофой. Но, по иронии судьбы, она явилась поворотным пунктом в отношении к нему общественности, ибо простые русские сочувствовали его горю.

Его семидесятилетие в начале марта 2001 года было широко и тепло отмечено в центральной печати и на телевидении. Его прежний соперник, Ельцин, отметил свое семидесятилетие месяцем раньше, больной, снова в больнице, одинокий, – почти никем не признаваемая личность из прошлого.

Горбачев же остался прежним – обаятельным, говорливым, чуждым всякой напыщенности. Он произносил речи и танцевал далеко за полночь на своем дне рождения в московской гостинице, окруженный соратниками времен перестройки, друзьями, дочерью и двумя внучками.

Последний Генеральный секретарь ЦК КПСС был не только крупной исторической фигурой, он по-настоящему симпатичный

человек.

Вместо послесловия
Речь М.С. Горбачева в Турции (Американский университет в Стамбуле, 1999 год)

Целью всей моей жизни было уничтожение коммунизма, невыносимой диктатуры над людьми.

Меня полностью поддержала моя жена, которая поняла необходимость этого даже раньше, чем я. Именно для достижения этой цели, я использовал свое положение в партии и стране.

Именно поэтому моя жена все время подталкивала меня к тому, чтобы я последовательно занимал все более и более высокое положение в стране.

Когда же я лично познакомился с Западом, я понял, что я не могу отступить от поставленной цели. А для ее достижения я должен был заменить все руководство КПСС и СССР, а также руководство во всех социалистических странах.

Моим идеалом в то время был путь социал-демократических стран. Плановая экономика не позволяла реализовать потенциал, которым обладали народы социалистического лагеря. Только переход на рыночную экономику мог дать возможность нашим странам динамично развиваться.

Мне удалось найти сподвижников в реализации этих целей. Среди них особое место занимают А.Н. Яковлев и Э.Г. Шеварднадзе, заслуги которых, в нашем общем деле просто неоценимы.

Мир без коммунизма будет выглядеть лучше. После 2000 года наступит эпоха мира и всеобщего процветания. Но в мире еще сохраняется сила, которая будет тормозить наше движение к миру и созиданию. Я имею в виду Китай.

Я посетил Китай во время больших студенческих демонстраций, когда казалось, что коммунизм в Китае падет. Я собирался выступить перед демонстрантами на той огромной площади, выразить им свою симпатию и поддержку и убедить их в том, что они должны продолжать свою борьбу, чтобы и в их стране началась перестройка.

Китайское руководство не поддержало студенческое движение, жестоко подавило демонстрацию и… совершило величайшую ошибку. Если бы настал конец коммунизму в Китае, миру было бы легче двигаться по пути согласия и справедливости.

Я намеревался сохранить СССР в существовавших тогда границах, но под новым названием, отражающим суть произошедших демократических преобразований. Это мне не удалось, Ельцин страшно рвался к власти, не имея ни малейшего представления о том, что представляет из себя демократическое государство. Именно он развалил СССР, что привело к политическому хаосу и всем последовавшим за этим трудностям, которые переживают сегодня народы всех бывших республик Советского Союза.

Россия не может быть великой державой без Украины, Казахстана, кавказских республик. Но они уже пошли по собственному пути, и их механическое объединение не имеет смысла, поскольку оно привело бы к конституционному хаосу. Независимые государства могут объединиться только на базе общей политической идеи, рыночной экономики, демократии, равных прав всех народов.

Когда Ельцин разрушил СССР, я покинул Кремль, и некоторые журналисты высказывали предположение, что я буду при этом плакать. Но я не плакал, ибо я покончил с коммунизмом в Европе.

Но с ним нужно также покончить и в Азии, ибо он является основным препятствием на пути достижения человечеством идеалов всеобщего мира и согласия.

Распад СССР не приносит какой-либо выгоды США. Они теперь не имеют соответствующего партнера в мире, каким мог бы быть только демократический СССР (а чтобы сохранилась прежняя аббревиатура «СССР», под ней можно было бы понимать Союз Свободных Суверенных Республик – СССР). Но этого мне не удалось сделать. При отсутствии равноправного партнера у США, естественно, возникает искушение присвоить себе роль единственного мирового лидера, который может не считаться с интересами других (и особенно малых государств). Это ошибка, чреватая многими опасностями как для самих США, так и для всего мира.

Путь народов к действительной свободе труден и долог, но он обязательно будет успешным. Только для этого весь мир должен освободиться от коммунизма.

Приложение

Послание имама Хомейни М. С. Горбачеву

«Во имя Аллаха Милостивого и Милосердного!

Ваше превосходительство, господин Горбачев, Председатель Президиума Верховного Совета СССР, примите пожелания благополучия и счастья Вам и Вашему народу. С Вашим приходом к власти ощущается новый подход к анализу мировых политических событий и, в особенности, к вопросам, касающимся Советского Союза. Ваша смелость и дерзание в подходе к реальным мировым событиям могут стать источником преобразований, которые изменят общую ситуацию в мире. Поэтому я счел необходимым привлечь Ваше внимание к некоторым проблемам.

Возможно, что круг ваших размышлений и новых решений не выйдет за пределы попыток преодоления внутрипартийных трудностей, а также вопросов, касающихся исключительно Вашего народа. Однако даже в этом случае Ваша смелость в пересмотре учения, которое долгие годы держало за железной стеной революционных сынов мира, достойна всяческой похвалы и одобрения. Однако если Вы решите дальше пойти по этому пути, то первым делом, которое несомненно послужит успеху Вашего начинания, будет пересмотр политики Ваших предшественников, заключавшийся в отречении общества от Бога и от религии, что, безусловно, нанесло сильнейший удар народу советского государства. Знайте, что нет более объективного подхода к мировым событиям.

Конечно, неправильные методы и ошибочные действия прежних коммунистических руководителей в сфере экономики привели к тому, что Вам явился цветущий сад Запада и заворожил Вас, но знайте, что истина не там. Если Вы пожелаете на этом этапе распутать только клубок экономических проблем социализма и коммунизма, обратившись с этой целью к очагам капитализма на Западе, то не только не излечите свое общество от недугов, но придете к тому, что другие будут вынуждены исправлять Ваши ошибки, ибо если ныне марксизм зашел в тупик в своих экономических проблемах, то и западный мир погряз в тех же проблемах, только в другой форме и других сферах.

Господин Горбачев!

Вам следует обратиться к истине. Основная проблема Вашей страны лежит не в вопросах собственности, экономики и свободы. Ваши трудности заключаются в отсутствии истинной веры в Бога, и это ведет и будет вести Запад в трясину пошлости, в тупик. Ваша основная трудность заключается в тщетной длительной

борьбе против Бога, основного источника бытия и всего сущего.

Господин Горбачев!

Всем ясно, что отныне коммунизм следует искать в музеях политической истории, ибо марксизм не отвечает ни одной из истинных человеческих потребностей, потому что это материалистическое учение, а материализмом нельзя спасти человека от кризиса веры и духовности, который является главной болезнью человеческого общества на Западе и на Востоке.

Господин Горбачев!

Возможно, Вы еще не отвернулись от марксизма, доказывая его правоту и впредь будете говорить о своей вере в него. Однако Вы и сами понимаете, что это недоказуемо. Первым нанес удар по коммунизму вождь Китая, второй, и видимо, последний удар нанесли Вы. Ныне уже не существует в мире того, что называется коммунизмом. Однако я настоятельно призываю Вас к тому, чтобы разрушая здание марксистских иллюзий, Вы не оказались в плену Запада и Большого Дьявола. Надеюсь, что Вы удостоитесь великой чести того, кто сметет со страниц мировой истории и истории Вашей страны последние следы загнившего коммунистического мира, существовавшего 70 лет. Отныне союзные Вам государства, сердца руководителей которых верны своей родине и народу, уже никогда не пойдут на то, чтобы растрачивать более свои природные ресурсы на доказательство успехов коммунизма, хруст костей которого уже услышан потомками.

Господин Горбачев!

Когда с минаретов мечетей в некоторых Ваших республиках семьдесят лет спустя раздалось «Аллах Акбар!» и свидетельство о пророческой миссии Последнего посланника Аллаха (да благословит Аллах его и род его!), все исповедующие подлинный ислам Мухаммеда заплакали от восторга. Поэтому я счел необходимым вновь призвать Вас обратиться к размышлению относительно материалистического и божественного мировоззрения.

Материалисты избрали критерием познания ощущение. Они выносят ощущение за рамки науки, а бытие считают тождественным материи и отрицают нематериальное. Следовательно, они считают фикцией существование Всевышнего, божественное откровение, пророчество и день Страшного Суда. Тогда как критерием познания в божественном мировоззрении является ощущение и разум. Разумное подвластно познанию, даже если оно не дано в ощущении, поэтому бытие распространяется на объективно существующее и невидимое,

которое может существовать вне материи. Так же, как материальная сущность воплощается в отдельном объекте, эмпирическое познание опирается на разум. Священный Коран критикует основу материального мышления и тех, кто считает, что если Бог невидим, то он не существует на самом деле. Такие люди говорят: «Мы тебе не поверим, пока лик господен не увидим». Коран отвечает: «Не постигают Его взоры, а Он постигает взоры, – Он проницателен и сведущ». Оставим Священный и Благословенный Коран и его объяснения по поводу откровения, пророчества и Страшного Суда, поскольку для Вас это лишь начало пути. Я вовсе не хотел вводить Вас в лабиринты философских проблем, особенно проблем исламской философии, и поэтому ограничусь лишь несколькими простыми примерами, исходящими из самой сущности человеческой и которые могут быть полезны и для политиков.

Очевидно, что материя и материальный предмет – какими бы они ни были – не осознают сами себя. Каждая сторона каменной скульптуры или материального образа человека не ведает о другой стороне. Однако очевидно и то, что человек или животное осведомлены о своем окружении. Они знают, где находятся и что происходит в окружающем их мире. Следовательно, в человеке и животном заключено нечто более высокое, чем материя, и отличное от нее. Это нечто не исчезает с гибелью материи и продолжает свое существование: плоть, прекратив свое существование, одухотворяется и живет.

Человек по своей природе пытается во всем достичь абсолютного совершенства. Вы хорошо знаете, что человек стремится к абсолютной власти и его не удовлетворяет несовершенная сила. И если он станет властелином мира, то узнает о существовании другого мира и будет стремиться к тому, чтобы завладеть и этим миром. Какой бы ученой степени он не достиг, все равно, узнав о существовании других наук, он захочет изучить эти науки. Следовательно, должны существовать абсолютная власть и абсолютное знание, которые притягивают человека. Это и есть Всемогущий Бог, к которому мы обращаемся, сами того не ведая.

Человек стремится к абсолютной истине, чтобы раствориться в ней, в Господе. И вообще, стремление к вечной жизни заложено в каждом человеке, и оно свидетельствует о существовании бессмертного мира.

Если Ваше Превосходительство пожелает исследовать эти проблемы, Вы можете дать указание специалистам обратиться не только к западным источникам, но и к трудам Фараби и Абу Али ибн Сины (да успокоит Бог их души!) в качестве последователей

Аристотеля, чтобы уяснить, что закон причинно-следственной связи, составляющий основу познания постижим разумом, а не ощущением, а также пониманием общего смысла и общих закономерностей, на которые опирается любое рассуждение. Они могут обратиться также к книгам Сохреварди (да благословит его Бог!), последователя мудрого учения Платона, чтобы прояснить, что «материя и любой другой материальный объект нуждаются в истинном Свете, не досягаемом для ощущения, а эмпирическое знание человека о самом себе не нуждается в материальных проявлениях. Вы можете попросить их обратиться к возвышенному учению Муллы Садра, дабы понять, что «истинное знание есть сущность, не зависимая от материи, и любое размышление нематериально и не подчиняется правилам материи».

Не буду больше утомлять Вас выдержками из философских трактатов и не стану говорить, в частности, о Мухеддине бен Араби, ибо если Вы пожелаете изучить труды этого великого человека, направьте к нам в Кум несколько компетентных и сведущих в этой области лиц, чтобы они смогли за несколько лет познать всю тонкость и глубину этих наук, ибо истинное познание без такой поездки не представляется возможным.

Уважаемый господин Горбачев!

Изложив эти проблемы в качестве введения, прошу Вас обратить особое внимание и со всей серьезностью подойти к исследованию ислама, и не только потому, что ислам и мусульмане нуждаются в Вас, а ради высоких ценностей, которыми обладает исламский мир и которые могут принести успокоение и спасение всем народам и распутать клубок основных проблем, волнующих человечество. Серьезный подход к исламу, возможно, навсегда избавит Вас от таких проблем, как Афганистан и т. п. Мы не отделяем себя от мусульман всего мира и всегда заботимся об их судьбе.

Предоставив определенную свободу в совершении религиозных обрядов в некоторых республиках Советского Союза, Вы продемонстрировали, что уже не считаете, что религия – опиум для народа. Разве религия, превратившая Иран в неприступную скалу перед лицом сверхдержав, – опиум для народа? Разве можно назвать опиумом для народа религию, устремленную к установлению справедливости в мире и желающую освободить человека от оков материальных и душевных забот. Да, безусловно, та религия, которая станет средством предоставления материальных и духовных богатств исламским и неисламским странам сверхдержавами и будет кричать об отделении религии от политики, и есть опиум для

народа. Но это уже не настоящая вера, а то, что наш народ называет «проамериканской религией».

В заключение, хочу твердо заявить, что Исламская Республика Иран как самый могущественный оплот исламского мира может с легкостью заполнить вакуум, образовавшийся в идеологической системе Вашего общества. Как бы то ни было, наша страна по-прежнему придерживается принципов добрососедства и развития двусторонних отношений и уважает эти принципы.

Желаю благословения тем, кто следует праведным путем.

Рухолла Аль-Мусови Аль-Хомейни

11.10.1367 г. (1989 от Р.Х. – Прим. ред.)».

Саддам Хусейн о Горбачеве

«Записи бесед Хусейна за закрытыми дверями сохранились в крупном иракском архиве, захваченном США в 2003 году. Пока рассекречена лишь малая часть архива.

В частности, 24 февраля 1991 года, когда войска коалиции под руководством США начали сухопутную наступательную операцию на первой войне с Ираком, Саддам Хусейн обрушился с руганью на Михаила Горбачева. Ранее Хусейн командировал своего министра иностранных дел в Москву, пытаясь в последний момент предотвратить наземные боевые действия. Под влиянием Горбачева Хусейн вызвался вывести иракские войска из Кувейта за 21 день. Но США продолжали готовиться к наземной кампании.

За день до 24 февраля Хусейн написал Горбачеву письмо, в котором говорилось: «Ситуация ухудшается. Наш народ и армия озадачены. Мы спрашиваем себя, что имеет большее значение: предложение СССР или угрозы американцев?».

В разговорах с доверенными помощниками Хусейн выражался менее дипломатично. Он называл Горбачева «мошенником», утверждая, что тот либо недостаточно влиятелен, либо просто не пожелал остановить президента Буша.

«Он обманул нас! Я знал, что он нас предаст!» – сказал президент Ирака».

The New York Times, 20.01.2011 г.

Письмо Муаммара Каддафи в поддержку ГКЧП

(20 августа 1991 г.)

«Президенту Геннадию Янаеву, председателю государственного комитета по чрезвычайному положению в СССР.

Мы рады поздравить Вас с Вашим смелым историческим деянием.

Оно, мы надеемся, выведет СССР из смертельного кризиса, в который он ввергнут в результате широкомасштабного империалистического заговора, направленного не только против Советского Союза, но и против всех народов мира.

Мы поддерживаем Ваш поступок со всей решительностью, ибо объединенный Советский Союз, как вторая мировая сила, жизненно необходим для дела мира во всем мире, который повсюду подвергается угрозе по причине того, что сейчас действует одна, варварская сила.

Силы, враждебные свободе, миру и прогрессу, возможно сдержать только силой, ибо они не знают моральных и нравственных ценностей. СССР исторически является фактором сдерживания в отношении колониализма и империализма.

Совершенное Вами великое деяние поддерживают все народы «третьего мира», подвергающиеся вопреки своей воле насилию и разобщенности в результате злостных намерений империализма. Это деяние очень важно для возрождения мирового престижа СССР, достоинства советского гражданина, которое империалисты хотели попрать своими грязными ступнями, а также для восстановления единства, столь необходимого для народов и территорий СССР.

Мы подтверждаем приверженность Социалистической Народной Ливийской Арабской Джамахирии крепкой исторической дружбе с СССР, которой мы ни при каких условиях не поступались.

Ливия выступает за обеспечение дела мира, социализма и свободы всех народов и своих принципов – в отличие от колеблющихся, слабых и алчных.

Мы подтверждаем, что поддерживаем Вас и стоим вместе с Вами.

Да здравствует революционная борьба во имя свободы, социализма и мира».